3½

С арестантским уважением
и братским теплом

18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В декабре 2014 года братья Олег и Алексей Навальные были осуждены по «делу "Ив Роше"». Алексей получил 3½ года условно, Олег — 3½ года колонии. Европейский суд по правам человека признал приговор произвольным и необоснованным, но Олег отсидел весь срок, 1278 дней. В этой книге, большая часть которой была написана в колонии, он изложил все, что произошло с ним за это время. И снабдил рассказ подробнейшими схемами и иллюстрациями. Из нее можно узнать, чем «красная» зона отличается от «черной», зачем в тюрьме нужны простыни и полотенца, что такое СУС, БУР и АУЕ, куда прятать сим-карту при обыске и почему Чубакка стал осужденным. Но главное — это книга о том, как не теряться даже в самых диких, страшных и нелепых обстоятельствах.

- Олег Навальный
  -
  - Вступление
  - Почта
  - Возбуждение дела
  - Следствие
  - Ничегонеделанье
  - Суд
  - Арест
  - Карантин
  - Баня
  - Первый день в СИЗО
  - Наладка
  - Коммуникация
  - Рынок
  - Допрос обвиняемого Чубакки
  - Руслан
  - Грамота
  - Новые соседи
  - Апелляция
  - Этапирование осужденного Чубакки
  - Этап
  - Орел
  - Тряпка
  - Колония
  - Терминология
  - Карантин-2

- ○ Осужденный Чубакка танцует тверк
- ○ Отряд
- ○ Зона
- ○ Столовая
- ○ Спортсмены
- ○ Полоса
- ○ Взыскание
- ○ Библиотека
- ○ Фольклор
- ○ Оптимизация
- ○ Ущерб
- ○ Бродяги
- ○ Распорядок
- ○ Зуб
- ○ Комиссия
- ○ Противостояние усача
- ○ Осужденный Чубакка открывает глаза
- ○ ШИЗО
- ○ Первая пятнашка
- ○ Система
- ○ Митинг
- ○ Шмон
- ○ СУС
- ○ Вещи
- ○ Адвокаты
- ○ Свидания
- ○ Одиночка
- ○ Саморазвитие
- ○ Решение моего вопроса
- ○ Порядок
- ○ Бухло
- ○ Соседи
- ○ Дневник
- ○ БУР
- ○ Выход
- ○ Осужденный Чубакка идет в рай путями ада

Олег Навальный
3 ½. С арестантским уважением и братским теплом

Вступление

Вот так я примерно выгляжу:

Надо сразу представлять себе персонажа книги, а то часто так бывает: прочитаешь, а потом увидишь ее героя на фотографии —

или актера в кино — и думаешь: «Фу какой». Главным образом не потому что действительно «фу», а потому что образ мысленный и образ явленный до отвращения не соответствуют друг другу.

Чтобы картина была более полной: по разным оценкам, мой рост составляет от 1,88 до 1,9 м, а вес — от 85 до 90 кг. Не могу сказать, какой я из «вертов» — «экстра» или «интро», потому что постоянно забываю значения этих слов. В карточке новорожденного у меня было записано: «Врожденная асимметрия лица». Это, собственно, норма, просто врачиха оказалась формалисткой. Но мама рассказывала, что поначалу во мне искали признаки асимметричности Сильвестра Сталлоне.

Книга эта про то, как я слегка посидел в тюрьме, и о достаточно скучных событиях, которые этому сопутствовали. Большая часть ее была написана, когда я сидел в колонии, меньшая — после того, как я вышел на свободу. Прочитав ее, вы вряд ли сможете в полной мере понять, что такое русская тюрьма. Эта книга про тюрьму в тюрьме, а иногда и про тюрьму внутри тюрьмы внутри тюрьмы, но все эти тюрьмы — мои, персональные. То есть похожий опыт вы могли бы получить, только если бы были мною между 2015 и 2018 годами.

Вообще говоря, причину, по которой я попал в душные объятия уголовно-исполнительной системы, можно описать в четырех словах: «Я брат моего брата» (aka Бро). Но даже для российской системы правосудия, относящейся к закону с легким пренебрежением, такого основания было бы недостаточно, чтобы сделать из меня узника. Поэтому составом преступления было признано нечто другое, о чем речь пойдет ниже.

Широким кругам я и мои злоключения неизвестны. Круги узкие знают обо мне как о брате чувака, который тычет острой палкой Путина и его жуликоватое окружение. А про уголовное дело мое известно только то, что оно имени «Ив Роше». Так что, наверное, будет правильным начать с легкой предыстории.

Почта

Когда-то я работал в «Почте России», гостеприимные отделения которой вы наверняка не раз посещали. Ну, знаете, это там, где обед наступает в самый непредсказуемый, максимально неудобный для вас момент. Где письма принимаются десятками минут, а посылки выдаются часами. Где часто не бывает марок и конвертов и так же часто случается плохое настроение у оператора связи, у которого на груди улыбается бейджик: «Почта меняется».

Так вот, из этих порталов мучений почта жиденькими ручейками стекается в по-советски грандиозные и неудобные постройки — шлюзы, в которых формируется почтовое болото. Посмеявшись над моей специализацией («Экономическая и информационная безопасность в финансово-банковской сфере») и утерев рукавом слезу иронии, Вселенная отправила меня работать в главное шлюзовое управление, в терминологии Империи зла — ГЦМПП (Главный центр магистральных перевозок почты). В целом достаточно интересно. Каждый день что-то новое. КПД примерно два процента. Но работа всегда на пределе. Конечно, через некоторое время я стал взрывать мозги друзей и родных историями из жизни почты.

Видимо, эти-то истории и натолкнули моего брата на отличнейшую идею — электронный сервис подписки. Не думаю, что многие из вас, уважаемые читатели, хоть раз в жизни оформляли подписку на газеты и журналы. Как и все, что связано с посещением почтового отделения, этот процесс погружает в состояние полного отчаяния. Задумка была в том, чтобы сделать что-то удобное: хороший сайт, мобильное приложение, подписку через платежный терминал и т. д. Мы готовы были избавить измученных россиян от необходимости общения с почтовиками и возложить эту тяжелую ношу на хрупкие, но гордо расправленные плечи новой компании. Проект показался нам очень перспективным, был моментально одобрен, и Бро пошел делать компанию со звучным названием «Главное подписное агентство» (или «Главподписка»), а я принялся за полевые исследования.

Уже тогда брат начал обличать всяких властных гадов, поэтому угроза для любого бизнеса, в котором он участвовал, просматривалась. Но главной причиной того, что мы решили оформить свои права владения «Главподпиской» через зарубежную компанию, была все-таки выгода и процедурная простота, а не соображения безопасности. Очевидно, что для развития подобного бизнеса потребовались бы значительные

расходы на маркетинг, которых мы себе позволить не могли, поэтому план был такой: компания выстраивает схему, делает сайт и приложение, обрастает контрактами с «Почтой» и издательствами, проживает пару циклов подписки, а потом продается. Сделать это путем продажи головной зарубежной компании — технически проще. К тому же можно не бояться того, что в любой момент к тебе придет гэбня и отберет бизнес.

Зарегистрировать компанию удалось быстро, а вот с полевыми исследованиями вышла заминка. Я отправился в ближайшее к офису отделение связи, и то, что я там увидел, превзошло все мои ожидания. Отстояв полчаса в очереди, я радостно изъявил желание оформить подписку на периодические печатные издания. Моя радость не передалась оператору связи. Более того, по его виду можно было подумать, будто он узнал во мне убийцу любимой морской свинки Пенелопы, смерть которой так резко прервала его детство. С трудом выдерживая его разрушительный взгляд, я повторил просьбу, добавив в голос капельку властности. Наградой мне были несколько бланков для оформления подписки, напечатанных, когда Брежнев еще мог играть бровями, а также легкий кивок в сторону почтовых каталогов, внешний вид которых заставил меня подумать о бубонной чуме и прочих страшных и очень заразных болезнях.

Десять минут я рылся в трех здоровенных талмудах и чуть не обезумел от количества граф, циферок и изданий типа «Геомагнетизм и аэрономия», «Клиническая и экспериментальная тиреоидология» или «Сыроделие и маслоделие». Запоров несколько бланков, я все-таки подписался на журнал Esquire, после чего, постояв в очереди еще полчаса и оплатив подписку, ретировался в отличном настроении — процесс оформления подписки в отделении оказался еще более отвратительным, чем я предполагал.

Но мечта о продвинутом сервисе была разрушена процедурой доставки. Из тех шести экземпляров, что я заказал, в течение полугода был доставлен только один — № 3. Моей жене его вручила взъерошенная почтальонша со словами: «Сами приходите за ним на почту, а то он дорогой, его своруют из ящика». «Главподписка», становясь контактным лицом для потребителя, должна была бы взять на себя ответственность за качество доставки, а значит, и за действия всех изнуренных жизнью почтальонов. А это, собственно, было не под силу даже самой «Почте России», поэтому проект было решено заморозить, пока не улучшится доставка.

Чтобы объяснить, чем стала заниматься «Главподписка» впоследствии, надо слегка рассказать о почте. Кто вообще

отправляет посылки? Помимо родственников зэков и солдат, это делают предприятия дистанционной торговли. В конце 2000-х годов ситуация была следующая: если вы живете в столице или крупном городе, вероятность того, что, покупая что-то в интернете, вы получите заказ через «Почту России», исчезающе мала — ну, если вы не мазохист или не экономите экстремально на доставке. Но если вы счастливый житель селения Чумикан или Аян, не говоря уже о поселке Херпучи, со стопроцентной вероятностью вы активный пользователь услуг почтовой связи. Если же вы не покупаете в интернете монокини, а предпочитаете приобрести рассаду клубники в инновационной упаковке по каталогу «Сад и огород», то и подавно.

Интернет-магазинов великое множество, но физическую упаковку и отправку продукции осуществляют не все из них, на это есть специализированные компании. Понятное дело, среди них встречаются по-настоящему гигантские фирмы, у которых есть тысячи квадратных метров складских площадей, сложнейшие логистические процедуры, иностранные акционеры и необходимость работать с почтой, чтобы обеспечивать доставку по всей России (включая город Зима в Иркутской области).

Крупнейшие из таких центров упаковки и отправки располагаются в областях, окружающих Москву (земля и труд там в разы дешевле). Но организация такого производства связана с определенными проблемами, потому что логистика в нашей стране, как и многое другое, устроена через одно место — Москву.

А теперь представьте себе следующую картинку: в некоем городе — скажем, в Ярославле — стоит почтамт. Стоит он уже давно, потому что построен в попытке достичь коммунизма и последний раз ремонтировался, когда эти попытки еще предпринимались. В жестяных банках, подогреваемых лампой накаливания, кипит сургуч. Кружевная салфетка обрамляет факс в кабинете начальника, сам он тоскливо смотрит в окно. Что же происходит за окном?

Какие-то улыбающиеся люди в костюмах жмут руку губернатору и зачем-то бьют ярославскую землю, хранящую отпечатки ног великих князей, лопатой, а потом и вовсе отстраивают здоровенный склад, из которого в почтамт настойчиво начинают везти посылки — с каждым днем все больше и больше. Для «Почты» все это происходит мгновенно. Сургуч все еще кипит, все та же салфетка на факсе, а посылок сдают уже по четыреста тысяч в месяц.

Заместитель начальника почтамта по производству достает руководство для работников связи СССР, сдувает с него пыль вентилятором и пытается старыми, проверенными методами организовать обработку такого неожиданного объема. В целом это удается, но проклятущий клиент наращивает и наращивает производство. Почта не сдается, оптимизирует и оптимизирует, увеличивает количество рабочих маршрутов вывоза и так далее. Но вот уже нет места, чтобы поставить дополнительный компьютер, нет места, чтобы припарковать и загрузить машину, — посылками занято все здание, а рабочий коллектив предлагает брать посылки на обработку домой (к счастью, подозрительный начальник почтамта не допускает этого).

Примерно так выглядит ситуация на любом почтамте, который находится в непосредственной близости к крупным центрам дистрибуции. Тут возникает некое внутреннее противоречие. С одной стороны, на лицо объективная невозможность впихнуть невпихуемое в неподходящее здание. С другой стороны, у «Почты России» есть законодательно оформленная обязанность принять всю почту, которую ей пытаются сдать, — причем именно там, где это пытаются сделать.

Как же быть? Можно, например, подогнать клиенту фуру, набить ее посылками и отвезти туда, где их хотя бы можно выгрузить. Решение не совсем чистое с точки зрения нормативной документации, но в целом решает проблему и позволяет клиенту

продолжить наращивать объем. Все это работает, пока не случается смена руководства в центральном аппарате почты и не приходит жестокий оптимизатор, который недоумевает: почему этот почтамт платит десятки миллионов рублей за доставку от склада в Ярославле в отделение связи в Москве? Руководство новое, поэтому страшное. В результате без попыток объяснить, почему все происходит так, как происходит, моргающий начальник почтамта выполняет распоряжение начальства. Почта перестает забирать продукцию со склада клиента, и тот остается один на один с горами посылок.

Примерно так и произошло в 2008 году с компанией «Ив Роше»: акцент с клиентоориентированности был смещен на экономию — все, что не влезло в местный почтамт, поехало в Москву, но уже не как обычные посылки, а как груз. Дело в том, что за перевозку груза, в отличие от посылки, в стоимость которой включена доставка, платит клиент. Проблем добавили только-только вышедшие ограничения на въезд грузового транспорта в центр Москвы, где исторически располагались основные производственные мощности почты, и это дополнительно увеличило издержки.

Как-то раз меня занесло на производственное совещание, где я не был нужен, да и сути его особо не уловил. Видимо, вызван я был для представительности собрания. Зато именно тогда я познакомился с чудесной девушкой Жанной. Она работала в логистике «Ив Роше», так что на перекуре после совещания мы нашли о чем поговорить. Она пожаловалась, что не может стабильно организовать вывоз своих посылок из Ярославля в Москву. Я хорошо знал разных перевозчиков и сказал, что без проблем организую вывоз по тарифам, которые они сами назовут. Через неделю она назвала тариф. Через две недели я нашел перевозчиков, которые возят колбасу из Москвы в Ярославль, а обратно едут пустыми. Через четыре я нанял пару диспетчеров, бухгалтера и директора для координации между французскими парфюмерами и русскими мясниками, и доселе простаивавшая «Главподписка» начала подзашибать деньгу.

Собственно, «Главподписку» я стал использовать для этих целей, так как это была готовая компания, и смысла создавать что-то новое не было. Брата я уведомил о начале деятельности уже постфактум. Не сказал бы, что это вызвало у него большой интерес — ему и своих забот хватало. Да и что тут, собственно, удивительного — перевозил и перевозил.

Позже я заполучил еще одного клиента — Многопрофильную процессинговую компанию (МПК), которой нужно было доставлять квитанции оплаты до почтамтов России. Казалось бы,

почему «Почта» не могла это делать сама? Дело в том, что это очень косное предприятие, которое оказывает услуги только по определенному стандарту. Если клиент просит напечатать сто тысяч квитанций, разделить их на пятнадцать кучек и в течение двух суток доставить до занесенных снегом уральских почтамтов, клиентская служба «Почты» может в ответ лишь поморгать и перечислить, что есть в прейскуранте. Ну а у «Главподписки» аппарат управления состоял не из полутора тысяч человек, а из одного меня, поэтому я без труда разработал схему доставки, заключил договоры с десятком перевозчиков в России и начал работать.

Собственно, на этом развитие «Главподписки» и завершилось: меня как подающего надежды специалиста по логистике начали переводить на самые напряженные участки работы, и это съедало все мое время. На развитие бизнеса времени не оставалось, ну а отработанные схемы стабильно функционировали. Транспорт заказывался и поставлялся, диспетчеры выполняли свою работу почти без сбоев, мое непосредственное участие требовалось крайне редко.

У моих родителей было собственное дело — производство плетеной мебели, организованное в отремонтированном деревенском клубе в Московской области. Заработанные на «Главподписке» деньги я направил на то, чтобы частично расширить и перестроить это помещение, и имел планы сделать на его базе небольшой распределительный центр для экспресс-грузов. К сожалению, ничему этому сбыться не было суждено, и вот почему.

Шел 2012 год, и мой брат уже был обвиняемым по делу «Кировлеса», в рамках которого СК и ФСБ пришли зачем-то с обыском на предприятие родителей — видимо, хотели нарыть шокирующий компромат. Но для людей, открывших свое дело в 90-х, мои родители — подозрительно порядочные предприниматели. Поэтому, собственно, они и владели небольшим бизнесом народного промысла, а не цементным заводом например. СК и ФСБ ничего у них не нашли, зато вскрыли помещения «Главподписки» и обнаружили там транспортную документацию — которую они решили изъять.

Ну, изъяли и изъяли. Никаких опасений по этому поводу у меня не было. Предприятие суперпрозрачное: все расчеты исключительно безналом, все контрагенты — крупные компании, договоры заключены и исполняются без претензий, все налоги платятся и так далее. Может, не очень технично для транспортной конторы, но, согласитесь, надо быть совсем тупым, чтобы вести бизнес всерую, имея брата, который является

главным популяризатором лозунга «Путин — вор».

Возбуждение дела

На календаре 12.12.2012, сколько-то там утра. Я на совещании в «EMS Почта России». Как всегда, пытаюсь понять, почему все так плохо работают (я перфекционист). Тут у меня начинает разрываться телефон. Все, кто работает в логистике, знают, что телефон выполняет свой функционал 24/7, игнорируя запросы организма на сон и семьи на отпуск. Но тогда он начал разрываться по-особенному — в основном звонили родственники. Вижу, звонит мать, потом жена, звонит тетя и даже брат (это большая редкость), причем звонят, перемежая друг друга. Думаю, надо бы узнать, что за неприятность в семействе, делаю особо недовольно-грозное лицо и каким-то назиданием заканчиваю производственное совещание.

Выслушиваю новость о том, что возбуждено уголовное дело — против меня (первое) и моего брата (второе). Никому пока ничего не предъявили, зато все широко анонсировали в СМИ. Даже топ «Яндекса» подтверждал, что я — фигурант. Звонит знакомый безопасник из «Почты», говорит: «Привет, Олег Анатолич, к тебе едут гости, будут через полчаса». Отвечаю: «Спасибо, дорогой», — и отдаю помощнице ноутбук, планшет и телефон. Не то чтобы там были какие-то секреты, просто знаю я эти обыски — отберут все, а у меня в ноутбуке, может, вся логистическая мощь «Почты России» запрятана. Старушке и так тяжело, а тут последние мощи в вещдок обратят.

А откуда почтовый безопасник знал? Ну, «Почта» ведь служба федеральная, поэтому силовики всегда сообщают местным, если что-то затевают, хотя бы потому, что самим разобраться было бы тяжело. Ну а то, что безопасник предупредил, очень хорошо демонстрирует, как даже охранительные службы презирают систему. Может быть, не все, но приличные люди попадаются.

Когда в мой 12-метровый кабинет зашли полдюжины человек, стало тесно. Лицо главного следователя было грустным, а мое — радостным: кабинет не обладал признаками информационных носителей и вычислительной техники, зато был битком набит всевозможной документацией. «Ну, тут мы уже ничего не найдем», — понуро промямлил следователь и дал указание привести понятых. Один из них был юношей весьма корпулентным, поэтому части прибывших сотрудников пришлось удалиться на перекур до конца обыска — тело кабинета исторгло их.

И вот начался шестичасовой обыск. Мне даже было слегка жалко сыщиков, я и сам-то не мог никогда разобраться с

бумагами, они лежали повсюду — вразнобой и вперемешку. Проекты модернизации лифтового хозяйства курьерских баз перемежались с простынями бюджета доходов и расходов, напечатанных «шестерочкой». Иногда попадались документы — все в красных печатях — с пугающей информацией об обнаружении ртутного загрязнения на территории логистического хаба в аэропорту или мольба начальника Хабаровского ОСП выслать несколько комплектов зимней резины для снижения аварийности курьерского транспорта. Задача усложнялась тем, что следователи сами не знали, что ищут, поэтому на всякий случай забирали все подряд и скрупулезно вносили документы в бесконечную опись. Помимо этого изъяли кучу выуженных откуда-то флешек и компакт-дисков. Например, диск Бьорк (уж не знаю, какие следы преступлений они хотели на нем найти). А вот диск группы «Ноль» не взяли, хотя там солист к запретной вере принадлежит. Ну, то есть тогда не принадлежал — вернее, вера не была запретной. Но где же хваленая прозорливость гэбни?

Где-то после второго часа я вспомнил, что у меня в кармане лежит бумажник, а в нем есть флешка с довольно важной информацией. Опять же, для следствия ценности никакой, но все равно бы забрали. Вообще, мой личный обыск должны были начать сразу, но, видимо, отсутствие компьютера слегка сбило с толку сыщиков, и они об этом забыли. Громко объявив, что пойду-ка я перекурю (к этому моменту уже приехал адвокат, и я мог не опасаться, что в мое отсутствие в кабинете найдут, например, неопознанный палец с платиновым перстнем), я спустился на пару этажей, где протянул бумажник доверенному лицу в производственном департаменте и многозначительно сказал: «Максим, пусть полежит пока у тебя». Максим кивнул, и в его взгляде я увидел уверение, что в случае опасности бумажник будет сожжен, а его пепел экспресс-грузом отправится на остров Пасхи.

Итак, собрав рандомным образом пару коробок с документами, следственная группа завершила обыск, после чего мне было объявлено, что необходимо проехать на допрос. Думаю, москвичам будет понятно мое негодование: шесть вечера, ехать на другой конец Москвы только для того, чтобы оформить отказ от дачи показаний. Бесполезно поспорив, мы провели три часа в пробках, и еще час ушел на оформление пропусков и одного листа протокола допроса. После этого я вышел из здания СК с новым официальным статусом — подозреваемого — и запретом на пересечение МКАД.

Следствие

Следствие казалось бесконечным. По сути, оно и было немаленьким — полтора года. Следственная группа — чуть ли не дюжина человек. Основную часть из них я, к счастью, не видел. Для меня дело вообще происходило на периферии сознания. Примерно один раз в неделю мне звонил какой-нибудь знакомый, подчас весьма неожиданный, и говорил, что к нему приезжали с обыском или вызывали на допрос. Мне было очень-очень неловко, казалось, будто я сам инициатор следственных мероприятий.

В результате они допросили:

— всех сотрудников «Главподписки»;

— всех сотрудников, общавшихся со мной в МПК и «Ив Роше»;

— всех моих подчиненных в «Почте», причем во всех подразделениях, где я когда-либо работал;

— всех сотрудников и руководителей центрального аппарата «Почты», занимающихся продажами и перевозками (это очень много людей);

— всех водителей грузовиков, которые возили грузы; (Это была самая масштабная и непонятная операция следствия. Перевозки осуществлялись несколько лет. Понятное дело, что использовалось очень-очень много разных машин. В соответствии с материалами дела, водителей при помощи ФСБ искали по всей стране, а некоторых — даже на спорных территориях, где на тот момент велись активные боевые действия, так как в означенной группе были жители Луганска.);

— всех транспортных подрядчиков «Главподписки», а их было немало (например, если требовалось доставить груз в Пыть-Ях, у меня был договор — ну, допустим, с ИП Иванютин, а Иванютиных было много по стране, и всюду их вызывали в местные СК);

— моих друзей детства! (Это уже становилось очень странным. Я начал думать, что скоро придет черед заведующей детсадом, куда я ходил. Не без доли облегчения я узнал, что Равиля Халиновна обрела вечный покой некоторое время назад, поэтому краснеть перед ней не придется.)

Причем все это сопровождалось выемками грандиозного количества документов. В финальной версии уголовного дела было 139 томов, которые на 95 % состояли из транспортных накладных, подтверждающих осуществление перевозки. Весьма забавный факт, с учетом того, что в результате я был осужден за то, что деньги брал, но ничего не перевозил.

Во время обыска у одного из сотрудников «Почты» изъяли

компьютер с адресной базой и планом направлений. Это такой супернепонятный — вернее, понятный только единицам почтовиков — массив информации. Но без него ни отправить, ни перевезти почту нельзя, и только чистая случайность и резервное копирование спасли крупнейший сортировочный центр в стране от функционального блэкаута.

Уже пару раз обыскивали предприятие родителей и квартиру брата, но ко мне в гости отчего-то не заезжали. Помню, как-то из «Яндекс. Новостей» я узнал, что на наше имущество наложен арест. В том числе и на мой банковский счет и 100 014 рублей на нем. Все это, естественно, без предъявления соответствующего разрешительного, вернее ограничительного, документа нам (он появился через пару дней). Единственный источник информации — прессслужба СК. Я поразмыслил и понял, что, скорее всего, распорядительные документы банком исполняются в течение суток. Поскольку анонс был уже после обеда, я поехал к банкомату и спокойно снял сто тысяч, оставив в качестве плевка презрения 14 рублей (на самом деле аппарат просто не выдает мелочь). Примерно через полгода какая-то автоматическая система банка прислала мне уведомление о задолженности по обслуживанию арестованного счета. Несмотря на пометку, что ответ не требуется, я все же написал что-то в духе: «Идите к черту, а деньги просите у Путина». Более меня не тревожили.

В СК я ездил с адвокатом от двух до четырех раз в месяц, знакомился с назначением бессмысленных экспертиз или с еще более бессмысленными их результатами. Кстати, должен заметить, что более неэффективной пропускной системы, чем в Следственном комитете, мне встречать не приходилось. Сначала тетка в бюро пропусков со скоростью начинающего канатоходца полностью вбивала в компьютер паспортные данные, а потом их же вписывала в тетрадку.

Потом то же самое делал и охранник, находившийся рядом с теткой. «Гостей» мог встречать только позвавший их следователь. Кстати, эта фишка появилась благодаря моему брату: однажды по пути к кабинету следователя он сфоткал доску почета и выложил в твиттер. С тех пор посетителей перестали пускать к кабинетам одних.

Разумеется, просто принести заявку встречающий следователь не мог — ему нужно было предварительно сделать это через какую-то канцелярскую службу. Предбанник, где ждали вызванные на допрос, — не больше десяти квадратных метров. По какой-то причине всех вызывали примерно на одно время. Естественно, то канцелярия не подавала список, то следователь неправильно оформлял бумажку, то в фамилиях были ошибки.

Некондиционируемая жарким летом комната была пропитана малоприятными ароматами гнева, страха, отчаяния и пота. Пот чувствовался сильнее всего.

Как-то раз летом мы особенно долго ждали, когда нас придут встречать. В тот раз следователь, тезка Окуджавы, вел себя нервно. На вопрос: «Надолго ли?» — отвечал, что сегодня — да. Адвокат, улучив момент, шепнул мне, что, скорее всего, поедут на обыски ко мне, а я шепнул ему, что сумка, которая у меня с собой (с ноутбуком и всякими важными вещами), и телефон не должны к ним попасть. Адвокат, сам бывший следак и тертый калач, степенно кивнул, как бы говоря, что все будет ок.

Он оказался прав во всем. Предъявили постановление о проведении обыска и сказали, что едем ко мне домой. Как и в ситуации с обыском в моем личном кабинете, первое, что должен был сделать следователь, — это произвести мой личный обыск. Но наш следователь был лопух. Личного обыска не было. Я (Элвис), адвокат (тертый калач) и следователь (лопух) просто покинули здание СК.

Следователь. Ну, как поедем?

Адвокат. Мы с Олегом на моей машине, а вы как хотите.

Следователь. Нет, я поеду с вами.

Адвокат. Нет, я не хочу, чтобы вы ехали в моей машине.

В таком духе мы и препирались. Технически адвокат был прав. Я не задержан, ехать могу как угодно. Следователь звонит руководству, оно орет на него в трубу, чтобы ехал с нами, разговор повторяется по кругу. Дальше адвокат делает хитрую штуку. Говорит:

— Давай, поехали с нами, но за это расширяете подписку о невыезде на Московскую область.

У меня подписка была только по Москве (из-за этого, в частности, я не мог законно ездить к родителям; приходилось это делать нелегально, испытывая в таких поездках весь спектр эмоций контрабандиста).

Следователь еще раз звонит руководству, описывает предлагаемую сделку, ему дают добро (впрочем, подписку в итоге так и не расширили), все довольны, следователь с облегчением смахивает со лба испарину и грузится в машину. Адвокат предварительно кладет в багажник свой портфель, а я — свою сумку и заодно вообще все, что у меня в карманах. Теперь это все адвокатское и обыску не подлежит.

Следователь в эйфории от успешных переговоров ничего не замечает. Мчим на юго-запад, по дороге троллим следователя, он супится. Через часок, уже у дома, я налегке иду звонить в домофон, уверенный в том, что жена, на тот момент беременная вторым ребенком, дома. Звонок. Еще звонок. Хм. Никто не подходит.

Следователь. Никого нет дома.

Я. Жена точно дома.

Следователь. Открывайте своим ключом.

Я. У меня нет ключей.

Следователь. Нет ключей от собственного дома?

Я. Зачем они мне, если дома жена?

(Домофон продолжает безответно издавать гудки.)

Следователь. Дома никого нет.

Я. Дайте телефон.

Следователь. А где ваш телефон?

(Моргает.)

Я. А с чего вы взяли, что у меня есть телефон?

(Моргаю в ответ.)

Следователь дает мне телефон. Звоню жене. Абонент вне зоны доступа. Сообщаю об этом следователю.

Следователь. Вызываем МЧС, будем вскрывать дверь.

Я. Не порите горячку, все уладится.

Судорожно соображая, что делать, вспоминаю, что через два подъезда живет моя тетя, у нее есть запасные ключи. Обысков и допросов у тети, как ни странно, не было, поэтому на всякий случай сообщаю следователю, что дубликат ключей у соседки. Тот начинает нервничать. Идем за ключами — я, адвокат и уже два следователя (второй успел к этому моменту приехать). Еще трое сотрудников до нашего приезда выставлены на дежурство у

квартиры.

Домофоним тете. Никого нет. Не сильно удивительно: будний день, 15:00. Тут, как по волшебству, появляется тетя, идущая домой. Я радостно здороваюсь. Тетя, видя странную компанию, настороже. Следователь предельно настороже. Забираю ключи, иду открывать квартиру. С домофоном и первым замком все проходит гладко. Второй по причине поломки был заменен несколько дней назад, но дубликата у тети нет. Вспоминаю об этом, пытаясь отпереть второй замок, и сразу сообщаю об этом следователю. Тот тоном, близким к истерике, сообщает, что вызывает МЧС.

— Не порите горячку, все уладится, — говорю я. Беру у него телефон и в этот раз дозваниваюсь до жены, которая только вышла из метро — была на приеме у гинеколога (метро примерно в пятистах метрах от дома).

Я. Привет, у нас обыск, но мы не можем войти в квартиру. Это Олег.

Вико. Привет, а что с твоими ключами?

Я. Зачем ключи, если жена сегодня дома.

Вико. Окей, я скоро буду.

Я. Не торопись, помни: ты все-таки беременна.

Следователь *(срывающимся голосом).* Я вызываю МЧС.

Я. Просто будь раньше МЧС.

Вико. Тебе что-нибудь купить в магазине?

МЧС вызвали, но Вико их опередила, и вся честная компания в слегка взвинченном состоянии протиснулась в квартиру, обзаведясь по пути парой понятых. Квартира — 48 квадратных метров (общая площадь с балконом), поэтому тесновато и душновато, но местами удобно. Кухня, например, настолько маленькая, что я мог, не вставая со стула, взять соль в одном ее конце и передать на другой. Какой-нибудь российский вице-премьер нашел бы эту квартиру очень смешной.

Собственно, весь обыск сконцентрировался в основной комнате, где стояли шкаф, рабочий стол, пара ноутов и пара коробок с документами (взял халтуру на дом). Обыск длился часов шесть. Следователи опять переписывали документы и изъяли бесконечное количество флешек, бравшихся невесть откуда. Был и положительный момент: они нашли в одном из пиджаков мою заначку. Правда, тут же ее изъяли. И знаете что? Я не могу ее у них забрать до сих пор! Хотя все имущественные аресты уж пару лет, как сняты.

Один из понятых интересовался, что же я натворил и чего ищут. Следователи молчали. На этот же вопрос, адресованный мне, я ответил: «Говорят, что украл пятьдесят миллионов. Их,

наверное, и ищут». Понятой обвел глазами комнату и пробормотал что-то про то, что тема сумасшествия раскрыта.

В разгар процедуры комнату озарила вспышка. Так, без палева, Вико засняла на телефон обыск, и через минуту несколько миллионов подписчиков твиттера моего брата увидели его. Еще через минуту один из подписчиков и по совместительству руководитель следователя позвонил — и следователя отодрал. Телефон у Вико изъяли, и, спохватившись, следователь решил изъять телефон у меня. Далее происходит диалог между мной, следователем и адвокатом в прихожей площадью около двух квадратных метров.

Следователь. Где ваш телефон?

Я. У меня его нет.

Следователь. Отдайте ваш телефон.

Я. Говорю вам, у меня нет никакого телефона.

Следователь. Я должен изъять ваш телефон.

Я (адвокату). Я не понимаю, чего от меня хотят.

Адвокат *(следователю)*. Мой подзащитный пытается понять, что вы от него хотите.

Следователь *(адвокату)*. Я должен изъять его телефон.

Адвокат *(мне)*. Он говорит, что хочет изъять ваш телефон.

***Я (адвокату)*.** У меня нет никакого телефона, так ему и передайте.

Адвокат *(следователю)*. Мой подзащитный просил вам передать, что у него нет никакого телефона.

Выйдя с допроса и заполучив мой аппарат обратно из схрона, я увидел изрядное количество пропущенных вызовов с неизвестных мне городских номеров. Отзвонив по некоторым из них, я попал на автоответчики редакций и понял: «Вот она, слава!» На какое-то время я обрел нехилую медийную популярность. Журналисты раздобыли мой телефон.

Не меньший фурор дело произвело в «Почте». Во-первых, не все знали, что я не однофамилец, а непосредственный член семьи врага народа. Мне пришлось пару десятков раз выслушать: «Да ладно, ты брат Навального?!» Во-вторых, новость о деле была очень растиражирована, и в каждой статье упоминалась «Почта». Как раз в этот момент выносили старое руководство «Почты», поэтому информационный фон для Империи зла был не особо хороший: ютьюбовские ролики с выкидыванием из вагона посылок перемежались репортажами о беспрецедентных завалах в аэропортах. В завалах не было ничего нового, они на любой почте каждый Новый год, но тогда об этом писали в каждой газетке (Аркадий Дворкович так вводил своих людей в дела национального почтового оператора). В новостях про меня, по

оценке пиарщиков, «Почта» упоминалась в нейтральном ключе, а само количество упоминаний было умопомрачительным, поэтому, шутя, меня даже похвалили за легкую коррекцию дискурса.

Удивительно, но меня не слили из «Почты». Безопасники проанализировали информацию от СК и, конечно же, никакого криминала в ней не обнаружили, а тем более ущерба интересам ФГУПа. СК разродился агрессивной бумагой в адрес руководства с требованием провести проверки и уволить меня, так как я негодяй и мошенник. На это им достаточно подробно ответили, что претензий ко мне на предприятии нет, и даже отозвались обо мне как об ответственном товарище.

Но бесконечно это продолжаться не могло. Видимо, давление на руководство нарастало, и уже в конце января 2013 года мое подразделение подверглось набегам бесчисленных проверок, которые, конечно же, нашли очень много нарушений почти всего и полное несоответствие производственного процесса нормативной базе.

В целом за годы работы в «Почте» я приобрел нехилый бюрократический опыт и мог бы с переменным успехом долго бороться с такими проверками и дремучими ревизорами, их возглавляющими. Но, во-первых, исход был предсказуем, а во-вторых, в таких условиях не только я, но и почти весь аппарат подразделения занимался защитой от нападок вместо того, чтобы работать. Благородно решив избавить «Почту» от бремени, где-то в марте я написал заявление об уходе по собственному желанию и, отгуляв почти три месяца накопившегося отпуска, летом уволился.

Вообще, слегка жалко. Мне нравилось работать в «Почте». Там меня охватывало такое чувство — ну, знаете, что можно добиться каких-то глобальных улучшений, которые могут почувствовать все. Нет-нет, не подумайте, что мотивировало меня общественное благо. Тупо — тщеславие. Хотя погодите, я ведь должен романтизировать свой образ, раз уж я герой этой книги. С этой точки зрения я работал исключительно для общества.

Ничегонеделанье

Как я уже говорил, особых следственных действий со мной не проводилось. Иногда на допросы в Башню зла в Техническом переулке звали раз в неделю, а иногда и месяц не давали о себе знать. Все это тянулось жутко долго, а я уже не работал, и нужно было себя чем-то занимать. Тем более, как мне казалось, я бурлил грандиозными идеями. Нет, не так. ГРАНДИОЗНЫМИ ИДЕЯМИ. Довольно быстро и не особо вдумчиво я стартапировал сразу в нескольких направлениях, зарядив близких знакомых своим энтузиазмом.

Малый бизнес родителей тихонечко скончался, так как их контрагентам позвонили откуда-то и посоветовали не сотрудничать. Меня в условиях уголовного преследования, понятное дело, на работу бы никуда не взяли — по крайней мере так, чтобы мои тогдашние амбиции были удовлетворены. Бро безостановочно подвергался различным судебным преследованиям и должен был платить штрафы за моральный ущерб, который он нанес многочисленным чиновникам и всяким близким к власти хмырям.

В дополнение ко всему 2013 год был примечателен не только тем, что умер Нельсон Мандела, но и тем, что мы с Вико зачали Остапа, который вскоре примкнул к двухлетнему Степану. Казалось бы, в этих условиях жалкие крохи капитала, скопленные мною за несколько лет, надо было тратить чрезвычайно экономно. Мой прозорливый брат примерно это мне и посоветовал. Но дебил во мне победил, поэтому все силы и средства я пустил в оборот.

Удивительно, но, проработав в крупной организации много лет и подкрепив неплохую теоретическую базу практическим опытом, я, по-моему, допустил все ошибки, которые только возможны при запуске собственных дел. Если вы откроете любую книжку или статью про то, как делать бизнес, и дойдете до раздела «Ни в коем случае не делайте этого», будьте уверены — я реализовал все пункты этого списка. Например, одним из первых шагов была покупка в офис кофеварки. Никогда не покупайте кофеварку на старте. Она создает обманчивую иллюзию благополучия.

Вообще, для меня 2013 год — это год самых неудачных решений по всем важным фронтам (за исключением зачатия Остапа, разумеется). Если в декабре 2012-го я чувствовал себя полностью счастливым хозяином жизни, то к концу 2013-го я разрушил почти все, что мог разрушить.

Мне было бы легко винить во всем обстоятельства и стресс, связанный с уголовным преследованием, но это было бы несправедливо по отношению ко Вселенной. Ужасно хотелось бы вернуться в прошлое и многого не делать, но дурацкий Эйнштейн обосновал невозможность путешествий во времени.

Как я уже говорил, в соответствии с условиями подписки о невыезде мне было запрещено покидать пределы Москвы. Брату при этом разрешалось бывать и в Московской области, так как без выезда туда — через развязку МКАДа — он не мог бы добраться к себе в Марьино. Запрет покидать столицу я игнорировал, так как мне надо было часто бывать по делам в аэропортах и у родителей, не говоря уже о том, что периодически к ним (или от них) привозился (или увозился) наш сын (их внучек).

Ну, со мной-то легко. Еще с момента возбуждения дела я был очевидным попутчиком во всей этой истории, но все следственные действия с моим участием были крайне формальны. Бро, в свою очередь, уже имел условный срок по прошлому делу и вообще был давненько под колпаком, поэтому, когда в очередной раз было решено усилить на него давление, его поместили под домашний арест на основании того, что он ездил к родителям в гости. То, что условиями подписки о невыезде ему это было разрешено делать, роли никакой не сыграло.

Реальную посадку на тот момент я рассматривал как событие маловероятное. Вернее, просто не думал об этом. Но с момента домашнего заключения братца МКАД пересекал всегда нервно. Особенно напрягался, когда останавливали гаишники, так как не хотелось фигурировать в протоколах на территориях, где находиться мне не полагалось, а взятку давать было стремно — вдруг подстава. Но опасность — это мое второе имя, как у Остина Пауэрса.

Домашний арест при назначении наказания, связанного с лишением свободы, засчитывается в срок один к одному. То есть весь период домашнего ареста исключается из назначенного судом. Сейчас, сидя в одиночке и царапая эти буковки, я предаюсь бесплодным мечтаниям. Если бы меня сразу поместили под домашний арест, сейчас я бы был уже на свободе, а основную часть своего наказания провел бы, играя в Sony Playstation, и это было бы намного полезнее для всех.

Осенью 2013 года нас начали знакомить с материалами уголовного дела. Вообще, скорость чтения нигде не регламентирована. Насколько я понимаю, по общей практике — один том в день. Реальный срок, который выделяют следователи, зависит от того, торопятся они с передачей дела в суд или нет. Наши поначалу не торопились, поэтому где-то раз в неделю я

заезжал в СК, расписывался за то, что прочел том дела с такой-то по такую-то страницы, а адвокат кропотливо фотографировал каждый лист каждого тома. Всего 139 томов. Это много. Но так как практически все они состояли из копий транспортных накладных, то читать было почти нечего.

Весной 2014 года следователи внезапно заторопились и ограничили нам время ознакомления с делом. Я уже морально готовился к началу судебной тяжбы, хоть и не совсем представлял, что это такое. Но весьма неожиданно для всех (ну, вернее, для нас, так как со стороны обвинения-суда все происходит по заранее поступившей команде) на предварительном заседании суд вернул дело в прокуратуру для исправления процессуальных нарушений. Как мне тогда говорили адвокаты, в общей практике это означает, что прокуратура дело разворачивает и закрывает. В нашем же случае это значило, что пришла команда обождать.

Самое забавное, что в результате исправления процессуальных нарушений единственное, что изменилось почти в полутора сотнях томов уголовного дела, — это обвинительное заключение, из которого удалили пару абзацев. В соответствии с законом процедуру ознакомления с материалами было необходимо пройти повторно, и я сатанел от мысли, что эта бодяга опять затягивается на полгода, — уж очень хотелось, чтобы что-нибудь уже произошло. К счастью, видимо, поступила команда разобраться с нами до конца года, поэтому весь процесс ознакомления был ужат до нескольких недель, после чего мы наконец-то предстали перед судом под справедливым и беспристрастным председательством федерального судьи Коробченко (ударение на второй слог). На вид вполне приятной телочки.

Суд

Первый судебный опыт я получил еще до начала процесса: мы пытались оспорить постановление СК, которое запрещало использовать услуги определенного адвоката. Дело было в Мосгорсуде. Я был потрясен размерами здания, его величественностью и абсолютнейшим организационным хаосом. Думаю, приблизительно ни одно заседание не начинается там вовремя. Планировка суда, скорее всего, была взята из фильма «Чародеи». Помните отчаяние героя Фарады: «Ну кто так строит?!»

Всюду шныряют судьи. В мантиях. Прямо Хогвартс какой-то. Если вздумаете там плевать в каждого встречного, то каждый второй счастливчик, получивший образец вашей ДНК, будет судьей. Позже, в «Бутырке», я очень удивился, почему зэки ждут судов по полгода. Мне кажется, с таким количеством судей и с учетом того, что приговоры они стряпают с легким пренебрежением к закону, можно за пару часов посадить всю страну.

Ну так вот, в какой-то там денек при большом стечении журналистов и начался наш процесс. Собственно, первое заседание было коротенькое. Нам сказали, в чем нас обвиняют, и проверили наши личности. Мы сказали, что не признаем себя виновными. Естественно.

После этого Бро двинул речь на ступеньках суда, а я тем временем двинул домой. Я слишком косноязычен для речей. На всех следующих заседаниях, кроме последнего и того, где прокурор назвал запрашиваемый срок, журналистов было совсем немного. Ничего удивительного. Это было самое скучное мероприятие из тех, что мне довелось посещать. Даже вечеринка ботанов-семиклассников с обменом коллекционируемыми спичечными коробками и то интереснее.

Мои прокуроры — это Недовольная и Эллочка. Иначе их и не назовешь.

Я даже не буду возмущаться беспринципностью людей, которым народ Российской Федерации платит за надзор за законностью и в звании которых присутствует слово «юстиция». Ведь фактически нас обвиняли капитан Справедливость и майор Справедливость. Но меня потряс их непрофессионализм. Они вообще не изучали дело, а просто бездумно читали вслух какие-то места, подчеркнутые следователями. За них было стыдно. Мы часто коротали время, подтрунивая над ними. Они не могли ответить.

Вот один пример. Когда я уволился из своего последнего филиала «Почты», начальником там был новый, зачем-то присланный бывший начальник «Почты» Карачаево-Черкесии. Эффективность его работы была весьма спорная. Достаточно сказать, что на сайте УФПС Карачаево-Черкесии была информация, что они активно используют гужевой транспорт, а сам он очень сетовал на то, что в Москве ему трудно, так как негде походить босыми ногами по земле. Ну и вообще, он профессор философии и чемпион по какой-то там борьбе одновременно. Но бюрократ опытный. Поэтому, когда из СК уже после моего увольнения пришел запрос на мою характеристику, он решил подстраховаться. Прежнее, лояльное ко мне руководство уже сняли, отношение нового было неизвестно. Поэтому он дал такую характеристику, после которой сразу становилось ясно, из-за кого именно «Почта» у нас в стране работает плохо.

Я с ужасом ждал, когда прокуроры будут читать ее на суде. Про любителя сырой земли из КЧР никому не объяснить, а перед людьми было бы неудобно.

Читает Недовольная. Начинает: «Такого-то устроен, работал тем-то тем-то, — потом зевает и говорит: — Ну, короче, рекомендуется положительно».

У нас с адвокатом чуть челюсти не упали. Радостно улыбающиеся. Так потом в приговоре и написали: «На работе рекомендуется положительно». Если кому-то кажется, что это пустяк, то нет, личностная характеристика служит основой для определения степени социальной опасности и назначения размера наказания.

В начале процесса прокуроры и судья, видимо, не получили команду, когда нас сажать, поэтому процесс шел о-о-очень медленно. Недовольная открывала том и начинала: «Том 15. Обозреваются транспортные накладные: накладные номер такой-то, грузоотправитель такой-то, грузополучатель такой-то, груз такой-то, вес такой-то, столько-то мест, отправлено тогда-то, получено тогда-то». Можно было сойти с ума. С журналистами в зале примерно это и происходило.

Я же работал на ноутбуке, или читал Википедию (статья «Африка» о-о-очень интересная), или играл в Napoleon: Total War. На заседаниях суда прошел ее всю. Когда случайно включался звук, было неудобно.

Помимо журналистов в суде были завсегдатаи политпроцессов. Во время каждого заседания на улице стоял одиночный пикетчик. Классный дядька, я даже с ним селфи сделал. Периодически он очень громко кричал какой-нибудь лозунг. Наш зал был на третьем этаже и окнами выходил на противоположную от пикетчика улицу, но все равно было классно, когда судья что-то говорит, и тут с улицы: «ПУТИН УМРЕТ! РОССИЯ БУДЕТ СВОБОДНОЙ!» Обожаю такое.

Потом кто-то решил подстегнуть процесс, и прокурорки стали читать тома быстрее. Примерно так: «Том № 76. Накладные». Все. За пару заседаний они дочитали все, что надо, и приступили к допросу свидетелей. Практически все они были свидетелями обвинения. Из всех допрошенных один сказал, что мы в чем-то виноваты. Это был г-н Нестеров.

Г-н Нестеров возглавлял следственную группу по нашему делу. И мы с Бро его изрядно размазали. Небольшой пример.

Бро. Я последовательно доказываю, что дела против меня сфабрикованы и политически мотивированы. В СК есть группа, которая ведет эти дела, в том числе о картине (это когда во Владимире украли уличную картину пенсионера Сергея Сотова «Плохой и хороший человек», там в деле участвовали генпрокурор Чайка и глава СК Бастрыкин). Почему заурядные дела преступника Навального расследует СК?

Г-н Нестеров. Вы уникальный случай, вы столько всего насовершали.

Бро. Значит, я один из лидеров преступного мира в России?

Этого г-н Нестеров утверждать не мог. Но продолжал что-то говорить об уникальности.

Вообще забавно: 139 томов говорят, что невиновны, 100 свидетелей говорят, что невиновны, только г-н Нестеров говорит по-другому, и я еду в тюрьму. Такие дела.

Впрочем, один из потерпевших предъявил нам иск, но было

это так. Примерно привожу допрос потерпевшего.

Я. Как вы считаете, я обманул вашу компанию?

Потерпевший. Не знаю, мы получили письмо от СК, в котором сказано, что обманули.

Я. Зачем вы выставляете иск?

Потерпевший. Мы получили письмо от СК, где они сказали, чтобы мы выставили иск.

Я. Как вы посчитали сумму ущерба?

Потерпевший. Мы не считали, ее посчитал СК.

Не то чтобы я совсем наплевал на дело. Наоборот. Я переработал адский массив документов и, основываясь на документах СК, сделал мощную аналитическую записку, доказывающую, что сотрудничество с «Главподпиской» было выгодным. Я опроверг основные тезисы обвинения цифрами. Но, во-первых, это ничего не значило с той точки зрения, что решение все равно принималось не в этом суде, а во-вторых, у меня было стойкое ощущение, что в этом нескончаемом потоке аббревиатур почтовых подразделений — АСЦ, МСЦ, АОПМ, УФПЦ, ГУМПЛ, ДВПО — никто толком ничего не понимал. Уверен только, что разобрался мой адвокат, и временами казалось, что разбирается судья Коробченко, когда она скучающим взглядом не смотрела в окно. Ну, ее можно понять. Вроде как после процесса она ушла в декрет (не связанные события), то есть, пока судила нас, была беременной. А как говорит Вико, во время беременности женщина тупеет.

Ну вот, значит, отгремели мы последними словами. Мое, конечно, так себе. Бро опять удивил. Сколько раз его слушал, все поражаюсь. Судили его сто раз — что еще сказать можно? А все равно очень сильно сказал.

Начиналась речь так: «Сколько раз в своей жизни человек, который не занимается чем-то криминальным и противозаконным, может произнести последнее слово? Нисколько, ноль раз. Ну, если ему не повезет — один раз. Я же за последние полтора года, два года с учетом апелляций… Это, наверное, мое шестое-седьмое, может быть, десятое последнее слово. Вот эту фразу — «Подсудимый Навальный, вам предоставляется последнее слово» — я уже слышал много раз. Такое впечатление, что с последним словом — для меня, для кого-то, для всех — наступают последние дни. Постоянно от тебя требуют сказать последнее слово. Я говорю это, но, в общем-то, вижу, что последние дни — они не наступают».

А заканчивалась так: «У людей есть законное право на восстание против этой незаконной, коррумпированной власти. Этой хунты, которая украла все — все захапала. Которая

триллионы долларов выкачала из нашей страны в виде нефти и газа. И что мы получили с этого? Я в этой части повторяю свое последнее слово по «Кировлесу»: пока ничего не изменилось. Мы позволили им, глядя в стол, нас ограбить. Мы позволили эти деньги ворованные инвестировать куда-то в Европу. Мы позволили им превратить нас в скотов. Что мы приобрели, чем они расплатились с вами — глядящими в стол? Да ничем. Здравоохранение у нас есть? Нет у нас здравоохранения. Образование есть? Нет у нас образования. Дороги вам дали хорошие? Не дали вам хорошие дороги. Судебным приставам? Давайте спросим, какая зарплата у секретаря. Восемь тысяч. Со всеми наценками — может быть, 15 тысяч. Судебные приставы, я очень удивлюсь, если получают больше, чем 35–40 тысяч.

Парадоксальная ситуация — когда десяток жуликов всех нас, вас грабит каждый день, а мы все это терпим. Я это терпеть не буду. Повторюсь, сколько нужно будет стоять: в метре от этой клетки, в метре внутри этой клетки. Я постою — есть вещи более важные.

Хотел бы еще раз сказать: трюк удался. С моей семьей, с моими близкими. Тем не менее нужно помнить, что они меня поддерживают во всем. Но никто из них не собирался становиться политическим активистом. Поэтому нет никакой нужды сажать моего брата на восемь лет или вообще сажать. Он не собирался заниматься политической деятельностью. Уже принесено нашей семье достаточное количество боли и страданий в связи с этим. Нет никакой нужды усугублять это все. Как я уже сказал, взятие заложников меня не остановит. Но тем не менее я не вижу, зачем власти этих заложников нужно убивать сейчас.

Я призываю всех абсолютно (может быть, это наивно звучит, и над этими словами принято иронически смеяться и ухмыляться) жить не по лжи. Другого не остается. В нашей стране сейчас другого рецепта не существует.

Я хочу поблагодарить всех за поддержку. Я хочу призвать всех жить не по лжи. Я хочу сказать, что я уверен абсолютно, что изолируют меня, посадят — на мое место придет другой. Ничего уникального или сложного я не делал. Все, что я делал, может делать любой человек. Я уверен, что и в Фонде борьбы с коррупцией, и где-то еще найдутся люди, которые будут продолжать делать то же самое, вне зависимости от решений этих судов, единственная цель которых — это придание вида законности. Спасибо».

Помню, что после вступительной речи на процессе адвокат шепнул мне: «Если бы Алексей говорил еще пять минут, я бы сам взял топор и пошел свергать режим». Уже сидя в тюрьме, я по

переписке познакомился с чуваком, который под впечатлением от речи Бро сделал себе татуировку на колене — «Жить не по лжи». Натурально. Причем это не безумный какой-то человек, а совершенно нормальный. Ну, я о нем еще расскажу.

После финальных речей и запроса восьми лет колонии мне и десяти колонии брату (это было, кстати, суперудивительно, так как ни один свидетель, кроме г-на Нестерова, не сказал, что хотя бы знает его в связи с этим делом), судья объявил перерыв для подготовки и объявления приговора. Было это 19 декабря, почти через два года после возбуждения дела. Перерыв был объявлен до 15 января.

«Класс! — думал я. — На всякий случай надо отремонтировать зубы на новогодних праздниках, ну и вообще подготовиться, и завершить все, что нужно завершить, не говоря уж о том, что можно спокойно праздновать Новый год».

Арест

29 декабря. День. Сплю. Вечером бывшие коллеги-контрагенты пригласили на корпоратив, и я набираюсь сил, чтобы отжечь как следует. И что же? Звонит телефон. Городской. Наверное, суд. Думаю, зачем портить себе настроение под Новый год — не беру. Опять звонит и опять. Между звонками прорывается адвокат. Говорит, приговор завтра. Твоюжежмать. Ну, завтра — так завтра. Сразу возникает ряд проблем.

Проблема № 1. У меня нет паспорта. Поскольку я поиздержался, квартиру пришлось продать и переехать в другую — побольше, но подальше. В общем, паспорт на регистрации. Еду вырываю его из лап бюрократии.

Проблема № 2. Нужно составить доверенность на жену, на всякий случай. 16:00. Нахожу единственную нотариальную контору, работающую до 19:00. Лечу туда. Очередь — как в мавзолей, где Ленин ожил и танцует чечетку. Через час понимаю, что забыл кошелек. Квартира за МКАДом, понимаю, что обернуться не получается. Паника. Нервы. Почему не сделал раньше? Так ведь до 15 января много времени — можно было бы успеть разрушить цивилизацию и возродить ее! Вселенная сжимается. Я нахожу две с половиной тысячи рублей в машине, и после оплаты услуг нотариуса у меня есть триста рублей. Можно на них купить шутиху и отпраздновать это событие, но у меня нет времени, а есть дела. Ведь надо собраться в тюрьму!

Мчу домой, беру кошелек и иду в супермаркет. «Перекресток», тоже про решетку — значит, подойдет. Там уже чинно брожу между полок. На телефон скидывают раздобытый в интернете мануал «Что брать с собой в СИЗО». Первый вопрос: «Что такое СИЗО?» Ну ладно, с этим позже разберемся. В списке есть «что», но нет «сколько». Импровизирую. В некоторых случаях возникают затруднения.

Пункт 12. Мыло. Думаю, все знают шутки про тюрьму и мыло. Тут уж не до шуток. Вопрос серьезный. Рассматриваю красивую упаковку и думаю, что мыло, гарантирующее бархатистость и нежность кожи, может меня скомпрометировать. Но кто ищет, тот всегда найдет. Мыло «БАННОЕ». Упаковка очень мужественная, более мужественной ее могло бы сделать только изображение грозных глаз Чака Норриса или бороды Федора Конюхова. Беру шесть кусков.

В итоге набираю тележку с горкой. Думаю о трех вещах: у меня нет спортивной сумки; как я попру это все в тюрьму, если еле допер до машины; нужно купить термобелье. Время —

примерно 21:00. Термобелье я купил — даже две пары. Видимо, в состоянии аффекта, так как детали не помню.

Условно компактно все сложив, стал прощаться с женой.

Шел снег. Вернее, не помню, шел или нет, но звучит очень трагично. Так что снег шел.

С утра проснулись и засобирались. Заправляя кровать, я подбодрил жену — заявил, что вероятность моей посадки исчезающе мала, но для равновесия сказал, что, судя по переносу заседания, вероятность посадки Бро сильно возрастает. Теперь должен признаться, что лукавил тогда. Еще за год я дал кому-то прогноз, что меня посадят года на четыре, а Бро нет, чтобы он почувствовал горечь и дискомфорт. Да, я почти что Ванга.

Обнял Степана и сказал ему, что он в случае чего старший мужик в семье, пусть защищает маму. По причине раннего часа Степан не хотел никого защищать, он хотел мультики. Остап, которому еще не было года, боролся с силой притяжения и, настраивая вестибулярный аппарат, всячески старался не упасть.

Так как спортивной сумки у меня не было, заранее договорились с родителями: мы должны были пересечься с ними и сформировать мне баульчик арестанта. Но сначала, конечно, я заехал за кофе. У меня была традиция: перед каждым заседанием я покупал в «Старбаксе» на Павелецкой гигантский стакан кофе, на котором красовалось имя Олежка. Мне нравилось, когда кричат:

«Олежка, большой моккачино для вас!» Сначала меня переспрашивали на кассе: «Олежка?» — «Ну да, Олежка. Это как маленький Олег». Так как судов было много, через какое-то время я примелькался и меня приветствовали, едва завидев: «Здравствуйте, Олежка». Другие посетители удивлялись: рост у меня без чуть-чуть два метра, а лицо, как говорят, всегда выражает одну эмоцию — ненависть. Если шли допросы важных свидетелей, Бро просил меня взять кофе и ему, с надписью «Борман». Допрос — дело серьезное, какие уж тут шутки.

С парковкой у суда была проблема. Все прилегающие улицы были заставлены автозаками. Их было очень много. Вообще, количество силовиков, стянутых к суду, потрясло меня. Мне казалось, контингент был достаточный, чтобы свергнуть режим в какой-нибудь из стран Прибалтики.

На некотором отдалении припарковались и встретились с матерью и отцом. Их вид был трагичен. Спортивная сумка уже была полна всего и источала материнскую заботу. Это была проблема, так как туда же надо было укладывать результаты моего вчерашнего рейда по супермаркету. В результате две трети припасов перекочевало в багажник. Сумка была собрана. Но

одному ее нести было невозможно — понесли вдвоем с женой.

Незадолго до этого мы смотрели на YouTube ролики, где американские юристы проверяли, как работает конституция. В каком-то штате, где разрешено открытое ношение полуавтоматического оружия, но полностью автоматическое запрещено, они расхаживали по центру города с полуавтоматическим оружием, визуально неотличимым от автоматического. Чувствуете тонкость момента? Их пикировка со стражем порядка была достойна фильмов Тарантино. В конце офицер попросил прощения: «Ребята, извините за беспокойство. Отдельно отмечаю, что я не стал требовать ваши документы, так как для этого нет оснований. Также выражаю вам благодарность: пока вы тут расхаживаете с оружием, похожим на автоматы, никому не захочется совершать правонарушения». Под большим впечатлением мы решили проверить, как работает конституция в Российской Федерации. У меня есть шапка-маска. На ней вышиты веселенькие усы, выглядит это примерно так:

Ну, я надел ее, и мы пошли. Маски не запрещены, и в соответствии с Конституцией Российской Федерации я вполне мог ее носить. Собственно, надев маску, я решил проверить, насколько сотни полицейских, окруживших суд, знают Основной закон.

Где-то за двести метров нас остановили пять раз. Документы сначала проверяли агрессивно, обнюхивали собаками, но, изучив паспорт и поняв, что я — одно из основных действующих лиц происходящего цирка, отпускали дальше, признавая, что, да, шапку носить можно.

Сам суд был огорожен. Перед узким проходом была непреодолимая толпа журналистов. Дальше случилась проблема следующего характера. Стоим полностью зажатые толпой. В одной руке у меня стакан кофе с надписью «Олежка», в другой — сумка, на другом конце сумки — жена. На голове — маска. Журналисты косятся. «Пропустите, говорю, господа. Я брат Навального, меня тут должны судить». Все смотрят с недоверием, кто-то с улыбкой, в основном с пренебрежением, подозревая во мне маргинала.

Сумку отпустить нельзя, так как есть вероятность, что ее тут же смоет людской массой. Но сумка — черт с ней. Опасаюсь за хрупкую Вико. При помощи одной только головы маску снять не могу. На помощь приходит закон, как в любом правовом государстве. С четкостью, которая свидетельствует о долгих тренировках, толпу режет клин полисменов — из толпы выдергивают экстремиста. Экстремист выливает содержимое стаканчика с кофе на одного из стражей. Бледно-бежевые брызги почти сразу застывают на морозе и на менте, напоминая собравшимся, что скоро Новый год.

Экстремист — это я.

Экстремист кричит: «Что вы делаете, дебилы?!» — и, улучая момент, сдирает маску. Судебный пристав, стоящий на входе, узнает меня и убеждает стражей, что я не экстремист. Пристав с укором говорит:

— Провоцируете, Олег Анатольевич.

Страж, облитый кофе, что-то мямлит про то, что маска — это спецсредства. Требую у толпы вернуть мне жену и сумку. Жену возвращают слегка взъерошенную, но веселую.

Дальше все очень стремительно. Судья читает резолютивную часть решения. Присуждает мне три с половиной года колонии. Я пишу в чат в WhatsApp друзьям: «3,5. Я поехал». Выключаю телефон и отдаю его жене.

Брату присуждают три с половиной условно. Это всех шокирует.

Надевают наручники, ведут в клетку. Думаю о том, как я попру сумку один.

Когда журналисты уходят, мне через прутья клетки разрешают поцеловать жену и пожать руку отцу. Договариваемся с приставами, что из моей неподъемной сумки и практично подготовленной сумки Бро сделают что-то одно.

Бро говорит, чтобы я не переживал, о семье позаботятся. Это очень помогает.

Дело в том, что на момент приговора:

— часть моих проектов умерла и требовала деньги на

похороны;

— часть моих проектов была в процессе и требовала денег на развитие;

— часть моих проектов была в стадии развития, денег еще не приносила, но иногда приносила убытки.

То есть нужны были деньги, а денег у меня как раз не было. Честно говоря, отпусти меня тогда суд, не очень представляю, как бы я выкручивался. Ну а тут такая удача — отправили на гособеспечение. Слепили сумку, и меня, в наручниках, со свитой охраны, повели куда-то вниз.

Карантин

Пишу эти строки ровнехонько через два года после того, как попал в тюрьму. Нахожу это очень символичным. Тогда символизма не подмечал. Хотя он был налицо.

Например, в зал суда можно было подняться на лифте или по широкой светлой лестнице. В подвал, из которого отправляют в СИЗО, ход был узкий, темный и безальтернативно пеший. Думаю, примерно по такому лазу какой-нибудь там папа римский сбегал из Ватикана. Символизм же моего лаза явно был в том, что арестант должен страдать, жизнь его темна.

Внизу такое небольшое помещение, предбанник: прямо — выход, направо — небольшие камеры, в них держат до прибытия автозака. Куча милиционеров с разным количеством звезд на погонах. Все очень вежливые, половина с регистраторами, половина с видеокамерами (уж не знаю, для чего они всё снимали).

Первое, с чем знакомится арестант, — это обыск, и дальше этот «знакомый» путешествует с ним повсюду. Сначала чудно, но быстро привыкаешь. Ну, это как плюнуть на все и начать путешествовать по миру с цыганским табором. Сначала — вау! А потом: конский волос повсюду, пророчества по линиям руки не такие уж точные, постоянно воняешь костром. Приедается, короче.

Ну так вот, обыскали. В моменте полного ню я, конечно, потребовал прервать онлайн-трансляцию, а то мало ли. Вещи все тщательно ощупали, каждый шовчик. Потом принялись за сумку, и давай все вскрывать. Куча лапши быстрого приготовления, нарезок с колбасой, сигарет блоков двадцать, наверное. Одним словом, в тюрьму собрался. Спрашиваю: «Зачем вскрываете, в чем скрытый смысл? Ведь запечатано все». — «Порядок такой». Ну это все объясняет, конечно.

В итоге все уцелело, кроме зажигалок. Где-то на форуме перед закупкой прочел, что спички нельзя, а зажигалки можно. Все как раз наоборот. Так что все десять зажигалок остались у обыскивающих, а я остался без огня.

Но дальше у них случился ступор и паника. Дело в том, что у меня при себе было пять тысяч рублей. Ставлю свой последний шиллинг, что в обычной ситуации проблем не возникает и деньги меняют владельца. Прежнему говорят что-то в духе «не положено». Со мной случай, понятное дело, особый. Все забегали, стали звонить руководству. В результате выяснили, что со специальным актом (пришлось дополнительно звонить, выяснять,

что за акт) деньги отконвоируют со мной в СИЗО, где они будут зачислены на мой счет. Фух! Все смахнули пот с фуражек. Я подумал: «Что за счет?» — и попросился покурить. Сказали, что нельзя, потом выключили регистраторы, отвели в бокс, дали сигарет и прикурить.

Курю. Из угла в угол не хожу, так как бокс — два на два метра. Думаю: хрень какая-то. Почему столько народу? Чего это вежливые все такие? Охренеть у них камеры! Ну и все в таком духе.

Минут через десять выводят, грузят в автозак. Едем. Становится еще подозрительней. В целом камазе я — один. Думаю: с одной стороны, очень удобно, а с другой — это ж сколько надо камазов, чтобы вот так возить всех зэков (это я еще не выключился из режима логиста)…

Минут через двадцать-тридцать куда-то въезжаем. Открывают, спрыгиваю — как в фильме про гусара, о котором надо замолвить слово (почему-то такая ассоциация). Глубокая большая арка, двери в ее размер. В черно-белую полоску. А может, просто черные, а сейчас кажется, что чернобелые были.

Какой-то мужик с документами подходит, говорит: «Пойдем». Пошли через маленькую дверку в здоровой арочной. Входим куда-то, все бетонное, местами выкрашено в салатовый. В целом — аккуратненько. Пошли обыскиваться. Говорю: «Двадцать минут назад обыскивали же!» — «Порядок такой». Вздыхаю (после прошлого обыска понадобились усилия, чтобы сложить сумку так, чтобы закрывалась). Потом меня еще зачем-то смотрели на каком-то рентген-аппарате. Про себя думаю: «Погоди, погоди, это кажется, что логики нет, ты просто не врубился пока».

Смотрят вещи. Заходит какой-то хрен. Размер звезд на погонах больше, чем у тех, что досматривают. Посмотрел на вещи, говорит: «Во вскрытых заводских упаковках нельзя». — «Как нельзя? Их двадцать минут назад в суде вскрыли». — «Порядок такой». И уходит. Стою озадаченный. И не только я.

Чуваки, которые обыскивали, тоже. Потупили немного, потом говорят:

«Забирай». И далее бубнежом: «Всю жизнь было можно, а тут нельзя…»

Потом увели в какую-то убитую камеру, сняли отпечатки пальцев по старинке, измазав все руки в чернилах, и сняли фотку. Причем на веб-камеру, которая была примотана изолентой к какой-то палке.

Спрашиваю: «А что отпечатки не сканируете?» Мужик, который забрал меня из автозака, закатил глаза и говорит: «Боже, как я ненавижу свою работу».

Забавно, что такой же ответ на такой же вопрос при такой же процедуре мне дал сотрудник где-то через три месяца в колонии. Непонятно, почему боль от неправильно выбранного жизненного пути накатывает на вертухая в момент дактилоскопии. Наверное, надо быть вертухаем, чтобы понять.

Потом повели в медсанчасть. Уж не знаю, почему в тюрьме это так по-военному называется. Вырос я в расположении дивизии, поэтому точно знаю, как выглядит медсанчасть. Кабинет в «Бутырке» на нее не похож.

Доктора показались мне настороженными. Сам же я настороженно следил, чтобы кровь брали открытым при мне шприцем. Ну, знаете, спидозные иглы и прочие стереотипы о тюрьме.

> **Отступление о стереотипах.** *В ИК-5 «Нарышкино», где я в итоге оказался, было какое-то количество диабетиков на той стадии, когда им пять раз в день необходимо колоть инсулин. Колоть должны медработники. Но на самом-то деле — кадровый голод, да и инсулинщики сами умеют колоться. Иногда они подходили с улицы и просовывали в отверстие руку. С другой стороны отверстия сидела тетечка, которая обычно выдавала зэкам таблетки, в описываемом же случае — передавала шприц, и зэк кололся сам на улице. Шприцы были не одноразовые, а какие-то постоянного типа, достаточно модные на вид. При этом среди диабетиков попадались зэки с ВИЧ, такая вот печалька. Еще большая печалька случилась, когда стало известно, что одному вичевому и одному невичевому диабетику на недельку спутали шприцы. Вот тебе и стереотипы.*

Потом пошли за матрасом и прочими благами матобеспечения. Там зэк-старичок говорит:

— Привет, Олег!

— Привет! — говорю, а сам думаю, что совсем к черту память на лица. Кто такой?

— А мы тебя со вчера ждем.

Интересно. Сам я вчера планировал услышать приговор через пару недель. Старичок продолжал:

— Да и по радио уже сказали.

— Дела… — говорю, а сам принимаю от него матрас, простыню, одеяло, миску, ложку, кружку и тапочки из кожзама 42-го размера (у меня 46-й).

— А я ведь тоже, — говорит старичок (брови его изображают крышу печальной избушки).

— В смысле?

— Из Воронежского ОНФ.

— Дела. — говорю, а сам думаю: «Да почему тоже-то?»

— Шесть лет. Да старый уже. Дочь в Москве, вот тут решил остаться.

— Ну, до свидания.

Сопровождающий, к счастью, решил, что не стоит затягивать беседу, и увел меня. Идем: коридор, коридор, коридор пошире, по бокам двери камер, посреди коридора — пост. На посту тетечка. «Ничесе, думаю, тетечка-вертухай».

— О, Олег Анатольич, ну привет!

Да уж, думаю, судя по всему, я последний узнал, что сегодня надо сидеть в тюрьме. Поздоровался со всей галантностью. Женщина, кстати, очень хорошая. Подводит к камере № 57. Это хорошо, так как я навьючен, как ишак, сумкой и матрасом и движение дается все тяжелее. Открывают.

— Нет, — говорю я после паузы, — это не может быть тюрьмой.

Внутри двое аккуратных нар, все свежее, выстиранное и чистое, туалет отдельной кабинкой, стол, стеклопакет — хоть и за решеткой.

— Телевизора, говорю, недостает.

Женщина смеется:

— Не волнуйся, это и не тюрьма пока, а телевизора в этой хате нет. На всех не хватает.

— А что это? — сам судорожно обдумываю мысль, что если на эту хату телевизора не хватило, значит, есть такие, на которые хватило. В тюрьме, получается, в камерах бывают телевизоры.

— Это карантин.

— А-а-а.

— Мыться пойдешь?

Баня

Безусловно, баня — самый мощный тюремный культ. В каждой книжке про зэков вы найдете хотя бы пару слов о ней.

Когда попадаешь в тюрьму, первым делом тебя ведут в баню (aka санобработка). В 8 утра я помылся, в 10:30 меня осудили, в 11:00 я поступил в карантин, где меня спросили, буду ли я мыться. Точно не понимая, когда снова представится такая возможность, я охотно согласился, взял полотенце и «мыльно-рыльное» (емкое тюремное название любых средств гигиены) и отправился в баню. Сам карантин тогда в «Бутырке» был свежеотремонтированный, а баня — нет, и смотрелась она на общем фоне примерно как гнилой передний зуб на улыбке Анджелины Джоли. Ничего сверхмерзкого, просто не отремонтировано.

Плитка — ржаво-желтая, то ли от времени, то ли по задумке. По ней хаотично раскидана хамелеоном сеточка водопроводных труб. Почему хамелеоном? Потому что колер загнутых крюками труб был идентичен цвету стен, даже в тех местах, где плитка была сколота или просто отсутствовала. Вода, которая льется из трубы, слегка красноватая, как бы призванная напоминать о коммунистическом прошлом.

Вообще, почему баня, а не душевая? Это, скорее всего, отсылка к богатой каторжно-лагерной истории страны. Загляните в описание бани в «Записках из Мертвого дома». Вот это жесткач. Уверен, что если Страшный суд существует, то прокладчикам водопровода в тюрьмы там многое прощается.

Банями меряют срок тактически: в короткой перспективе. «Не успел оглянуться — снова баня». Это значит — очень быстро идет время. Впрочем, это ложь, что баня так незаметно подкрадывается: чистым ты бываешь раз в неделю, в остальные дни — все более и более грязным.

По нормативам баня должна быть не менее одного раза в неделю, продолжительностью не менее пятнадцати минут. По идее, если есть возможность, банных дней можно было бы сделать больше, а сами помывки — дольше. Но нет: раз в неделю, пятнадцать минут. Как-нибудь попробуйте. Не забудьте, что надо не только помыться, а еще постирать скудный, но все же гардероб.

К счастью, тупость закона разбивается о мелкую коррупцию, и за пачку сигарет на «Бутырке» можно было мыться хоть час (минимальная необходимая продолжительность). Так что ограничиваться пятнадцатью минутами мне приходилось нечасто

— в основном в карцерах, если было много народу, и в лоботомическом СИЗО г. Орел.

Бани в «Бутырке» были разные. Одна — просто омерзительная. Абсолютно убитое пространство метров двадцать площадью, разделенное на три секции: предбанник, душевая и темный тамбур непонятного назначения, пол которого был по щиколотку залит мыльной водой с плавающей волосней и одноразовыми станками. Естественно, перешагнуть этот «милый» водоем нельзя, путь только напрямик. В самой душевой вода почти не льется, но то, что льется, — крутой кипяток.

Остальные бани в крыле были элитные, светлые, с новыми душевыми лейками, только отремонтированные. Еще одна пачка сигарет — и больше в плохую баню я не ходил. Довольно экзотики.

На самом деле в СИЗО можно было мыться чаще, чем раз в неделю. Но для этого нужно было записаться в спортзал, где была душевая. Сделать это у меня не получилось: тогда в «Бутырке» сидел Александр Емельяненко, и, по словам администрации, он букировал спортзал фултайм. Очень демократично.

При этом еще в СИЗО у сиделого сокамерника я уточнил, как обстоят дела с баней в лагере, и получил инфу, что тем же инструментом (пачка сигарет) можно увеличить количество банных дней. Это была хорошая новость. Мыться раз в неделю — это то, к чему я так и не смог привыкнуть.

Надо сказать, что, когда я уже приехал в лагерь, ИК-5 «Нарышкино», тамошняя реальность в разы превзошла всякие ожидания. В отряде была не просто душевая — там был установлен бойлер (водопроводная вода, понятное дело, только холодная). Это потрясло мое воображение. Стереотипная картина лагеря такого совершенно не предполагала.

Как и в любом неравноправном обществе, уникальный ресурс экспроприировался доминирующим классом. В отрядах, где рулили козлы, — завхозами, в отрядах, где рулили блатные, — братвой. Те, кому не везло входить в доминантную группу, мылись раз в неделю в бане и на работе, если специальность предполагала помывку. В этом смысле особенно везло баландерам и банщикам: душевые кабины у них были поистине шикарные, как в лучших домах Филадельфии.

На промзону я там не попал, но мне картинно описали групповой душ швейщиков после смены. Примерно так я себе представлял санобработку прибывающих в Аушвиц.

В спецотряде, куда прибыл я, мною же была реализована утопическая идея равноправия: доступ к душу был обеспечен всем, кроме обиженных (им можно только в общей бане, в

специально отведенных местах). Бойлер небольшой, и, с учетом того, что зэков было сорок человек, мыться в основном приходилось водой скорее теплой, чем горячей. Но после еженедельной процедуры мытье два раза в день казалось счастьем. Нагревательный прибор представлял собой цилиндрическую бочку с тэном внутри. Предохранитель, отвечавший за автоматическое отключение при достижении определенной температуры, не работал, и, когда очаг забывали отключать, вода вскипала, а тэн горел.

Как и почти все достижения быта в исправительно-трудовой колонии, бойлеры и сантехника приобретались зэками разных периодов. Вместо сгоревшего тэна какой-нибудь знакомый или родственник привозил новый (1000 рублей), и он менялся силами сантехников за пачку сигарет. Наш нехозяйственный завхоз очень мучительно добивался разрешения каждый раз, когда требовалось заменить тэн или иной девайс, вышедший из строя. Поэтому периодически на неделю-другую я оставался без душа. Естественно, я предлагал привезти сразу десять тэнов, но когда завхоз ретранслировал эту идею администрации, она была отвергнута — ведь так снижалось количество унижений и заискиваний, а как еще администрации чувствовать свою власть?

Потом поломка тэна совпала с очередной моей конфронтацией с начальствующим составом. Администрация наложила запрет на поставку запчастей, недвусмысленно намекая, кто виноват в бытовых проблемах отряда. Но стратегия, рассчитанная на то, что зэки будут на меня давить, не сработала. Во-первых, из-за моего статуса селебрити. Во-вторых, потому что я невозмутимо продолжал мыться в душе два раза в день под ледяной водой, подавая всем пример стойкости и демонстрируя бессмысленность провокационных действий администрации. В целом должен сказать, что после минуты ледяного душа тело не очень-то понимает, моется оно под кипятком или под водой температурой 13 °C, так что за неделю я вполне привык, к тому же на дворе было лето.

Банный день был в пятницу, и в общую баню я сходил всего один раз за весь срок — скорее из любопытства. Ничего выдающегося. Здоровенная комната с трубами по стенам. Стены — вечно сопровождающего такие места цвета пальцев курильщика. Лейки крайние слева — для обиженных. Вода, понятное дело, горячая, но, чтобы тренировать в себе принципиальность, я отверг идею использовать горячую воду в общей бане на постояннокоррупционной основе и героически продолжил мыться ледяной в отряде.

Так продолжалось примерно все лето. На какой-то комиссии,

где на меня накладывали очередное взыскание, у меня поинтересовались, есть ли вопросы, а я поинтересовался, когда починят бойлер в отряде. Начальник колонии ничего не знал о тэновом противостоянии и, видимо, перепугался, что я буду жаловаться куда-то выше. Он дал поручение, и в этот же день в отряде смонтировали невесть откуда взявшегося монстра AEG — на несколько сотен литров и стоимостью несколько сотен тысяч рублей.

Это была победа. Отныне 24/7 вода лилась горячей неисчерпаемой рекой. Бойлер был поставлен мне в личную заслугу.

Впрочем, с переводом меня на специальные условия содержания (СУС) эта чудесная сказка закончилась. Мыться я стал только по субботам, всегда в шесть утра (к счастью, не пятнадцать минут, а около часа). Но этого чертовски, чертовски мало. Позже в правила были внесены изменения, и бань в неделю стало две. Тюрьма становилась не той.

Кстати, вот еще забавное о банях. В каждом лагере есть свои странные или непонятные традиции, которые то ли вытекают из криминальных понятий, то ли являются их неправильными интерпретациями. Так вот, в ИК-5, как оказалось, не принято мыться голым, а надо мыться в трусах (в «Бутырке», например, моются голышом — как посоветовал бы любой специалист по гигиене). Ну, то есть предъявить претензий по этому поводу нельзя, но все будут очень косо смотреть. Такая странная нарышкинская традиция имеет следующие корни: если до зэка дотронуться пенисом, то он автоматически переходит в касту обиженных. Даже случайно! Не уверен, что с таким категоричным подходом согласились бы опытные тюремные теологи, но в ИК-5 это считалось абсолютно несмываемым позором. Чтобы избежать драматичных случайных столкновений, все моются в трусах. Ужасно смешно, что грозные грабители, разбойники и убийцы панически боятся случайного прикосновения такого, в сущности, безобидного предмета.

Стоит ли говорить, что о существовании этой постановы я не знал. Даже ведь в голову не придет такое спрашивать: «А как правильно мыться — в трусах или без?» Когда я впервые пошел в баню вместе с остальными арестантами на СУСе, то был немало удивлен тому, что они сбились в кучу в противоположном углу бани и боятся подходить. Я, конечно, не особо атлетично сложен, но и без явных признаков проказы. Когда выяснилось про ню-табу, я был дико смущен. До конца срока пришлось мыться в трусах. Странновато, но традиции есть традиции.

Первый день в СИЗО

Ну вот, сижу я помытый в камере. Думаю. В основном о том, что будет, когда попаду непосредственно в тюрьму. Прежде всего вспоминается сцена из «Джентльменов удачи», где здоровый урка говорит вновь прибывшему, что место новичка возле параши. В кино ситуация выглядела смешнее, чем в моем воображении.

А еще представляю: вот я в камере, вооружившись заточкой, кружусь в танце смерти с кем-то синим от наколок. Со стороны кажется, что как-то нелепо кружусь, неуверенно, что ли. Ищу причины неуверенности, прихожу к выводу, что последняя серьезная драка хоть и завершилась в мою пользу, но была лет четырнадцать назад и без заточек.

Думаю, что теперь готовить себя к кулачному бою поздновато, да и видеокамера под потолком — при ней как-то стыдно. Успокаиваю себя, вспомнив разговор героев «Бойцовского клуба»:

— С кем бы ты подрался из исторических личностей?

— С Линкольном.

— С Линкольном?

— Ага. Высокий, руки длинные. Тощие бьются до конца.

Ну, фух! Я, конечно, не Линкольн, но вроде не толстый и рост — метр девяносто. Значит, буду биться до конца. Стал читать «Лед» Сорокина — единственную книжку, что у меня была с собой. Я ее уже читал, даже не знаю, зачем взял.

Через какое-то время открывают дверь. Заходят две женщины и один надзиратель. Вроде какой-то майор.

Правозащитники. Общий смысл: мы тут мимо проходили, дай, думаем, заглянем.

— Ну, как дела?

— Хорошо, говорю, уютненько тут, и информационный материал забавный.

В камере лежали образцы заявлений в формате «Отказываюсь от приема пищи по причине _____».

— Это я придумала, — говорит одна из них.

— Удобно, — говорю.

— Какие-нибудь просьбы есть?

— А у вас случайно спичек не найдется? А то я сумку сигарет взял с собой, а со спичками не сложилось.

Дают пару коробков. Восторг. Прощаемся. Лежу. Курю. Думаю: «А не так плохо!» Заварил себе «Доширак» — вообще хорошо. Чистенько и правозащитники. Зря ругают тюрьмы все-таки.

На ужин попробовал баланду — не особо вкусно, но черви не плавают и горячая, жить можно. (Есть не стал, гордо ограничившись бутербродами с привезенной с собой брауншвейгской — попортится ведь.) Тетечка-охранник говорит:

— Я к тебе попозже соседа подселю, хорошо?

— Неужто и это регулируется моим желанием?

— Да не особо.

— Конечно, подселяйте, в компании веселее.

Позже приводят чувачка. Весь на суете, говорит быстро. Интересуюсь статьей: точно — мошенник. Стало быть, коллеги. Он сразу к окну, а оно высоко, под потолком почти и глубоко утоплено, не открывается.

— Давно тут? — спрашивает.

— С обеда где-то.

— Дороги тут есть?

— Чего?

— Понятно все.

Осматривает окно, заключает:

— Нет, на этой стороне нет. Черт. Мне связь позарез нужна. Жена без денег осталась, ей деньги только по моему звонку привезут.

— Тут телефоны есть?

— Тут все есть, — смотрит с укоризной. — Слушай, братан, не обессудь, но мне в другую хату надо, позвонить нужно позарез.

— Ну конечно, если надо…

Самому, конечно, жалко, что знакомство не удалось. Закуриваем.

— За что сидишь? — интересуется.

— Да так-то сложно сказать.

— Погоди-ка, а фамилия у тебя как?

— Навальный.

— Та-а-ак, — тушит сигарету. — Тут мне точно телефона не будет.

Идет долбиться в дверь. Тетечка подходит минут через пять:

— Что случилось?

— Уважаемая, мне очень надо переехать, желательно в те камеры, что напротив.

— Это чегой-то?

— Ну, мы не сошлись в политических взглядах.

— Чего?

— Не можем сидеть, разные взгляды на госстроительство.

— Ничего не знаю.

Ну и в таком духе еще минут пять. Тетечка под конец вскипела. Я тебя, говорит, сейчас к петухам посажу. Юмор

тюремный, наверное.

Но потом она его все-таки перевела. Вроде понятная такая ситуация: чувак сразу смекнул, что камера, где сидит известный зэк, под более пристальным контролем, поэтому связь с внешним миром будет проблемой. Но тут важна процедурная часть. У зэка есть два способа покинуть камеру:

1. Быть выведенным оттуда по воле сотрудника.

2. Попроситься самому в другую камеру, то есть «сломиться с хаты». А с хаты ломят за какие-то поступки.

Хоть в описанном случае чувака никто не выгонял, но процедурно тут вариантов нет. Чувак с хаты сломился. И причины не имеют значения — страдания отдельно взятой хаты должны быть разделены по-братски. А значит, я, не проведя в тюрьме и дня, чувака с хаты сломил.

Мама ама криминал.

Кстати, после отбоя чувак этот очень просился обратно, ну очень-очень. Тетка в этот раз была непреклонна — после отбоя двери не открываются.

Уж не знаю, что у него там за проблема возникла. Судя по истерическим ноткам в голосе, проблема была. Может, и вправду к петухам его посадили (но навряд ли), а может, те, к кому он подсел, объяснили, что, сломившись с хаты, сидеть теперь можно только с такими же, — неизвестно. Ясно одно: дважды просить о переводе в первый день пребывания в СИЗО — не очень хороший старт.

Для трагичности, наверное, нужно было бы написать, что первая ночь в тюрьме была бессонной. Но писать я постараюсь максимально честно, поэтому стоит признать, что заснул я быстро и прекрасно выспался.

Свет включают в шесть утра, но не будят. Обычно я вставал часов в восемь, но в первый день с непривычки, конечно, был с шести на ногах. Ну как на ногах — лежал себе и читал.

В обед тетечка передала мне письма, несказанно меня удивив. Есть, оказывается, такая услуга «ФСИН-письмо». Заходишь на сайт, пишешь в специальной форме письмо, в тюрьме распечатывают и отдают адресату. Если оплатить ответ, то к распечатке прилагается чистый лист, на котором адресат пишет ручкой. Потом его сканируют и отправляют на волю. Очень продвинуто и удобно.

Письма было два: одно — от матери, другое — от незнакомой женщины с фото меня, Вико, Степана и Остапа. Уезжая, я не взял фотографий и отдельно оговаривал, чтобы мне в случае чего их не слали: думал, это будет причинять душевные страдания. Тут я, конечно, оказался не прав, и очень было классно получить

фоточку. Был тронут. (Потом я постоянно требовал высылать мне фотки и скопил несколько тысяч — если бы захотел их все пересмотреть, мог бы занять этим пару-тройку дней фултайм.)

Спросил тетечку, не подселит ли она кого-нибудь ко мне, ведь все-таки Новый год, одному скучновато. Тетечка сказала, что вероятность моей встречи Нового года на карантине стремится к нулю.

Потом пришел майор, который вчера был с правозащитниками, и куда-то меня повел по «Бутырке». Куда — уже не помню, на какую-то очередную регистрационную процедуру. Но это не сильно важно: главное — получилась экскурсия по тюрьме.

Шли долго, через кучу коридоров и дверей. Майор их отпирал и запирал, удивляя меня тем, как он безошибочно выбирает нужный ключ из огромной связки. Когда нам попадалась хозобслуга, которая выдавала обеды в камеры, мы останавливались, майор требовал закрыть окошко раздачи, и только потом мы проходили мимо. Это меня удивило: не очень понятно, что за опасность могла исходить из окошка, в которое пролезает только миска, но мне разъяснили, что таков порядок, и все вопросы отпали.

Проходя по какому-то из коридоров, увидел, что дверь одной из камер открыта и там роется куча сотрудников, выбрасывают в коридор что-то невнятное: веревки, сигаретные пачки, коробки спичек. Все жильцы камеры — человек, наверное, пятьдесят — находились в огороженном решетками торце коридора, через который пролегал наш путь.

«Вот она, первая встреча со злыми зэками», — с волнением думал я и, приближаясь, прокашлялся, чтобы случайно не поздороваться фальцетом.

Зэки выглядели очень зэками. Во-первых, все небритые, во-вторых, все нерусские, а значит — взгляд из-под монобровии и из недр темных мешков. В основном все стояли в куче, только трое барражировали туда-сюда, крутя четки и сутулясь.

— Всем отойти к стене, — приказал майор.

Его не послушались. Тогда он приказал еще раз, и зэки слегка подвинулись к стене, всем своим видом показывая, что это они не подчиняются приказу, а просто решили размяться и отойти, к примеру, к стене.

— Арестанты, всех приветствую! — говорю.

— Здорово, здорово! — много ответов и, кстати, дружелюбных.

— Из какой хаты?

— Пятьдесят седьмой. — Мне бы тут ответить, что с

карантина, но я этого еще не знал, а зэки остались в задумчивости, что это за хата такая. Кстати, номер хаты на карантине пророческий, а почему пророческий, вы поймете, если знаете номера регионов РФ, указанные на автомобильных номерах.

На этом мое первое знакомство с зэками завершилось. По его итогам у меня сложилось впечатление, что из русских в «Бутырке» только я, майор и чувак-мошенник, но он не в счет.

Позже за мной пришли в камеру и сказали: «С вещами на выход». Я собрал все, что у меня было, — кроме казенных миски, ложки и кружки, так как у меня были свои (о чем впоследствии пожалел, потом они могли бы очень пригодиться в хозяйстве), — и поплелся куда-то по переходам «Бутырки».

Привели в другое крыло. Там надзиратель-девочка. Дородная и менее приветливая.

Подводят к камере № 298. Открывают. Хорошо. Камера маленькая, на четверо нар. Стоит в ней седой небритый мужик с очень печальным лицом. На столе — таз.

Вхожу, кладу матрас.

— Здоровенько.

— Здорово.

— Олег.

— Руслан.

Жмем руки.

«Чечен», — почему-то думаю я.

— Чечен? — спрашиваю.

— Почему? — удивляется Руслан. — Русский, из Владимира.

— А что в тазу?

— Оливье.

Не успел разложиться, заходят за мной — к адвокату. Долго куда-то ведут, там — мой адвокат Кирилл.

Ну, я в хорошем настроении, он тоже приободряется (наверное, готовился меня утешать).

Выясняется следующая штука. Меня отправили в тюрьму без приговора, чего вообще не может быть, так как непонятно, на каком основании меня приняли в СИЗО. Я вспоминаю, что мне дали какую-то бумажку, но она в камере осталась. Кирилл сокрушается, бумажка очень нужна, сегодня отправляют жалобу в ЕСПЧ. Зову охранника, прошу отвести в камеру за бумажкой. Охранник всем видом демонстрирует возмущение. Я объясняю ему, что очень надо, на кону жалоба в ЕСПЧ. Войдя в положение, он долго ведет меня туда, а потом так же долго обратно.

Почему я это все объясняю? Если кто-то сидел в московских СИЗО, он знает, что день визита адвоката выглядит так. Приходит

сотрудник, со всего крыла долго собирает зэков, ведет их в адвокатское крыло и запирает в боксы. Там они ждут. Потом общаются с адвокатом. Потом снова боксы, и через три-четыре часа, когда все уже обезумели в клетках два на два метра, задыхаются от сигаретного дыма и нестерпимо хотят в туалет, их толпой ведут через всю тюрьму и разводят по камерам.

А тут я бумажку забыл — давайте вернемся! Есть все-таки свои плюсы в том, чтобы быть политзэком. Только вот главный минус — сидишь ни за что.

По возвращении в камеру я продолжил процедуру знакомства. Руслан был подавлен. К Новому году всей хатой, где он до этого жил, готовились основательно. Были приготовлены яства. В новогоднюю ночь он планировал устроить видеомост с застольем своей семьи. Внезапно его попросили с вещами. Вся камера долго сопротивлялась такой вопиющей несправедливости в канун Нового года, но начальник был непреклонен. Руслана, находившегося в прострации, собирали всем миром, дали таз с оливье, какие-то наспех собранные вещи, продукты и отправили, обняв.

В той хате было тридцать человек, которые уже успели стать друзьями. Там были телевизор, средство связи, богато накрытый стол. В этой хате был непонятный я, таз оливье, стратегический запас «Доширака» и колбасы, полное отсутствие мультимедийных девайсов и строгая девочка-вертухай. В 21:00 выключали свет и не соглашались его включить, несмотря на чудо Нового года.

О том, что Новый год наступил, мы узнали, когда заметили салют. Вся «Бутырка» начала бить в двери. Кстати, очень впечатляет.

Впрочем, попытка выйти на контакт с цивилизацией все же была предпринята. Когда я пришел от адвоката, Руслан заявил, что нам надо «наладиться». Я честно сказал, что не знаю как. Руслан призвал меня не беспокоиться, так как был «дорожником». Это сработало, я не беспокоился.

После отбоя мы стали делать «коня». Делал в основном Руслан. Я сочувствовал. Конь — это веревка, при помощи которой передается информация в записках («малява», «муля») и различные презенты («груза»), в том числе и запретные («запреты»). Конь требует материала. Угнетенный чувством вины из-за того, что Руслана, очевидно, изолировали, просто чтобы у меня была компания, я пожертвовал простыню. У меня все равно была запасная.

Вычислив необходимую длину коня по высоте расположения решетки («решки») и предположительной толщине пола, Руслан мастерски нарезал из простыни тонкие полоски и принялся

плести косичку, зацепив один край полос за решку. Я же стоял «на стреме», прислушиваясь к передвижению охраны у дверей камеры («тормозов»). Это было увлекательно.

Чтобы наладить связь с другой камерой, надо знать ее номер, неистово проорать его и предложить «наладиться». Шоковое состояние Руслана и моя неопытность в этих делах лишали нас знания о номерах камер, расположенных рядом. Ну, то есть мы знали, что слева 297, а справа 299, однако конструктивная особенность нашей решки и поджимающие сроки обесценивали эту информацию. Мы могли наладиться быстро, только спустив коня вниз, чтобы его удочкой поймали там. Наверное, можно было просто проорать соседям и спросить, какие номера у камер внизу, но это, видимо, несерьезный метод. Исследуя стены камеры, я нашел схему расположения хат вокруг, составленную прежними жителями хаты. Но, несмотря на это и на то, что Руслан сплел отменного коня, ничего не получилось. На голос никто не подтянулся. Когда мы начали налаживаться, было уже где-то 21:00.

— Все уже пьяные, — грустно сказал Руслан. — Новый год.

Так мы и встретили 2015-й. В полутьме ночника. В тюрьме внутри тюрьмы.

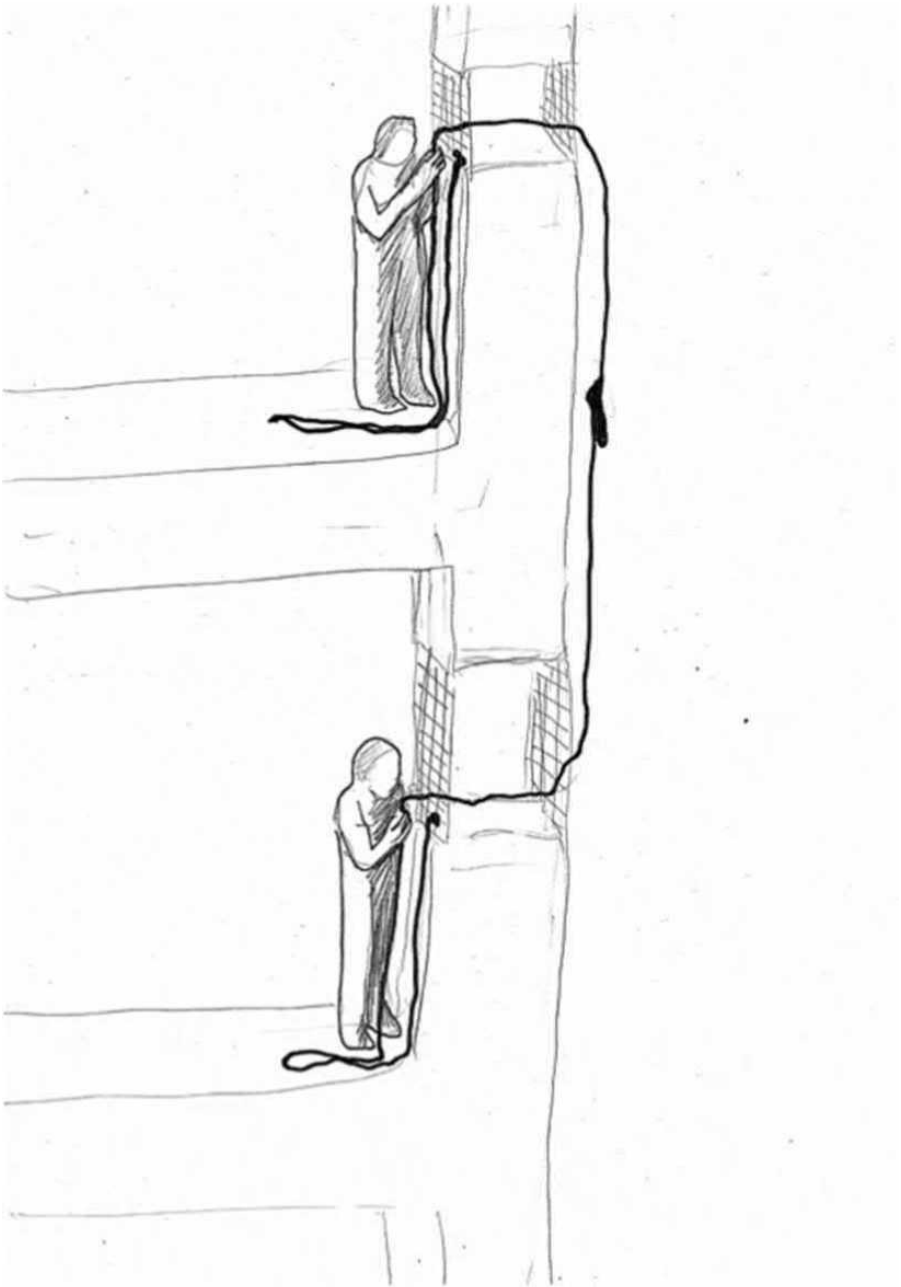
Поедая оливье. Руслан, наверное, — в депрессии, я — не особо. Мне было интересно. Тюрьма все-таки.

Наладка

Вообще говоря, логистика грузов и письменных сообщений в тюрьме очень крута.

Начать надо с того, что у нее есть свой штат: дорожники — зэки, которые стоят у решетки, всю ночь отправляют и получают корреспонденцию, ведут учет и несут ответственность. Есть своя сопроводительная документация и логистическая схема, моментально адаптирующаяся к изменениям функционала транспортных узлов.

Доставка обеспечивается с помощью веревок. Если идти по СИЗО во время массовых обысков, то можно видеть, наверное, километры конфискованных веревок. Но это не мешает в ту же ночь полностью их восстановить. Веревки делаются из всего подряд (кстати, с этой точки зрения порядок изымать у зэков ремни и шнурки при помещении под стражу просто смехотворен). В ход идут в основном простыни, которые режутся на тонкие полосы, а также шерстяные носки и свитера, которые просто распускаются. Затем дорожники или просто бездельничий народ (aka бандерлоги) плетут из материала веревки. Плетут постоянно, поскольку веревки не только отбирают на обысках, но они еще и довольно быстро перетираются от эксплуатации.

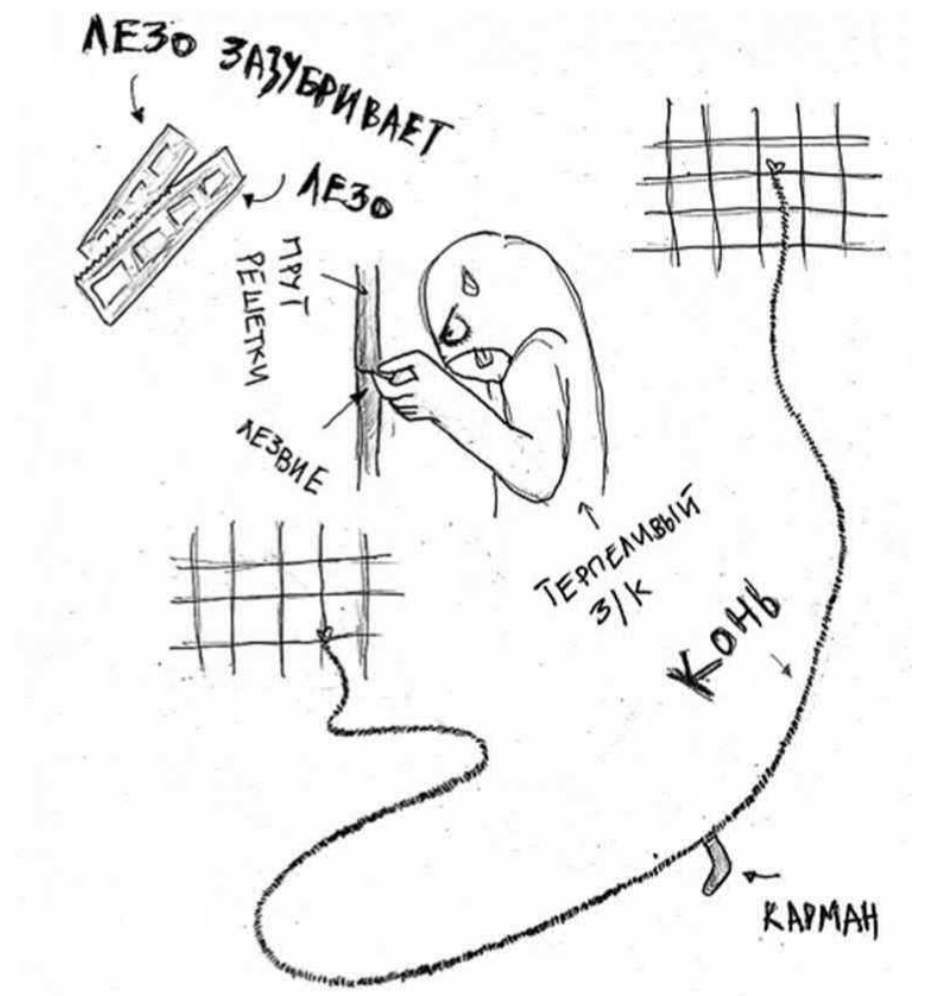


В результате получается конь. Длина коня должна быть вдвое больше расстояния между камерами. Точка передачи, соответственно, получается где-то посередине. Туда обычно привязывается носок («карман»), в который помещают маляву.

Для переброски товаров кармана не хватает, поэтому из

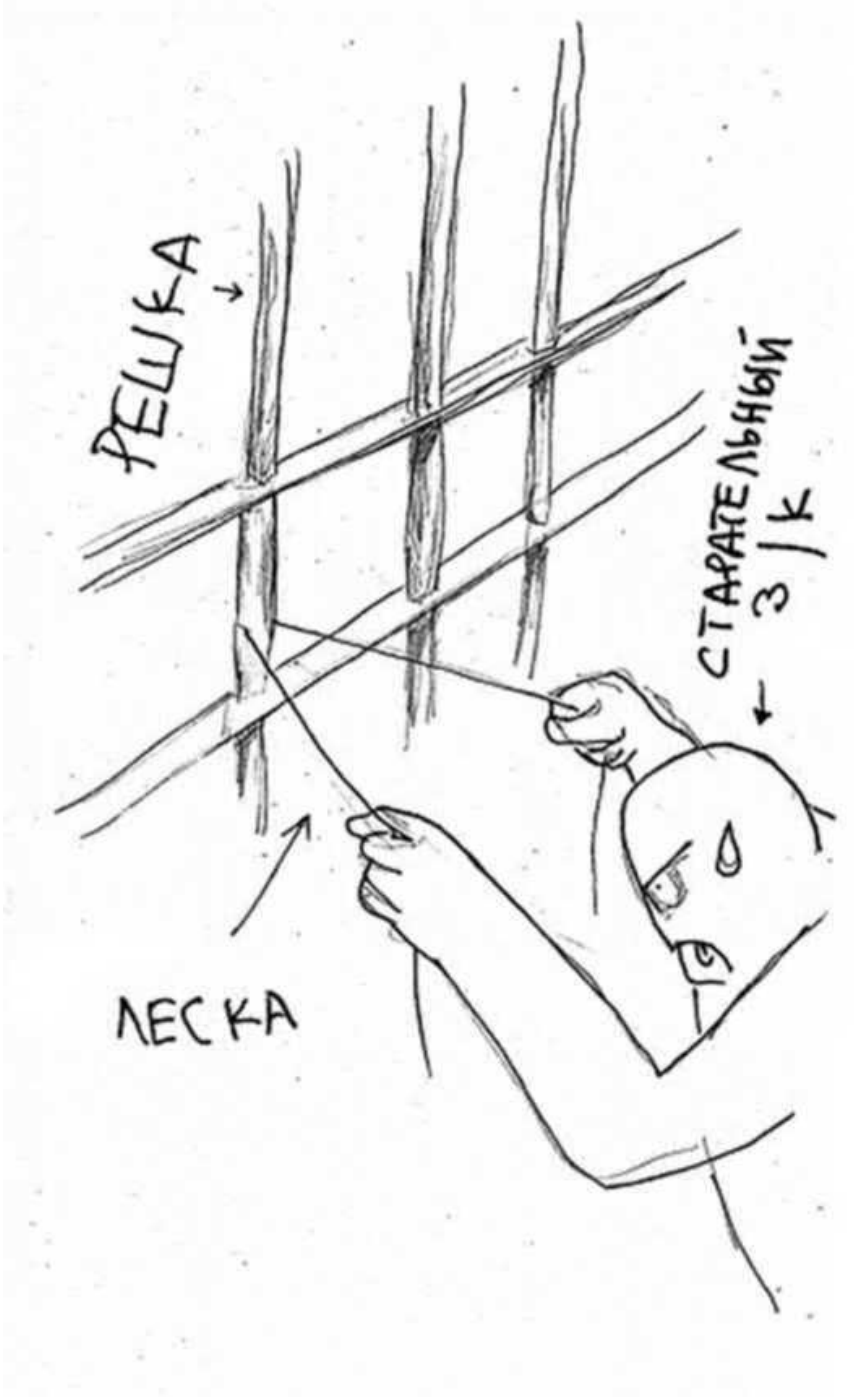
казенных вафельных полотенец сшивают мешки. В них передают груза обычно килограммов до пяти (больше не удобно и рискованно — диверсифицируй риски, bitch). Тут самое место удивляться: как же протащить через решетку целый мешок?

Основных способов два. Первый: развязать мешок перед решеткой и втащить груз порционно. Но, во-первых, это не всегда возможно технически. Во-вторых, это долго. А в-третьих, не пристало свободолюбивому арестанту останавливаться перед таким мелким препятствием, как решетка.



Отсюда второй способ — выпилить («разморозить») решетку. Тут самое место задаться вопросом: как? Во-первых, можно подкупить охранника, чтобы он принес ножовку, но это не так интересно. Во-вторых, оказывается, что при наличии свободного времени и отсутствии более интересных занятий некоторые

решетки можно перепилить шерстяной ниткой.



В-третьих (и это самый распространенный метод), можно использовать лезвие от безопасной бритвы. На нем делаются небольшие зазубрины, что превращает ее в маленькую, но все-

таки пилу. Есть еще поверье, что можно сделать из зажигалки, выменянной на пачку сигарет у охранника, автоген. Но надо кучу зажигалок и это утомительно. В принципе, вместо зажигалки можно использовать лампадку, но это все чересчур сложно, лезвие гораздо проще. А вообще, огонь чаще используют не для перепилов, а для того, чтобы пропаять дырочку в дверном глазке и потом приподнимать его карандашиком изнутри, — бывает полезно. Нужен только удлиненный стержень от гелевой ручки (два скрепленных стержня), через который зэк дует на пламя спички, поднесенной к стеклу. Обычно хватает штук пяти спичек.

На «Бутырке» две решетки: внутренняя и внешняя. Последняя еще екатерининских времен. Уж не знаю, из чего она, но лезвием не распилишь толстенные шестигранные прутья. Впрочем, это и не нужно, так как во внешней решетке очень большие ячейки, любой груз пройдет со свистом. Поэтому размораживается только внутренняя решетка. Администрация размороженные решетки постоянно заваривает, зэки заваренные решетки постоянно размораживают, и так по колесу сансары: размораживают — заваривают — размораживают — заваривают — размораживают — заваривают — размораживают.

Когда камера одна под другой, установка связи не стоит больших усилий: сверху скидывают коня, снизу ловят его удочкой — такой палкой с крючком на конце. Палку делают, туго скручивая журнальные листы или нарезая и скручивая спиралью пластиковые бутылки. Это пара способов — в принципе, можно понапридумывать и другие.

Крючок на конце удочки — тоже не особая проблема. Легче всего отломать кусочек решетки, которая закрывает лампу дневного света на потолке (она тоненькая).

С боковой камерой соединяться чуть сложнее. Надо прицепить на коня грузила и, раскачивая его маятником, набросить на удочку, выставленную соседом. Особенно непросто, когда между камерами со стороны улицы проходит короб вентиляции. Тут нужны длинные руки и длинная удочка.

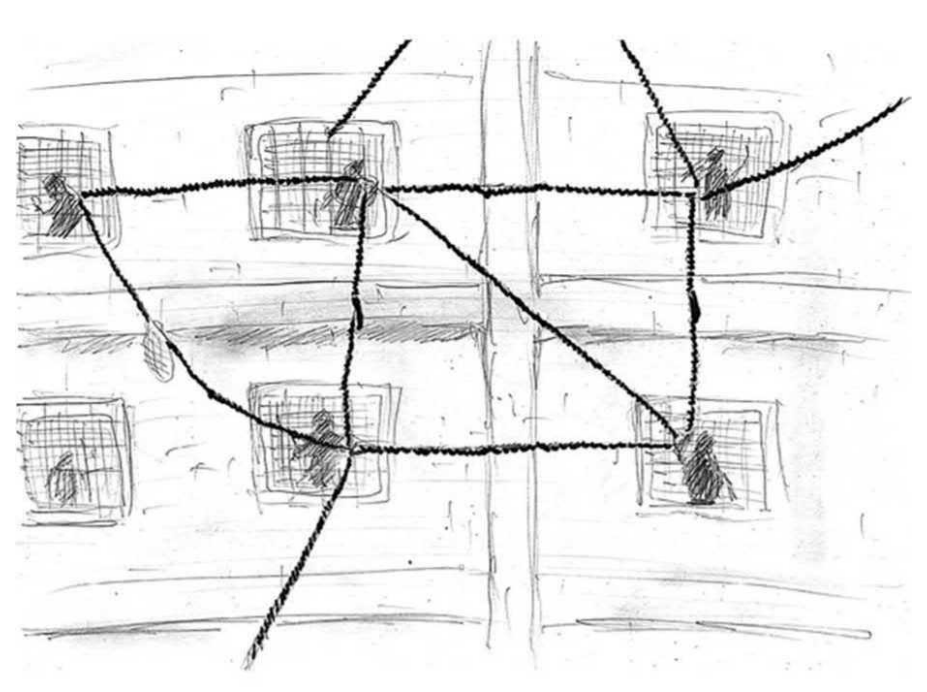
Иногда в таких случаях, а также если надо держать связь с камерой по диагонали, используют парашют. В зависимости от направления ветра в одной из камер к пакету привязывают ниточку, при помощи которой потом будет налажена полноценная дорога, и выбрасывают его наружу. Задача принимающей стороны — его поймать. Это бывает нелегко, и тогда просят дорожника из корпуса напротив, откуда видно обе точки соединения, комментировать полет пакета. Очень занимательное дело, кстати. И небыстрое. Помнится, один раз какие-то бедолаги пять часов подряд этим занимались. Аж

охрипли, причем не только специалисты по логистике (aka дорожники), но и чел из камеры в корпусе напротив, который координировал их действия.

Связь также требуется держать между корпусами. Нижняя от нас камера по диагонали соединялась со зданием напротив, до которого было метров пятьдесят. И дорога проходила как раз над забором с колючкой. Когда по тросу двигался груз, дорожникам приходилось прикладывать массу усилий, чтобы сохранять натяжение коня и не оставить на колючке мешок с сигаретами, телефоном, конфетами, бухлом, наркотой и бог еще знает чем.

Но поскольку расстояния значительные, иногда используют пушку. Это такая трубка, свернутая из журналов и т. д., куда заряжают нитку, привязанную к пыжу (aka пуля или снаряд).

Потом берется зэк с потрясающим объемом легких, и он что есть мочи придает импульс заряду. Характерный выстрел отчетливо слышен по всей округе.



Есть особенно трудные случаи, когда наладка осуществляется с помощью двух пушек, стреляющих в третий объект так, чтобы их нити зацепились друг за друга. Похоже на фантастику. Сам я не видел, но братва утверждала, что да, бывает.

Один из самых простых способов коммуникации — «телефон». В соседних камерах раковины примыкают к одной стене, а значит, и к одному стояку, поэтому можно открутить

сливной шланг под раковиной и общаться. Получается не вполне телефон, потому что можно либо слушать, либо говорить, но все же. Визуально очень напоминает, как фрекен Бок звонит на телевидение из ванной при помощи душевого шланга.

Есть стародревний способ — кабура. Это когда проделывается дырка в стене или в полу в соседнюю камеру. Очень удобно для карцера, где страдальцу не из чего сделать удочку. Уж не помню, о каком СИЗО один персонаж рассказывал, что в кабуру ему спускали шланг, через который поили водкой. Дело правильное: человек на киче крепится (aka страдает), надо его боевой дух поддержать. Таким же способом ему передавали курево и прочие приятные мелочи типа гашиша.

Еще один способ — это «мокрый». Унитаз обезвоживается, подача воды перекрывается. Затем из спичек нужно сделать «ежик» и неистово обмотать его ниткой. Ежик опускается в слив унитаза и смывается большим количеством воды, конец нитки, соответственно, остается в руках аквадорожника. Та же процедура проделывается в другой камере, с которой надо установить связь. Понятное дело, располагаться они должны по одному канализационному стояку. Два ежика обязательно там встретятся и спутаются, соединив нитки, которые потом можно заменить на коня. Так себе способ, лучше бы его вместо «мокрого» назвать «мерзким», но иногда другого варианта просто нет. Это не всегда может работать из-за конструктивных особенностей сливов на унитазах: лучше всего для этих целей (и только для этих целей!) иметь напольный унитаз, однако гуманизация и улучшение бытовых условий в системе нещадно их истребляют.

> **Отступление об унитазах.** *Вроде бы замена напольных унитазов на современные — это хорошо с бытовой точки зрения, но на самом деле — нет.*
>
> *В больших камерах, где по тридцать человек и больше, все равно на унитазы забираются с ногами. А ведь напольный унитаз — это не только способ коммуникации, но и возможность принять душ. Для этого требуется только коррумпировать надзирателя. Он принесет лейку от душа, ее можно подсоединить к крану и в жару поливать себя, стоя в позе Колосса Родосского на унитазе. С новыми все без толку — ни присесть, ни наладиться, ни помыться.*

Легенда гласит, что налаживались даже с помощью крысы, которая проложила дорогу через вентиляцию. Байка, конечно, но очень колоритная. Крысы больше вредят наладке. Мой сосед рассказывал, что, когда сидел во Владикавказе, ему надо было

наладиться с одной камерой. Единственный доступный способ — пристрелиться из двух пушек прямо на тюремный двор. Проблема состояла в том, что в СИЗО были полчища крыс, и как только снаряды, которые должны были сцепиться, приземлялись, их сразу пожирали крысы. Была перепробована куча материалов для пули — хлеб, бумага, ткани и т. д. Жрали всё. Попытки продолжались часа три, и наладка удалась то ли чудом, то ли когда все крысы во Владикавказе были накормлены.

Другое дело — кот. Кот, как известно, животное воровское. Хатный питомец. Метод наладки таков. Кот из одной камеры оснащается ошейником с мулей, а в камере, куда он должен попасть, вентиляционный вход мажется валерьянкой. Главное — чтобы было недалеко, а то есть вариант, что на запах придут коты со всего централа. Да что там малявы! Иногда коты таскают с воли на централ наркоту, можете посерфить по ютьюбу, там есть репортажи на эту тему.

Наверное, есть еще 100500 способов наладки. Но это все, что я успел узнать за свой короткий срок.

Днем канаты и веревки, естественно, надо убирать, но ведь не будешь же каждую ночь налаживаться пушками и парашютами, поэтому оставляют «контрольки». Когда коня убирают, его место занимает нитка. В камере ее привязывают так, чтобы вертухаи во время проверки не увидели, а снаружи ее и так не видно.

Понятное дело, что качество транспортной инфраструктуры разное, в зависимости от СИЗО. Чем «чернее» централ, тем мощнее дорога. Когда я приехал в Орел, на тамошние дороги было жалко смотреть: камеры держали связь при помощи ниток. Уверен, что есть такие тюрьмы и централы, где вообще дорог нет, — зловещие казематы, в которых пытают, убивают и прочее, — «красные», как морда прапорщика в день получки.

Режим, разумеется, борется с дорогами, в том числе техническими средствами. Самое простое — это дополнительный экран с решеткой внутри камеры и заостренные жестяные листы вокруг решетки, чтобы веревки перерезались. Но зэки, понятное дело, решетки пилят, а листы тупят.

Наладка начинается после отбоя. Из камеры, которая хочет наладиться, раздается крик: «АУЕ! Наладка», который ретранслируется многократно из разных камер и по коридорам. В нашем случае из камеры смотрящего за большим спецкорпусом (aka БС) кричали: «АУЕ! БС! Наладка!» Дальше следовал ежедневный ритуал (представьте, что все реплики производятся напрочь прокуренными голосами):

— Два девять восемь!.. Два девять восемь!

— Кому два девять восемь?

— Это два восемь восемь. Братан, здоров.

— Здоров.

— Давай наладимся?

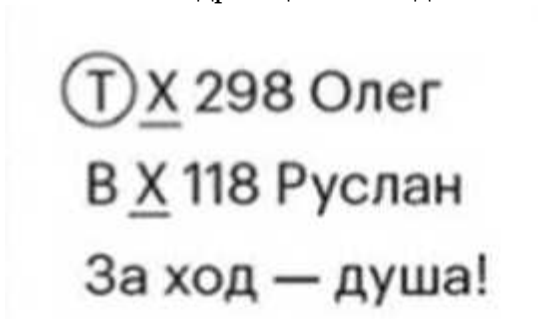
— Давай.

Это значит, что камера 288 предлагает камере 298 связаться дорогой.

Происходит все и правда очень забавно. Уж не знаю, как дорожников подбирают, но голоса у всех реально как у Вицина из «Джентльменов удачи». Впрочем, все мы, когда общались голосом, тоже весьма грозно звучали. Во-первых, орешь. Во-вторых, орешь сурово — тюрьма ведь.

Еще есть система сигналов, регулирующих работу дорог. Например, отправляем маляву вниз. Запаковали, убрали в карман, по полу — топ-топ (громко только, прямо со всей дури топаешь). Они забирают. А если сами три раза стучат (понятное дело, «стучат» говорить нельзя, называется это «шуметь» или «цинковать») — значит, надо подождать, дорожник занят. Еще сколько-то цинков, если конь застрял, и так далее. Ну, в «Бутырке» это не особо работало — все долбили без разбора. А вот в «Матроске» все строго, целая морзянка разработана на все случаи жизни.

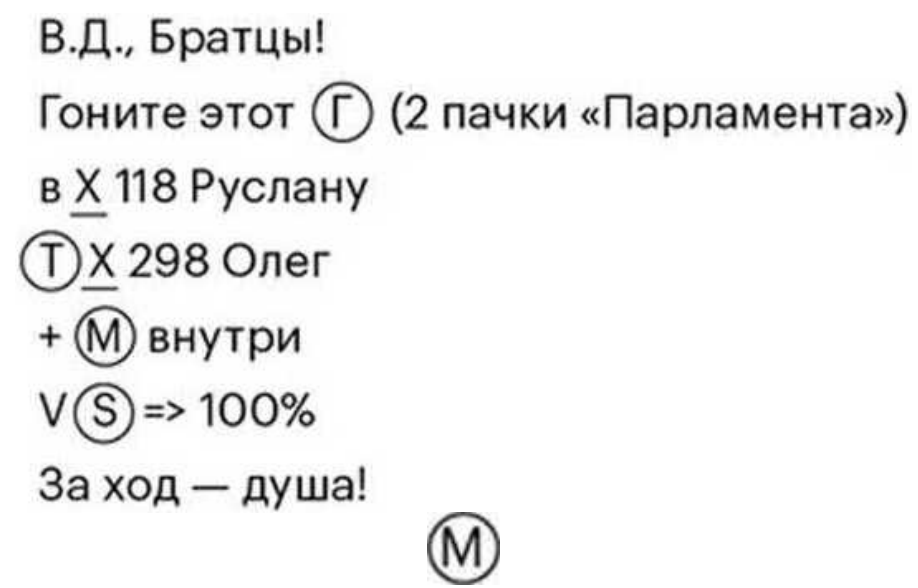
Малявы сворачиваются и запаиваются в слюду или кусок полиэтиленового пакета. Адресации выглядят так:



Это значит: «От Олега из 298-й камеры Руслану в 118-ю камеру. Спасибо за то, что передаете!»

Послание может проходить через множество мест транзита. Если оно направляется в корпус, с которым нет дороги, то его могут передать на прогулке. И так, из дворика в дворик, оно попадает к арестантам в нужный корпус.

Я могу ошибаться, но письменные сообщения (кроме особо важных) в транзитных камерах не путируются, то есть запись их прохождения не вносится в специальный журнал («точковку»), а вот грузы точно вносятся, причем груз идет с накладной. Называется она «сопровод». Выглядит она так:



В.Д. — вечер добрый,(Т) — груз,) Х — хата, (О) — от, (М) — малява

V(S) = > 100 % — возврат сопровода обязателен. Это значит, что потом его возвращают с пометкой получателя «Дом, душа!»

Путировка такая очень полезна: грузы иногда теряются, и так легко понять, где это произошло. Кроме того, бывает, по вине дорожника груз падает, и отправитель может сказать: «Ай-яй-яй, там была сим-карта, а на ней 500 000 рублей! Давай, восстанавливай их». А так в сопроводе написано, что за груз.

Вообще, у дорожников в этом плане опасная профессия. Чувак с «Матроски» рассказывал, как дорожник потерял груз с телефонами, которые то ли от вора в законе шли, то ли к нему. Так за пару часов решетку распилили, чтоб дорожник смог вылезти из камеры (был щуплый мальчуган) и по усиленному коню спуститься на землю забрать грузы и забраться обратно в камеру. Байка, конечно, но тоже очень колоритная.

Дорожная сеть выполняет не только чисто коммуникационную, но и распределительную функцию. В каждом корпусе есть «котловая хата» — камера, где сидит смотрящий и где аккумулируются блага. Порядочный арестант ведь внимание общаку уделяет — то денег переведет, то сигарет отправит. Из общака подпитываются страдальцы и бедолаги — карцер, больничка, то есть те, кто без копья, но порядочные и общему делу благо приносят.

Дважды в месяц, по определенным датам, зэки поминают упокоившихся воров и поздравляют с днями рождения живущих, по случаю чего происходит «разгонка». В разгонке передается заварка, немного сигарет и немного конфет, чтобы братва

чифирнула и покурила по означенному поводу. Зачитываются имена актуальных для соответствующего месяца Воров. Неплохой тимбилдинг, скажу я вам, и очень красивая традиция.

Окончательный расход где-то часов в семь — уже после подъема, но до проверки. Впрочем, это зависит от локальных условий.

Коммуникация

Первого января мы так и не наладились. Руслан тогда лежал весь день в глубокой депрессии, прерываясь на поедание салата. Тазик в Новый год прикончить не удалось. Холодильника у нас не было, так что долго хранить салат мы могли разве что в своем сердце. Я вел себя примерно так же: ел салат и лежал, отходя от состояния «ну вот я в тюрьме».

Вечером второго января Руслан взял себя в руки, влез на решетку и принялся орать соседям. Минут через десять те, что сидели справа, попросили Руслана подойти к «телефону». Познакомились с соседями. Они нам сказали, с какой камерой снизу можно наладиться, что мы и сделали.

Но подключение к дорожной сети еще не означает, что ею сразу можно начать пользоваться. Нужна инициализация. Мы написали в хату, где сидел смотрящий за корпусом: кто мы, откуда, по каким статьям заехали. После этого в маршрутной сети наша камера была отмечена как «людская» (это значит, что в ней сидят порядочные арестанты и мы можем начать обмен сообщениями).

Руслан сразу отписал в свою старую камеру, что жив-здоров, о чем также просил сообщить его родным. Обмен сообщениями, конечно, не был мгновенным, так как старая камера была в другом корпусе, и все сообщения с нашего корпуса передавались по толстенному канату, протянутому через тюремный двор. Соответственно, делалось это раз в пару часов, то есть за всю ночь можно было написать два письма и получить два ответа.

Руслан, конечно, сразу попросил нам телефон. Второго января он не пришел, третьего тоже, а четвертого стало известно, что телефон, не пропуская к нам в камеру, отправляют обратно. На наши вопросы смотрящий за корпусом ответил, что таково распоряжение положенца по централу. Последний на письменные запросы так и не ответил вплоть до моего отъезда. То есть мы оказались в «замороженной» хате. Ну как замороженной — «подмороженной» скорее. Дороги есть, всяческая документация и товары, не ограниченные в гражданском обороте, поступают, но ни телефонов, ни даже завалящего героина не получить.

Такие камеры, думаю, есть в любом СИЗО. Авторитетные люди договариваются с ментами, чтобы в определенных камерах связи не было. У ментов свои соображения, а авторитеты на это идут, чтобы не было ущерба общему делу, иначе начнутся всякие бесконечные обыски и тому подобное.

Вообще, странно, конечно. С одной стороны, широко

провозглашенное братство, а с другой — такое очевидное неравенство. Но главное — дорога есть. Значит, закурить/заварить всегда будет. А арестанту ничего больше и не нужно. И вообще, удел арестанта — страдать. И вонять — всегда добавлял Руслан, имея в виду редкость банных дней.

Для меня-то было очевидно, почему я попал в такую запретную камеру: в сети можно найти кучу фоток и видосов из тюрьмы, но снятые мной по числу лайков имели бы весьма существенное отклонение от медианных показателей подобных снимков (эти строки я пишу уже в колонии, только что дочитал книгу «Голая статистика» и не могу отделаться от языка). Руководство «Бутырки» подумало, что если мой брат перепостит мое селфи на фоне тюремной решетки, это:

а) спровоцирует массу комментариев и слов поддержки;

б) может существенно отразиться на их карьере.

Руслана же эта ситуация откровенно угнетала, и он был серьезно разочарован в «профсоюзном» движении, которое объединяет всех порядочных арестантов России и называется АУЕ: по одной версии — Арестантско-Уркаганское Единство, по другой — Арестантско-Уголовное Единство, по третьей — Арестантский Уклад Един (думаю, верное определение — последнее).

Возмущение Руслана было понятно. «Я год всю ночь стоял у решетки, грузы тягал, благо общаку оказывал, внимание уделял, и что теперь? Как же моя потребность в поддержании социальных связей с родными и близкими?» Ну, может, не совсем дословная фраза. Может, не было там слов про социальные связи, а было побольше брани, не помню уже. Но общий посыл именно таков.

Впрочем, человек быстро адаптируется к проблемам, и Руслан перешел на полуаналоговый формат общения: его записи фотографировались и отправлялись бывшими сокамерниками. Я же был только рад воспользоваться такой возможностью. После ожидания полной изоляции этот способ коммуникации казался мне шикарным.

Вообще, конечно, связь тюрем с внешним миром меня поразила. Информация отлично передается, все обо всем очень быстро узнают. Скрыть что-либо практически невозможно. Вот пара примеров.

Пятого января ЕСПЧ коммуницировал жалобу по моему приговору, то есть принял и даже направил российским властям для ознакомления. Коммуницировал очень быстро — через шесть дней после заключения. Как я понял, это связано с тем, что фактически имело место незаконное лишение свободы, так как в СИЗО меня отправили без документа. Ну так брат нашел какого-

то знакомого, у которого знакомый сидел в «Бутырке», позвонил ему, попросил передать эту информацию, тот запустил поисковый запрос, узнал, в какой я камере, написал мне записку, в которой сообщил благую весть, выразил слова поддержки и призвал в случае необходимости использовать канал обратной связи. Все это в один день.

Или вот был случай, уже в лагере. У одного моего приятеля была знакомая девушка, а у той — хахаль-предприниматель. И, несмотря на то что хахаль — москвич, его по мошеннической статье принимают и сажают под арест в одном из регионов Восточной Сибири. Это само по себе грустно, но еще грустнее то, что, по идее, ему светит отсидка в одном из «красных» централов. Там, где менты злые, а телефонов мало.

Я в лагере поинтересовался — никто никого не знает. Что неудивительно: лагерь — для первоходов, то есть совершивших преступление впервые, причем в основном все местные. Позвонил в «Бутырку» моим прежним сокамерникам, изложил им суть проблемы, оставил телефон девушки, попросил, чтобы предприниматель, как попадет в камеру, ей сразу позвонил. Через неделю, после карантина, предприниматель поднялся (aka заселился) в камеру, где ему сразу вручили телефон и сказали, куда позвонить. Своей девушке он сообщил, что удивлен широтой ее связей.

Это на самом деле мощь, когда 700 тысяч человек почти на мгновенной связи, ни в каком другом коллективе это почти невозможно. Ну вот взять ту же «Почту России»: 350 тысяч сотрудников, но наладить связь между каждым из них не так-то просто, есть субординация и т. д. В АУЕ-сообществе любой арестант может позвонить вору в законе для решения проблемы. Ну, конечно, не то чтобы есть какая-то телефонная справочная воров в законе. Все устроено несколько сложнее. Но суть в том, что в общении тебе никто не откажет, везде подскажут, как найти человека, осведомятся о твоем здоровье, здоровье близких и прочее. Даже если у арестанта в силу нищебродности нет телефона, аппарат всегда есть для целей общего пользования. Почти все зоны, кроме тех, где откровенно фашистский режим, всегда на связи, и в различных ситуациях это очень удобно.

До появления мобильных все было сложнее. Коммуникация была медленнее и опаснее, но все же была. Хотя безопасность каналов связи — это, конечно, большой вопрос. Раньше зэк вез с собой по этапу маляву, и всегда был риск, что ее отберут. Теперь же можно позвонить, зато телефоны при содействии ФСБ и при полном пренебрежении законом прослушиваются фсиновцами, теперь, по закону Яровой, уже вполне легально. Ну то есть

дилемма та же, что и на воле: с одной стороны, эффективность коммуникации, с другой — слежка и утрата приватности.

Впрочем, перед нами с Русланом такой выбор не стоял, потому что телефона в камере у нас не было. Руслан, склонный, как и любой русский, к меланхолии, с этой ситуацией смирился. Я же начал работать над проблемой в двух руслах — легальном и не очень.

Легальный вариант. По правилам, любому подследственному предоставляется право на звонки. Ну если положено — значит, этого можно добиться. Однако задача оказалась непростой. Для начала нужно было решение суда, но этого адвокат добился более или менее оперативно. Дальше дело стало за СИЗО. Чтобы позвонить, нужно воспользоваться специальным таксофоном. Паутина, обрамляющая комнату телефонных переговоров, явно говорила о том, что процесс этот вышел из моды. Переговоры надо было оплачивать, но мнения, как это делать, разделились на:

— не знаю;

— надо купить карточку в тюремном ларьке.

У продавщицы в тюремном ларьке было одно мнение:

— первый раз слышу о каких-то карточках.

Вообще забавно, конечно: есть право звонить, есть телефон, но зэки правом не пользуются, а надзиратели не знают, как его обеспечить. Совсем не подозрительно, правда?

В результате, после жалоб через правозащитников и десятка-другого заявлений, тетушка, которая на свою беду курировала корпус с комнатой для телефонных переговоров, сама купила телефонную карту и дала ее мне под честное слово вернуть ей такую же. Слово я сдержал и карту вернул (мне ее принес адвокат). Но проблема в том, что у адвоката я, понятное дело, ничего брать по закону не могу (и у тетки, кстати, тоже), поэтому даже легальный способ коммуникации получился какой-то не особо законный.

Нелегальный вариант был интересней и драматичней.

Рынок

Как вообще телефоны попадают в тюрьму? В основном так же, как и тела надзирателей, — в форменной одежде. Тут удивляться нечему, старая добрая коррупция. Понятное дело, речь не только о телефонах, а вообще обо всем. Полковники ФСБ закупают себе омаров и вина, зэки попроще — шашлыки и водку, наркоманы — героин, не наркоманы — гашиш, потому что, как известно, трава не наркотик. Кстати, единственный массовый наркотик, подвергаемый преследованиям в тюрьме, — это спайсы, потому что человек под их воздействием очевидно неадекватен, а значит, палит всех — и зэков, и охранников.

Но тут сразу включается тюремная диалектика. Наркотик — это «запрет». Спайс — это наркотик. Запретить «запрет» авторитеты не могут, так как это суть мусарское действие. Поэтому в воровских прогонах предписывалось «воздержание». Чувствуете, какое тонкое решение?

На все запреты есть понятийные расценки. Ну например, «фонарик» (телефон, который не смартфон) стоит 10 тысяч; «тэ-эр» (телефон, который смартфон: почему его так называют, не знаю; возможно, сокращение от трубы) — 15 тысяч; пронести в камеру что угодно в размере сигаретной пачки (например, микс метадона и кокаина) — 5 тысяч. При этом спекуляции могут быть чреваты. Продавать с наживой — это барыжничество, а барыжий движ не приветствуется. Покупать дороже — это идти против рынка и способствовать повышению цен. Понятное дело, что айфон за 15 тысяч не купишь, но их и нет в массовом обороте. Они покупаются не на «рынке», а индивидуально.

Те, кто носят запрет в зону, называются «ноги». У них тоже примерно понятные расценки: либо за пронос, когда оборудование передают с воли, либо за продукт, когда ноги достают его для заключенных сами. Например, бутылка водки — тысяча рублей. При этом цена за пронос не зависит от стоимости оборудования. Например, если цена — десять тысяч за десять аппаратов, пронос десяти Vertu и десяти Nokia 3210 обойдется в одну и ту же сумму. В Москве этот торг идет чуть ли не в открытую. Сотрудники меняются часто, но их не сажают, а увольняют. Впрочем, те не сильно расстраиваются — за полгода можно сколотить неплохую сумму. Основная масса рекрутов ВОХРы — из ближайших к Москве регионов, работа в столичных централах помогает им встать на ноги.

Чем больше контроля, тем осторожней ноги. Чем осторожней ноги, тем меньше зэков, с которыми они контактируют. И хоть

барыжий движ не приветствуется, барыги, конечно, есть. Как же без них. Вообще, это, по-моему, очень удобно. Пошел к барыге, сказал: «Мне нужен mp3-плеер». Ну хорошо, переплатил пару тысяч рублей, зато барыга взял на себя риск. Срок по статье за взятки группой лиц по предварительному сговору — 10 лет. Десять, конечно, не дают, но пять — вполне, видел пару таких примеров в колонии Нарышкино. Трудно найти более точную иллюстрацию тезиса «время — деньги».

Но в моем случае описанная выше схема явно не подходила. Оперативники, которые традиционно контролируют всю коррупционную движуху в московских СИЗО, от моей камеры шарахались (собственно, и не оперативники тоже). Доходило до смешного: мы договорились с баландером, который с утра разносил хлеб и сахар, что он сделает нам нормальную заточку, чтобы резать хлеб. Даже авансировали ему пачку сигарет. Но ему не разрешили передать нам заточку: видеокамеры, Большой брат смотрит. Если вы не впечатлились, перефразирую: при сотруднике СИЗО мы договорились, что зэк сделает нам нож. Он принес нож, но сотрудники не разрешили отдать. Не отобрали, не подняли тревогу: «Зэк с ножом!», а просто не разрешили отдать.

Существует и другой нелегальный способ, но он исключает вовлечение сотрудников администрации в процесс, поэтому они с ним активно борются. Называется этот способ «бросы».

СИЗО, а тем более зона — это все-таки большая территория, всю ее трудно контролировать с одинаковой эффективностью, особенно промку — часть, где рабочие цеха. Поэтому запреты перебрасывают через ограждения. Технологии используются самые разные, тут все зависит от того, что, куда и откуда надо бросить: можно рукой, можно рогаткой, а можно и арбалетом. Наверняка тебя, мой друг-читатель, заинтересовал последний способ. Все-таки помимо забора (высокого) есть еще контрольно-следственная полоса (широкая), к которой подходить подозрительно и нежелательно. Поэтому, натурально, к арбалетным болтам пособники с воли приделывают запреты и стреляют через забор. Часть теряется, но ведь часть — доходит. Собственно, иногда перебрасывать не обязательно, можно и подкопаться или использовать гужевую кошачью силу (см. историю про наркокота выше).

В ИК-5, откуда я пишу эти строки, мне рассказали историю, как с воли на зоны запускали дрона (да-да, их использует не только «Амазон»), но якобы на территории стояли специальные глушилки: перелетев забор, дрон потерял связь и упал. Честно говоря, сомневаюсь, что зоны обеспечены таким оборудованием. Хотя глушилки для мобильной связи стоят, одна — прямо

напротив моей двери. Но в соседней камере это не мешает пользоваться мобильной связью или смотреть на YouTube «100 лучших исполнителей лезгинки всех времен и народов». Тем более в последнее время появился чувачок, бывший зэк, который берет за доставку 2 кг любого груза 10 тысяч рублей, и уж его точно не парит никакое электронное противодействие ГУЛАГа.

В любом случае, сидя в «Бутырке», ни о каких чудесных средствах радиоэлектронной защиты ФСИН я не знал, поэтому разработал план доставки телефонной связи в нашу светлую хату силами беспилотного летательного аппарата (БПЛА).

«Бутырка» находится прямо в городе. Из камер видны близлежащие дома. Я подробно зарисовал обстановку, которая была видна из камеры № 289. С помощью Руслана составил схему тюрьмы, указал, где наш корпус, какое окно и т.д. План доставки мобильного получился большой. Написал я его высокохудожественно, попутно изложив всю схему коррумпированного сотрудничества криминала и администрации.

План состоял из контрольного подлета дрона с целью верификации камеры и позднейшей доставки груза. Груз предстояло забрать удочкой — затянуть веревку с телефонами, привязанную к дрону, в камеру при помощи палки с крючком.

Изюминка плана состояла в отвлекающем маневре. В момент доставки груза сообщник должен был поджечь на улице большую салютницу и положить набок, так чтобы фейерверк взорвался не в ночном небе Москвы, а в дверях главного входа в «Бутырку». На

роль этого сорвиголовы я предлагал своего друга, у которого в нашей тусовке на тот момент было прозвище Чубакка, или Чуи. Иллюстрация к отвлекающему маневру:

Сейчас мне трудно понять, насколько создание этого плана было продиктовано тем, что мне было нечего делать, а насколько — адским бардаком «Бутырки», в котором, казалось, его вполне можно реализовать. Думаю, соотношение где-то 50/50.

Весь план я тут не привожу, так как уже не помню, но уверяю, что он был детальный — 14 листов А4 с двух сторон аккуратным плотным шрифтом. Оставалось только передать его на волю, и я спросил у Руслана, который уже год сидел в «Бутырке», смотрят ли документы, когда идешь на встречу с адвокатом. Нет, сказал Руслан. И на следующий день, когда пришел адвокат, я бесстрашно взял с собой все записи — совершенно не таясь.

Как оказалось, зря.

На встречу с адвокатом меня водил всегда один и тот же молодой охранник. Как оказалось, ему было поручено досконально, вернее супердосконально, меня досматривать.

Охранник, открыв тетрадь с записями, насторожился: план «Бутырки», зарисовки видов из окна. Тетрадку, несмотря на мои бурные протесты, изъял. Помимо плана доставки телефона, там была сказка, которую я начал писать для детей. Она была посвящена борьбе космических коней (сторона добра) с вселенским кузнецом (сторона зла).

Тетрадь мне так и не отдали. Я начал бушевать и ежедневно писать по пять жалоб на всякие нарушения условий содержания.

Через пару дней в камеру к нам пришли правозащитники, и я рассказал обо всем. Одна из правозащитниц оказалась журналисткой, и по итогам визита в «Московском комсомольце» появилась такая статья.

Чубакка проник в камеру Навального

У брата оппозиционера изъяли рассказ про охранника Чубакку и самолетик за миллион долларов

Олег Навальный, брат известного оппозиционера, осужденный на 3,5 года, попал в «Бутырке» в забавную переделку. За решеткой заключенный написал рассказ, который сочли… противозаконной инструкцией. Подробности курьеза и того, во что он может вылиться, выяснил «МК».

На то, что у него отобрали тетрадку, в которой были детские рассказы, Олег Навальный пожаловался правозащитникам в минувшие выходные. В ФСИН пообещали в инциденте разобраться и вскоре тетрадку Олегу вернули, но… Свидетелями дальнейшей перепалки между работником изолятора и заключенным стали правозащитники.

Навальный: Они вырезали оттуда мой рассказ. Целиком!

Сотрудник СИЗО, он же Цензор: Там была поэтапная инструкция по передаче в камеру запрещенных предметов.

Навальный: О чем вы?! Это фантастический рассказ. Увлекательный. Он был в виде письма жене и детям. Там описывался беспилотный летальный аппарат, который стоит миллион рублей. Где бы моя жена взяла столько денег? И как бы она сюда этот аппарат направила?

Цензор: А вот все это у вас и описывалось. И как условные знаки подать, и как отыскать среди всех окон окно нужной камеры. Схемы, планы. Все там есть.

Правозащитница: Олег, это правда?

Навальный: Повторяю, это художественный вымысел. Там есть, например, пункт, как отвлечь охранника. Для этого я использую образ одного из героев фильма «Звездные войны» Чубакки. Где бы я нашел в «Бутырке» Чубакку?

Шутки шутками, но рассказ попал в личное дело Навального. Заключенный переживает, что из-за этого в его деле появится запись типа «склонен к незаконным действиям».

— А я ничего не нарушил, не пытался даже этот рассказ послать жене, — оправдывается он. В ответ тюремщики напоминают, что Навальный взял тетрадку с рассказом в кабинет, где было свидание с адвокатом.

— Да просто в тетрадке все записи, в том числе по моему уголовному делу. Все это абсурд какой-то! Вот даже если представить, что жена послала бы летательный аппарат ко мне и я бы таким образом получил мобильник, что я бы делал с этим телефоном? Тут никуда ничего не спрячешь. Это лишено смысла и цели. Рассказ я написал от скуки. 14 дней книги не приносили, а телевизора в камере нет. Как можно запретить человеку сочинять, фантазировать? Я новый рассказ пишу. Про говорящую лошадь.

Мы порекомендовали Олегу впредь не фантазировать на определенные темы. Пусть лошадь из его нового рассказа держится подальше от СИЗО и не роет копытами подкоп для побега. На всякий случай. А если снова придерутся, как посоветовал член ОНК Максим Пешков, требовать литературного анализа.

Ева Меркачева

Через какое-то время мне написал журналист Андрей Козенко из «Медузы» и предложил написать что-нибудь для них, и я написал рассказ про осужденного Чубакку. Таким образом я прослыл фанатом Star Wars. Очень, должен сказать, незаслуженно.

Допрос обвиняемого Чубакки

Михеев держал руки под водой. Ледяная струя, слегка окрашиваясь в бурый цвет, смывала в чугунную раковину кровь с рассеченных костяшек. Вид трех глубоких царапин на руке заставил майора Михеева впасть в неожиданное уныние. За свои 45 лет он успел побывать в большом количестве передряг, получил скол на зубной эмали во время подавления одиночного несанкционированного пикета, позже получившего название «бунт бандерлога». У него был орден «Поддержание порядка» 2-й степени и именная нагайка. Прошлым летом его сильно покусали пчелы; тогда он чуть не умер: скорая помощь, пропуская правительственный кортеж, приехала с четырехчасовым опозданием, когда Михеев уже опух. И только тонкий топливный шланг, который его зять пропихнул, раздирая слизистую, вглубь его горла, удерживал его на грани жизни и смерти.

Но даже тогда, когда он сгорал в агонии глубокой аллергической реакции, ему не было так обидно и тоскливо, как сейчас. Дело в том, что на юбилей коллеги подарили ему сертификат на двухчасовой урок по гончарному делу. Дочери Михеева уже год как вышли замуж и покинули родительское гнездо (однокомнатную квартиру на окраине мегаполиса). Майор пытался открыть второе дыхание в отношениях со своей дородной и вечно розовощекой женой, сорокапятилетней Ангелиной. Он никогда не любил Ангелину, на женитьбу его подтолкнули карьерные амбиции, которые рухнули вместе с посадкой тестя — генерала ФСБ.

К этому времени Ангелина была беременна двойней, а Михеев был майором. Следующие двадцать лет Михеев тоже был майором. Его любимой книгой была повесть «Полковнику никто не пишет» Маркеса. Михеев перечитывал ее много раз, мысленно заменяя слово «полковник» на «майор». Вот уже четвертый год подряд зарплату он получал продуктовым пайком, сплошь состоявшим из круп и кореньев, что лишало майора возможности завести любовницу. Брать взятки мешали принципиальность, трусость и отсутствие желающих давать взятки. Оставалось попытаться влюбиться в жену. Отрицая бездарность прожитой жизни, он выдумал для себя историю угасшей любви, которую хотел возродить.

Майор Михеев смотрел на ободранные в кровь костяшки и испытывал горечь. Он понимал, что теперь на уроке гончарного мастерства он не сможет представлять себе сцену из фильма «Привидение», в которой партнеры, переплетясь в единое целое,

творили любовь и искусство. Глина неизбежно забьется ему в свежие раны и будет причинять ему страдания, напоминая, как убога на самом деле его жизнь.

«Михеев, ты чего там залип?» — голос полковника Пестерова вырвал Михеева из плена задумчивости и перенес в сырое полуподвальное помещение с тусклым освещением и сильным запахом грибов.

— Роман Андреевич, я руку ободрал об его зубы.

— Так ты по зубам и не бей, а то навечно майором и останешься.

Полковник громко засмеялся, Михеев натянуто улыбнулся. Он знал, что — вне зависимости от чего бы то ни было — он навсегда останется майором. Полковник Пестеров тоже это знал. Ему нравилось шутить над нитевидным пульсом карьеры Михеева. Еще ему нравились Агата Кристи и сложные запутанные преступления. Полковник Роман Андреевич Пестеров служил в управлении по архиважным делам ЧК и слыл непревзойденным сыщиком по части резонансных, мистических и оскорбляющих чувства верующих дел. Каждый раз, выходя на след преступника, полковник представлял, что он — реинкарнация мисс Марпл. Он настолько сжился с образом старушки-детектива, что в своем юном 33-летнем возрасте начал принимать лекарства от ревматизма и украдкой вязать. В его огромном казенном сейфе между табельным наганом и почетным орденом, дарованным ему Патриархом РПЦ и ЦБ, лежали светлобежевый чепчик и теплая пуховая шаль. Голос полковника Пестерова был не по годам скрипуч, а водянистый взгляд его был преисполнен мудростью поколений.

Прошлый год был весьма удачен для полковника. Он с блеском раскрыл и подвел под расстрел сеть карикатуристов-богохульников, тайно протестовавших против канонизации Пресвятейшей Жабы На Трубопроводе. Инициировал и с блеском доказал в суде необходимость и обоснованность ареста курса рубля. Полковник преследовал преступников без устали, с блеском неутомимой английской старушки в глазах.

Даже находясь в отпуске в родном Сталинграде, он играючи раскрыл заговор против главного атамана, которого недоброжелатели обвиняли в казнокрадстве и шубохранении. Используя живой ум и мертвую хватку, он с легкостью доказал, что в шубохранении виновато шубохранилище, но никак не сам атаман.

Сейчас у него в производстве было два дела. По первому проходила мать восемнадцати детей Людмила Светланова, обвиненная в шпионаже в пользу Хрюши. Скромная мать-героиня,

рядовая жительница городского поселения Батюшки Святы Иркутской области, член родительского совета местной школы. Она полностью признала свою вину, сломавшись после того, как четвертого ребенка принудительно отправили в интернат. В своих показаниях Светланова подробно описала, как она во время семейного просмотра «Спокойной ночи, малыши!» (как выяснило следствие, у одного из героев программы, так называемого Хрюши, были обширные связи на Украине) сообщила своему мужу сведения о тройном удорожании гречки, тем самым подорвав обороноспособность страны.

Второе дело, следствие по которому он вел в данный момент, было сложнее. Обвиняемый молчал.

Полковник Пестеров, который вел это дело в сотрудничестве с комендатурой Главного военного управления воздушно-космических сил, обладал проницательным взглядом мисс Марпл (хотя втайне желал обладать ее артритом) и ни на секунду не сомневался в выбранной тактике.

Он продолжил допрос.

«Итак! — полковник встал из-за стола и начал движение по кругу, раз за разом обходя ссутулившееся, тяжело дышащее тело, прикованное наручниками к стулу, стоящему в центре комнаты. — Продолжим допрос! Обвиняемый Чубакка, с какой целью вы, находясь напротив центрального входа в СИЗО № 1488 в ночь на 1 января, имели при себе пиротехническое устройство — шутиху „Бакара“?»

Грузное, сплошь покрытое сальными волосами тело Чубакки продолжало вздыматься, демонстрируя, что после восьмичасового допроса оно еще живо. Волосы, пропитанные потом и слюной, лезли в потухшие глаза. Из разбитых губ не переставая сочилась кровь.

В последние два часа вопросы, задаваемые полковником, не вызывали никакой ответной реакции Чубакки. Однако после каждой фразы Пестерова майор Михеев наносил четыре удара попеременно правой и левой рукой (два в корпус, два в голову). Волосы настолько спутались на лице Чубакки, что Михеев иногда, задумываясь о чем-нибудь своем, бытовом, наносил удар по приоткрытому рту великана, что и привело к появлению досадных ссадин на руках майора.

— Кто передал вам шутиху?

Раз. Два. Три. Четыре. Михеев представлял, что он движется классическим стилем на лыжах морозной зимой в полях родной Мордовии.

— Сколько вам обещали заплатить за диверсию?

Раз. Два. Три. Четыре.

Пестеров резко подскочил к Чубакке, рванув его за гриву на затылке, поворачивая лицо к свету от закопченной лампочки, и заорал тонким срывающимся голосом:

— Нет смысла ничего отрицать! У нас на руках ваш план! Мы захватили центр управления БПЛА! Все твои подельники уже дают показания! Говори, а то сгниешь здесь, сука!

Бессмысленный взгляд Чубакки на секунду прояснился, язык с трудом отлип от нёба (он ничего не пил уже четвертые сутки). Прославленный космический путешественник прошептал:

— Агрххррхагрр.

Пестеров брезгливо оттолкнул голову, достал из нагрудного кармана кружевной платок с вышитыми инициалами Р.А. и значком древнеегипетского бога солнца, тщательно вытер руку и произнес:

— Михеев, у тебя дома есть болторез или электролобзик?

— Электролобзик, — задумчиво повторил Михеев. Он вспомнил, как год назад обещал жене починить треснувший плинтус.

— Тогда тащи лобзик, допрос этого косматого либерала продолжим завтра, я опаздываю уже.

На 21:00 в главке ЧК был назначен корпоратив по случаю 15-й годовщины Казачества и Стабильности. В этом году среди приглашенных звезд должен был выступить Энрико Палаццо. Полковник Пестеров стремительно вышел, небрежно бросив: «Михеев, дай ему попить, а не то подохнет еще».

Михеев в оцепенении стоял минуту-другую, глядя в стол. Потом вздохнул, набрал из-под крана холодной воды (горячая, по уверению государственного управления пропаганды, была давно выпита агентами ЦРУ), поднес кружку к губам Чубакки и начал заливать жидкость в приоткрытую пасть. Великан еле слышно проревел что-то бессвязное, жадно глотая воду. «Ну будет тебе, будет», — приговаривал Михеев. Чубакка оживился и стал рычать что-то на одном ему понятном языке. Михеев кивал головой и продолжал приговаривать: «Да не упрямься ты, соглашайся на все, дадут лет тридцать, не больше. Ленин вон тоже сидел, и ничего. Знай себе чернильницы из хлеба ел, да с ежами о жизни толковал».

Через два часа Михеев ехал домой. Троллейбус, приводимый в движение торфяным двигателем, вез майора из центра города на запад. Вопреки обыкновению, троллейбус даже ни разу не заглох, но и отопление в нем так и не заработало. Глядя на размеренные движения кочегара, Михеев засыпал, размышляя о клевере, лыжах, своей жене Ангелине и гончарном круге.

В кулуарах главка ЧК полковник Пестеров обнимал

пышнотелую жену главного атамана Сталинградской губернии. Он думал о чае с молоком и о том, как ему через неделю вручат очередной орден Золотого Батона.

В подвале СИЗО № 1488 Чубакка беззвучно плакал, не понимая, как он — ветеран борьбы с Темной стороной Силы — оказался на этой забытой богом планете, где запрещено разгуливать с фейерверками в Новый год.

Олег Навальный, 03.02.2015

P. S. Все вроде. Даже место осталось. На всякий случай уточню, что все совпадения имен и аббревиатур случайны. Рассказ является вымыслом, а вся наша жизнь — игрой. =)

Руслан

Вся эта история закончилась для меня без последствий. Уже под отъезд я попал на прием к замначальнику СИЗО. Как зовут, не помню, но он был похож на инструктора из «Цельнометаллической оболочки» Стэнли Кубрика. Я все время ждал, что он заорет: «Херня, я вас не слышу!» Но он хорошо держался. Возможно, оттого, что на встрече были еще двое правозащитников.

Он сказал мне:

— Мы же можем полосу тебе влепить.

Не расшифровываю тут, что это значит, так как на тот момент о полосе я имел такое же представление, как и любой не сидевший человек. На всякий случай я ответил:

— Можете, но это докажет, что у вас нет чувства юмора.

Это была сильная аргументация с моей стороны, так как в итоге никакой полосы мне не влепили и даже не объяснили, что это такое, а тетрадь отдали, нежно срезав лезвием листы с планом доставки мобильного телефона силами БПЛА (а заодно и с описанием коррупционных бутырских схем).

Для моего соседа Руслана последствий было больше. Но прежде чем рассказывать об этих последствиях, пара слов о нем самом. Лет сорока, брит под двоечку по всему периметру головы, высок, грузен и частично сед, носитель прозвища (aka погремуха) Дядька. Рот на треть в железных зубах, на треть — в своих, оставшаяся треть отсутствует.

В 90-е Руслан воевал на юге России и по совместительству севере Кавказа, а потом был в бригаде и нежно «заботился» о предпринимателях трех вокзалов, за что получил условный срок. После этого тихо-мирно жил во Владимирской области, работал сварщиком продвинутого уровня. Но тяжелая экономическая ситуация в стране лишила его жену работы, и он взялся подхалтурить. Работал в схеме мошенничества со страховкой. Собственно, его роль была достаточно проста: он возил фиктивных покупателей в автосалоны Москвы и обратно в их родные городки и деревни. В самой схеме, понятное дело, участвует больше людей. Кто-то ищет покупателей, кто-то подделывает документы, кто-то в автосалоне одобряет кредит, кто-то сбывает купленные таким образом машины. Для самого Руслана экономический эффект от мероприятия не был грандиозным, зато все казалось достаточно безопасным: знай себе вози людей туда-сюда.

Через год следствия Руслану светило участие в

организованном преступном сообществе, и это ввергало его в печаль, поскольку санкция за это была внушительная. За то, что Руслан попал в тюрьму, он ругал себя, своих подельников (в особенности сотрудничавшего со следствием), но больше всего — государство, которое, как он считал, толкнуло его на путь преступления. В чем-то он, безусловно, прав. Заработок сварщика не так мал, но недостаточен для того, чтобы обеспечить достойный уровень жизни семьи, будучи единственным кормильцем. Плюс ко всему ипотека. Ну, не совсем ипотека. Ипотечного кредита не дали, поэтому они позанимали денег у знакомых, остальную часть взяли потребительским кредитом, проценты по которому подросли после обвала рубля. В результате Руслан без работы и в тюрьме, а его жена без работы, на воле, с двумя детьми и кредитом.

Уже позже, из лагеря, я помог его жене устроиться на работу. Очень печально, когда женщина с высшим образованием готова ездить на сменную работу из Владимирской области в Московскую за 30 тысяч рублей в месяц. В целом это подтверждает тезис о косвенной виновности государства в том, что люди идут на преступления. Понятное дело, кроме Руслана, никто не виноват в том, что он попал за решетку. Но его мысли о государстве позволили нам вступить в мощную идейную коллаборацию.

Конечно, я читал книжки про политзэков и знал, что к ним постоянно подсаживают стукачей, провокаторов и прочее. Поэтому я был настороже, но не очень долго, так как политзэк я понарошечный. Сижу из-за политики, но не из-за своей. Поэтому интерес для власти представляю примерно такой же, как уровень жизни в Еврейской автономной области. Стукачей приставляют либо в интересах внешних потребителей (например, ФСБ, но им до меня особого дела не было), либо в интересах потребителей внутренних, то есть администрации «Бутырки». Им я тоже был до фени: очевидно, они знали, что пробуду я у них очень недолго, и вся их деятельность была направлена на мою максимальную изоляцию и дистанцирование. Кроме того, жители моей и соседней хаты, которые также были лишены прелестей мобильной связи, сильно подозревали, что камеры на прослушке. Конечно, можно договориться с авторитетами, чтобы телефоны в камеру не передавали, но по понятиям обмануть мента не западло, да и без ведома авторитетов получить телефон можно. Однако если в других камерах обыски были основательные и регулярные — с пробиванием полов и стен в поисках тайников и так далее, то за два месяца, что я провел в «Бутырке», ни нас, ни соседей не обыскали ни разу, ну почти. Поэтому я не сильно

переживал, что Руслан может оказаться шпионом, — тайн у меня не было все равно.

Так как сел я аккурат в Новый год, следующие 12 дней праздников тянулись достаточно долго. Телевизора нет, радио нет, телефонов нет, читать почти нечего, есть только Руслан. Передачи не передают, адвокаты не ходят, библиотекарша заболела, а Руслан, опять же, — вот он. Поэтому мы очень много говорили и нехило подружились.

Руслан мне рассказывал про Владимирскую область, работу сварщика и, помимо прочего, внушил сильное недоверие к конструктивным особенностям железобетонных колец, которые использовались при прокладке Московского метрополитена и в производстве которых он принимал непосредственное участие. Я же рассказывал ему про оппозиционное движение, чем сильно его удивил, так как о существовании оного он не знал, и одновременно обрадовал, так как борьба с супостатами показалась ему делом благородным. Он даже выражал готовность возглавить боевую ячейку подполья после освобождения. Это, кстати, мне частенько предлагали. Самое забавное было, когда меня попросили, чтобы брат поспособствовал отжиму какого-то комбината, за что обещали поставить под ружье двадцать тысяч черкесов. Я даже поржать над предложением не смог, так как делалось оно очень серьезно. На вопрос, как мой брат соотносится с захватом комбината где-то на Кавказе, мне ответили, что он же где-то около власти. Ну в целом, конечно, да. Я тоже в данный момент около власти, вон она — в виде инспектора, гремя ключами, шастает по коридору.

Точно помню момент, когда я понял, что я не обычный, а специальный арестант. Когда сложились в единую картину все эти элитарные вывозы в пустых автозаках, быстрый поход к адвокату, часто заглядывающие в гости правозащитники и т. д. Конечно, я отдавал себе отчет в том, что моя посадка — некоторое медийное событие. Но все-таки я не политик, а брат политика, поэтому был уверен, что в тюрьме буду на общих основаниях, как все. Правда открылась мне во взгляде Руслана. Руслан смотрел на принесенный мне матрас.

С матрасом случилась вот какая история. Второе января. Ничего не происходит. Вдруг открывается дверь (aka раскоцываются тормоза) и заходит целая делегация. Сотрудник администрации, которого я уже знаю, с ним чудесная Зоя Светова, которой я давал интервью буквально несколько недель назад, и очень деятельный мужичок небольшого роста. Поздоровались, я предложил гостям отведать яблок. Деятельный мужичок отказался, сославшись на то, что он сам из партии

«Яблоко». Так я познакомился с Андреем Бабушкиным — паладином в царстве мрачного УФСИНа и защитником з/к всея Руси.

Бабушкин обвел камеру глазами (это получилось быстро — всего двенадцать квадратных метров) и выразил мнение, что мой матрас тонковат. Я засомневался и застенчиво сказал, что вроде матрас как матрас. Но Бабушкин был непреклонен: определенно тонковат. Жалоб на содержание у меня еще не успело появиться, на просьбу поставить нам телевизор администрация ответила, что, к сожалению, работающих телевизоров сейчас нет (для справки: во всем корпусе у нас у единственных не было телика). Поэтому мы мило поболтали о пустяках, а чудесная Зоя Светова дала мне книгу и номер National Geographic, что было очень кстати. На этом гости — со взаимными пожеланиями доброго дня — отбыли.

Позже принесли матрас. Честно говоря, не знаю, как его несли и сколько человек принимали в этом участие, но в камеру я его втащил с трудом. Он не сворачивался в рулон — просто не мог. Как слон не может профессионально играть в классики.

В тюрьме есть традиция. Перед уходом на этап зэк выдергивает из своего матраса половину ваты и допихивает ее в матрасы тех, кто остался, а похудевший матрас сдает. Мой матрас был крестным отцом всех матрасов. Уверен, что он был буквально плотью от плоти матрасов, знавших тела легендарных бандитов СССР и ранних 90-х. Я спал на верхнем ярусе и теперь испытывал определенный дискомфорт. Хоть потолок — метра четыре с половиной, мне казалось, что он стал разительно ближе.

Руслан смотрел на матрас глазами агента Фокса Малдера, заставшего у себя на кухне пришельца за поеданием холодца.

Грамота

— Ну что, Олежек, давай я тебя тюремной грамоте обучу.

Это Руслан, решив избавиться от скуки, взялся за ликбез в отношении написания маляв. Вот несколько принятых правил и сокращений:

Х — хата, Д.Н.О. — дом наш общий, Ц — централ,
ДВОЕ — арестантское воровское общее единое,
С # Ув и Бр t^0 — с арестантским уважением и братским теплом;

Людское подчеркивается одной линией, воровское — двумя, богово — тремя, мусарское, а с ним блядское и гадское, да и все непорядочное — презрительно волнистой линией.

Красные поля на тетрадном листе закрашиваются чернилами. Красный — неприемлемый цвет в тюрьме.

Вообще, меня сразу очаровал язык, которым пишутся тюремные послания: есть в нем и романтика, и изыск, и винтаж. Особо яркие обороты, конечно, стоило записывать, ибо память моя, как у лоботомированной золотой рыбки, не держит информацию долго.

Ну вот такие примеры.

А У Е

Жизнь Ворам

Ⓚ V => Х 308

Мира и благополучия Д.Н.О!

Процветать и крепнуть всему Людскому, Воровскому быть!

Арестанты, должным образом ставим вас в курс, что сегодня 25.10.12 с нашей Х 308 на Б.Э. ушел человек Игнатов Виктор Петрович =Заруба=, пожелаем ему фарта и доброго пути!

А также с Мытищинского КПЗ вернулся Додоня Игорь Семеныч =Дадон=, ранее проживал в Х 308.

С ув, Х 308.

Х — 306 А У Е! фарта

Х — 300 фарта!

Х — 298 зеленой дороги, черных лагерей!

Х — 296 фарта!

Тут камеры, по которым прошла курсовая, делают пометки о прочтении и оставляют комментарии (по желанию).

А У Е!

Жизнь Ворам!

Ⓟ V=> Х 308

Шпана, ищем человека Алексеев Вахрам 1977 г. р., сам с Москвы, район Зюзино. Если данный арестант находится в вашей Х, пусть даст о себе знать. Х 308 =Бороболе=

(с уважухой, Х 308)

И дальше — такие же отметки о прочтении и комментарии.

Есть еще один вид бумаги — это обращение. Оно издается смотрящим или положенцем. Разница между смотрящим и положенцем в следующем: смотрящий — ответственный за блага и ведет их учет на бумаге в так называемых точковках. «Смотреть» можно за игрой или за «общим» в отряде или в лагере. Смотрящий верхнего уровня утверждается на свою позицию представителями высшей тюремной иерархии, но может быть выбран самостоятельно братвой и мужиками в режиме вече. Положенец ставится урками, то есть это человек от воров и сам на положении вора — его ответственность не материальная, а духовная. Он должен обеспечить, чтобы в идеале все было «на должном», ну или хотя бы «ровно».

А В О Е

Мира и Благополучия Д.Н.О!

Ходу Воровскому процветать и крепнуть, Людскому быть вечно!

Братва, в этот светлый праздник Рождества Христова от всей души поздравляю вас. Желаю всем скорейшей золотой воли, сибирского здоровья и кавказского долголетия вам, всем тем, кто вас ждет, всем, кому не безразлична ваша доля арестанта. В этот светлый праздник хочу напомнить о самом главном в Д.Н.О. — о единстве и взаимопомощи. Арестанты, будьте едины! Только в этом наша сила. С уважением и пониманием относитесь друг к другу. Желаю, чтобы каждый скорее вернулся к домашнему очагу, родным и близким.

Но пока мы находимся в Д.Н.О, общими силами мы создадим домашнее тепло здесь, тепло исходящее от нас, от нашей доброты, чистоты, порядочности.

Братцы, от всей души поздравляю вас со светлым праздником Рождества Христова. Господь Бог с нами!

С # Ув и Бр t^0

Положенец Ц

Серега =Черчиль=

Вот такая милота. Но в целом СИЗО — это не сказка про Белоснежку. В обращениях чаще всего речь идет о новых «постановах» по «Ц», просьбах чего-то не допускать или пресекать и пр. В конце обязательно: «Братва, написанное принять ко вниманию, за игнорацию или халатность по отношению к О[бращению] — спрос по всей строгости Арестантского!»

Последний тип бумаги — это прогон. Она касается воров и никого, кроме них. Обычно в прогонах говорится про то, что там-то и там-то умер такой-то. Или что кого-то объявили блядью, сукой или гадом. Или что кто-то больше не является вором. Или, наоборот, что кто-то вошел в воровскую семью. Воры — люди образованные. Кроме того, своим словом они сами устанавливают законы, поэтому догмы в оформлении прогонов нет, пишут как хотят.

В общем, чудно все это, но ничего особо сложного.

Конечно, с ходу не совсем понятно, что такое «людское».

Но не мне одному. Это я заключил, изучая послания из разных камер, где одни и те же слова то подчеркиваются одной чертой, то нет. С гадским,

блядским и сучьим таких проблем нет. Ведь гад, блядь и сука — это имена, а имя в тюрьме может дать только вор! Не очень понятно? Просто запомните.

Вообще, философские споры вокруг этих тем могут длиться часами. Как-то, сидя на киче (ака ШИЗО, оно располагалось в том же здании, что и помещения камерного типа, ака ПКТ, ака БУР), лицезрел я такую картину. Заезжает человек, который работал на промзоне бригадиром, то есть является козлом, не входит в людскую массу. Он здоровается, с ним здороваются в ответ. Но не все. Чтобы вы могли себе представить, БУР — это просто барак с длинным коридором, камеры по краям. Человека заводят, он орет: «Кича, БУР! Всем привет! Такой-то заехал в такую-то хату!» А в ответ все орут приветствия из-за дверей. Ну и вот, вечером, после отбоя, начинаются качели. Один арестант, сидящий в БУРе, высказывает недовольство тем, что другой арестант, сидящий в БУРе, поздоровался с козлом. Это, мол, поступок непорядочный. А другой ему говорит: «Поприветствовать человека под крышей — это поступок людской. А людской поступок не может быть непорядочным». И все в том же духе. Часа три, наверное, спорили, но я уснул и не в курсе, чем закончилось. Подраться они в любом случае не могли, так как сидели в разных хатах.

Как-то уже под самый конец моего срока я был свидетелем длиннющего спора двух бродяг о правилах разметки в следующем сообщении (орфография и разметка оригинала сохранены):

«Жизнь Ворам.
Мир и уют Дому нашэму Обшему, Воровскому Ходу процветать и крепнуть во веки веков! Тепло приветствую весь добропорядочный люд лагеря! Арестанты поводом обрашения послужило следушее: сегодня 16.06.2018 давайте соберемся в братском кругу и поднимем крушку чифира за здравия нашых родных Людей Воров! Пожелаем им крепого здоровия и Долгих радостных лет жизньи! Храни и оберегай их Господь бог! Этим вершу родные мои. Желаю вам единства, здоровя и крепости духа.
С искренним арестанским уважением к вам!
Тихон =Рыхлый=»

Собственно, предметом спора было самое первое слово сообщения — нужно ли его подчеркивать двумя линиями. По одной версии, оборот «жизнь ворам» вроде как означает, что ты свою жизнь даришь ворам, и с этой точки зрения, подчеркивать нужно только слово «ворам». По другой версии, ты желаешь жизни ворам, то есть речь идет о жизни вора, и нужно

подчеркивать двумя линиями оба слова. Я слушал все это и думал: какой же бред. Вроде бы серьезные преступники, один чуть не взял машину с черным налом на триста миллионов. Но нет — сидят, спорят про подчеркивания. Часа полтора спорили, не меньше.

Новые соседи

Несмотря на всю нашу изолированность, Руслан нашел массу плюсов в переезде. Ну не то чтобы массу, на самом деле — всего один. Вдвоем было сидеть гораздо спокойнее. Конечно, в дружном коллективе сорока разбойников веселее: можно поиграть в карты на деньги, произвести самогон, поучаствовать в конфликтах, телик опять же посмотреть. Но вокруг постоянный шум и гам, от него устаешь.

На самом деле устаешь от всего. Пока я пишу эти строки, идет 474-й день моего полного одиночества. Мне очень хочется попасть в барак, где сидят тридцать человек. При этом каждый из этих тридцати с большим удовольствием поменялся бы со мной местами, так как остальные двадцать девять ему страх как надоели.

Так или иначе, после истории с планом доставки «тэ-эр», наше степенное сосуществование, в рамках которого мы рассказывали друг дружке свои жизненные истории, ругали власти и спайку криминалитета с охранной службой «Бутырки», подошло к концу.

На следующий день после изъятия моей тетради с записями Руслана увели на весь день. Он предполагал, что к адвокату. Но вернулся сильно бледный. Рассказал, что шесть часов простоял в боксе 2 х 2, потом его привели к главному оперативнику, и тот спросил его, что и зачем он мне рассказал про торговлю телефонами в СИЗО. Руслан нахмурился (по крайней мере, я себе это представляю именно так) и сказал, что ничего никому не говорил.

Если вы читали книги про российские тюрьмы, то можете догадаться, что за этим последует история про пытки. Но это необычная история. Руслана увели обратно в камеру. Вернувшись, он успел сказать, что его, скорее всего, переведут, а к человеку, которого приведут вместо него, надо относиться настороженно. Как только он произнес эти слова, в камеру привели Молдавана (вы удивитесь, но он был из Молдавии; дурная память на имена не позволяет воспроизвести, как его звали на самом деле, — пусть будет Игнат), а Руслану сказали собираться.

Позже, когда я уже был в колонии, мы с ним периодически переписывались. Потом он тоже уехал в лагерь, время от времени передает мне приветы. Через недельку после освобождения созванивался с ним. Он уж год как вышел. Сидел в печальных владимирских лагерях. Сейчас работы нет, так как зэков никуда не берут. Тоскует. Не по чему-то конкретно, а просто в рамках

стандартной древнерусской тоски. Собираюсь, когда будет время, сгонять в Суздаль и по дороге заехать к нему, поесть шашлыков.

Что же касается моего нового соседа, Молдавана, то если и был какой-то скрытый смысл в его подселении, я его не уловил. Про торговлю телефонами он говорил ровно то же самое. Точно так же был дорожником, поэтому сразу наладил подключение к тюремной нейронной сети. В котловой хате его статус «порядочный» был подтвержден.

Через сутки состоялось более логичное подселение: этапом из СИЗО «Матросская Тишина» приехали Серега и Серега. Они были «пришлые» и про местную бутырскую коррупцию рассказать не могли. Зато знали все про «Матроску». По всему получалось, что сидеть там лучше: телефоны дешевле, тарифная сетка на доставку еды из соседнего ресторана демократичнее и т. д. Воры в законе ходят по тюрьме, заглядывают в камеры, интересуются, все ли в порядке у арестантов. Но в целом — все то же самое.

Теперь подробнее про новых соседей.

Игнат «Молдаван» (почему-то после того, как я назвал его Игнатом, ужасно хочется переименовать его в Мишу, тем более — вспомнил, что так его и зовут, поэтому второе погоняло у него было «Медведь», но проявлю твердость духа и оставлю Игнатом). Сел за мошенничество. Его начальник брал по договорам аренды промышленные погрузчики, Игнат их перегонял, а начальник потом их беззастенчиво продавал. Как говорил сам Игнат — и косвенно это подтверждается тем, что, забирая оборудование, он предъявлял свой настоящий паспорт, — он был не сильно в теме всей схемы и не думал, что за это можно сесть в тюрьму. Взяли его после двенадцатого погрузчика.

Сергей «Кубаноид». По его собственным словам, жертва произвола ФСКН. Был управленцем на стройке. Рассказывал какую-то крайне неправдоподобную историю о том, как ему подкинули 600 таблеток экстази. Ну, что наркоту подкидывают — тут все очень правдоподобно, так делают. Но зачем столько экстази вместо, например, пяти граммов героина? На этот вопрос Кубаноид делал очень честное лицо и разводил руками: «Не знаю».

Серега «Батька». Прозвище ему было присвоено из-за белорусских корней. Профессиональный сиделец: из 46 прожитых лет 23 — отсиженных. Вместе с нами, первоходами, он сидел как не имевший судимости в России. Но посидеть он успел еще во времена СССР. Бывал в Архангельской области и в Казахстане. Все сроки у него были маленькие, преступления типа ограбления сельпо. Зато куча тюремных баек и словечек.

Про свое текущее заключение он сообщал следующее:

— в жизни не думал, что сядет в России;

— никогда больше не сядет в Беларуси (такое желание легко понять);

— даже в Беларуси не сажают за то, за что он сидит в России.

Вот история его преступления. Он украл бутылку водки из магазина «Пятерочка». Естественно, был при этом пьян. Как сидевший ранее, он хорошо знает Уголовный кодекс, вернее некоторые его положения. Серега предполагал, что цена бутылки водки не подразумевает уголовную ответственность. Когда он выходил из магазина, продавщица кричала ему: «Мужчина, мужчина!» А он не отреагировал. Следователь интерпретировал это не как кражу, а как грабеж. Кража — это скрытое хищение, грабеж — открытое. Для человека не сидевшего разница, может быть, и не очевидна. Поэтому сообщаю, что за скрытую кражу бутылки водки — штраф, за открытую — до четырех лет. Тут нужно оговориться. Закон и положения Верховного суда создают впечатление, что нет, за бутылку водки дать четыре года нельзя. Но практика судов утверждает обратное.

Так или иначе, при избрании меры пресечения судья не арестовала Батьку (что по сути правильно, но повергло следователя в шок), а отпустила под подписку о невыезде.

Через пару недель Батька попал под машину. Придя в себя и починившись, он решил у следователя не появляться, а продолжить жить, как и задумывал ранее. В скором времени он попался в магазине на краже бутылки коньяка. Тут уж следователь решила не мудрить с формой хищения, а просто приписала ему к первому преступлению еще и эту бутылку коньяка, чтобы сделать размер грабежа значительным. На этот раз суд отправил Батьку в СИЗО.

В целом ему повезло. Незадолго до преступления он бухал со случайным попутчиком в парке «Сокольники», и тот его чем-то напичкал и обнес. Очнулся Батька без денег, телефона, частично без одежды и с признаками обморожения. Именно поэтому после долгих поездок между московскими СИЗО, которые отказывались его принимать, Батька в итоге попал в «Матросскую Тишину» — московскую тюремную больницу, где его выходили. В общем, нормальная компания подобралась. А вот так выглядела наша камера:

В проходе два человека разойтись не могут. Вдоль одной стены двое двухъярусных нар, вдоль другой — стол, умывальник и туалет. Наверное, метров двенадцать общая площадь. Казалось бы, должно быть невыносимо тесно и вонюче, с учетом того, что двери в туалет и нормальной вентиляции нет. На самом деле — ничего подобного. Первые пару дней кажется, что тесновато, а потом даже просторно. Удивительно, что туалет тоже не

доставлял особого беспокойства. С появлением в камере Батьки все переняли его шутку и обязательно кидали сидящему на унитазе: «Не рви, пригодится». В тюрьме вообще любят шутки про задницу и туалетный юмор: «Ночью жопа — королева» и все такое.

Вновь прибывшие как раз лицезрели мою борьбу по поводу тетради с беспилотным планом. Ну, то есть борьбой это сложно назвать. Просто с утра я написал несколько жалоб, после чего ко мне присоединились новые сокамерники. Телефонов нет, телика нет, терять все равно нечего.

С матрасом Игната при переезде произошла обратная моей метаморфоза. Игнат думал, что едет в карцер, поэтому свой пухлый, собранный за год сидения матрас он отдал сокамерникам, а сам взял другой — состоящий почти из одной ткани. За неделю ему удалось добиться нового.

Я сагитировал сокамерников на массовую подачу жалоб, и с их помощью мы, например, добились того, что нам починили кнопку вызова инспектора. Она зажигала лампочку на пульте инспекторского поста. Правда, на лампочку инспектор не реагировал, приходилось колотить в дверь, так что рабочая кнопка была на фиг не нужна. Но для нас был важен сам процесс — заставить администрацию что-то сделать.

Таким же способом мы починили радио. Это было эпохальное событие. Радио то работало, то нет, то его забывали включить. Собственно, во всем корпусе работающее радио волновало только нас — у всех остальных были телики и мобильные устройства.

Нерабочее радио я использовал как основное средство шантажа. Я жаловался на него каждой правозащитной группе, которая нас посещала, а происходило это чуть ли не раз в неделю. В результате радио сделали, но в рамках жесткого стеба заместитель начальника распорядился поставить «Бизнес FM». В принципе, это нормальная станция. Главное — не слушать его более часа подряд, потому что потом начинаются повторы. К счастью, подчиненные перепутали и поставили «Эхо Москвы». Это, конечно, лучше, но не сильно — сутками слушать новостное радио тяжело.

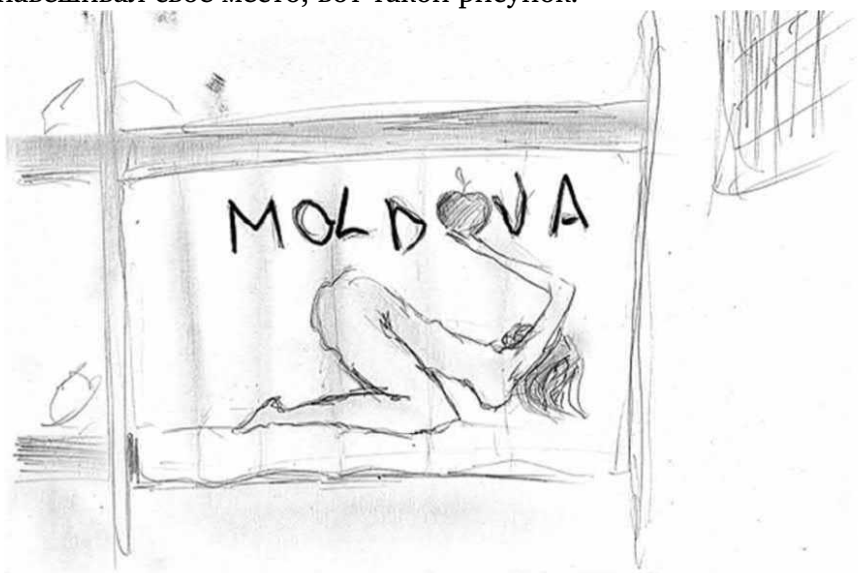
А до всей этой подлости администрации по радио (когда оно, конечно, работало) играло DFM. По-моему, у них в ротации всего десять песен. У всех любимой была «Это не шутка, мы встретились в маршрутке». Ее пели хором и пританцовывая. Позже, в ИК-5 «Нарышкино», она преследовала меня в ШИЗО и на СУСе.

На «Эхе Москвы» музыка крайне редка. Однажды я услышал анонс, что вечером будет какая-то селебрити в гостях и будут

ставить ее любимую музыку. Я упросил надзирательницу оставить радио на часок. Этого хватило, чтобы успеть услышать первую песню программы: «А-а-а-а — и зеленый попугай!» Возмущению моему не было предела.

С каждым из сидельцев у меня сложились хорошие отношения. В основном сидели мирно. Конечно, каждый с каждым успел поссориться — все-таки теснота пространства к этому располагала. Но все проходило довольно лайтово, без танцев смерти.

Над Молдаваном я постоянно шутил шутки про молдаван. Ну, знаете, типа: «От Молдавии поступила заявка на включение сбора яблок в программу Олимпийских игр». Но шутил в основном по-доброму, он не обижался. А потом, когда мне в передаче прибыл уголь, я нарисовал ему на простыне, которой он занавешивал свое место, вот такой рисунок:



Он был очень счастлив.

С Кубаноидом мы играли в шахматы. В СИЗО осужденным положен один комплект домино, шашек или шахмат на камеру или на десять человек. Нам досталось домино. В домино мы тоже весело рубились, но что за тюрьма без шахмат? Решили сделать свои, из хлебного мякиша.

В СИЗО вообще все делают из хлебного мякиша: ограничений на поступающие от родни продукты фактически нет, поэтому хлеб не съедали весь даже близко. Когда идешь по «Бутырке», можно видеть горы кирпичей-буханок, которые зэки выкидывают поутру. А вот в лагере, наоборот, хлеба всегда не хватает. Войн за пайку, конечно, нет, но и избытка нет тоже.

Лепить из мякиша довольно легко. Все, конечно, сильно зависит от хлеба. Иной раз приносили настолько сырой, что можно было сразу лепить. Но обычно мякиш все-таки надо размягчить в воде и долго-долго его мять. Потом добавить соль или сахар. Потом еще мять. Потом отжать через носок. В итоге получается чистый клейстер. Предметы из него получаются почти стеклянные.

Соответственно, добавляя различные ингредиенты, можно менять цвет:

пепел — серый, много пепла — черный, зубная паста — белый и т. д.

Но у нас не было цели делать шахматы на века. Пару дней мы с Кубаноидом и Батей по очереди мяли мякиш, добавили туда соли и зачем-то сухих сливок, после чего занялись фигурной лепкой. Фигуры были примерно такие:

Белые мы покрасили зубной пастой, черные — пастой, смешанной с углем. Получилось очень кайфово, прямо произведение искусства.

Один раз я добился ничьей. Все остальные разы я проиграл. Кубаноид был заметно сильнее меня в шахматах. Собственно, как и Батя. Игнат в шахматы не умел играть вовсе, и Кубаноид начал его обучать. Это было уморительно смешно.

Кубаноид потом возил эти шахматы с собой из хаты в хату по «Бутырке» и всех удивлял ими — это он мне уже рассказал после освобождения — звонил из ростовской зоны, где он смотрит за

столовой. Но на этап, конечно же, не взял, да и шахматишки не перенесли бы тягот.

Батя травил нам байки про свое тюремное житье-бытье и всяческие жизненные перипетии. Например, про то, как он скрывался от уголовного преследования в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС. Или про то, как ограбил сельпо: украл оттуда кучу банок со сгущенкой, потом нес их с какой-то марухой, они устроили привал… Но чем открыть консервы, если нет консервного ножа, а есть только пьяная маруха? Ну и всякие байки про сексуальные похождения.

Кстати, я заметил противоестественную корреляцию: чем больше времени зэк провел в местах лишения свободы, тем больше у него баек на тему секса. Некоторые байки Бати были абсолютно дикие — типа ограбления питерского транссексуала (рассказ состоял из нескольких действий с антрактом!). Была и хрестоматийная, я ее несколько раз потом слышал: знакомится зэк с телочкой, туда-сюда, они у нее, и в какой-то момент он замечает в ванной (почему-то всегда в ванной) милицейский китель. Выясняется, что телочка — мент. После чего зэк просит телочку надеть китель, следует половой акт (конечно, анальный), во время которого зэк приговаривает (кто знает, давайте хором): «Родная, в твоем лице я ебу всю советскую милицию». Ну и все в таком духе.

При этом оказалось, что всякие истории про вживление посторонних предметов в свой детородный орган (где-то я читал, что даже мышиные уши вживляют) — это все абсолютная правда. У Бати, например, было два шарика (запамятовал, из какого материала). Сначала было три, но один с годами был отторгнут телом. Пацантрэ в шоке рассматривали это дело в бане. А я чего-то не стал, странно как-то.

В общем, мы не сильно скучали и, как мне казалось, слегка сдружились. Хотя, конечно, никакой дружбы в тюрьме нет. Это не то место, где было бы умно заводить друзей. Но в стесненных обстоятельствах быстро привязываешься. И когда я уезжал на этап, у нас в камере была достаточно сентиментальная обстановка.

Ну и потом все мои сокамерники были абсолютно адекватными персонажами. За исключением Бати, я бы не назвал никого из них преступниками. Да и сам Батя — он отсидел полжизни и уже просто по привычке будет постоянно попадать в тюрьму. Судьба.

Апелляция

На 17 февраля была назначена апелляция. Пару дней я чувствовал воодушевление. Было неявное ощущение, что отпустят, то есть срок сделают условным. Это послужит еще одним предупреждением для Бро: будешь выступать дальше — посадим и тебя, и брата. По крайней мере, такая у меня была гипотеза.

Приговор был супердырявый. Ну, то есть совсем-совсем. Там была куча ошибок, процессуальных несоответствий. Даже Ольга, адвокат Бро, испытывала оптимизм. Обычно Ольга испытывала пессимизм (что правильно, у адвоката такая судьба — быть на негативе). Наше ходатайство об отмене было толще, чем сам приговор. Прочитав его, я слегка воспрял духом. И все тоже воспряли.

Попробую описать психологическую канву: когда посадили только меня, для всех это стало большим сюрпризом, даже шоком. Было некое чувство нереальности происходящего, и апелляция должна была вернуть все на круги своя. В конце концов, по предыдущему приговору Бро, его выпустили как раз по апелляции — правда, через сутки после посадки. В моем случае прошло почти 50 дней, но и это, кстати, супербыстро. Некоторые ждут по полгода.

Апелляция — это черта. После ее преодоления начинается «вступление в законную силу». Этап и зона. И то и то — очень непонятно: как, куда, зачем. До этого, хоть и сидишь в СИЗО, зато хотя бы понятно где. Можно туда принести передачу и т. д. Получается такая грань между стабильной неопределенностью и определенной нестабильностью.

Апелляция продолжалась часа четыре. Приговор изменили. Бро отменили дополнительные наказания в виде штрафа. Мне — нет. В общем, все это смахивало на издевательство.

Как раз после суда у меня получилось впервые позвонить по телефону. Сделал два звонка — жене и матери. Чертовски трудные разговоры. Мои девочки рыдали. Да чего уж там — по-моему, все семейство было в режиме белуги — даже самые брутальные его члены. Но настрой был у всех боевой. Херня-то какая. Подумаешь, тюрьма. Да мы тюрьму на завтрак едим.

Все, кто приходит в камеру с приговора или с апелляции, которая почти в ста процентах случаев оставляет приговор в силе, ложатся на нары и спят сутки. Это правда так. Не то чтобы сильно устаешь или спать хочешь. Просто не особо хочешь с кем-то говорить.

По закону, после того, как в СИЗО поступают документы из суда о вступлении приговора в законную силу, зэка переводят в другую камеру, где сидят уже осужденные (остальные — пока обвиняемые). В «Бутырке» так не делают, меня тоже никуда не перевели. Этапировать должны где-то через десять дней. Но я знал чувака в «Бутырке», который сидел там девять месяцев после приговора. Девять месяцев — это уже многовато, но до полугода — это норма. Мне же, конечно, такое не светило. Администрация «Бутырки» предвкушала скорое избавление от меня. Я достал их своей медийностью и жалобами. Для учреждения уголовно-исполнительной системы публичность — это самый большой страх.

Кстати, «Бутырка» заранее была в курсе исхода апелляции. Это было видно по многочисленным мелким признакам. Например, перед заседанием тетка отдала мне карточки на телефон со словами, мол, скажешь адвокату, пусть привезет такие же, отдаст мне. Я: «Так, может, меня сейчас отпустят». Тетка: «Да? Ну, может, и отпустят. Если не отпустят, не забудь адвокату про карточки сказать».

Я где-то слышал, что сны надо трактовать ровно наоборот. На заседание меня вел мой персональный надзиратель (к тому времени мы уже нормально общались, то есть он сводил меня с ума тщательными обысками до и после прихода адвоката и т. д., но было понятно, что ему это особо не надо — просто указ руководства). Так или иначе, пока он меня конвоировал, мы обычно вели какие-то общие разговоры. Ну и вот. Ведет он меня назад. Говорит: «Мне вчера сон про тебя снился». Я ржу: «Типа, надоел уже так? Расскажи». Он говорит: «Расскажу, если в газету об этом не напишешь» (история со статьей в «Московском комсомольце» про Чубакку всем запомнилась). Я заверил, что не напишу. Он говорит: «Приснилось, что тебя сейчас отпустят, ты выходишь за ворота «Бутырки», там тебя встречают. Обнимаешься с братом». Вот такое антипровидение.

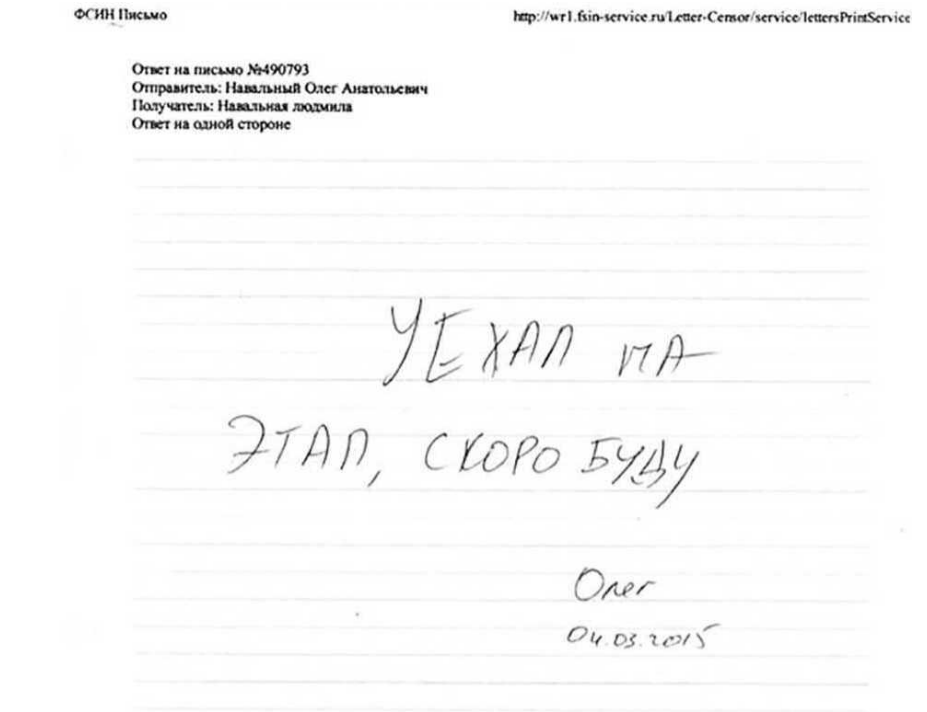
Этапирование требует подготовки. Родне заказал сигарет (много сигарет) и еды. Во-первых, у меня самого уже был кое-какой опыт — понимал, что брать, а что не надо. Во-вторых, был же Батя, который столько раз этапировался, что знал все досконально.

Вообще я скажу так: в СИЗО надо брать с собой сигареты и тапочки, на этап то же самое плюс пустую пластиковую бутылку. Без остального можно обойтись. Меня, понятное дело, укомплектовали по полной — видимо, на случай, если этап будет длиться год. Помимо плотно набитой сумки арестанта, собрали мне здоровенный пакет. Уезжал из СИЗО я с большим весом, чем

приехал туда. Но когда меня отправят, было непонятно.

Когда я уже устал ждать, что меня позовут с грузом на выход, и решил, что сегодня точно не будет этапа, я принялся за стирку своей теплой кофты. Было часов десять вечера. Часа в четыре утра сообщили, что через полчаса мне на выход. Кстати, это большое скотство — обычно говорят вечером накануне, чтобы арестанты могли посидеть-проводить.

Ну, сумка-то была готова. Общими усилиями отжали кофту до слегка влажного состояния. Батя отдал мне в дорогу свое одеяло — черное, легкое и теплое (оно, кстати, пригодилось). По традиции сели, чифирнули, обменялись пожеланиями. У меня было несколько неотвеченных бланков ФСИН-писем, я написал на них: «Уехал на этап. Скоро буду». Гордо написал и размашисто, как подобает узнику совести.


ФСИН Письмо http://wr1.fsin-service.ru/Letter-Censor/service/lettersPrintService

Ответ на письмо №490793
Отправитель: Навальный Олег Анатольевич
Получатель: Навальная людмила
Ответ на одной стороне

УЕХАЛ НА ЭТАП, СКОРО БУДУ

Олег
04.03.2015

И вышел из камеры № 298.

Этапирование осужденного Чубакки

Чубакка все подписал. Он смог выдержать пытку водой, голодом и просмотром полной версии кастинга шоу «Голос». Однако, когда двое лысых молодчиков с бронзовым загаром на его глазах забарабанили полуторалитровыми пластиковыми бутылками по голове принцессы Леи, он сдался.

Он написал свое имя после стандартного «с моих слов записано, мною прочитано» и получил 12 лет по статье 14, часть 88 — нацпредательство.

Многочасовые избиения и унижения прекратились тотчас же. Казалось, что все потеряли к нему интерес, и начались мучительные дни ожидания неизвестного в десятиметровой одиночной камере строжайшей тюрьмы столицы.

Коротая однообразные дни, Чубакка рычал на луну, тараканов и клопов, лепил из перловки и черного хлеба модели звездолетов, пытался повеситься на простыне. Повеситься не позволил рост. В камере Чубакке приходилось пригибаться, чтобы не задеть потолок, покрытый узором плесени разных цветов.

Чубакке слали письма, но так как у него не было ручки для ответа, а языка, на котором они были написаны, он не понимал, он делал из них самолетики и отпускал через решетку на волю.

Единственной радостью была ежемесячная баня, но поскольку воды не было уже полгода (все трубы были отправлены на строительство юго-западного, а потом северо-южного потока), прапорщик Степаныч — тюремный банщик — сбивал с осужденных грязь дубинкой.

Постепенно арестанты из соседних камер обучили Чубакку языку. Через два месяца он мог сказать «вечер в хату», «закурить», «заварить», «начальник», «с арестантским уважением и братским теплом», «наладка» и «расход». Этого скудного словарного запаса хватало, чтобы поддерживать общение, хотя о смысле некоторых фраз Чубакка мог только догадываться.

Период линьки позволил Чубакке сделать тонкую, но прочную и длинную косичку, с помощью которой он мог поддерживать запрещенную — и от этого такую желанную, щекочущую нервы, межкамерную связь. После отбоя он привязывал один конец косы к решетке, свободный опускал в камеру ниже. В привязанном к косичке носке можно было передавать записи, табак и другие запрещенные предметы.

Писать Чубакка не умел, табак не курил, другие запрещенные предметы ему не передавали; собственно, какие именно предметы запрещены, было непонятно — их перечень зависел от отношений

заместителя начальника СИЗО по режиму с его любовницей. Если в отношениях был мир, то запрещенными предметами были все, кроме зубной пасты и мыла (которых не было). Если отношения разлаживались, то запрещались вообще все предметы, а заодно отбирались матрасы.

Поэтому все арестанты надеялись на то, что Софья не бросит зама по режиму, ну по крайней мере до тех пор, пока они находятся в СИЗО.

После 22:00 окрестности тюрьмы оглашали крики Чубакки: «АУЕ! Наладка!»

— Один восемь семь!

— Я один восемь семь!

— Говори!

— Здоров!

— Давай наладимся?

— Давай.

— Один девять ноль!

— Да-да.

— Давай наладимся?

— Повременим…

Так шла передача предметов из камеры в камеру. Ближе к утру раздавался зычный крик: «Расход!», после чего передача заканчивалась. Свою косичку Чубакка бережно прятал в тайник под умывальником, где она удачно пережила не один шмон.

Нередко Чубакка задумывался о странной методике исправления преступников на этой планете. Сила воспитательного процесса была ему недоступна. Позже он пришел к выводу, что, как и любая сила, она требует времени и понимания. Слава богу, времени было предостаточно. Только Чубакка был незнаком с местным уголовно-исправительным законодательством и даже не предполагал, что процесс его исправления и социальной адаптации для жизни в нормальном обществе даже не начинался.

На десятый месяц пребывания в СИЗО Чубакка был разбужен фразой «С вещами на выход», обильно сдобренной матерными эпитетами. «Свобода!» — подумал Чубакка и удивился тому, как быстро пролетели 12 лет. Смутное подозрение, что закончилось еще не все, появилось в голове мохнатого воина, когда обоз, битком набитый зэками, в сопровождении конвоя из трех боевых тачанок, с трудом преодолевая снежные заносы, привез его из СИЗО на Павелецкий вокзал.

Удары прикладом безошибочно направили группу осужденных на полузаброшенные подъездные пути у видавшей виды платформы, сплошь потрескавшейся и частично

порушенной и уж точно полностью преданной забвению ремонтной службой вокзала. Куча арестантов под дулами ППШ и рогаток сотрудников ВДСП (великодержавной службы покарания), расставленные полукругом, выжидали посреди безмолвного пейзажа.

Фельдъегерь Пахомов был очень сильно разочарован жизнью. Нет-нет, карьера его и положение в обществе вполне сложились — его титул предводителя ВДСПшного конвоя позволял ему получать достойную зарплату и утреннюю норму продовольственных карточек на себя и домочадцев, а сама принадлежность к этой элитной по нынешним временам службе вселяла ужас и уважение в соседей, знакомых и потенциальных врагов.

Его домик под Интой был полной чашей. Жена его в 40 лет сохранила всю красоту и выращивала набор детей (двое сыночков и лапочка-дочка), не зная хлопот и нужды. Однако это не помогало. В детстве Пахомов обожал Жюля Верна и Кира Булычева. Несколько раз он перечитывал все опубликованные произведения именитых фантастов. И даже состоявшимся силовиком сохранил детскую страсть: месяцы ушли на то, чтобы отыскать в бездонных подвалах Лубянки запрещенные повести Булычева, но терпение было сильной стороной Пахомова.

Будучи студентом, он откликнулся на призыв Белого Владыки и отправился добровольцем на ударную стройку Катапультодрома Центрального, чтобы быть ближе к своей мечте (Пахомов хотел стать космическим солдатом).

Разочарованию будущего фельдъегеря не было предела, когда он осознал, что катапультодром — это просто макет из папье-маше в натуральную величину, единственной целью которого было продемонстрировать потенциальным врагам государства возможность построить катапультодром.

Ввиду невероятной секретности и казнокрадства на стройке со всеми рабочими — добровольцами и не очень — было решено поступить двумя способами. Одних расстреляли, залили бетоном и превратили в монумент «Порыв энтузиаста» (по сей день это единственный памятник на Земле, различимый невооруженным глазом с лунной орбиты, по размерам памятник строителям катапультодрома больше самого катапультодрома). Пахомов выбрал вторую стезю — вошел в расстрельную бригаду, что открыло ему путь по карьерной лестнице в ВДСП, но закрыло дорогу к звездам. Впрочем, страна давно не производила пусков. Редкие обладатели работающих телевизоров и электричества наблюдали кадры хроники, выдаваемые госпропагандой за пуски новых типов ракетоносителей. Ученые, которые могли бы

определить подделку, уехали за границу (по официальной версии, были выкрадены шпионами) либо стерли из своей памяти и ради своей же безопасности все знания, порочащие власть.

Пахомов ехал и думал, зачем он создан и кто в бесконечной Вселенной распорядился, чтобы он, 45-летний мечтатель, верхом на ведомственной росомахе тащился на умирающий московский вокзал, чтобы конвоировать кучу зэков, чья вина была очень сомнительной, на край земли, где они никому не нужны.

Единственное, что удерживало Пахомова от суицида, — это сны. Во сне Пахомов не работал на карательный орган, никто не стегал нагайкой и не орал до хрипоты гимн на плацу. Во сне он пронизывал на сверхсветовом космическом корабле молчаливое вселенское пространство, открывал новые миры, спасал гибнущие цивилизации и сражался с космическими пиратами.

Десять всадников двигались клином, приближаясь к группе з/к и охраняющим их сотрудникам. Пахомов кивнул начальнику сдающего конвоя Криворылову, с которым имел давнее знакомство. Пора было начинать прием/передачу. Пахомов, сильно окая на свой родной северорусский манер, прокричал арестантам стандартное: «Вас приветствует вологодский конвой! Шаг влево, шаг вправо — попытка к бегству. Огонь открывается без предупреждения».

Расписавшись именным гусиным пером в сопроводительных бумагах и пожелав удачи начальнику сдающего конвоя, Пахомов объехал вокруг зэков, остановившись напротив Чубакки: «Экий ты патлатый — непорядок. Ну ладно, в зоне тебя подстригут».

Надо было решить транспортную проблему. Путь до колонии был неблизкий, а все тюремные вагоны сдали в аренду, поэтому конвою было предписано самому организовать «гуманную и эффективную» транспортировку к местам лишения свободы.

Осмотревшись вокруг, Пахомов увидел здание синего цвета с покосившейся вывеской ПЖДП (железнодорожный почтамт) при Павелецком вокзале.

Руководствуясь положением пункта 12 правил покарания «арестант должен страдать», Пахомов громогласно скомандовал: «Граждане осужденные, принять положение гуськом и бегом выдвинуться в сторону вон той синей хибары» — и повел стволом ППШ в направлении ПЖДП.

Спустя пять минут препирательств, которые закончились выбитым зубом начальника почтамта и двумя предупредительными очередями в потолок, у почтового ведомства были реквизированы восемь колесных пар, доски для настила и дизельная дрезина.

Все это было необходимо для сооружения в полевых условиях

арестантского вагона легкого (АВЛ) в соответствии с методическими рекомендациями.

Подгоняемые ударами нагаек, зэки потратили пять часов на то, чтобы перенести запчасти АВЛ и смонтировать конструкцию на одном из путей, руководствуясь смекалкой, матюгами Пахомова и методическими рекомендациями ВДСП.

Дрезина была заправлена и установлена в качестве тягача. Зэки скучились на открытой платформе АВЛ, наспех собранной из бывших перекрытий почтамта, росомахи были оставлены в конюшне вокзальной комендатуры. Можно было отправляться в путь. Пахомов отдал команду «Поехали!», заученно махнув рукой.

Гуманное отношение к осужденным в процессе этапирования заключалось в том числе в предоставлении осужденным возможности прослушивать радиопередачи. Естественно, радиотранслятора в АВЛ не было, да и радиовещание было запрещено несколько месяцев назад секретным запретом правительства. Но закон есть закон, поэтому сотрудникам ВДСП было положено петь не менее двух часов в день для создания комфортных условий для осужденных. Гуманизация.

Как ни странно (а может быть, абсолютно не странно), эта обязанность Пахомову не была в тягость. Быть может, тому виной была его мечтательность. Поэтому, как только дощатая платформа с дрезиной начала свой монотонный бег по уже пару лет требующей ремонта железнодорожной колее, Пахомов взгромоздился на предусмотрительно возведенный постамент в торце вагона и уже начал было насвистывать My Heart is a Ghost Town Адама Ламберта, как встретился глазами с Ивановым — штатным очевидцем (пару лет назад во всех силовых органах ввели должность очевидца, единственной обязанностью которого было выступать свидетелем всяческих нарушений; они давали показания, подтверждающие вину всех и вся, тем самым разгружая иных должностных лиц, а также, естественно, облегчая процесс доказывания вины). Глаза Иванова были хитро прищурены. Еще более хитро, чем обычно, что заставило Пахомова вспомнить последнее распоряжение ведомства о некоторых мерах «дополнительного углубления в процесс импортозамещения», которое запрещало использование иностранных слов должностными лицами. «Вот fuck, — подумал Пахомов. — Чуть не влип», а его зычный голос с хрестоматийным вологодским оканьем уже выводил:

А я все жду тебя,
Сижу и жду тебя,
Ты не представляешь, как мне хорошо,

Когда ты целуешь меня, а еще…

Пахомов замер в позе Фредди Меркьюри на секунду, и уже вся конвойная команда синхронно грянула:

Звезды в небе горят,
Когда ты рядом со мной,
Я повторяю сто раз подряд,
Ты — не такой, ты — не такой.

Чубакка с открытым ртом смотрел на Пахомова и думал: «Блять, еще 11 лет и два месяца. Люк, где ты?»

Этап

Повели меня, значится, на этап. Чудное такое слово, очень монументально звучит. Представляются вагоны для перевозки скота и рытье могил на полустанках для тех, кто умер в дороге, не выдержав духоты, тесноты, плохого питания, или вовсе скончался, к примеру, от тифа.

Я так и не нашел документа, который детально описывал бы правила доставки з/к до места назначения. Инструкции, понятное дело, есть, но они (что еще понятнее) секретные. В законе сказано, что зэк должен сидеть в том же регионе, где прописан, а если там нет соответствующего учреждения, то в радиусе 500 км. Ну а если и в таком радиусе нет, то уж где найдут для него местечко.

Места-то в колониях есть всегда. В крайнем случае можно уплотнить, а желающих пожаловаться на это — подвергнуть репрессиям. Фсиновцы распределяют зэков не по принципу равномерной комплектации колоний, а исходя из своих корыстных интересов или указаний сверху. В принципе, услать могут куда угодно, оспорить это не сильно-то и возможно. Тем более что заполняемость зон — это не открытая информация, а в системе учета царит адок. Тюремное население вроде бы сидит, но на самом деле массово перемещается — например, на лечение, облегчение или ужесточение режима.

В Москве колоний общего режима нет. Зато, оказывается, в Капотне есть колония-поселение. Вот уж не думал. Ну, там, наверное, по какому-то суперблату сидят.

Место назначения — это Великая Тайна. Зэку ничего не говорят, пока он не доберется до места. Уж не знаю, откуда такая таинственность. Возможно, какому-то творцу в УИС когда-то испортили настроение, пересказав концовку остросюжетного фильма, и он поклялся, что в своей работе убережет подопечных от таких спойлеров.

Этап — это не только Великая Тайна, но и инструмент влияния, а также поле для торга. Поссорившись со фсиновцами в СИЗО, можно уехать в ужасно-режимную зону, а хорошо поладив, можно прикупить этап в коммерческую или «черную» зону — кому как нравится. Называется «купить билет». Стоимость такого билета сильно зависит от личности зэка и местных условий — по разным данным, она может варьироваться от сотен тысяч рублей до миллионов. Вообще говоря, стратегически хорошие инвестиции. Можно подобрать колонию, где есть прозрачные расценки на освобождение (чем дальше от Москвы, тем дешевле).

Это, конечно, не значит, что вас выпустят сразу по прибытии. Речь идет о покупке УДО. Если все же есть острое желание и возможность, а на воле нет никого, кто особенно сильно заинтересован в вашей посадке, наверное, вполне можно освободиться по здоровью. В принципе, так выпускают только тех, кто смертельно болен, но ведь есть на земле место чуду — любой может внезапно исцелиться.

Впрочем, это все не мои случаи. Меня сначала отвели в транзитную камеру (там собирают всех, кто уезжает на этап, или уже осужденных, если они неведомыми уголовно-исполнительными путями едут транзитом через «Бутырку»). В нашей камере было двое таких, из Ярославля. Куда-то на север ехали. Мы даже толком не пообщались — их быстро увели.

У всех, кто покидает СИЗО, отличное настроение. Пусть неопределенность — зато приключение, к тому же дико надоело сидеть в мешке. Все радостные, много шутят по различным поводам (день недели, дежурная смена, декада месяца, вещий сон авторитета Бубликова), пытаются понять, куда этап (всегда неудачно). Все еще в вольной одежде, волосатые, бородатые и частично усатые.

А вот осужденные уже бритые, только слегка ощетиненные, в ватниках и ушанках, с черкизоновскими сумками и серыми лицами. Ну, лица-то, предположим, у всех серо-желтые — называется тюремный загар, но в сочетании с робами это смотрелось очень уж печально. Какие-то замученно-умотанные. В общем, будто не совсем люди, а черно-белые фотографии людей.

Часов пару посидели мы в транзитной камере. Кстати, именно так я себе тюрьму и представлял: все разбитое и заплеванно-разрисованное, адова вонища, туалет в виде дырки в полу за символической загородкой демонстративно смотрит на арестантов. Потом за нами пришел предварительный конвой — проводить учет и переписку. Это те, кто ведет из СИЗО до транспортного средства. По одному начали вызывать в коридор.

В коридоре несколько человек, включенный видеорегистратор. Уточнили ФИО, статью, начало и конец срока заключения, начало личного срока (то есть дату рождения). Задающий вопросы сделал какую-то пометку в документе. Документ лежал на здоровенной папке (видимо, мое личное дело), которую он держал на весу. Я поинтересовался, куда еду. «Не могу сказать», — кивая на регистратор, сказал конвоир.

Потом завели обратно в камеру, выключили регистратор, вывели обратно в коридор, и конвоир сказал, что этапируюсь я в ИК-5 Орловской области. Вот тебе и Великая Тайна. Вот тебе и магия публичного политзэка. Не последнюю роль играл тот факт,

что конвоир был, видимо, из сочувствующих. Сообщая мне пункт назначения, он слегка волновался.

В камере я сказал арестантам, что еду в Орел. Все выражали глубокое сочувствие. (У управления Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области в уголовной среде была дурная слава. Режимные зоны, пытки с использованием арматуры, обливание на морозе и все такое.)

Не сильно обнадеживающее начало путешествия. Но то, что нельзя контролировать, надо игнорировать. Эта мудрость меня немного успокоила.

Ну и потом, глядя на то, как обстоят дела в «Бутырке», было очень трудно представить, что где-то есть злой ГУЛАГ. Я вообще был в полной уверенности, что меня отправят куда-нибудь валить тайгу и кормить клещей. Например, в Кировскую область (такая ирония была бы очень в духе властей). Кстати, дело «Кировлеса» против моего брата было очень неплохо распиарено — большая часть зэков была уверена (и уверена до сих пор), что я отбываю наказание именно по нему. Слухи в среде з/к рождаются очень легко, а вытравливаются очень трудно.

А Орел не Киров. Когда я поступал в Финансовую академию, то сдавал вступительный экзамен по географии. Экзамен был жестким, и я мог (на момент его сдачи) назвать главные отрасли промышленности любого субъекта Российской Федерации, их доли и особенности, перечислить административные центры, полезные ископаемые и т. д. Так что я точно знал, что тайги в Орловской области нет. Не так-то плохо.

Нас препроводили в транспортировочный Камаз. В нем — два длинных отсека и две малюсенькие клеточки, то ли для педофилов, чтобы их не растерзали зэки, то ли для межгалактических убийц, чтобы они не растерзали всех остальных. Нас всех загнали в первый отсек. Меня — первым, так как процесс надо было заснять на видеорегистратор. Если кто-то еще не понял, любой процесс со мной важно было зафиксировать на видео. Вообще, из материалов, снятых с моим участием за время заключения, можно сделать самый длинный и самый скучный сериал на земле.

В автозаке запретили курить, что вызвало в зэках сильное чувство озабоченности и возмущения. Вообще, конечно, в автозаках и местах лишения свободы в принципе курить нельзя нигде, кроме специально отведенных для этого территорий. Но к этому запрету даже сотрудники — а зэки уж тем более — относятся с пренебрежением и считают его глупостью. А тут транспортировался VIP-зэк (я), поэтому все снималось и соблюдался закон. Я-то это сразу смекнул, но вот остальные,

оказавшись в такой нелепой ситуации, бузили. Ну я вместе со всеми, естественно.

Где-то через час езды по столице наш грузовик остановился и заглушился. Мы стали ждать и постепенно мерзнуть. На улице хотя и март, но совсем ранний, совершеннейшая зима. Чем дольше ждали и чем холоднее становилось, тем более настойчиво осужденные требовали организовать перекур. То есть перекур мы бы и сами организовали — требовали отдать спички, которые у нас отобрали перед погрузкой.

В автозаке напротив запираемых отсеков сидел на лавочке один надзиратель — откормленный, жирный боров. По всему было видно, что он не особо понимает, как поступить в этой ситуации. Не будь требования соблюдать закон, он бы, понятное дело, курить разрешил или, напротив, стал бы колотить палкой резиновой по решетке и вопить: «Утихомирьтесь, мрази!» Ни того ни другого сделать он не мог, и на толстом лице его были нарисованы смятение и грусть. К счастью, вскоре началась перегрузка из автозака в ж/д-зак.

Конечно же, сказали, что Навальный должен выходить первым. Отсек в камазе очень узкий, вход является выходом, а все осужденные с сумками, поэтому вместо метода FIFO (first in, first out) следовало применить LIFO (last in, first out). Это было очевидно не только мне, проработавшему несколько лет в логистике, но и любому человеку, чьи логические способности выше, чем у мешка с песком. Однако тут речь не о логистике или логике. Мы тут, на секундочку, о соблюдении законности и видеофиксации говорим. С горем пополам я перебрался через зэков и их сумки, а зэки, поняв, что я — тот самый Навальный (не ТОТ САМЫЙ, конечно, но Навальный, о котором они слышали, что он сидит в «Бутырке»), слегка притихли и, наверное, начали потихоньку связывать запрет курения с моей персоной.

Выпрыгнул из автозака. Спросили тот же набор данных. Прошел пять метров. Залез в ж/д-зак. Там отвели в купе и заперли. При погрузке/выгрузке нескольких человекозэков охранники по цепочке выкрикивают номера.

Охранник в автозаке:

— Восемь на приемку! Первый пошел!

Кто-то из охранников на пятачке земли между вагоном и Камазом:

— Первый!

Охранник в вагоне:

— Первый дома!

И так далее.

Должен сказать, что это был вообще ни разу не вагон для

перевозки скота. Со столыпинским вагоном (или, как его называют, столыпиным), думается, он имел мало общего. Обычный купейный вагон, только купе более узкие, окон в них нет, вместо дверей — решетки, а окна в коридоре все замазаны краской. Все железное, то есть вообще все. Видать, чтобы вагон не спалили.

Чуть позже пришли несколько сотрудников. Осуществили досмотр вещей и меня. Это уже второй раз за день (первый — в СИЗО). Весьма глупо, на мой взгляд, но должен признать, что это единственный способ снять с себя ответственность, если вдруг зэк зарубит сотрудника невесть откуда взявшимся у него топором.

Потом отвели в мое купе с тремя полками по одной стороне вместо шести по двум сторонам, как в других (это даже скорее можно назвать полукупе — когда сидишь на полке, колени упираются в стену). Я, конечно, поспорил немного с начальником конвоя. Отключив регистратор, он сказал, что это распоряжение сверху и сделать по этому поводу он ничего не может. Но потом добавил, что, может, кого-нибудь подсадят по пути. И он, и я понимали, что это было сказано только для того, чтобы закончить разговор.

Кайфолом, конечно. В кои-то веки еду в столыпине, а чифиру с зэчьем не попить и баек не послушать. Ну и что делать? Тут-то мне пригодился теплый плед, которым меня одарил Батька. Постелил я его на железные нары и лег спать, вернее — полудремать-полудумать. Все-таки у меня не настолько железные нервы и не такой разнообразный жизненный опыт, чтобы проспать весь трип.

Мне, конечно, хотелось, чтобы было как в рассказах Батьки о его отсидке в Архангельской области: «Вас приветствует вОлОгОдский кОнвОй.» Но не все сразу, не все сразу.

Начальник конвоя у нас был забавный. С громким голосом, вылитый Линицкий из дуэта «Сестры Зайцевы» на ТНТ. Сначала он объявил, что до отправки состава, в соответствии с санитарными требованиями, в туалет никого выводить не будет. Потом подошел к моему купе и поинтересовался, что у меня с потребностью сходить в туалет. Я подтвердил, что такая потребность, несмотря на мой VIP-статус, есть. Тогда начальник конвоя объявил, что в силу гуманизма и человеколюбия конвой идет навстречу осужденным и на нарушение санитарных норм. Это существенно повысило уровень лояльности спецконтингента. Позже он объявил о запрете курения в поездах. Но, не дожидаясь возмущения, добавил, что все мы люди и курить можно. Короче, нормальный конвой.

Несмотря на всю беззлобность ситуации, зэчье, конечно, все

равно провоцировало:

— Начальник, хочешь конфету?

— Нет, спасибо.

— У меня есть барбариска, возьми пососать.

Кстати, вот всем очень хороший совет: уезжая на этап, берите с собой пустую пластиковую бутылку (я — взял). Конвой может оказаться более щепетильным в вопросах соблюдения санитарных норм. Через купе от меня ехал один азербайджанец, уже в годах. У него было что-то с почками, в туалет он просился чуть ли не каждые полчаса. У конвоя свой процесс, так часто водить они его не хотели, и бедняга сильно страдал. Я выручил его, передав бутылку через конвоира. Получил плюс к карме и спас зэка от позора.

Состав у нас был тихоходный: частые остановки, пару раз (видимо, в Серпухове и Туле) принимали пополнение. Везде уже в камерах-купе человек по двадцать, один я, как царь, на черном пуховом пледе возлежу, покуривая блатную сигарету и попивая кофий (в пути разносят кипяток, а при отправке дают сухпай). Где-то дико ржут. В соседнем с моим купе едут в колонию-поселение. Поселенцев там всего двое. Едут на какие-то совсем незначительные сроки, типа три и шесть месяцев, поэтому у них там выхлест тюремной романтики: «Представляешь, братан, мы же в легендарном столыпине едем! Когда еще такое будет?»

Орел

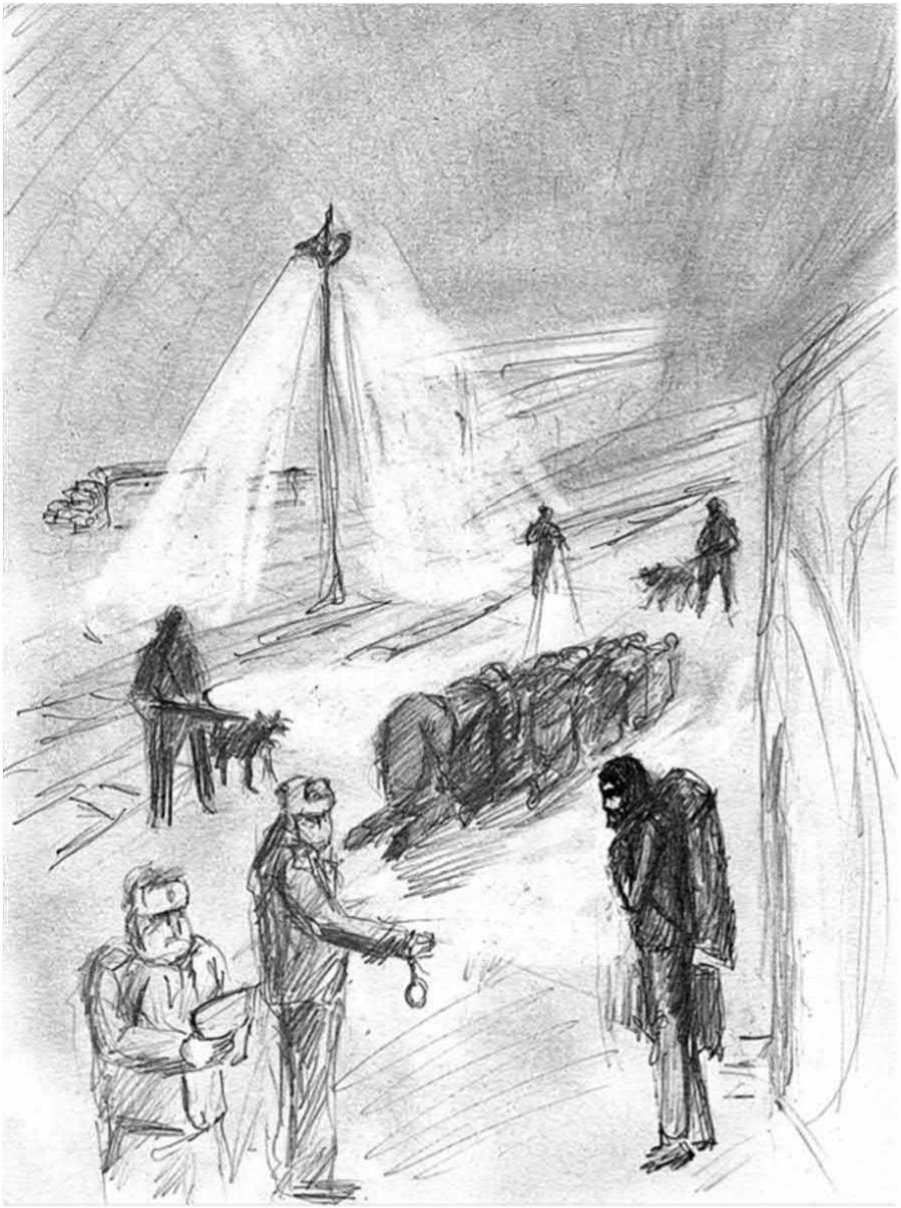
К вечеру доехали до Орла. Остановились. Лают собаки. Все притихли. Входит команда встречающих. К моему купе подходит целый подполковник. Здороваемся. Он говорит: «В целях безопасности будем выводить вас последним». И тут происходит следующее:

1. Я понимаю: все мои надежды на то, что «особое отношение» закончится после этапа, необоснованны. Это, конечно, забавно и все такое, но очень неудобно с практической точки зрения.

2. Я теряюсь в догадках: что именно имеется в виду под безопасностью? Но главное — о чьей безопасности идет речь: моей, конвоя или остальных зэков?

3. Я думаю про подполковника: «Вот же гондон, а!» Ведь про цели безопасности он сказал в голос, и все притихшие зэки в вагоне, конечно, это слышали. Получается, я еду в режиме «безопасного места». То есть я зэк такой степени непорядочности, что для того, чтобы остальные зэки меня не убили, вертухаи отдельно блюдут мою сохранность. Это, конечно, не соответствует действительности. Но когда я на выходе пожелал всем «зеленой» дороги и «черных» зон, мне не ответил никто. Было довольно неприятно.

Как только я спрыгнул на орловскую землю, я сразу понял, что дальше все будет несколько по-другому. Заключение становится все менее романтическим мероприятием. Выглядело это так:



Какой-то ж/д разъезд на отшибе. Тускло светят фонари. В их жалком свете, не кружа, падает мелкая снежная крупа. По периметру люди в бушлатах с автоматами и лающими собаками. В центре — колонна зэков на корточках, скованная одной цепью, во всех смыслах. Головы у всех приклонены. Криков «АУЕ», «Жизнь ворам!» не слышно. Пососать барбариску начальнику никто не предлагает. Колонна по двое. В последнем ряду один зэк, и рядом с ним местечко свободно, о чем говорит пустой браслет наручников — звено общей цепи.

Мозг человека очень быстро принимает решения, и я, оценив

обстановку, без лишних уточнений направился вковываться. Меня остановили: нет-нет, не надо. Приковали наручником к конвоиру. Колонна гуськом направилась к камазу. Я же проследовал к отдельному (!) автозаку. Если и было что-то, о чем я в тот момент жалел, так это о том, что на мне не было леопардового плаща и шляпы.

В общем, такая вот история про то, как я #невсталнаколени. Никто меня, конечно, на колени не ставил, но ведь и правда получилось, что не встал!

Мой автозак — это такая модифицированная газель. Расположение и количество отсеков то же, что и в камазе, но сами они поменьше. Зато суперчисто. Все новенькое, блестит. Камеры повсюду, очень светло. Если бы там был питьевой фонтанчик, я бы совсем не удивился.

Для проформы спросил, можно ли курить. Нет. Поговорить конвоиры тоже стеснялись, поскольку велась съемка. Минут через десять я уточнил, едем ли мы все еще по вокзалу (тряска была такая, как будто постоянно переезжаем через рельсы). Конвоиры поулыбались моей московской изнеженности и сказали, что это улицы города Орел.

Так как разговор не клеился, я достал книжку про приключения бравого солдата Швейка (отец передал ее мне в «Бутырке») и углубился в чтение до самого СИЗО. Почему, кстати, в СИЗО города Орел, а не в ИК-5 «Нарышкино», где мне предстояло отбывать наказание? Это очень просто. В вагоне едут все, кому сидеть в Орловской области, а это может быть:

— колония-поселение или женская колония в Шахово;

— колония общего и строгого режима в Нарышкино;

— колония строгого режима для ранее судимых в Ливнах;

— колония-поселение в Мценске.

Сразу отправлять туда с вагона — неэффективно экономически, поэтому арестантов везут в СИЗО, где они ждут трансфера. Такие распределительные центры, централы по-простому.

Через пять минут после высадки в СИЗО города Орел я увидел больше сотрудников ФСИН, чем видел в «Бутырке» за два месяца. Это произвело на меня сильное впечатление. Еще больше меня поразило внутреннее убранство изолятора. Меня завели в отдельный бокс. В принципе, он не сильно отличался от бутырского. Но! На стене не было ни одной надписи. В «Бутырке» же с трудом можно было найти чистое место на стене. Личные данные там перекрывались проклятиями, проклятия — политическими лозунгами, лозунги — частушками, частушки — полными боли стихами, а поверх всего были нанесены похабные

рисунки (в последнем я принимал непосредственное участие, а также писал политлозунги).

Я долго ходил и не верил своим глазам, разглядывал чистые стены. Удивить меня уже было трудно, но тут в сторону отъехала стена. Не совсем стена — на одной стороне бокса была такая железная ширма, от пола до потолка. За ширмой оказалось окошечко, за окошечком — мужичок. Узнал мои данные, попросил поприкладывать пальцы к сканеру отпечатков.

Сейчас я задумался: а было ли это все на самом деле? Может, чистые стены нанесли моему сознанию какую-то травму и мозг дорисовал сцену с отъезжающей перегородкой и высокотехнологичной дактилоскопией? Просто это воспоминание не сильно вяжется с последующим совком и колхозом, царящими в этом цэфэошно-уфсиновском хозяйстве. Не знаю, не знаю.

Потом меня повели на обыск. К этому времени остальных вновь прибывших уже осмотрели, о чем свидетельствовал узор из всяческих оберток и прочих предметов на полу. Мусора было много, как и мусаров при погонах. Автор этих строк оказался в положении ярмарочного слона: с тех пор, как я приехал в Нарышкино, любой мало-мальский начальник, оказывавшийся со мной на одной территории, считал своим долгом посмотреть на меня. Через какое-то время руководство удовлетворило свое любопытство и свалило. А меня стали доосматривать двое каких-то «малышей», лет по двадцать, наверное.

Я решил начать разговор со стандарта:

— Как жизнь, старшой?

— Я вот не понимаю, где все здесь старших увидели?

В столичных централах, действительно, к надзирателям часто обращаются «старшой», независимо от звания. В Москве к этому уже все привыкли, а вот в Орле, видимо, коробило. Поэтому, сменив тему, я спросил, нет ли у них телефона: я бы купил, ну или позвонил. «Старшие» посмеялись и сказали, что это Орел, а не Москва, тут нет телефонов и АУЕ. Наверное, хорошие зарплаты, подумал я, и поинтересовался их уровнем.

— Мы не за зарплату работаем, а за идею.

— И в чем идея?

— Тут льготный срок выхода на пенсию.

Дальнейший диалог не имел смысла. Из всего, что у меня было с собой, изъяли только щипчики для ногтей.

— И как я буду должен стричь ногти?

— Когда будет медосмотр, скажите врачу, он вам даст бумагу.

— Какую бумагу?

— О том, что вам надо иметь при себе щипчики для ногтей.

Позже я так и сделал. Во время медосмотра все очень удивились, но бумагу мне дали. Понятное дело, что никакого разрешения на ношение щипчиков в действительности не нужно. Но это прекрасная иллюстрация того, как все работает в тюремной системе. А поскольку страной у нас (¡lo siento!) управляет солдатня, можно экстраполировать на всю отчизну. Какой-то начальник, присутствовавший при обыске, вдруг посчитал, что щипчики иметь при себе нельзя — вроде похоже на оружие. После моего логичного вопроса, а как же стричь ногти, он понимает, что ступил, но признать этого не может и на ходу придумывает целую процедуру одобрения (вы только вдумайтесь!) процесса подстригания ногтей.

Зато потом мне сделали предложение посетить баню, которое я встретил с восторгом. Этап как раз приходился на банный день, и я уже неделю как был грязен. К тому же после отъезжающих стен можно было рассчитывать как минимум на джакузи. Но нет. Баня оказалась настолько убогой, насколько это вообще возможно. Струя воды столь же ржавая, сколь и труба, по которой она течет. Кафель — цвета зубов Мао, а Мао, как известно, зубы не чистил.

Другими словами, обычная тюремная баня.

Повели в камеру.

Между СИЗО г. Москвы и СИЗО г. Орла есть историческая связь. Оба этих тюремных здания были построены в период царствования Екатерины Великой. Конец исторической справки. Можно бы еще добавить, что в различные периоды и те и другие казематы принимали политзэков, но, думаю, что п/з/к сидели примерно во всех тюрьмах России. А если в каких и не сидели, то там срочно надо установить мемориальную табличку.

По прибытии в «Бутырку» мне сообщили, что ничего — Ленин тоже сидел. В Орле сказали то же самое, но про Дзержинского, подчеркивая, что Iron Felix сидел именно тут. В СИЗО два корпуса. Один екатерининский, очень винтажный, с коваными лестницами. Камеры там минимум четырехместные.

Весь антураж очень темный и угрюмый. Прям тюрьма-тюрьма. По соседству есть еще один корпус, построенный, как мне сообщили, по финской технологии. Привели меня, естественно, в финский — нельзя же ударить в грязь лицом перед знаменитым московским гостем. Камера тоже четырехместная. Но раза в три больше, чем в «Бутырке». Здоровенное окно. Правда, на нем аж три решетки (одна, выступающая в камеру, зовется телевизором). Деревянные полы. Туалет мало того, что в отдельной кабинке, так еще и дверь на кабинке в наличии. Из неприятных для меня новшеств — глаз видеокамеры и переговорное устройство.

В камере двое: армянин формы колобка и седой, почти высохший персонаж.

— Людская ли хата?

— Людская, людская.

О том, что сидельцы будут непростые, я догадался при первых признаках нездорового интереса к моей персоне, начиная с выгрузки в вагоне. Ну, информаторы и информаторы. Как уже было сказано, мое главное оружие — это отсутствие секретов.

Сухонький седыш очутился в застенке, когда на посту ДПС в его трусах было обнаружено 100 граммов фасованного по пакетикам кокаина. Да-да. И не говорите, что Орел — деревня, а носы депутатов местного заксобрания не нюхали кокса. Лучшим подтверждением, что персонаж — стукач, было то, что срок ему дали что-то в районе четырех лет — по статье «Хранение наркотиков», а не «Покушение на сбыт». Для сравнения: одному таджику, которого я встретил в «Бутырке», менты подкинули два пакетика, в каждом по полграмма гердоса. Причем явно подкинули. Просто увидели, что таджик, и решили заработать на нем палку. А чувак даже не курит. Гражданин РФ, двое детей, нормальная работа. Посадили его в результате за приготовление к сбыту героина на десять лет. Почему? Потому что признаком умысла на сбыт была фасовка наркотиков по пакетикам. А тут Гера (это кличка сухонького) с сотней граммов кокса в трусах сел только за хранение: «Да, Ваша честь, этот кокаин я собирался вынюхать сразу после того, как поставил бы свою старую девятку в гараж. Да, Ваша честь, я всегда храню все порочащие предметы в трусах — семейная традиция».

Армянин сидел за мошенничество. И его историю я даже не берусь пересказывать, уж очень она витиеватая и непонятная. Что-то связанное с хищением шапок из ценных пород пушнины. Уж не знаю, был ли он агентом, но точно был из такой породы людей — знаете, очень хитрых, про которых все понимают, что они хитрые, но поймать никто не может (до определенного момента). Жук тот еще. Зато оказалось, что он родственник одного моего близкого знакомого с территории военных городков, где я рос. Это было удивительно и в очередной раз доказывало, что все армяне — родня друг другу.

Гера должен был этапироваться в ту же колонию, что и я (сюрприз-сюрприз!), а армянин приехал оттуда, чтобы полечить зубы в Орле и ехать обратно. Зубы он не вылечил, но обратно тоже поехали вместе. Короче, двойка за легендирование. Но вообще, достаточно весело в СИЗО посидели.

Армянин очень веселый, мы с ним сдружились, травили байки и дико троллили Геру — уж очень явным агентом он был.

Ну и армянин рассказывал про всякие ужасы, которые нас ожидают по прибытии. Побьют при выгрузке, отберут все вещи, а потом на карантине будет выбор — брать тряпку или нет. Если не будешь брать, то будут убивать и макать головой в унитаз. На Геру эти рассказы производили очень удручающее впечатление, он постоянно был на нервах и в расстроенных чувствах. Я же вел себя как собиратель фольклора: слушал удивительные истории, поражался, но относился к этому, как к совершенно «не-со-мной» истории. Было слегка волнительно, но только на 0,01 %. На остальные 99,99 % я был уверен, что никакой тряпки не будет.

Тряпка

Уж не знаю, что это за традиция, но очень давняя. В централах первоходы, ожидая отправки в колонию, про нее много говорят, а второходы просто ждут с фатализмом.

Тряпка — своеобразный фильтр. Управление зоной осуществляется формально (администрацией) и неформально (блатными). Ну и тряпка — это как красная и синяя таблетки, которые Морфеус предлагал Нео. Взял тряпку — отказался от притязаний на неформальное лидерство. Не взял тряпку — показал, что отрицаешь ментовской закон. Это, конечно, надо проверять, поэтому брать инструментарий клининга понуждают, подвергая пыткам и избиениям. Но есть важный момент: взяв тряпку, ты не становишься «красным» или «обиженным». Ты спокойно живешь «мужиком», но не можешь быть блатным. Если ты взял тряпку, после этого уже нет смысла, например, отказываться от работы.

У ментов задача не в фильтрации, а в снижении авторитета — ведь прекрасно разбираются в криминальной догматике и манипулируют ею. В «Нарышкино», например, до определенного времени тряпку брали все. Ну, если кто и не взял, то я про таких не слышал, их было статистически незначимое количество. Такой подход обесценивает систему фильтрации: если тряпку взяли все, то тряпка «не канает». Зэки как бы договариваются, что тряпку взяли в режиме мусарского беспредела, и фильтрация по принципу «блатной — не блатной» какая-то другая. Но в общеуголовной иерархии такие зэки уже высоко котироваться не могут.

Тряпка — далеко не единственный ментовской инструмент, но, скажем так, наиболее часто употребимый. Где-то заставляют зубной щеткой чистить унитаз, где-то — целовать деревянный хуй, где-то — есть из посуды обиженных, где-то — кукарекать и так далее. Главное — предложить действо, крайне неприемлемое для «порядочного» арестанта.

Я сначала не хотел писать о том, что именно делают с теми, кто не берет тряпку, так как все равно знаю это только из баек. Но ведь книга про тюрьму как-никак, без жесткача не обойтись.

Бьют ногами и дубинками. В основном — по ногам и заднице, чтобы не убить. Отдельно бьют в пах. Потом несколько сотрудников берут и макают головой в унитаз. Ужасное унижение для любого человека, а для зэков, с учетом их трепетного отношения к моче и санитарного состояния тюремных унитазов, — унижение чудовищное. Конечно, добавляются и

какие-то садистические излишества, в зависимости от принимающей смены. Но вышеописанный «комплекс упражнений» — судя по всему, стандартный, я слышал о нем в рассказах пары десятков различных з/к. (Кстати, только что узнал, что з/к на самом деле означает «заключенный каналоармеец», и спешу поделиться этим знанием. Каналоармеец. Очуметь можно!) Едва ли где-то есть секретная инструкция по применению пыток. Думается, схожесть процесса во всех колониях связана с тем, что, во-первых, фантазия вертухаев не сильна, а во-вторых, больше-то и не надо, так как все это очень больно. Ну конечно, есть и крепкие орешки, поэтому также широко используются обвязанная тканью арматура и молотки и применяется мера воздействия в виде подвешивания при помощи наручников в разных неудобных позах. Правда, ни разу я не слышал, чтобы на «приеме» пытали током. Слишком высокотехнологический и громоздкий способ для этого стремительного процесса.

Током пытают в отделениях милиции. Должен ведь и у них быть фирменный стиль. Вот буквально вчера один домушник рассказывал, как пьяный высокопоставленный сотрудник МВД «уговаривал» его взять на себя дополнительно пятьдесят эпизодов: «Сначала разбил колено молотком. Потом достает… я думал — гвозди, прибить к стулу хочет. А это оказываются не гвозди, а напильники, и он мне говорит: „Сейчас я тебе буду зубы пилить“. Вот, думаю, только мне не хватало, чтобы зубы выпилили».

Вообще, истории про пытки в ментовке, СК и ФСБ куда более лютые. Ведь там чуваки что-то именно выпытывают, а в ГУЛАГе — скорее наказывают, поэтому причиняют скорее тупо нестерпимые страдания, чем изощренно нестерпимые. Очень много историй про пытки родных. Такое, как правило, почему-то случается в сельских районах богооставленной — может, из-за того, что меньше вероятность выхода информации в публичное поле. Один мужичок лет 60 рассказывал, что нашел у себя в доме соседа — мертвого и ограбленного. Сам-то он стоически перенес побои, потеряв зрение на одном глазу, но сознался после того, как менты стали полуторалитровыми бутылками «Святого источника» лупцевать его престарелую жену по голове. Чистосердечное признание — до сих пор матушка всех доказательств.

Но иногда рассказывают и о каких-то фсиновских пыточных в стиле фильмов Роба Зомби. Существует такая штука — «резинка», комната для особо буйных. Там нет вообще ничего, даже окон. Зэк помещается туда голым, все, чем он может развлекать себя, —

это испражняться в дырку в полу. Не всегда комнаты квадратные или прямоугольные, иногда они имеют форму сферы или перевернутого конуса. А теперь я вас оставлю на секундочку наедине со своей фантазией: подумайте, каково посидеть в таком месте недельку.

Неправильно делить сотрудников на садистов и не садистов. У них, конечно, есть оттенки и степени, но в местах, где пытают, в этом участвуют все. Круговая порука. Делать различия между тем, кто держит зэка за ноги, и тем, кто загоняет в него черенок от лопаты, по-моему, не стоит совсем.

Но далеко не везде пытают сотрудники. Я бы даже так сказал: сегодня только совсем уж тупые гулаговцы пытают собственноручно. Дубинками и шокерами, конечно, бьют, но применение спецсредств можно обосновать, тем более, что в России есть прекрасный «закон садистов», в соответствии с которым зэка можно ударить почти за все. Снимать побои может приехать прокурор — и на любой след от шокера найдутся нужные бумажки и единогласные показания 25 дородных инспекторов, что тощий зэк кидался на них с табуреткой. А вот со следами удушья или кипятильника труднее. Поэтому в особо одиозных местах пытками занимаются сами зэки. Это всегда хуже, так как жестокость и фантазия у них уровнем повыше. Кроме того, угрозы изнасилования из их уст, очевидно, звучат более устрашающими. Ну и подбираются зэки фактурные, громадных размеров. Помните советский мультик «Остров сокровищ»? Там был пират, который откусывал кусок деревянного перекрытия в кабаке. Что-то такое приходит на ум.

Колония

— Ну, как продвигается книга?

— Пишу потихоньку. Сейчас как раз в «Нарышкино» приехал.

— И про меня напишешь?

— Обязательно. И про тебя, и про Анатолича тоже.

— И что напишешь?

— Правду напишу. Напишу, что Анатолич садист по идейным соображениям, а ты — по причине психологических девиаций. Честно сказать, боюсь, что ваши образы не получатся на сто процентов достоверными: давно вас знаю и потому сильно подвержен воздействию стокгольмского синдрома.

Этот диалог у меня состоялся сегодня, когда двое режимников выводили меня делать флюорографию. Я так понимаю, в рамках профилактики туберкулеза. Видимо, это работает, так как за все время моего пребывания в «Нарышкино» ни у меня, ни у какого-либо иного з/к туберкулеза не выявлено. По идее, обследование должны делать раз в полгода, но, по моим ощущениям, водят раз в два-три месяца. Наверное, так часто не слишком полезно, но зэки, которые сидят под крышей, рады любой прогулке. Это как маленькое приключение. Если долго сидеть взаперти, развивается очень нежное чувство к открытым пространствам.

Но вернемся к моему знакомству с ИК-5 «Нарышкино». После приема и матобеспечения мы как раз проследовали по открытому пространству из помещения ШИЗО/ПКТ в карантинное отделение. Там всем было сказано сгрузить матрасы и встать по периметру здания в позах — но не тех, что в игре «Море волнуется», а для обыска. После обыска стали приглашать по одному внутрь барака.

Вот в этом месте и должна была быть «тряпка». Я уже стал ее искать глазами, но увидел только какого-то мента, который сказал, что вот там (в комнате приема пищи) надо ознакомиться с документами. Туда я и устремился.

Познакомиться нужно было с распорядками дня и документами по охране труда. Самих нормативных актов не было, только бланки о подтверждении их изучения. «Будет время, почитаю», — рассудил я.

— Мужики, а Навальный приехал? — спрашивает Нагиев. То есть не совсем Нагиев, а какой-то местный зэк, как две капли воды похожий на Нагиева.

— Приехал, — говорю. Нагиев уходит.

Нагиев оказался Колей — завхозом карантина. Показал мне

мою шконку и пригласил в каптерку. Там, помимо Николая-Нагиева, был еще один зэк. У вас в сознании наверняка есть стереотипный образ зэка — скорее всего, даже несколько. Должен быть образ условного громилы, стукача, пахана и просто скользкого типа. Представьте последнего и поймете, как выглядит Промокашка.

— Здоровенько!

— Здорово!

— Здорово!

— Промокашка.

— Коля.

— Олег.

— Как дела?

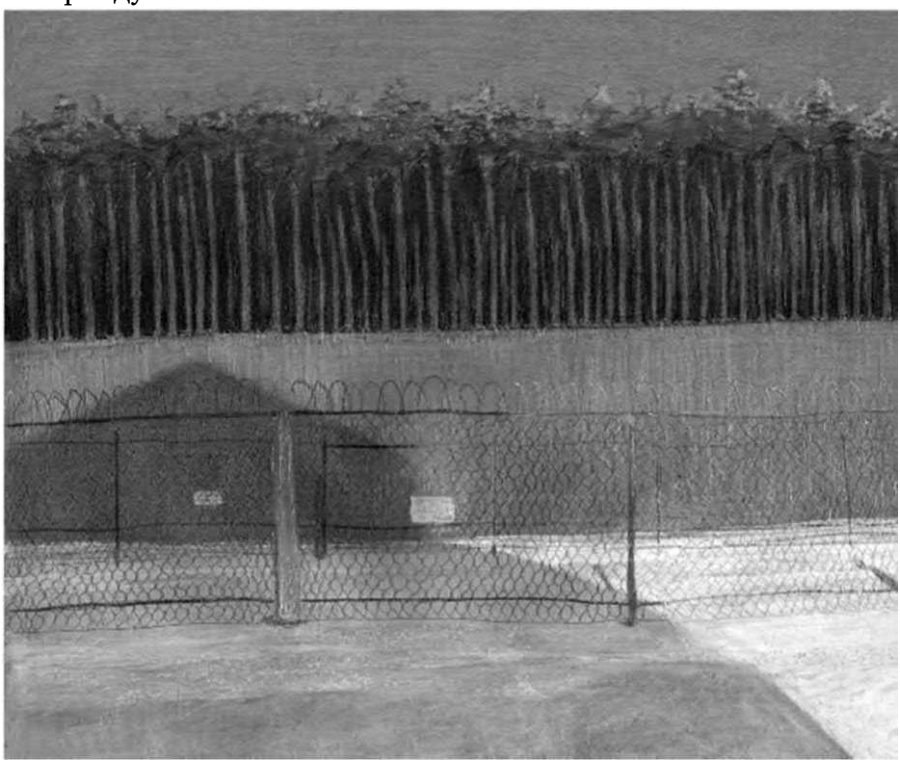
— В целом — нормально.

Закурили, Промокашка рассказал, что ему с воли «позвонили за меня» и «хорошие слова сказали».

— Угу, говорю. А кто звонил?

— Леха Тайсон.

— А-а-а… — я почему-то вспомнил, как Майк Тайсон (единственный Тайсон, которого я знаю) откусывает ухо Холифилду.



Дальше Промокашка говорит, что есть возможность устроить меня завхозом. Я тактично отказываюсь, поясняя, что руководить

зэками мне как-то не хочется. Промокашка грустит, но вида не подает.

Общаемся ни о чем. Курим.

Приходит мент, меня ведут к руководству. Там начальник колонии и толстый хрен.

— Привет, Олег Анатолич. — Видимо, с толстым хреном мы уже друзья. — Это начальник колонии, Афанасьев Юрий Юрич.

«Поросенок», — подумалось мне. Не потому что я люблю придумывать обидные клички. Просто этот очень розовенький оказался. А если бы существовал чемпионат по бегающим глазкам, он наверняка был бы призером. Ну и улыбается как-то натужно. Сейчас написал и понял, что совокупность описанных черт как-то совсем не может служить характеристикой поросенка.

Не знаю, почему именно так сработал ассоциативный ряд, но Юрий Юрича мне сразу захотелось угостить желудем.

Дальше опять пошли разговоры про мои лагерные перспективы. Я говорю: мне бы с деревом работать. Они говорят, что здоровье мне вряд ли позволит, и опять вангуют, что отрежу себе пальцы. Ну и в таком духе проистекает разговор. Все стоят на своем, у всех портится настроение. Неожиданно переходим к медийности.

— Вот, — говорят, — уже ненужное внимание на колонию.

— Ну, сам-то я сюда не рвался, — отвечаю.

— Это-то понятно, но внимание тут не нужно. А то вот в интернете пишут: «Когда Олега Навального сделают петухом?»

— Что, действительно так и пишут?

— Действительно.

— Нездоровый интерес какой-то.

— Так что давай не будем общаться через интернет.

— Я только за прямой диалог.

— Ну вот и отлично. Значит, отряд тебе уже подобрали. Какой отряд, Юрий Юрич?

— Номер 8.

> **Информационное отступление.** *О том, что я должен попасть в отряд № 8, я знал еще до приезда в «Нарышкино». ХА (хитрый армянин — кстати, ХА также совпадает с его инициалами) сказал, что за неделю до моего приезда прежних сидельцев — особо мурчащий, то есть блатной, отряд — расселили и в общежитии сделали ремонт. Чтобы № 8 был не просто отряд, а отряд с показательно хорошими бытовыми условиями. А после ремонта все окна занавесили, и какие-то люди, опознанные как связисты, на сутки зашли и, цитирую ХА,*

«в-рот-выебали-весь-барак», что на нормальном лексиконе означает установку негласного аудио-видеонаблюдения. Это помимо пяти видеокамер, установленных официально. Секретность у операции «Прослушка» была та еще. О том, что в отряде установлена прослушка, мне не сказал, наверное, только дядя Георгий, потому что «дядя Георгий» — это памятник Георгию Победоносцу на территории колонии. Но прослушка-то — бог с ней. Главное — это планируемая комплектация отряда, который должен был состоять из хозобслуги. А вот становиться хозобслугой в планах у меня как раз и не было.

— Зачем же, говорю, сразу отряд № 8? Ведь есть, возможно, и другие варианты.

— Бросай ты, Олег, эту криминальную романтику. Это красный лагерь, понимаешь? КРАСНЫЙ. Здесь раньше вообще бы через повязку поднимались.

Терминология

Прежде чем рассказывать о «повязке», думаю, стоит провести небольшой ликбез. Я вот когда читал разные зэчьи книжки, меня прямо воротило от употребления непонятных словечек, фени и жаргонизмов. Но, должен признать, без них рассказ о тюрьме теряет колоритность. А некоторые понятия настолько неуловимы по смыслу, что их и обозвать-то по-другому не очень получится. Также должен оговориться: нюансы разнятся от зоны к зоне, поэтому бывалые сидельцы могут распознать неточности. Ну и не сказал бы, что какие-то вещи я сам уяснил до конца, так как все рассказывают по-разному, есть куча взглядов на то, что можно и что нельзя, и это можно и нельзя еще очень сильно зависит от ситуации.

Зоны бывают «красные» и «черные». Иногда «красными» зонами называют те, где сидят бывшие сотрудники, про такие мне неизвестно ничего, их быт покрыт тайнами и легендами. Считается, что на этих зонах совсем все страшно. А бывшие судьи и сотрудники ФСИН подвергаются там всевозможным унижениям. Сильно сомневаюсь. Думается, что даже у бывших судей должно хватать денег, чтобы обеспечить себе комфортное существование.

«Красная» зона — это колония, где зэков сурово избивают и заставляют жить по режиму.

«Черная» зона — та, что управляется по воровским понятиям. Там всё «на должном». Зэков никто не бьет, да и вообще не сильно касается, вся деятельность администрации сводится к созданию видимости режимного учреждения в случае приезда каких-нибудь проверок.

В итоге, конечно, и та и другая управляются администрацией, а «черная» или «красная» — это только методика. Для колонии главное — что? Чтобы была тишь да гладь. В случае с «красной» зоной это достигается путем запугивания; в случае с «черной» — низовой уровень управления отдается криминалитету, который обеспечивает необходимую картину на случай проверок и т. д.

Понятное дело, тут не может быть полярности. Зона не может быть красной, если там сидит хотя бы один зэк «под крышей». Под крышей — значит в штрафном изоляторе (кича, ШИЗО), помещении камерного типа (ПКТ, БУР). Иногда к крыше еще относят отряд строгих условий отбывания наказания, но это тонкий вопрос, относительно него есть разные точки зрения. Впрочем, если какой-то бедолага попал на кичу, это не делает красную зону черной. Я вот слышал такой термин — «режимная зона», для определения переходного вида. Ну то есть сильно

никого не бьют, но все равно жизнь лагеря полностью определяется администрацией. ИК-5 как раз пример режимной зоны. Вроде есть смотрящие, но все они ставятся чуть ли не по согласованию с ментами. Вроде есть связь, но только там, где позволяет начальник. Короче, такое срединное состояние, из которого может начаться стремительное движение в любую сторону — хоть черную, хоть червонную.

Масса — это вся совокупность зэков.

Людская масса — зэки, ведущие «порядочный» образ жизни. Они делятся на следующие категории (по иерархии вниз): вор в законе, стремяга, бродяга, блатной, мужик.

Вор в законе — верховный криминальный авторитет. Его слово обладает силой закона. Только вор может быть третейским судьей в споре. Только вор может дать имя человеку. Раньше у вора было немало обязанностей: никогда не работать, не иметь дома, освобождаться из тюрьмы побегом и т. д. Но многое из этого уже в романтическом прошлом. Все знают, что воровской титул является объектом купли-продажи (таких воров иногда называют «апельсинами»). Есть двадцатилетние воры, никогда не сидевшие воры и прочее.

Я так и не смог уяснить, сколько всего в России воров, данные очень разнятся — от сотни до нескольких тысяч. Кстати, вся эта система работает на просторах бывшего СССР — такой крестраж (или как там называлась та штука, в которой Волан-де-Морт хранил части своей души?) Совка. Национальный состав воров диспропорционален национальному составу населения страны.

Больше всего грузинских воров (по одной из версий, 1300 из 1800 в целом). А вот таджикских воров, по-моему, нет. У белорусов всего то ли пять, то ли шесть воров. Эта информация не претендует на достоверность, даю ее со слов з/к.

Стремяга — это преступник, стремящийся стать вором в законе. Лично мне непонятно, что именно для этого надо сделать, кроме как вести определенный образ жизни (в тюрьме и на воле). Вроде бы нет никакого стандартного квеста — типа убить мента или украсть миллион. Главное — чтобы трое воров объявили тебя вором.

Основная задача стремяги — блюсти чистоту своей репутации. Сидя в тюрьме, он не должен выполнять требования режима: заправлять койку «по-белому», представляться надзирателям по дороге и т. д. Он должен отрицать все это. И он не должен жаловаться. По этой причине и воры, и стремяги, и бродяги (см. ниже) свой срок, как правило, отбывают в тех частях колоний, где самые строгие условия содержания (СУС, ПКТ), или

сидят в тюрьмах.

Для меня не совсем уловима грань между теми требованиями режима, которые отрицаются и не отрицаются. Ну, например, сидеть в тюрьме — по сути, режимное требование. Значит ли это, что стремяга должен проводить весь свой срок в попытках побега? Или вот: почему заправлять койку «по-белому» неприемлемо, а носить робу — нормально? Загадка и мистика.

Бродяга — это тот же стремяга, но не пытающийся стать вором. Вор без суперспособностей вора, просто ведущий образ жизни вора. Странновато звучит? Полностью согласен. Казалось бы, зачем быть бродягой, если не становиться после этого вором? Может, это просто такие преступники без амбициозного «я»? Ну, на самом деле это вопрос авторитета. Бродяга хоть и не вор, но обладает определенной властью, и слово его в тюремных разборках (которые не прекращаются 24/7) весит больше слова рядового зэка. Также это дает возможность быть поближе к тюремной казне, а значит, и подпитываться от нее. Кроме того, например, на бродягу нельзя поднять руку. То есть без повода ни на кого нельзя поднять руку, но на бродягу как-то, видимо, по-особому нельзя.

Вот забавный случай с «Матроски», о котором рассказывал мне Кубаноид. Заезжает к ним в хату мужичок. Его и спрашивают: «Кто по жизни?» Он говорит: «Бродяга». Все сразу прониклись должным уважением, усадили за стол, заварили чифиру. Сидят, общаются. Мужик идет в туалет, дверь за собой не запирает, и в процессе в кабину заходит другой з/к. Поднимается шум, гам и суматоха. Дело в том, что бродяга сидит на унитазе (напольном) не ногами, а непосредственно центром тяжести, то есть оскверняет свое бродяжье тело. В итоге выяснилось, что чувак к криминалитету не имеет отношения, а бродягой назвался, потому что бездомный. Ну и получается, что образ жизни у него действительно бродяжий, но несколько в другом понимании.

О достоверности случая судить тяжело. Хоть уголовники имеют вид, далекий от моделей Calvin Klein, все же пропитого бомжа можно отличить от криминального авторитета. Но история показывает силу титула.

Блатные *(деловые, братва)* — это низший уровень криминальной элиты. Вообще, считается, что такого понятия, как блатной, в криминальном мире нет. То есть это не бродяга, его уровень отрицания недостаточно высок, но и не мужик, так как не работает на тюремной промзоне. Это такие зэки «при общих делах» — смотрят за какими-то общаками (отряда, режима, игры, корпуса, лагеря и т. д) или просто несут ответственность за какой-то процесс в зоне (например, за то, чтобы на карантине

вновь прибывшим все объяснялось или в санчасти у больных были сигареты, чай и т. д.). Понятное дело, такой зэк тоже ближе к казне, но у него есть и дополнительные обязанности. Например, вор может сказать блатному пойти и зарезать зэка, и блатной должен это сделать, иначе перестанет быть блатным. Вор, конечно, никогда не скажет напрямую: «Пойди и убей». Но Вор может присвоить имя зэку, и если, например, это имя Гад, то любой порядочный арестант должен его при первой возможности убить. Если же вдруг выяснится, что блатной имел возможность отреагировать на Гада в поле своего зрения, но не сделал этого, то к нему могут быть вопросы.

Короче, братва — это некий узкий круг зэков (сходка), который принимает решения относительно «общих дел». Считается, что они оберегают мир и покой мужиков, на самом деле во многом они паразитируют на профсоюзных отчислениях и сидят у мужиков на шее. Не везде и не все. Есть чуваки, которые достаточно фанатично относятся к догмам АУЕ-секты и очень обостренно относятся к справедливости, которую они (догмы) диктуют. Но, по моим наблюдениям, это редкость. Хотя, может быть, я просто попал в такой лагерь — читай, в статистическую аномалию.

Мужик — это самая массовая категория. Обычный зэк, работает на промзоне (или не работает, если нет работы). Он не стремится к управлению людской массой (задача верхушки), уделяет внимание общаку (то есть производит в него отчисления наподобие профсоюзных) и ведет «порядочный» образ жизни, не совершая гадских, блядских или других неприемлемых поступков. Иногда считается, что мужик, как и блатной, не может уйти по УДО, но это не совсем логично. Если ты не вступаешь в специальные коллаборации с режимом и не стучишь на других арестантов (ради того же УДО), что может быть неприемлемого в том, чтобы пораньше освободиться?

Непорядочная масса — которую можно разделить на три группы:

Красные — завхозы, нарядчики и работники хозобслуги. Тут в каждой зоне могут быть свои тонкости. Например, кое-где строители и электрики не попадают в эту категорию, а вот в ИК-5 «красными» считались все, кто получал зарплату по повременной ставке, мужиками — те, кто по сдельной. Совершенно непонятно, почему так. То есть это такие чуваки, которые выполняют всякую административную или близкую к этому работу, но не совершают никаких злонамеренных поступков по отношению к людской массе.

Шерсть — это те, кому за поступок дали Имя (Гад, Блядь,

Крыса, Фуфлыжник и т. д.) и, соответственно, выгнали из людской массы. Поступки бывают:

1. *Блядские* — против воров.

2. *Гадские* — против зэков.

3. *Сучьи* — связанные с работой на органы государственной власти.

4. *Змеиные* — всякая интриганская активность.

5. *Негодяйские* — когда не делаешь чего-то во благо общее, хотя имеешь для этого возможности.

На самом деле я слышал многочасовые споры, в которых фигурировали еще крысиные, мышиные и тому подобные поступки. Но основные — это все равно первые три типа. Пометьте у себя на подкорке: «Постараться не совершать ничего гадско-блядско-сучьего при попадании в русскую тюрьму».

Можно было бы порассуждать об этом поподробнее, но мешают два обстоятельства: а) я не сильно разбираюсь в теории мира воровского; б) если вдуматься, в этом нет никакого смысла.

Почему «шерсть» — выяснить не удалось. Я слышал две версии одинакового уровня неправдоподобности:

— Версия 1. Это пошло со времен строительства Беломорканала, где сотрудничающим с администрацией и выполняющим норму выдавали шерстяные носки.

— Версия 2. Где-то приемку в лагерь осуществляли не сотрудники, а активисты из числа зэков, и они били новичков палками, шестами. Шест — шерсть.

Слово подобрано, конечно, очень колоритное. Согласитесь, «сломить в шерсть» звучит весьма неприятно. Когда узнаешь такое, многое меняется. Например, как теперь слушать Lana Del Rey («королевская шерсть»)?

Обиженные — это, естественно, обиженные. Обиженные также делятся на две категории: просто обиженные и распечатанные обиженные, подвергшиеся сексуальному насилию за свои отвратительные преступления или выявленные гомосексуалы (aka опущенные, петухи).

Очень долгое время мое место в этой пирамидке не было устаканено: менты не хотели, чтобы я был в людской массе (по совершенно таинственной для меня причине), и вот эта борьба за статус порядочного арестанта стала значимым эпизодом моей отсидки.

Карантин-2

Ну так вот: двое толстяков в погонах рассказывают мне, что зона «красная» и вообще раньше все «поднимались через повязку». Вновь прибывших избивали до тех пор, пока они не надевали красную повязку с тремя буквами — СДП (не «Сара Джессика Паркер», как вы могли бы подумать, а «секция дисциплины и порядка»). Это, видимо, должно было произвести на меня впечатление, но план провалился. Засим я удалился обратно в карантинное отделение.

Там, через щель в заборе, я обсудил странности состоявшегося разговора с блатными из соседнего отряда. Чувство, что все это происходит не со мной, а с каким-то героем Кафки, не покидает ни на секунду. Блатные сообщают, что в 8-й отряд нельзя никак, поскольку он нелюдской. Чтобы в отряд не подняли, надо вскрыть себе вены в знак протеста. Простецкий сценарий. Тем более что прямо тут же (через щель в заборе) мне объясняют, как вскрыться так, чтобы сильно не пострадать («поцарапаться»). Пока я все это слушал, думал о том, какой подарок я сделаю местной администрации, если вскроюсь, — они меня сразу в дурдом отправят.

Через пару часов после расселения в карантине хитрый армянин притаскивает мобильный телефон. Я сразу отзваниваю домой и сообщаю, что жив-здоров, этап окончен. Сильно подозреваю, что возможность такого звонка дала администрация — дабы успокоить общественность.

Затем, открыв пальцем замок, выскальзываем из карантинного отделения и заходим в отряд по соседству. Тут меня чествуют — все-таки селебрити ин да худ. Обнимают, рукопожимают, братаются. Взбудоражены. Я тоже.

Отбой в 21:00. Все должны лечь в койки. За этим: а) приходит и следит сотрудник; б) следит оператор видеонаблюдения через камеру, установленную в бараке. Следят всю ночь. Все это меры небывалые, но оно и понятно. Ведь прибыл ярмарочный слон.

Подъем в пять утра. Все одеваются и выходят на зарядку. Что?! А ю сириос? Зарядка?

Натурально, приходит сотрудник в пятнистом тулупе (не леопардовом) и начинает для примера делать круговые движения головой. Кто-то делает зарядку, но в основном все оторопело смотрят на Бабку.

Бабка — это погремуха сотрудника в пятнистом (не леопардовом) тулупе. И погремуха, и тулуп Бабке очень подходят. Фигура у него кубическая, челюсть — квадратная, но голос и

выговор таковы, что, если обернуть его чело в платок, усадить на лавочке у подъезда и дать кулек семечек, из Василича получится натуральная Васильевна. Вообще, клички, которые придумывают зэки, очень точны: тысячи з/к годами изливают свою ненависть, садизм и желчь в различных словесных упражнениях, и побеждают, конечно, самые ядовитые прозвища.

После зарядки — завтрак в классическом стиле: макароны. В тарелке они выглядят как мозг безумца. Ограничиваюсь чайком.

Забавный момент про регламенты и их роль в жизни з/к. Всем же очевидно, что зубы с утра следует чистить после завтрака, а не до. Я даже спрашивал у начальника санчасти в колонии — он тоже так считает. Однако правила предусматривают обратный порядок. Почему так — выяснить не удалось. В ответ на мой вопрос сотрудники колонии все больше хлопали глазами. Возможно, это сделано из гуманных побуждений: вкус мяты должен смягчить вкус баланды. Но вряд ли. Скорее всего, дело в том, что в последовательности «подъем — зарядка — туалет — помывка — завтрак — работа — обед — работа — ужин — туалет — помывка — сон» есть «порядок». А вот в этом нелогичном возвращении к умывальнику после завтрака порядка нет.

Никто, понятное дело, не отслеживает, когда ты почистил зубы — до завтрака или после. Однако сами зэки непостижимым образом встраиваются в этот миропорядок. Кроме ярых индивидуалистов типа меня. По-моему, чистить зубы перед завтраком — это все равно что убирать квартиру перед вечеринкой с боем тортами.

Но вернемся к карантину. Какова цель пребывания в нем зэка — науке неизвестно. По логике, день новичков должен изобиловать лекциями, инструктажами и бла-бла-бла. Но ничего такого не было. Приходили различные сотрудники воспитательного отдела и говорили:

— Эммм… Вам рассказывали про социальные лифты?

— Эмммннн, да?

— Во-о-о-о-о-от.

Ну и потом болтали с зэками, которые проявляли к ним интерес, о чем-то отвлеченном. Остальные не делали ничего. Впрочем, оглядываясь назад, я понимаю, что весь срок я ничего не делал. Может быть, это как раз лучший вариант адаптации з/к в исправительной колонии.

Еще приходил психолог и приносил тест с вопросами типа:

Вы принимаете наркотики?

— Да.

— Нет.

Вы периодически испытываете жажду убивать?

— Да.

— Нет.

— Иногда.

Боюсь представить, с каким энтузиазмом он потом их проверял. При этом многие зэки тестировались до этого нечасто, а некоторые вообще делали это впервые — и списывали ответы у соседей. На всякий случай.

Психолог был говорлив.

История психолога про ИК-5 (как позже выяснилось, часть его автобиографии):

З/к бьют на карантине. Он пытается прикрыться коленями и локтями, извивается, юлит, выкрикивает непонятные:

— угрозы;

— молитвы;

— воззвания;

— междометия.

И тут неожиданно орет:

— Мне нужен психолог!

Шаг дерзкий, но просьба отчаяния останавливает мельницу резиновых палок и кирзовых сапог. Один из сотрудников наклоняется и говорит:

— Внимательно слушаю.

Такие дела.

Собственно, единственное мероприятие, подтверждающее, что карантином это все называется не просто так, — посещение медсанчасти. Там у зэков взяли кровь, поинтересовались жалобами на здоровье. Я попросил капли от насморка. Ужасно негероично. Знаю. Но у меня был насморк. И капли мне дали. Позже выяснилось, что это было очень нетипичное поведение для медиков ИК-5. Обычно на просьбу дать капли от насморка можно получить только взгляд сквозь. Все мы в плену стереотипов. Представьте себе вселяющую страх русскую тюрьму. Присутствуют ли в этой картине капли от насморка? Конечно же, нет. Почему тюремный медик должен думать иначе?

Измерили вес и рост. И то и другое, естественно, вместе с ботинками. Поэтому Коля-Нагиев — завхоз карантина и, видимо, медбрат по совместительству — сообщил фельдшеру, что мой рост — метр девяносто (на самом деле 188 см).

Фельдшер, записывая, спрашивает у начальника санчасти:

— 190. На диету ставить?

— А правильно как?

— Ставить.

— Ну ставь тогда.

Вообще говоря, по закону зэку ростом 190 см и выше должны обеспечить повышенную норму выдачи еды. Но это слишком сложно организовать (на самом деле — нет, просто в ИК-5 сложно все). Поэтому вопреки закону, который предусматривает множество различных норм выдачи еды и несколько видов диет, тут есть только «диета» и «не диета». Основные блюда те же самые, только порядок разный. А собственно диета заключается в том, что дополнительно выдается:

— 50 мл яблочного сока в день;

— 50 г сливочного масла в день;

— 200 мл коровьего молока в день;

— 2 куриных яйца в неделю;

— 250 г творога в неделю.

Кто-то, увидев творог, яблочный сок и масло, удивится, как когда-то удивился и я. Зэк, попивающий 50 мл яблочного сока. Где грань гуманизма современного общества? Так или иначе, учитывая, что в колонии мне предстояло пробыть три года и три с половиной месяца или 1206 дней, способ измерения моего роста и мое молчаливое согласие привели к дополнительным расходам федерального бюджета на:

60,3 л яблочного сока;

60,3 кг сливочного масла;

241,2 л коровьего молока;

344 куриных яйца;

43 кг творога (впрочем, творог давали не всегда).

Жалею ли я об этой необоснованной для налогоплательщиков трате? Hell no!

Осужденный Чубакка танцует тверк

Чубакка хотел бы сказать, что провожал взглядом деревни и города бескрайней России, пролетавшие мимо несущего его к месту отбытия наказания поезда, но не мог. Ровно на административной границе Москвы проржавелые пути заканчивались, местами лишь прогнившие шпалы и выступающий шрам насыпи говорили о том, что некогда тут проходила транспортная артерия.

На политзанятиях во время привалов зэкам объясняли: почти все рельсы страны были пущены на строительство стратегических обходных веток и моста где-то на юге то ли России, то ли не совсем России. В любом случае языковых навыков Чубакки было недостаточно для улавливания таких тонкостей.

Отсутствие рельсов обещало превратить железнодорожный этап в пеший, но бросать транспортное средство без надзора ответственный конвоир Пахомов не решился из-за страха потерять имидж «хозяйственного малого», которым он был славен в ведомстве. Поэтому зэки получили дополнительную нагрузку в виде ими же самостоятельно собранного транспортного средства.

В арсенале конвоя нашлись канаты, и по старой отечественной традиции арестанты медленно двинулись в путь, передвигая состав волоком, а иногда и «методом перекатывания». Наибольшие трудности доставляли овраги и маленькие озера, которые принципиальный Пахомов не хотел огибать.

Тьма каждого морозного утра разрывалась государственным гимном в исполнении начальника конвоя. Пел он с надрывом в особо проникновенных местах. Этапируемые, как их и учили, вылезали из своих вырытых накануне в сугробах спальных углублений и застывали в величественных позах. Прижав шапки к тщедушным телам, они, не мигая, смотрели в сторону восхода. По причине зимы и раннего часа никакого восхода не было — даже намека на него не было. Вся повторяемая из утра в утро процедура, по замыслу Пахомова, должна была выработать в осужденных веру в светлое будущее. После исполнения гимна, прохаживаясь за спинами з/к, Пахомов назидательно повторял, что самый темный час — перед рассветом.

По традиции процедура подъема заканчивалась тем, что, забравшись на любое доступное подобие пьедестала (а в отсутствие оного удерживаемый спинами двух-трех арестантов), он изрекал с басовитой задумчивостью: «Посмотрите! А ведь встает Россия с колен!» Из левого глаза его капала слеза и под воздействием отрицательных зимних температур застывала на

волевых морщинах мужественного лица.

Чубакка честно всматривался в окрестности, каждое утро пытаясь разглядеть ту самую пахомовскую Россию, но видел в основном дикие или безнадежно заброшенные пейзажи. В результате он пришел к выводу, что из-за высоты нанесенных сугробов недостаточно просто встать с колен — нужно залезть на стремянку или деревце.

Восход желтой звезды не только приносил с собой по-зимнему негреющий свет, но и знаменовал завтрак: конвоиры раздавали арестантам кипяток.

Среди этапников были люди с хорошей базой: физики-теоретики, обращаясь к конвоирам, утверждали, что агрегатное состояние воды далеко от кипятка и, строго говоря, раздаваемый в кружках снег и без того щедро разбросан повсеместно. Восстание умов длилось недолго, и после ряда воспитательных бесед преступники признали, что физика — суть вражеская пропаганда. Кроме того, они сознались в ряде правонарушений мелкой и средней тяжести.

Еда была достаточно скудна и представляла собой смесь березовой коры, перловки, мелко рубленных стеблей подсолнуха и свекольной ботвы. Основная энергетическая ценность была представлена мышино-тараканьим концентратом, полным живительного белка. Сухпаек з/к был разработан в Министерстве сухпайков, а значит, обеспечивал необходимый баланс между минимальным уровнем килокалорий, поддерживающим признаки жизни в телах осужденных, и степенью страданий, соответствующей принципам социальной справедливости.

Иногда Пахомов прерывал завтрак, понуждая з/к к игре в чехарду и к веселым стартам. Венчался завтрак чисткой зубов веточками заиндевевших придорожных кустарников и гигиеническим растиранием тел оледенелой щебенкой с железнодорожной насыпи. Потом уже порядком изнуренные арестанты продолжали свой унылый путь.

Схожестью и неуловимостью границ дни этапа напоминали сиамских близнецов. Кряхтя, матерясь и вздыхая, зэки в казенных валенках тянули свою трансцендентную упряжь, поминутно поскальзываясь на снегу и проваливаясь в спальные окопы прошлых этапов.

Курить в пути Пахомов не разрешал, сообщая о том, что наступила эра ЗОЖ и заключенным негоже нивелировать положительный эффект от физических нагрузок на свежем воздухе вдыханием ядов табака. Зэки, однако, пускали в ход смекалку и по очереди курили тайком во время передышек, когда другие отвлекали Пахомова номерами художественной

самодеятельности. Любимой сценкой Пахомова была «Ленин и еж». Каждый раз он смеялся до слез и, утирая лицо огрубевшей от постоянного сжимания нагайки рукой, постоянно с отдышкой повторял: «Ох, матьчасна-матьчасна». Во время кульминации, когда Ильич срывал маску и оказывался настоящим человеком Мересьевым, а еж срывал свою и оказывался Фанни Каплан, Пахомов сильно переживал и всегда смотрел ее стоя, а после, хлопая и свистя, требовал повтора на бис до 15 раз. Зэки не возражали — так перерыв на тайный перекур выходил дольше.

По мере движения этапа волнение в зэчьей коммуне нарастало. Ни один арестант не знал конечного пункта своего назначения, не знал его и конвой.

* * *

Оптимизируя и повышая эффективность труда осужденных, карательное ведомство столкнулось с неудобной объективной реальностью. Она заключалась в том, что арестант не являлся универсальной трудовой единицей. Тот, кого можно с успехом использовать на рытье каналов и возведении колоссальных памятников труду, зачастую совсем плох на производстве кружевного белья.

Гениальная идея ведомства, призванная исправить эту ошибку незадачливой действительности, состояла в том, что на пути этапных магистралей, резавших страну, как пирог, во всех направлениях, были определены «точки интересов», где представители закрепленных учреждений сами выбирали з/к в соответствии с требуемой производственной спецификой.

Иной раз за здорового, полнозубого зэка ответственные от разных колоний торговались до хрипоты и рукоприкладства, естественно взвинчивая цену за «товар». Самый щедрый улов на памяти Пахомова был получен за потомственного краснодеревщика Зотова, нестарого и еще вполне крепкого мужичка. Рязанская управа отвалила за него мешок почти не плесневелой брюквы — тамошний начальник хотел запустить цех по производству резных ставен.

Но бывали и откровенно провальные этапы, состоящие из интеллигенции и другой малопригодной в трудовом отношении публики. Тогда конвоиры, рассортировав зэков по профессиональной принадлежности, выставляли их кучками и зазывали покупателей в погонах:

— Копирайтеры! Легкие и ироничные! Вдумчивые и начитанные.

— Свежие политтехнологи! Злые на язык, с крепкими ногтями и пытливым взглядом.

За лучший продакт-плейсмент Пахомов премировал конвоиров-зазывал лично, но и от державы был материальный «стимул»: осужденных, не сбытых в «точках интереса», надлежало доставлять в специализированные лагеря многоцелевого назначения в конце тракта, а так как общая эффективность использования труда от этого снижалась, то за каждого з/к, доставленного до «тупичка», конвоирам начислялись штрафные баллы. Баллы эти, в свою очередь, вычитались из пенсионных, но не арифметическим вычитанием, а секретным, зависящим от многих факторов, в том числе от урожая зерновых и количества боевых столкновений на границе.

Собственно, саму пенсию не платили уже давно, изымая ее на представительские расходы великой державы. Это воспринималось всеми служивыми с пониманием. Все осознавали, что брюхо можно набить и завтра, а, например, собачек доставить на выставку надо уже сегодня, и делать это необходимо с имперским размахом, желательно бизнес-авиацией. Ведь прилети русская корги эконом-классом на международную выставку, что тогда будет с национальным престижем? Смешно подумать даже.

В любом случае конвой пытался избавиться от этапируемых до финального пункта для экономии времени, а также борясь за переходящий вымпел ударников службы.

Нерадивые бригады, конечно, пошаливали и, бывало, расстреливали весь этап при попытке к бегству, но Пахомов был не из таких — своим служебным досье дорожил, а ведь за такие шалости можно и выговор заработать!

На каждом базаре к Чубакке проявляли интерес, так как рост его и стать выдавали способность к различной бесполезной, но физически трудной работе, которая легко могла найтись в любой колонии. Но поняв, что языку он не обучен, соображает туго, — махали рукой. Ведь обучать зэка — блажь и роскошь.

Чуи мог только догадываться, чего от него хотят все эти люди, которые подходят, щупают его, оттягивают губы, говорят тихо, но властно, а после всегда срываются на крик, пунцовеют и, как правило, заканчивают знакомство ударом в его солнечное сплетение или пах.

В течение всего маршрута Чубакка тщетно пытался учить язык, но, даже несмотря на скудный лексикон окружающих, успехов не добился. Язык Пушкина не поддавался чубачьему распознаванию, а хриплый рев диалекта вуки дешифровать никто не мог. Как назло, рядом не было ни Хана Соло, ни Йоды, ни даже

какого-нибудь завалящего Квай-Гон Джинна для помощи с переводом.

По мере продвижения этап редел, тащить вагон на себе зэкам становилось все труднее. Особенно когда конвойные сговаривались с жителями попутных деревень и катали на нем свадебные процессии (это был такой провинциальный шик).

Вот уже и миновала последняя точка торга, где из кожи вон лезли и конвоиры и зэки, которым очень не хотелось попадать в конечные пункты назначения, так как о них в арестантской среде ходили дурные слухи. Несмотря на все ухищрения, сдать удалось только двух осквернителей веры, толерантных к абортам и покемонам, — и то пришлось приплатить за них валежником.

Обрадованные, они отправились в ИК, где требовались испытуемые для тестирования отечественной косметической продукции на основе борщевика. Работа не пыльная, желающих много, но мест ограниченное количество, хоть текучка и порядочная. С сожалением сплюнув, Пахомов провел перекличку и двинул колонну в последний бросок.

* * *

Специализированная исправительная колония № 1984 приветствовала прибывающий этап серым небом, огромной стаей ворон, которая создавала в небе причудливые геометрические формации — мечту математика, работающего с многообразиями Калаби — Яу, и группой крупных людей в черных, глянцевых, отражающих небо и ворон доспехах. Завидев их издали, Чубакка сильно разволновался, думая, что перед ним фабрика по клонированию Дарта Вейдера, но по мере приближения все больше и больше успокаивался, так как Темная сторона Силы хоть и отчетливо ощущалась, но все же была явно недостаточной для антиджедая, а тем более стольких его копий.

Встречающий отряд выстроился у входа низенького здания из кирпича особо депрессивной расцветки. Когда между прибывающими и ожидающими осталось метров двести, рота охраны СИК № 1984, как по команде, достала резиновые палки — сверкающие, как и доспехи стражников, и начала ритмично бить ими в жестяные щиты, сопровождая каждый удар коротким гортанным «У!».

— У! У! У! У! У! У! У!

«Прям как на моей свадьбе», — с ностальгией вспомнил арестант Сударь, бывший аудитор из бывшей большой четверки. «Какой-то ритуал приветствия», — подумалось Чубакке.

«Запугивают, суки», — прозорливо прокомментировал зэк Шапочкин.

Наконец Пахомов отдал команду остановиться и сам направился для передачи папки с документами на вновь прибывших. Приблизившись к группе грязных мужей в фуражках, взмывающих почти перпендикулярно земле, он отдал воинское приветствие, «указывая в сторону солнца», получил симметричное приветствие, после чего вручил дела центральному встречающему, выделявшемуся из остальной компании цветом формы, слегка отливавшей фуксией.

«А, Пахомов, давненько не виделись!» — начальник СИК № 1984 Григорий Константинович Берц будто рвал пространство своим голосом, тембр которого выходил за рамки любых классификаций. Он посмотрел на притащенный вагон и глубокомысленно изрек: «Хозяйственный ты малый, Пахомов!» Суровое лицо начальника конвоя расплылось в улыбке и сказало: «Так-то непривычные мы казенные транспортные средства подвергать растратам и небрежному обращению». — «Это очень правильно. А теперь скажи своим молодцам поместить ТС на охраняемую стоянку». Пахомов, обернувшись, свистнул, привлекая внимание конвоиров, и скомандовал: «На прикол!»

Подразделение было сработанным, поэтому дополнительных пояснений не потребовалось. Зэков распрягли, и согнанные к боковине вагона арестанты стали переворачивать его раз, другой, третий — и вот уже, грохоча и теряя особо непрочные элементы, их транспорт скатывался в глубокий овраг в компанию своих кустарно собранных братьев. Задержавшись на краю оврага, Чубакка окинул взором техногенное кладбище и подумал о том, что, должно быть, так кормят какое-нибудь чудовище. Другого объяснения произошедшему он найти не смог и стал прикидывать, как чудовище может выглядеть.

Тем временем росписи и гербовые печати зафиксировали прием-передачу заключенных, и последние поступили в зону ответственности СИК. Начальник колонии не замедлил обратиться к вновь прибывшим с приветственной речью: «Товарищи преступники! Вы поступаете в распоряжение специализированной исправительной колонии № 1984, где из вас сделают людей и патриотов, несмотря на все попытки сопротивления. Все команды выполняются бегом. Физическая сила применяется без предупреждения». Поставив себя на паузу, начальник воткнул взгляд в ссутулившихся зэков. Внезапно лицо его набрякло венами, белки глаз налились вишневым, ноздри вспучились, а ротовой провал издал рык, от которого осужденный Шапочкин обмочился, а с веток близлежащих деревьев попадал

снег: «Я сказал, бегом, мрази!»

И они побежали навстречу охранникам. Те, отлично зная процедуру, принялись без промаха охаживать пробегающих и обезумевших от страха зэков по хребтинам дубинками. Каждый четвертый поливал принимаемых з/к перцовым газом, от чего тех тут же охватывало удушье и у них наступала кратковременная слепота.

Чуи потерял сознание после шестого поворота, и это был лучший результат этого этапа. Начальник СИК, удовлетворенно лицезрея картину затаскивания бесчувственных тел зэков в помещение, промурлыкал: «Всухую».

Подполковник Берц обожал играть в Tower Defence и гордился своей непобедимостью.

Пахомов провожал взглядом массу, трамбуемую в зев колонии, и с блаженством думал о том, что еще один акт социальной справедливости совершен и что жизнь стала еще законней.

Этапники приходили в себя в бетонном помещении средней просторности. Затем раздались крики — их испускал незнакомец с лицом по-королевски пурпурного цвета. Он поливал зэков струями кипятка из шланга, зажатого в руке не менее благородного цвета.

— Встать! Встать! Встать! Встать! Встать!

Комбинация оказалась достаточно живительной, желающих разлеживаться в бессознательном состоянии не было.

— Бегом! Бегом! Бегом! Бегом! Бегом!

Квест продолжался, и зэки побежали по коридору, по обеим сторонам которого угадывались двери камер.

Двигающийся поток умело разделили на группы, поочередно подвергая полному обыску, банным и воспитательно-психологическим процедурам. Берц напутствовал сотрудников, избивавших в закутке ногами не вовремя замешкавшегося зэка: «Товарищи, ну сколько раз говорить: избивать осужденного следует по 10–12 человек одновременно, так как уголовные элементы непредсказуемы в своей агрессивной злобе. Читайте руководящие инструкции. Это закон, написанный кровью! Бить надо мыском ботинка, целить в пах или иные чувствительные органы». Берц мастерски ударил один из скрючившихся комков, последовали хруст, тяжкий всхлип воспитуемого и удовлетворенный кивок воспитателя.

«Пыткин, Пыткин, Пыткин, — продолжал учить Берц, переместившись на следующий участок. — Ну что ты делаешь, дорогой мой человек?» Пыткин, подвешивающий зэка за наручники, сковавшие его руки за спиной, остановился с

непонимающим видом, но готовый к любым распоряжениям руководства. «Темнота ты, Пыткин. Вот ты зачем осужденного подвесил?» Хмурясь, прапорщик Пыткин вспоминал строчки соответствующей инструкции ДСП (для служебного пользования):

— Для причинения нечеловеческих страданий и болей в запястьях.

— И?

Пыткин, потупившись, молчал — он не помнил, что еще.

— А нестерпимую боль в локтевых суставах кто будет зэку причинять, а? Арина Родионовна? Тебе няня нужна, а, Пыткин?

— Никак нет.

— Ну так вешай выше.

Александр Сергеевич Пыткин дернул за шнур, заламывая руки осужденного выше, — тот завыл.

«Во-от», — удовлетворенно протянул Берц. «А вы, товарищ преступник, не войте, а то мы позовем другого осужденного из числа специально обученных — и он вас… — Берц сделал многозначительную паузу и поиграл бровями — изнасилует! Александр Сергеич, снимите с осужденного трусы для напоминания о такой возможности».

Закусив губу, з/к замолчал.

У пункта цирюльной обработки происходила какая-то заминка, и Берц поспешил туда. Осужденный по кличке Пупс (красная повязка с надписью «Парикмахер» на руке выдавала место его трудоустройства) нерешительно переминался с ноги на ногу и робко переводил взгляд с полуавтоматической бритвенной машинки «Лысая гора» на возвышающегося перед ним Чубакку. Обычно он начинал стричь с затылка — там, где заканчивались волосы на голове. Эта отработанная схема была, очевидно, не применима в данном случае.

«Та-а-ак. Что тут такое? Пупсик, почему не стрижешь осужденного?

Захотел в ШИЗО?» — елейным тоном поинтересовался Берц. От перспективы оказаться в ШИЗО Пупс сменил цвет лица с нежно-розового на бледно-поганистый и выдавил: «Как стричь?»

Может быть, Пупс хотел добавить что-то еще, но мощный удар Берца отправил его сложившуюся пополам тушку в груду лежащих позади него мешков с волосами, состриженными с голов арестантов. Волосы поставлялись в КБ «Роспотех» и служили основным ингредиентом для оружия, ввергавшего врагов империи в ужас, — волосяных бомб, которые разрабатывались на основе новых физических принципов.

«Тебе что тут, салон красоты? Ты что тут, визажист?» — буйствовал Берц.

Как начальник СИК, он обладал почти неограниченными полномочиями, однако имперская вертикаль власти была представлена в колонии Комитетом У. М. (сокращенно КУМ, что такое У. М. — не знал никто; комитет славился своей секретностью, а деятельность его была направлена на выявление новых преступлений среди осужденных лиц).

«Налысо нельзя», — тихий голос, прервавший истерику начальника СИК № 1984, принадлежал местному главКУМу Кремню Виктору Палычу. Кремень раскрыл пухлую папку руками в черных перчатках и зачитал: «Осужденный Чубакка, он же Чуи, он же Шушака. Сын Аттичиткука, принадлежит к племени вуки, гуманоид ростом более двух метров, тело и лицо покрыто густой бурой шерстью, напоминает обезьяну или собаку породы аляскинский маламут. Не носит никакой одежды». Кремень закрыл папку: «Стричь нельзя, не будет совпадать с ориентировкой». Повисла многозначительная пауза. Многое случалось в СИК № 1984, но нестриженного зэка в ней не случалось никогда.

— Шушака Аттичиткукович. тело и лицо. лицо и тело, — задумчиво повторил Берц. — А что про макушку?

— Про макушку ничего, — без паузы ответил Кремень.

— Тогда вызывайте маляров и красьте.

— Кого? — не понял Пупс.

— Осужденного, как там его. Шушакова. В цвет согласно установленному образцу, — палец Берца указал в сторону плаката на стене, изображаютего одетого по форме горбоносого зэка в двух проекциях.

Гордый за неординарное решение, Берц направился к выходу — более ничего интересного не намечалось.

По ходу движения замерла тройка этапников, уже остриженных и помытых ледяным душем. Они стояли голышом на бетонном полу, с глазами, полными тревоги и ожиданий неприятного. Берц резко остановился и требовательно спросил у одного из них: «За что осужден?» Подобравшись, зэк выпалил с хрипотцой быстрый речитатив:

Где-то кто-то посыпает тальком карапузов,
А я сейчас всадил Жоресу обойму в пузо.
Это было деху похоже на подледную рыбалку:
Эмоций, блять, немного, но эмоции, блять, яркие.

Последний звук получился протянуто-затухаютим из-за удара под дых.

«Это что еще такое?» — возмутился Берц.

«Группа „Кровосток“, — ответил Кремень, который всегда оказывался поблизости в подобных ситуациях. — И разжигание ненависти, и пропаганда насилия путем нецерковного песнопения». «Вот тварь! — Берц что есть мочи ударил согнувшегося зэка локтем промеж лопаток, после сплюнул на упавшее тело. — Из-за таких, как он, улицы наших городов полны насилия!»

Чубакка никогда в своей жизни не стригся, на его планете это считалось дном эстетики. Но он уже начал свыкаться с тем, что традиции в том мире, где он находился сейчас, крайне варварские, поэтому стоически, хоть и с содроганием, выдержал процедуру — и когда Пупс избавил от волосяного покрова его макушку, и когда ранее модный художник (а после признания его работ экстремистскими — маляр худотряда СИК № 1984) окрасил его бурую шерсть на теле в черный цвет, проведя вокруг запястий, щиколоток и поперек спины линии светоотражающей серебрянкой.

По окончании процедуры приемки з/к вооружили матрасами и, естественно, погнали в карантин.

— Бегом! Бегом! Бегом! Бегом! Бегом!

Арестантов расставили в позах морских звезд по периметру железного забора, обрамлявшего локальный участок карантинного отделения. Потом их начали по одному заводить в барак; оттуда зазвучали крики двух типов — требовательные и о пощаде.

* * *

Как-то на этапе, после окончания очередного утомительного дня, сгрудившись вокруг ранее сидевшего зэка Цедрика, остальные заключенные впитывали премудрости тюремной жизни. Цедрик из прожитых им 60 лет отсидел 42 небольшими сроками, по два-три года, за преступления небольшой тяжести — хищения бюджетных средств размером до 8,5 миллиардов рублей. Цедрик был профессиональным государственным служащим средней руки. Своих зубов во рту у него было всего два, остальные — победитовые. Он вещал тоном умудренного опытом старца, прорежая фразы глубокомысленными паузами и яростным свистом вдыхаемого сквозь сжатые зубы воздуха.

— Значит, так, братва. Куда ни попади, поначалу побьют. Несерьезно. Больше чтобы попугать. Тут лучше прикинуться опоссумом и беречь почки. Потом отберут все, побреют и на карантин погонят. Тверком испытывать.

— Тверком? — голосом, полным страха, переспросил какой-то щуплый руфер.

— Тверком-тверком. Будут, значит, заставлять тверк плясать. Да. Затанцуешь — значит, с администрацией, проявишь стержень — значит, с братвой. Проверка такая. Тут без масок уже. Сразу понятно, чего человек стоит.

— А если не знаешь, как этот тверк танцевать?

— А тебя, братец, бить будут, как шпроту, — не то что тверк, пасодобль спляшешь.

— Бить?

— Бить, ломать, головой в парашу макать, заставлять целовать календарь с Джигурдой, да мало ли?.. Тюрьма, братцы. Всякое может быть, — Цедрик явно вспоминал что-то очень личное и не очень счастливое.

Пойми тогда Чуи хоть слово — и приемка, и то, что происходило далее, по крайней мере не удивило бы его. Когда настал его черед, чьи-то руки втолкнули его в темное помещение — с бликами цветомузыки по стенам. И властный голос приказал: «Танцуй!» Чубакка застыл в позе крайнего непонимания, вспыхнул луч прожектора. Зазвучала патриотическая кавер-версия песни Снупа Догга, исполняемая неподражаемым Вилли Ивановичем Токаревым: «Вигл-Вигл-Вигл!»

Отряд

Чем ближе был конец карантина, тем более остро вставал вопрос о моем будущем отряде. Блатным я объяснил, что вариант со вскрытием вен выглядит достаточно смешно: администрация расселила сто зэков, полностью отремонтировала барак, обеспечила его, судя по всему, прослушкой — и теперь, после таких приготовлений, весьма сомнительно, что они согласятся на какой-либо другой вариант моего заселения.

Короче, представитель блатКомитета пошел общаться в администрацию и вернулся оттуда вот с чем: если я не пойду в 8-й отряд, всех остальных зэков заставят страдать. Достаточно прозрачные условия. Понятное дело, криминалитет не может пойти на гласную сделку с администрацией, в результате которой порядочный арестант становится непорядочным, — это противоречит миссии АУЕ-движения. Поэтому мера с заселением и трудоустройством была означена как временная. Сообщалось, что в течение пары недель меня поднимут в обычный отряд и все будет ок.

Ну, ок — так ок. Тем более что статус страдальца ради блага общего (а именно так я думал про свою ситуацию) добавлял мне нехилый бонус в карму в глазах прочих з/к.

Когда на комиссии по распределению краснощекий начальник заявил, что решением собрания я буду жить в отряде № 8, повисла тишина: блатным-то я сказал, что согласен, и они донесли это наверх, но вдруг я откажусь? Мне кажется, плана Б предусмотрено не было.

— Такое впечатление, говорю, что ожидают моего ответа. Я могу отказаться?

— Нет.

— Ну ок тогда.

В общем-то, переезжать было недалеко — отряд № 8 располагался рядом с карантином. Еще до переезда был криком вызван завхоз, и зэки, наделенные авторитетом, дали ему следующие указания:

— место выделить нормальное;

— предоставить отдельную тумбочку;

— выделить отдельные ячейки в пищевой и вещевой комнатах, чтобы жало никто в них не запиливал.

Жизнь в лагере — это в любом случае жизнь в одной из сект, где выполнение ритуалов имеет сакральный смысл само по себе. Так, обиженный не может заходить в каптерку (комнату, где хранятся вещи) и пищевку (комнату, где хранится еда), к нему

нельзя прикасаться и даже бить можно только ножами или какими-нибудь другими предметами. Зэк порядочный и непорядочный могут проживать в одном бараке, но у них обязательно должна быть разная посуда, еду и вещи они хранят отдельно и пить из одной кружки не могут. Получалось, что в отряде № 8 я — «обиженный наоборот»: никто не мог взять мою кружку или вещи не потому, что им это стремно, а потому, что это стремно мне. Эдакий принц Уэльский в лепрозории — не очень кайфовое чувство, по правде сказать. Придется держаться сильно настороже.

И вот настало волшебное время заселения. Взял матрас и вещи и отправился в чумной барак. Он и правда был отремонтирован — без лишнего изыска, но все очень чистенько.

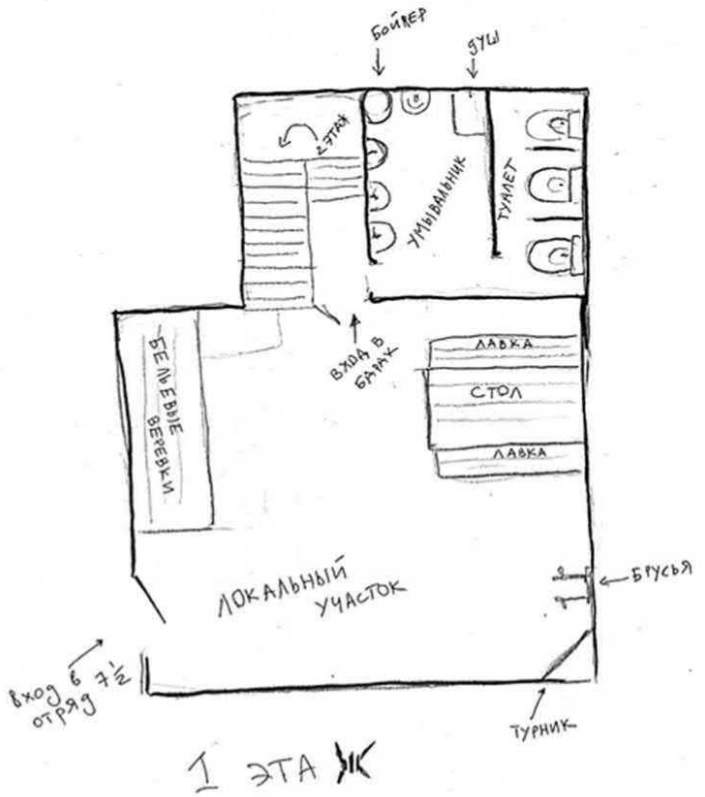
Локальный участок — это территория около барака, по которой можно бродить туда-сюда. Участок обнесен непрозрачным забором, на жестяном покрытии которого изображены Александр Невский в черно-белых тонах и три богатыря. Один из них, Микула Селянинович, пашет поле на злобной таксе (позже выяснилось, что это неудачно нарисованный былинный конь). Рисовали зэки, поэтому не обошлось без пасхалок. Невский держал меч вот так:

Площадь участка — примерно 30 квадратных метров. В землю вмонтированы стол и две лавки. Земля покрыта плиткой. В углу расположены «веревки» — канатики под листом шифера для сушки белья. Вход — с микрокрыльцом, на котором красуется вывеска со свеженарисованной надписью «отряд № 8». Она прячет под собой старую — «отряд № 7½». Прямо какая-то платформа 9¾ из «Гарри Поттера».

Сам барак двухэтажный. На входе — прихожая с полками для ботинок, сразу направо — умывальники и душевая, далее — туалеты.

Перво-наперво нужно выяснить, какими из сантехнических девайсов пользуются обиженные. Done. Вообще, если так случается, что в какой-то тюремной локации нужно чем-то воспользоваться, но непонятно, где обиженное хозяйство, чаще

всего оно оказывается с краю, так что лучше пользоваться неким серединным вариантом.



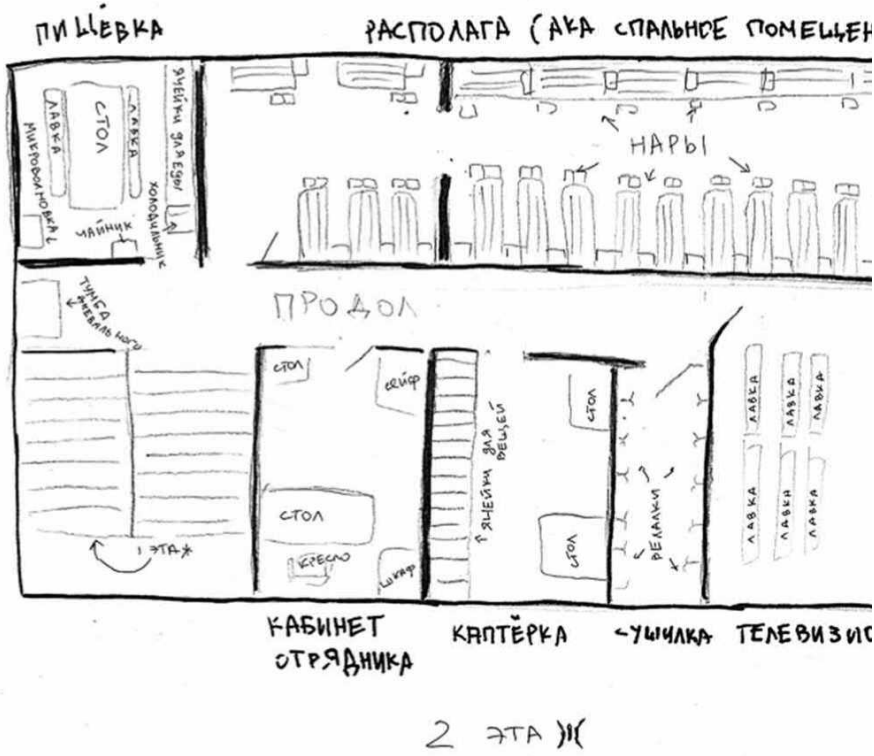
Лестница из прихожей ведет на второй этаж. В коридоре — тумбочка дневального, на которой установлен телефон для звонков за пределы зоны. Телефон внутренней связи — в лестничном пролете.

По правой стороне коридора:

— кабинет начальника отряда;

— каптерка (она же вещевка, где хранятся зэковские баулы или, по-казенному, вещевые мешки);

— сушилка (комната для хранения верхней одежды);



— телевизионка (комната воспитательной работы, где стоит — шок! — большой и плоский телевизор).

Обстановка везде спартанская.

Налево из коридора — вход в «распалагу», где находятся спальные места. 44 штуки на площади около 100 квадратных метров — очень и очень шикарно (сделано по нормативам, но в других бараках все расположено вдвое плотнее). Табуретки по числу койкомест. Тумбочки по числу койкомест, деленному на два (на одного з/к — половина тумбочки). Но у меня тумбочка целиком, потому что ни с кем поделить ее я не могу. Очень светло. Окна — по одной стене комнаты, закрашены белой краской и закрыты сеткой-рабицей. Барак примыкает к контрольно-следовой полосе, и прямо за окнами — заборы, колючка, сигнализация, автоматчики.

Чуть не забыл еще одну важную вещь про пищевку. Ужасно нелогичное место, учитывая, что, в соответствии с нормативными документами, прием пищи можно осуществлять исключительно в столовой колонии. То есть расчет, видимо, на то, что з/к сготовит себе в бараке, к примеру, борща и попрет его через всю зону в столовую, чтобы съесть. На деле все едят, конечно, в пищевках. Там есть ячейки для продуктов, по одной на несколько человек,

но у меня, опять же, отдельная. Стол, две скамейки, холодильник, чайник, микроволновка.

Все это поражает. Холодильник. Микроволновка. Телевизор. Душ. В тюрьме! Что же дальше? Йогуртница? Джакузи? Турбосолярий? Впрочем, я на сто процентов уверен, что есть зоны, где и такое встречается. Но если вдуматься, то ничего удивительного. Цели, декларируемые законодательством, и интересы арестантов тут сходятся: улучшение бытовых условий. Понятно, делается все на деньги зэков. Но лучше уж потратиться и получить кусочек комфорта на несколько лет вперед, чем ждать, пока какой-нибудь чиновник, обставив свою дачу, вспомнит, что сделал это на деньги, выделенные из бюджета на содержание осужденных, и купит вам в барак занавески угрюмого цвета.

В бараке какое-то жуткое количество видеокамер (одна в коридоре и четыре в спальном помещении). Может показаться, что это немного, но в остальных общежитиях их вообще не было (кстати, нет и сейчас, в 2018 году). Спального места, которого не было бы видно в камеру, нет. Я выбрал себе нары, равноудаленные от всех камер. Понятное дело, нижний ярус (это важно). Все равно в барак вселилась только первая часть зэков и осталась куча пустых нижних нар.

Зэку, который должен был делить со мной тумбочку, я хмуро сказал, что размещусь в тумбочке приватно. Возражений не последовало. Таким же образом были экспроприированы ячейки в вещевке и пищевке. Кроме того, я запретил баландерам класть продукты на одну из полок в холодильнике (как выяснилось позже, достаточно, чтобы продукты были изолированы в пакетике).

Вообще, выглядело все это очень комично. Все первоходы. Я, на положении «мужика», который ни черта не понимает в устоях этой странной секты, устраиваю гетто для баландеров (всех остальных) в их же отряде. Если вы чувствуете в этом жуткий шовинизм, спешу уверить, что я провернул все дипломатично и все были весьма лояльны ко мне (за спиной, конечно же, нет). Все-таки я селебрити — даже спецотряд создали ради меня.

Кроме того, я сдуру решил зарекомендовать себя как поборника справедливости.

Комната воспитательной работы, в которой стоит телик, является местом тусовки элиты. В зависимости от отряда, это либо блатные, либо завхоз и его козлобанда.

Первым делом завхоз собрал всех прибывших и объявил, что доступ в телевизионку открыт с 19 до 20 вечера, в соответствии с правилами внутреннего распорядка. Я, выпучив глаза, стал орать:

«Ты что тут — мусарской движ навязываешь?!» И все в подобном духе. Завхоз очень смутился.

Вообще, не очень понятно, как он стал завхозом: вопреки ожиданиям, это был не чудовищный громила, а очень неуверенный в себе субтильный наркоман. Он очень нерешительно, но последовательно настаивал на своем. Ругань продолжалась, и я с некоторым разочарованием в своем красноречии подумал, что сейчас мне надо будет бить завхоза. Это был момент психологического перелома, дело происходило прямо под окнами отдела безопасности, а из УК РФ я знал, что не опасное для жизни насилие в отношении осужденного по мотивам его лояльности к администрации может увеличить срок лет на пять. А мне и свои три с половиной сидеть не хотелось.

Ситуацию разрулила свита, входящая в состав козлобанды. Чувствуя, что все может закончиться для их босса потерей лица, они нашептали ему, что правильнее будет уступить.

Behold! Теперь в отряде № 8 была самая демократичная телевизионка, в которую мог ходить кто угодно и когда угодно. На мой взгляд, очень справедливо — и зэкам тоже понравилось.

Завхоз потом, конечно, подошел и попенял на то, что мне-то уж точно можно было в телевизионку в любой момент. Я горделиво отказался от привилегий и сообщил ему, что телик все равно не смотрю. Но бывать там пришлось очень часто, особенно в первое время.

Какой, собственно, главный минус в видеонаблюдении? Если оператор на пульте видит нарушение, он пишет рапорт для наложения дисциплинарного взыскания, а также устраняет само нарушение — идет в отряд сам или отправляет сотрудника. Применительно к моей ситуации это означало, что мне просто невозможно было поспать на кровати после подъема (это запрещено тюремным распорядком). Стоило прилечь, так сразу либо звонили, либо прибегали. По-моему, эти тетки на пульте просто преследовали меня. В результате приходилось уходить спать в телевизионку — на лавку, устланную ватником. Так что после подъема я шел в комнату воспитательной работы и там засыпал в позе патриция на деревянной доске шириной 20 сантиметров.

Так продолжалось до трудоустройства.

Я-то мечтал стать краснодеревщиком и радовать друзей и родных собственноручно сотворенными нардами и шкатулками, однако сразу после прибытия в ИК-5 меня повели на прием к окулисту, которого специально привезли в лагерь ради встречи со мной. Вероломство этого хода я осознал лишь позже. Окулист измерила мое зрение и поставила в личном деле отметку, что мне

запрещена работа с тяжестями и в пыльных помещениях. Никакой деревообработки, никакой швейки, никакой промзоны. Администрация переделала должностную инструкцию библиотекаря, включив в квалификационные требования «высшее образование», и через блатных, по той же схеме, что и с отрядом, трудоустроила меня в библиотеку.

Надо понимать весь трагизм ситуации: я не очень люблю читать. Ну, то есть совсем не люблю. Я даже половину школьной программы освоил по сборнику изложений. И, думаю, я один из очень и очень немногих зэков, которых пришлось устраивать в библиотеку путем интриг и против его желания.

Библиотекарь — это, наверное, самое теплое место в колонии. Сидишь весь день, читаешь книжку. Собственно, на работе можно и не сидеть весь день. Все равно зэки могут попасть в библиотеку только в определенные часы днем и вечером. Лепота, короче.

Честно говоря, на момент трудоустройства я думал, что с точки зрения блатных швейщики и библиотекари — это примерно одно и то же. Все-таки швей-моторист БАМ не строит, Беломорканал не копает, лес в минус сорок не валит. Не особо брутальная профессия. Но оказалось, что порядочность и непорядочность профессии в ИК-5 определяются формой оплаты труда. Те, что на повременке, — непорядочные; те, что на сделке, — порядочные. Это, конечно, чисто ментовской лоббизм, чтобы можно было платить зэкам поменьше и удобнее ими манипулировать.

В любом случае блаткомитет сказал мне, что трудоустройство — временное, и я не особо сильно поначалу на этот счет переживал. Должность называлась «библиотекарь», а не «завхоз библиотеки». В подчинении никаких зэков не было, а, собственно, именно это (формальное управление другими заключенными) и делает козла козлом. Ну и сама библиотека — дело добровольное: хочешь — ходи, хочешь — нет. Никакой обязаловки.

Боже, боже, как же наивно это звучит. Сейчас пишу и сам не понимаю, как я мог так думать. Тюрьма меняет.

Зона

И вот настал день долгожданного выхода в свет. Наконец-то можно было посмотреть на зону, в которой мне предстояло провести больше трех лет. Но сначала — еще один терминологический экскурс. Мне очень много раз пришлось объяснять собеседникам по переписке, есть ли какая-то разница между зоной, лагерем, тюрьмой, колонией и т. д. Не то чтобы этот ликбез обязателен для понимания книги, но все же, думаю, общее представление не будет лишним. По крайней мере, есть знания куда бесполезней (например, откуда у Валерия Леонтьева столько рыбацких сетей для сценических постановок).

Так вот, есть ли разница между тюрьмой и лагерем? На этот вопрос нет однозначного ответа, как и на вопрос, хорошо ли, что одиннадцатиклассница Маша такая веселая, свободная и любит выпить («да» — с точки зрения одноклассников Маши; «нет» — с точки зрения ее консервативных родителей).

После того как суд признал вину человека в уголовном преступлении, его могут отправить:

— в колонию-поселение;

— в исправительную колонию общего, строго или особого режима;

— в тюрьму.

Заметили, что слов «лагерь» и «зона» нет? Ну, давайте разбираться в отличиях.

Колония-поселение — это самый лайтовый вариант. Какой-то забор, конечно, есть, но в целом режим очень мягкий. Все ходят в вольной одежде, продукты покупают за наличные в магазинах прямо на территории. Телочки содержатся в одной колонии-поселении вместе с пацантрэ, что оставляет место романтике. Градус романтики поднимает то, что с недавних пор там можно совершенно легально получить дрожжи (и гнать самогон). Еще на территории колонии-поселения можно жить обособленно со своей семьей. Правда, не очень себе представляю, как это выглядит. Ну, наверное, похоже на деревеньку за хлипким заборчиком.

Заборчик действительно хлипкий, а может и отсутствует вовсе, поэтому бегут из колоний-поселений часто. Это, конечно, мегадебилизм. Был один чувак, который за два месяца до окончания срока сбежал; его, конечно, поймали, добавили три года и отправили уже в исправительную колонию общего режима.

Исправительная колония — это, собственно, то, что называется лагерем или зоной. Состоит из различных построек:

жилых помещений (в советской терминологии — бараков), бани, клуба, столовой, санчасти. Между ними можно относительно свободно перемещаться. По названиям кажется, что колонии общего, строгого и особого режима как-то отличаются, на самом деле — нет. Различие в количестве передач и свиданий, позволенных зэкам. Ну и в сроках, конечно, что накладывает отпечаток на контингент.

В ИК-5 «Нарышкино» два режима: строгий и общий. Вроде бы таких зон с комбинацией режимов только три во всей России (эксклюзивчик!). На практике это просто два здоровенных обособленных здания. У сидящих в здании общего режима сроки в основном небольшие — два-три года, и люди тут помоложе. С учетом того, что приезжающие уже отбыли по году в СИЗО, многие из них ведут себя крайне необдуманно и резко. Называется «шумоголовость». Строгорежимники же поспокойнее и повменяемее. Оно и понятно. Если срок у тебя пятнадцать лет — это целая жизнь. Сидеть его надо основательно. В местах, где режим особый, наверное, еще более укорененная обстановка — там все уже ранее сидевшие, все знают и законы, и понятия.

Тюрьма. По сути, это то же самое СИЗО. Здание с камерами. Прогулка в маленьком дворике. Света белага не видно, по землице босиком не походишь, вот это все. В исправительной колонии хоть ты и за забором, но тактические передвижения не ограничены: хочешь — в бараке сиди, хочешь — по локальному участку пройдись, прогуляйся в столовую, сходи посмотреть в клуб «Белое солнце пустыни». В тюрьме ты можешь просто сидеть в камере. Ну или работать, но это тоже происходит в камерах.

При этом есть вертикальная транспортная система. Если ты в исправительной колонии и ведешь себя хорошо, то можешь попросить суд, и тебя переведут в колонию-поселение. А если плохо, то администрация может попросить суд, и тебя переведут в тюрьму.

Кроме того, есть локальные способы усилить изолирующий эффект.

Карцер, он же *кича*, он же *ШИЗО* — штрафной изолятор. Камеры — как камеры в тюрьме, только там нары на день пристегиваются к стене и почти ничего нельзя. Карцеры есть везде — от СИЗО до тюрьмы.

СУС — строгие условия содержания (в советской терминологии), сейчас официально называется *СУОН* — строгие условия отбывания наказания. И зэки, и охранники называют СУС, потому что это красивее. Когда я пишу эти строки, как раз сижу в СУСе. Такой обособленный от других барак, где есть своя столовая и баня, и зэки оттуда не выходят. Еще это называется

«запираемые помещения». В теории внутри барака можно везде перемещаться. Но это теория. СУС в ИК-5 на практике — это камеры с дверями и замками, только по документам они называются «комнаты». Чтобы сюда попасть, надо, чтобы тебя признали злостным нарушителем. Помимо содержания в запертом помещении, зэк лишается возможности пользоваться телефонной связью, также ограничивается количество свиданий и передач.

БУР — барак усиленного режима (обозначение времен Сталина), сейчас называется *ПКТ* (помещение камерного типа) или ЕПКТ (единое помещение камерного типа). Все тоже называют БУРом, потому что красивее звучит. По сути своей — ШИЗО, те же камеры с пристегивающимися нарами, тоже почти ничего нельзя. Только в ШИЗО сидишь пятнадцать суток максимум, а в БУРе гораздо дольше.

В тюрьме есть еще один вид изоляции — заключение в одиночной камере. Правда, сидя уже полтора года в одиночке, я не очень улавливаю, что в этом страшного.

С точки зрения повседневной речи, все виды колоний можно называть лагерем, зоной, колонией или тюрьмой. Саму тюрьму обычно называют крыткой или крытой. Про тех, кто сидит в БУРе, говорят «сидят под крышей». Про тех, кто в СУСе, тоже так говорят. Правда, с нюансами и меньшим пиететом.

Столовая

Но вернемся к моему первому выходу в свет. Поводом для него стал ужин, на который, как сообщают нам Правила внутреннего распорядка, зэков выводят поотрядно.

Вот как устроена исправительная колония № 5 «Нарышкино». Основная дорога через всю жилую часть зоны называется «продол» (кстати, так же называют коридор вдоль камер в СИЗО, ШИЗО и ПКТ). Та часть, где столовая и банно-прачечный комбинат (БПК), — «периметр». Здание общего режима — «Китай», что понятно: все-таки там живут 860 человек, то есть достаточно шумно, хаотично и пахнет едой. Я слышал, что основное здание строгого режима, в противовес Китаю, иногда называют «Манхэттен», потому что там все гораздо цивильнее, спокойнее и аккуратнее. Люди сидят с долгими сроками и пытаются сделать уют «как дома». Очень разумно, но, видимо, название не прижилось, чаще называют просто «строгий», а жаль. Надо было бы еще назвать ту секцию бараков, которые примыкают к зданию администрации, «Пхеньяном», и все было бы очень гармонично.

Так вот, иду я по продолу в направлении периметра и вижу группу ну очень больших зэков, которые стоят и чего-то ждут. Оказывается, ждут они меня. Ну, думаю, вот оно. Судя по размерам арестантов, тут нужно думать не о танце смерти, а о спринте жизни. Но выяснилось, что это просто спортсмены, которые хотели познакомиться.

— Здорово.

— Здоровенько.

— Я — Ким.

— Я — Олег.

— Как сам?

— Нормуль. Ты как сам?

— Как джип ниссан. Как тебе в нашей дурке?

— Миленько.

— Слушай, мой семейник, Тиган, хочет познакомиться.

— Канеш.

Какой-то такой вышел у нас диалог — знаете, разговор ни о чем, с продолжительными неловкими паузами. Кстати, семейник — это типа твой самый главный корешуля-корефанчик, братуля-братулец в колонии. Семейники ведут совместное хозяйство — раздельно у них, наверное, только зубные щетки и трусы. Неверно было бы предположить, что это похоже на семейную пару, скорее на BFF (то есть корешулю-корефанчика по-английски). В любом

случае весьма милушно и само явление, и его тюремное название.

Потом я пошел поесть в столовую. Не то чтобы хотелось есть, просто было интересно посмотреть, как там и что. Собственно, это был первый и последний раз, когда я поел в обычной столовой ИК-5. Все зэки идут с ложками. Посуда с баландой на подносе выдается в одном окошке и сдается в другом. Обиженные з/к идут со своей посудой. Их легко распознать: они вечно все какие-то грязные, идут в хвосте с пакетами в руках и страхом в глазах.

Ложки носят не абы как, а в чехлах. Для начала очень простенькими и, судя по всему, сшитыми на промзоне из обрезков ткани всех снабжают на карантине в качестве welcome-подгона и грева (так называют любую материальную помощь арестанту). Мне — видимо, подчеркивая мой статус селебрити, — дали особенный чехол, застегивающийся на пуговку. У других пуговок не было.

По-моему, это уморительно смешно. Понятное дело, это только первый уровень крутости чехла. Позже мне подгоняли самые разные, например с молнией и вырвиглазных расцветок (видимо, на промзоне делали гипероранжевую одежду для дорожных рабочих).

Ну и вот, взял я баланду и в гордом одиночестве за столом (выводили всего три отряда, поэтому было много свободных мест) умял ее. Ничего так. То есть, конечно, полная дрянь: заявлено как овощное рагу с мясом, а фактически — тушеная капуста с элементами картофана. Но есть можно. Заел хлебом. Запил киселем. Вокруг какие-то зэки, никого не знаю. Потом уже мне поведали, что за мной, естественно, с интересом наблюдали другие з/к. Отметили, что я набросился на баланду, будто из голодного края приехал. Ну, я просто всегда очень быстро ем — чего зря тратить время на какое-то там питание.

После ужина все тусуются какое-то время на прилегающей к столовой территории, курят, общаются, но в основном ждут, пока инспектор по столовой откроет локальный участок, чтобы разбрестись по баракам. Сам инспектор ждет, пока все доедят, чтобы отвести всех сразу, а не мотаться туда-сюда. Вы уже, наверное, поняли, что самый ценный навык в зоне — уметь ждать.

Потом я пришел в барак, почитал чего-то и лег спать. Вот такой вот денек.

В принципе, так можно рассказать практически о любом дне, проведенном в колонии.

Спортсмены

На следующий день я познакомился со спортсменом по имени Тиган. Вообще спортсмены клевые чуваки. Не будь я под столь пристальным вниманием и контролем администрации, на сто процентов попал бы в Китай, скорешился бы там со спортсменами и наверняка раскачался бы до состояния того самого пирата из «Острова сокровищ», который мог есть деревянные перекрытия.

Спортсмены, как правило, заезжают либо по статье 111 (нанесение тяжких телесных), либо 228 (наркота). В колонии всегда так: на воле — наркоман, на зоне — спортсмен; на воле — убийца, на зоне — верующий. Со многими из качей я перезнакомился и часто общался, пока меня не отправили в строгие условия. То ли подчеркивая родственность душ, то ли демонстрируя искренние убеждения, качи в основной своей массе поддерживали политическую платформу Бро. Не качи в целом тоже. Зэки же против власти, поэтому симпатизируют тем, кто с ней борется.

Будучи в прошлом бодибилдером, Бро отправил спортсменам библию — толстенную книгу Шварценеггера. Она в одно мгновение стала легендарным чтивом и до сих пор лежит на почетном месте в качалке. Сам не видел, но уверен, что относятся к ней бережно — как к незаменимому источнику знаний. Перед тем, как вручить подарок, сам я ее тоже полистал. Мне показалось, что примерно треть книги — о том, как нужно мазать себя маслом перед выступлениями.

Из всех качей хорошо я помню только троих. С Кимом, который приветствовал меня во время первого и последнего трипа в столовую, мы оказались в каком-то смысле коллегами. Чувак занимался погрузкой-разгрузкой в почтамте при Казанском вокзале. Киму пришлось жесточайшим образом крепануться во время отсидки. Поначалу он не нашел общего языка с администрацией — видимо, полагался на свои превосходные физические данные. Явно проигрышная стратегия. В колонии надо помнить, что, каким бы здоровым ты ни был, менты всегда могут избить тебя — группой и резиновыми палками. Говорят, что в период отсидки Ким этапировался то ли в больницу, то ли куда-то еще, и администрация сделала так, чтобы этап был долгий, а маршрут проходил по всяким одиозным централам типа Твери и чуть ли не Владимира. В результате Ким вернулся в зону похудевшим на 20 кг.

Лось — почти такой же здоровенный, как Ким. Приехал в

ИК-5 на пять лет тощим наркоманом, в результате стал горой мышц. При этом был достаточно интеллектуально развитым чуваком, читал литературу уровнем выше Дарьи Донцовой, рассуждал здраво, говорил связно. В общем, производил прекрасное впечатление.

Вот история про Лося, которая показывает, насколько по-разному устроена расстановка сил в российских тюрьмах и, например, в американских. В американской тюрьме авторитет Лося наверняка бы зашкаливал. Он здоровенный громила, и мог бы в случае чего подтвердить свой статус отрыванием чьих-нибудь рук. В русской тюрьме есть АУЕ, арестантский устав, который диктует равенство среди зэков и справедливость. Как-то раз Лось неаккуратно выразился, что, мол, мусульманам жать руку западло, так как они на дальняк с бутылкой ходят. Он имел в виду, что исламские традиции якобы позволяют не использовать туалетную бумагу. Сразу, конечно, начались жуткая ажитация и рамс. В результате с Лося было «получено как с понимающего» — несмотря на его внушительные размеры, заступничество спортбригады и протекцию смотрящего лагеря, его избили. Короче, за базаром надо следить вне зависимости от габаритов.

Лось, кстати, молодчина: после освобождения подался в тренеры и фитнес-инструкторы. Говорят, даже снимался в рекламе и побеждал в конкурсах силачей. Сидя в тюрьме, он злословил и отзывался уничижительно о бодибилдерах, которые позируют в «плавочках», а когда освободился, сам стал так позировать.

Тиган — внешне не похож на качка, мелкий и скорее жилистый, чем здоровый, но из всей спортбанды, наверное, самый сильный, поскольку занимался всяческими боевыми искусствами. После освобождения, говорят, начал успешную карьеру в боях без правил. А до того, как сел, играл на воле в американский футбол. Вообще, я с удивлением узнал от него, что у нас в стране есть какая-то лига этого вида спорта. Мы даже с ним пару раз обсуждали вопрос, как бы развить в России американский футбол. Я осторожно говорил, что для этого потребуются сотни миллиардов и улучшение отношений с США. Кроме того, Тиган то ли владел, то ли управлял каким-то кабаком или клубом в Мценске и хотел стать рэп-звездой. В качестве своей первой пиар-акции он планировал разбить табло Тимати. Как вы могли догадаться, Тиган был импульсивным человеком и сидел за нанесение тяжких телесных.

Полоса

Началась моя неспешная исправительно-колониальная жизнь. С утра будят, я перебираюсь в телевизионку спать и тусуюсь там до отбоя. Несколько раз в день звоню по телефону, установленному в отряде, домой — брату, жене, матери. Позвонил по разу друзьям, но общаться достаточно сложно: рассказать нечего, а с той стороны веет беспомощным желанием помочь. Хожу в столовую — не есть, а так, пошататься на прилегающей территории. Всякие зэки побойчее подходят познакомиться, так что по чуть-чуть обрастаю знакомыми.

Вот малой из Зелика, севший за угрозу убийства тещи. Вот его семейник Артем с изрезанным лицом и партаками (aka тату) — футбольный фанат, чалится (aka сидит) по 111-й. Вот Димарик со строгого, отсидел уже почти 12 лет. Когда-то сильно отрицал режим и в другой колонии несколько лет отсидел под крышей, а теперь — «красный» на промке. Подогнал мне хорошо сшитый ремень и ватник — безо всякого грева, просто в знак респекта. Кстати, явно исправившийся убийца. Ну и так далее.

Вообще, поскольку подходили знакомиться самые бойкие и их друзья-семейники, получилось, что за довольно короткое время я завел знакомство абсолютно со всеми деловыми (aka блатными) и всеми основными функционерами козлобанды (aka завхозами). Забавно, но практически никого из основной массы мужиков я так и не узнал. Они целыми днями впахивали на швейном производстве, а в рабочую зону я так ни разу и не попал и, соответственно, не попал в Китай и Манхэттен — бараки общего и строгих режимов, куда они возвращались на отдых.

На второй или третий день ХА повел меня знакомиться с работниками БПК. Ну, работники-то на самом деле на фиг были не нужны — нужен был завхоз бани Вова Толстый. Срок у него заканчивается где-то в середине 2020-х годов.

Но интересен он был не своим убийственным прошлым, а тем, что в бане были швейные машинки, на которых можно было ушить робу по размеру.

— Вот, это Олег, очень хороший человек.

— Здорово.

— Здорово.

Вот так запросто я открыл для себя доступ в ателье. В принципе, ХА для этого знакомства был на фиг не нужен, поскольку за услуги кройки и шитья я по бартеру расплачивался сигаретами, но так было быстрее. Поначалу ко мне с опаской присматривались: контроль ментов очевидный, и никому не

хотелось светиться со мной рядом. На самом деле нет никакого секрета в том, что за блок или полблока сигарет можно перешить костюм х/б или заполучить щедро набитый ватой матрас. Это вполне обычная движуха в любой период истории ГУЛАГА-ФСИНЛАГА. Просто я для всех выглядел инопланетянином. Да и сам себя им чувствовал.

Через неделю случилось вот что. Завел со мной разговор один зэк — Олег, тезка и интересный собеседник. Дело было после ужина, и ранне-весенняя прохлада (на улице лежал лед) заставила нас укрыться в кочегарке, которая топила баню. Три четверти кочегарки занимала печь, оставшуюся четверть занимал Капо. Капо был кочегаром и сидел по 131-й статье УК РФ (для тех, кто не знает наизусть, — это изнасилование).

Были времена, когда статья определяла судьбу человека в тюрьме, и все, кто шел по 131-й и не повесился в СИЗО, заезжали в лагерь на положение опущенного по умолчанию. Сегодня АУЕ-догма изменилась, и сам по себе приговор не может определять судьбы. Происходит понятийное дознание — о человеке узнают все что можно по альтернативным каналам. Впрочем, приговор изучают тоже — из решения суда по 131-й видно многое. Например, в случае с Капо девушка просто хотела раскрутить его слегка на деньги. Самое обидное, как он говорил, в том, что даже полового акта не было — только заявление, на котором и основывался приговор. Но сказать, что приговор никак не влияет на положение зэка, тоже нельзя. Администрация колонии пытается всех насильников определить либо в обиженные, либо в шерстяные, — своими силами или в коллаборации с блатными. Я уж не знаю, как именно это получилось, но Капо стал красным — кочегаром. Олег был ремонтником аварийного оборудования на промке, то есть тоже красным.

Но все это я узнал несколько позже, а пока передо мною были два зэка, с которыми мы чудно болтали. В лагере я находился всего неделю и, конечно, знал кое-какие понятия, но далеко не все. Впрочем, от любезно предложенных ландырей (конфет) и чифира я отказался (хоть и неопытный, я понимал, что абы с кем чифирить не надо). Впрочем, чуваки были вполне нормальные, непорядочные они только с точки зрения воровских понятий, а с общечеловеческой точки зрения — люди как люди.

Сидим, трем, прибегает бантик Пупс:

— Олег, слышь, там тебя ищут менты.

Время — примерно 21:20, то есть после ужина прошло уже полтора часа. И столько же с тех пор, как я должен был оказаться в отряде. До отбоя 40 минут.

Распрощались с собеседниками, я вышел на улицу, стою,

курю в гордом одиночестве, соображаю, как мне теперь добраться до барака: локальный участок столовой закрыт.

Из-за угла выбегает вертухай.

— Что вы здесь делаете?

Этот вопрос сопровождается тем, что он беззастенчиво шарит по моим карманам.

— Жду, пока меня отведут в барак.

— Всех уж отвели.

— Ну, видно, не всех, я же тут.

— А это что?

На тот момент у меня был единственный запрещенный предмет — зажигалка, которую мне кто-то подарил днем. Спрятал я ее бездарно — положил в самодельный внутренний карман ватника, откуда ее и извлек сотрудник.

— Не знаю. Это не мое.

— То есть как?

— Вот так.

— Пойдем к дежурному.

— Давайте. Но не тыкайте мне.

— Идемте к дежурному.

— Идемте.

Приводит в кабинет по воспитательной работе. Там сидит дежурный. Помазков Вадим Владимирович. Высокий и со шрамом — то ли заячья губа, то ли еще как-то порван рот.

— Осужденный Навальный, вы где были?

— В столовой.

— А почему не вернулись в отряд со всеми?

— Я думал, это вы меня должны приводить и уводить. Я ел и не видел, что отряд уходит.

— Мы за это тебе можем полосу въебать.

— Полосу?

— Склонен к побегу.

— Ну, попробовать можете. Только я вроде никуда не бежал, ждал в локальном участке столовой, пока уведут в отряд.

— А это что?

Показывает зажигалку.

— Зажигалка. Это очевидно.

— Откуда зажигалка?

— Это не моя.

— Как это не твоя?! Ее инспектор у тебя нашел.

— Нет, он мне ее подбросил.

— Как это?

— Обыск с видеорегистратором проводили?

— Вот я и говорю: подбросил.

Отвели в отряд. Инспектора (вроде бы его звали Максим) подвергли дисциплинарному взысканию и перевели работать на промзону.

На следующий день мне рассказали, что мое исчезновение привело к величайшей панике в дежурной смене. Думали, что я прошел в Китай или на строгий. По корпусам долго бегали инспектора, вопрошая, где Навальный.

Видимо, Вадима изрядно пропесочили, так как он вскоре начал на меня видеорегистраторную охоту.

Хотя, наверное, все началось даже раньше.

Взыскание

Вначале была шапка-ушанка.

Поймите меня правильно, я не пытаюсь оспорить основы Священного Писания. Дело вот в чем. По какой-то непонятной причине (вернее, причина ясна — это линейное строение извилин колониальной администрации) зэков понуждают ходить в шапках-ушанках, уши которых завязаны сверху. Вот так:

Это не очень удобно, так как вся верхняя треть головы в тепле, а нижним двум третям холодно. Особенно ушам. Особенно когда ветер.

Понятное дело, до этого идиотического требования не додумались наши законодатели (пока). Но администрация не очень разбирается в законных требованиях, а руководствуется в основном собственными представлениями о правильности и мнением об этих представлениях высшего руководства. Уши на ушанке должны быть привязаны сверху, чтобы зэчья масса была ЕДИНООБРАЗНОЙ. Это ведь только первый шажок — когда у ушанки уши опущены, а второй шажок — естественно, бунт с захватом заложников.

Зэки, понятное дело, найдут свой подход. Привязанные уши — значит, привязанные. Они просто переделывают ушанки, которые после этого становятся больше похожи на папахи.

Уши в данном случае становятся декоративным элементом и связываются навечно. Все довольны.

Парадоксально, что ушанка при этом становится шапкой НЕУСТАНОВЛЕННОГО образца, то есть как раз нарушает правила. Не говоря уже о том, что материал для папах-ушанок ворується на промке. Но это мало кого смущает.

Я, понятное дело, считал, что примерно одинаково дебильно выгляжу в папахе и стандартной ушанке с ушами на голове (в последнем случае еще и холодно). Поэтому уши я, естественно, сразу опустил вниз и прикрыл ими боковые части головы и ее тыл (эти части очень восприимчивы к угрюмому мартовскому ветру Среднерусской возвышенности).

Ну и начался типичный ад разговоров с руководством разных уровней (обычным инспекторам, естественно, плевать, что там у меня с ушами).

— Осужденный, шапку поправьте.

— Она в порядке.

— Поднимите уши.

(Как в страшном сне Гоголя.)

— Нет. Тогда в них дует.

— Сделайте как по установленному образцу.

— Шапка точно такая же, как в образце.

— Вот на стенде рисунок — там нарисовано, что уши у шапки должны быть завязаны.

— А еще там нарисовано, что шапка эта на каком-то гоблине. И ватник у него древний, в таких Беломорканал рыли. Что мне по этому поводу сделать? Ринопластику?

— Вот когда будет - 25, тогда и можете опустить уши.

(Это, видимо, в каком-то их внутреннем документе написано.)

— Нет, когда будет - 25, вы должны заставить всех подвязать уши под подбородком.

(Думаю, в этом их документе какой-то иной смысл, но говорю все максимально авторитетным тоном.)

На самом деле легче было бы поднять чертовы уши и через пять метров снова их опустить, но начальники, естественно, требовали совершить манипуляции с шапкой при большом скоплении зэков, а мне не с руки было нести такие имиджевые потери.

И вот шагаю я как-то раз в рядах з/к по направлению к пищеблоку, а ко мне подскакивает Помазков с видеорегистратором.

— Почему с нарушением формы одежды?

— Эммм. Нет нарушений.

— На шапке опущены уши!

— Ну, а шапка-то по образцу.

— Да?

— Да.

Было еще несколько таких же странных случаев. При этом он всегда появлялся неожиданно, с видеорегистратором на вытянутой руке (хотя мог бы, как обычно, прицепить его на камуфляжный куртец).

Стою я как-то с ХА около столовой, курю. Подскакивает Помазков:

— Осужденный Навальный, почему курите в неположенном месте?

Я даже растерялся сначала. Дело было на площадке, где курят зэки после еды, причем иногда человек по двести сразу. Смотрю на свою руку. В ней сигарета, скуренная до фильтра, уже погасшая. Видимо, я так стою уже какое-то время — заговорился. Показываю ему в видеорегистратор потухшую сигарету.

— А я и не курю.

Однако администрация сочла грандиозное правонарушение доказанным.

Через пару недель меня вызывают в воспитательный отдел. Перед этим начальник оперотдела, Чирков Роман Саныч, отводит в класс истории (там рядом расположена школа для з/к).

— Олег Анатолич, вы только не волнуйтесь, сейчас на вас наложат взыскание. Выговор. Это ничего страшного.

— Да я и не то чтобы волнуюсь.

— Вот, надо объяснительную написать.

Сажусь, пишу объяснительную — про то, что не курил. Меня ведут на комиссию. Объясняют, что нужно выйти в центр комнаты, сказать ФИО, статью, начало и окончание срока. Выполняю. Руки за спиной. Что за идиотский ритуал, думаю.

Понятное дело, объяснительная моя — формальность. Документы на взыскание уже подготовлены.

Начальник отряда докладывает, что так, мол, и так, прибыл оттуда-то, где нарушений не допускал, а тут допустил — курил, где курить НЕМОЖНО.

Спрашивают, что могу сказать по существу. Говорю то же самое, что написал в своей объяснительной.

Председательствует Розоворожий (aka Поросенок, aka Señor Cerdito, aka начальник колонии). Говорит:

— Выносим вам выговор, чтобы вы понимали, куда попали.

— Мне кажется, я так стал понимать еще меньше. Взыскание несправедливо. Буду судиться.

— Ваше право.

— Вот именно. Буду судиться по каждому взысканию.

Справка для непосвященных. Для того чтобы освободиться по УДО не обязательно, но, по судебной практике, крайне желательно иметь положительную характеристику от колонии. Чтобы иметь положительную характеристику от колонии, нужно не иметь непогашенных взысканий и иметь кучу поощрений. В принципе, понятно, что УДО мне не светило. Формальная база для этого была обеспечена уже через несколько недель после моего прибытия в ИК-5. Кстати, что имел в виду Поросенок, когда говорил «чтобы вы понимали, куда попали», я так и не понял. А сидеть мне, когда я пишу эти строки, осталось 19 недель.

Библиотека

Напомню, что по договору администрации с блатными меня временно устроили на работу библиотекарем. Сам я при этом продолжал мечтать о карьере краснодеревщика.

Торжественное трудоустройство состоялось на комиссии в комнате воспитательной работы, сама библиотека располагалась от нее через коридор. Убранство библиотеки было скромным. Тюремная легенда гласит, что прежнее двухэтажное здание и его содержимое (вплоть до древних фолиантов) сгинули во время пожара. Теперь храм литературы располагался в комнате площадью 25 квадратных метров и вмещал в себя:

— стеллажи книжные — 9 шт.;

— книги разные (в основном пожертвованные зэками и районной библиотекой) — около 4500 шт.;

— мягкий уголок для читателей — 1 шт.;

— огнетушитель — 1 шт.;

— тумба под аквариум — 1 шт.;

— аквариум — 1 шт.;

— стойка — 1 шт.;

— табуреты — 3 шт.;

— стол библиотекаря — 1 шт.;

— библиотекарь — 1 шт.

Последний пункт — это не я. Это Артем. Понятное дело, до моего торжественного появления в ИК-5 была библиотека, а при ней, соответственно, библиотекарь. С моим появлением ничего не поменялось. Просто нас стало двое.

Можно было бы подумать, что библиотечный труд настолько интенсивен, что один Артем справиться был не в состоянии, поэтому ему на помощь выслали тяжелую кавалерию. Не совсем так. Функции библиотекаря:

— вести учет библиотечных карточек з/к, отмечать в них книги, которые взяли и вернули;

— собирать заявки на подписку на газеты и журналы;

— по требованию комиссии по воспитательной работе выдавать справку о том, является ли зэк читателем (что, видимо, говорит о его активной социализации);

— носить книги в ПКТ, СУС и ШИЗО, обеспечивая злостным нарушителям одинаковые с прочими з/к права на доступ к библиотеке.

Я считался потенциально дестабилизирующим элементом, и, видимо, поэтому пускать меня к вечно недовольным и угнетенным сидельцам «под крышу» не хотели. Эта функция была

закреплена за Артемом, мне же следовало выполнять первые три. Конечно же, я все упростил — решил использовать библиотеку по назначению и стал там просто читать.

Читательские билеты служат двум целям.

Цель № 1— следить за тем, чтобы книги возвращали вовремя.

Цель № 2 — доказать, что зэк читает, в случае, если он подает прошение об УДО или смягчении наказания.

Ну, следить за тем, возвращают ли книжки вовремя, я был не намерен, поэтому где-то через неделю перестал что-либо отмечать. Какая разница, где книги, если они все равно внутри забора. Хорошую книгу зэки будут беречь и давать почитать другим. Плохую — изведут на самокрутки, подстилки или вернут в библиотечное лоно. То есть никакого смысла в ведении учета нет.

Как нет его и в цели № 2. Поскольку чтение — даже не чтение, а простой факт взятия книги, — об исправлении зэка ничего не говорит, а является тупым формализмом, я и относился к этому формально — щедро раздавал читательские билеты, в которых зэки могли указать, что читают в объемах выпускника филфака МГУ. Тем, кто не умел писать по-русски, помогал и отмечал, что в такие-то даты такие-то книги были взяты, прочитаны и сданы.

Если обобщить статистику того времени, окажется, что в Средней Азии очень любят русских классиков и почему-то Маяковского. А все, кто стремился выйти по УДО, неизменно оказывались в классе активно читающих.

В результате библиотека стала зоной совершенной демократии. Арестанты сами по себе копались в книжках, а те, кому это было нужно, вели формальный учет.

В том, что библиотека работает с 9 до 18, тоже не было совершенно никакого смысла. Осужденные могли в нее попасть только в два временных окна:

— по дороге в столовую на обед (около 12);

— по возвращении с работы (с 16 до 18).

В остальное время книгохранилище посещали два с половиной калеки — один и тот же контингент, состоявший в основном из старичков со строгого режима и больных, которых освободили от работы. Да и те в основном заходили, чтобы поточить лясы или забрать пришедшую на их имя периодику.

Впрочем, и в часы посещений в библиотеке не было великой ажитации. Свободное время преступники предпочитают тратить на:

— спорт;

— сон;

— еду;
— азартные игры;
— темные делишки;
— залипание в «Одноклассниках», «ВКонтакте» и т. д.

Артем появлялся в библиотеке только в указанные часы, а остальное время проводил по своему усмотрению (см. список выше). Мне же, как лицу подконтрольному, приходилось в рабочее время зависать в библиотеке. Там я читал, рисовал, писал ответы на письма или тупо спал в мягком уголке.

За мной, естественно, поставили шпионить зэка — обиженного, закрепленного за сооружением, где располагались воспитательный отдел, школа, ПТУ, православный храм, клуб и библиотека. Тот периодически заглядывал под всякими идиотическими предлогами.

— А можно взять посмотреть подписной каталог за прошлый год?

— Можно воспользоваться электрической розеткой и вскипятить воду?

Через несколько дней я пообещал ему, что, цитирую, «разобью ему башню огнетушителем, если еще хоть раз увижу», после чего слежка ограничивалась тем, что он смотрел, кто приходит ко мне в гости. А гостей скоро стало много.

Все приходили пожаловаться на беспредел судебной или пенитенциарной системы. Вообще, я был уверен, что все преступники, оказавшись за решеткой, становятся профи в уголовном процессе. Там ведь ничего сложного: 99 % нормативной базы состоит из двух небольших кодексов, а любые толкования можно посмотреть в сборнике постановлений пленума Верховного суда. Но я ошибся. Не учел, что зэки в основном тупые и ленивые. Так что любого арестанта, который мало-мальски разбирается в праве, сразу одолевают просьбами написать жалобу на суровый, несправедливый или незаконный приговор. Написанием этих жалоб я занимался с превеликой радостью. Приговоры, как правило, похожи на остросюжетные романы, время хорошо убивается, да и писать не особо трудно.

Помимо этого, с каждым днем становилось все очевиднее, что конфронтации с руководством колонии избежать не удастся. Поскольку на работе и в общежитии я содержался в стерильных условиях, мне следовало собрать компромат на администрацию, общаясь с недовольными з/к (а довольных, собственно, и не было).

Но тут прорыва не случилось. В основном были байки и очевидные нарушения вроде избиений в прежние времена, нарушение норм питания, отсутствие медицинской помощи,

благоустройство и бытовое оснащение общежитий за счет зэков, мухлеж с зарплатами. Для того чтобы понимать, что такие нарушения есть, даже садиться не обязательно. Прокуратура по надзору покрывает администрацию, доказать это все мегасложно — нужно организовать приезд какого-то внутреннего управления КРУ ФСИН. При этом необходимо, чтобы у ревизоров была задача найти нарушения. Короче, нужны либо железобетонные письменные или видеодоказательства, либо какая-то огромная публичная шумиха.

В принципе, тут-то мне и стало понятно, почему меня не пустили в промзону. Помимо полного жесткача с трудовыми условиями (отсутствие вентиляции в производственных цехах, пожароопасность, как в аду и т. д.) швейное отделение ИК-5 в полный рост занимается производством контрафактной продукции и продает товар по очевидно заниженным ценам.

Вовлечение в работу сотен людей невозможно без учета, и даю гарантию 146 %, что, попади я в промзону, обязательно захватил бы черную бухгалтерию и получил много необходимых деталей. Зэки нормально описать происходящее там не могли: «Ну, шьем и шьем».

Максимум, что мне удалось получить со своей шпионской сети, — это бирки, которые крепились на пошитые вещи. На них указывалось, что товар произведен в Санкт-Петербурге. Попахивает коррупцией.

Что касается остального, один зэк дал мне данные о поступлении продуктов в столовую (фактически и по документам). Еще я собрал какое-то количество чеков на мебель и технику, которые зэки покупали себе в бараки. Короче, ничего серьезного, но я ждал, пока ко мне попривыкнут, — и тогда фактуру будет легче пощупать. Чувствовал ли я себя диверсантом в тылу врага? Не буду врать — немного чувствовал.

Помимо того что я игнорировал требования должностной инструкции библиотекаря (более глупого документа в жизни не видел), я решил сделать саму библиотеку местом более практичным. Оказалось, что она идеально подходит для хранения различных предметов.

Стеллажи были железные, сделанные из сваренных углов. А специалист, который работал с металлоискателем, — Быткин Александр Сергеевич, более известный как Пушкин, — был никаким не специалистом, а обычным деревенским лопухом. Найти драгметаллы, содержащиеся в телефонах, в скоплении железных стеллажей он не мог. Первая полка на стеллажах располагалась сантиметрах в восьми над полом, то есть проверить, что под ней, можно было либо пошарив там рукой,

либо уж совсем припав к полу. Ни того ни другого менты во время шмонов никогда не делали.

Как известно, лучший тайник — это тайник на виду. Поэтому свой телефон я просто положил под стеллаж в углу библиотеки, а несколько флешек и сим-карт держал под оргалитом, который служил основой для полок.

Как-то раз, когда я вернулся с длительного свидания, мне сказали, что в библиотеке был шмон (доселе дело невиданное). Я зашел в комнату и увидел, что они перерыли кучу книг, посрывали панели со стен и т. д., но эти дебилы просто не догадались заглянуть под стеллажи. Шмоны потом были еще несколько раз — и всегда с одним и тем же результатом.

Когда выяснилось, что будет глобальный обыск лагеря, на который даже должны были приехать десять сотрудников из других колоний, ко мне из жилой зоны принесли кучу телефонов. Я заботливо разложил их под стеллажами, и они успешно пережили шмон. Хех, я король запретов!

У библиотекаря был и свой символ власти — печать библиотеки ИК-5. Эта печать на книге и в журнале учета (который никто не вел и в который никогда не заглядывали) делала издание собственностью колонии.

Вообще, по закону зэк имеет право владеть десятью книгами (не считая книг для обучения). Но сотрудники режима, а особенно начальник отдела безопасности Пилюгин Евгений Викторович (aka Боцман), во время обысков изымали любые книги без печати и зачем-то отдавали их кочегару бани — на сожжение. По возможности Капо приносил эти книги мне. Особенно Боцман лютовал по поводу исламской литературы. Где-то в районе 2013 года в ИК-5 стали приезжать зэки с корнями на Кавказе и в Средней Азии, а вместе с ними появились и такие книги, в том числе на арабском языке. Боцман как явный фашист, видимо чувствовавший себя защитником православия, эту литературу уничтожал. Возможно, в детстве его били книгой по разным местам. Мне кажется, при приеме на работу в УФСИН нужно проводить психологическое тестирование на эту тему.

Но в библиотеке эта и любая другая литература с успехом легализовывалась. Поток людей с Коранами не иссякал. Интересно, что происходило с Боцманом, когда он видел печать ИК-5 на книге с арабской вязью. Наверное, у него в голове срабатывал простой триггер: увидел печать — дальше можно не думать. Помимо религиозных книг я легализировал любовно-порнографические романы и даже распечатанные на листах А4 книги явно экстремистского содержания (уж не знаю, как они попадали в колонию, — наверное, печатались на принтерах где-

нибудь в промзоне).

В книжках нет ничего страшного. Я с одинаковым чувством поставил бы печать на сказках Джанни Родари и «Майн кампф». Книги не убивают людей — люди убивают людей.

Фольклор

При всей брутальности некоторых тюремных персонажей, иногда они могут являть миру примеры дичайшей сентиментальности. Например, они собирают в тетрадочки тюремные стишки! Нет, серьезно, прямо как мои одноклассницы в школе. Только тематика стихов — криминальная, а рисунки — сплошь черепа и колючка.

Эти рукописные труды тщательно сохраняются и пополняются достойными образцами, если таковые попадаются на тернистом пути з/к. Ниже представлено содержание тетради одного бродяги. Когда она попала мне в руки, я попросил Артема, «непорядочного» зэка, с которым сидел на СУСе, переписать несколько стихов. Поражала, конечно, реакция некоторых зэков, которые искренне считали все это высокой поэзией. Сам не переписывал, потому что, черт, я так и не смог заставить себя прочесть хотя бы одно стихотворение до конца. Изучив по диагонали несколько штук, я за пару минут написал стих для новогодней тюремной сказки (которая впоследствии была опубликована в самиздате «Батенька, да вы трансформер»).

Дед Отморозок

Подо льдом, в макушке мира,
Там, где нет тепла марух,
Чалится дедок-задира,
Отморозком все зовут.
В Новый год, как только полночь,
Выбивая тормоза,
Дед фартовый давит сволочь,
Становяся на хода.
Усадив в мешок хозяйку
И приев его в тайге,
С ходу грабит продуктовый
И везет грева братве.
Ландыри, чифир, курёху
Всем порядочным несет.
Ножевые прямо в брюхо
Сукам с ходу раздает.
Ну и рано-ранним утром,
Затроит лишь солнца луч,
Принимают Деда хмурым
Множество ментовских куч.
Но не страшат его ОМОНы,

Минует год — и снова он
Сбежит из самой страшной зоны,
Гревов чтоб совершить разгон
И мульку тусануть братве:
«С Новым годом, АУЕ!»

Артем сказал, что стих, цитирую, «охуенный», и попросил его для своей тетради. Боже, боже. Вот к каким стихам присоединился мой «Дед Отморозок» (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

Вот человек, он всем доволен.
И тут берёт его в тиски
Потребность в горечи и боли
И жажда грусти и тоски.
Ну кто сказал что зеки звери
Что чуждо им любить страдать
Что Души в тюрьмах очерствели
Вам никогда их не понять
Вам не понять их тяжких судеб
О чём мечтают, чем живут
Как с болью в сердце засыпают
Надеясь, что их дома ждут
Не плач отец, что твой сын Бродяга
Пусть плачет тот чей сын петух.
Когда нибудь и ты поймёшь
Как я тебя любил
Ты на коленях приползёшь
А я скажу забыл.
Всю жопу разорвал бы в кровь
Тому кто выдумал любовь
Такую что сердце сжигает
Козел тот ёбаный не знает
Что бабы все ну как одна блядище
Им хуй в обхват да денег тыщу
Да с ёбарем бы на юга
А ты давай носи рога
Но и ебешь с утра до ночи
Коль любишь ахуенно очень.
Не нужен судья, адвокат и прокурор
Главным законом является Вор
Здесь любят, надеятся, верят и ждут
Стихи сочиняют и песни поют
Здесь нужно за слово своё отвечать

За здешний закон, здесь строгий закон
подонка и гада ждёт свой приговор
Здесь так же живут а порой умирают
И так-же порой народ убивают
Закон преступив здесь сего соблюдают
Здесь так-же смеются и так-же рыдают
Здесь в нарды играют и пайку дают
И молятся богу и бога клинут.
Сижу я словно в сказочной стране
Где нет решёток на окне…
И тихо ангел шепчет мне
Брату ты гонишь, ты в тюрьме.
Нам не нужны льготы и политика
Кровавого блока кремля
У нас свои законы, принципы и традиции
Которые мы обязаны свято чтить
Ибо они созданы во имя самого человечного мира
И не идут во премии человеческой души
А так-же задумайся что на протижении
Прошлого столетия
В БУРах, ЗУРах, ШИЗО, КАРЦРАХ и КРЫТАХ
Погибла многочисленная Масса —
Души Бродяжны и Арестантов поддерживающие
Воровские Законы, принципы и традиции
Все они отдали свои жизни ради —
Процветания Воровской Идеи и во Имя Благого
Узников находящихся в Лагерях и
Тюрьмах по всей России и по сей день —
Вечная память во-все времена!!!
Писать красиво не умею
Здесь и ошибки могут быть
Ты пойми родная что без ошибок
На свете невозможно жить.
Пройдут года, придёт свобода
Возьму любимую тетрадь
И пробегу по ней глазами
Она напомнит всё что было
И буду снова вспоминать
Этапы, шмоны, лагеря
И как сидел я на централе
Прошу закрыть тетрадку эту
И не для вас всё это я писал.

Оптимизация

Сказать, что я никак не потрудился на благо библиотечного дела, было бы несправедливо. Когда меня совсем уже достали вопросами: «Такая книга есть?» — я решил разобраться, какое чтиво есть в хозяйстве. В планах у меня была полноценная производственная оптимизация, с формированием электронного каталога, по которому з/к могли бы искать литературу. Я пошел к начальнику воспитателей Василевскому — огромному, вечно хохочущему мужику — и хотел взять у него ноутбук, чтобы сделать файл с описанием наличествующих книг. Тот испугался и предложил вести тетрадочку. Идею с тетрадочкой отверг уже я. Это какой-то архаизм и каменный век, а не лучезарная оптимизация.

Короче, в результате я решил тупо перебрать всю библиотеку. Делать это вручную было бы слишком, поэтому я прибег к помощи Хохла и Спайса, двух дневальных из моего отряда. Как можно догадаться, оба сидели по «народной» 228-й статье (Спайс — за спайсы, Хохол — за траву). Хохол, кстати, до того, как попасться с рюкзачком конопли, был военным беженцем — слился из Донецкой области, поскольку не хотел воевать ни за ДНР, ни за украинскую армию.

Сложнее всего оказалось обучить двух торчков определять, что за книжка у них в руках, не читая ее полностью. Казалось бы, обычному человеку достаточно прочесть аннотацию, чтобы установить:

— жанр книги;

— происхождение автора;

— современная это литература или классическая.

Именно по этим простейшим критериям я решил зашарашить сортировку.

Хохол оказался безнадежным: он мог только виновато улыбаться и переносить предметы. А вот Спайс худо-бедно соответствовал требованиям ликвидатора библиотечного хаоса, хотя мне все равно приходилось отвечать на его внезапные вопросы:

— А Монголия — это Америка?

— А Пушкин — это классика?

— А стихи — это роман?

Оказалось, что на 60 % библиотека состоит из книг про ВОВ, поднятие целины и покорение Крайнего Севера советскими студентами, а временами и геологами. Судя по всему, когда районная библиотека делилась фондами с лагерной, она отдала

самый нечитаемый трэш, разбавив его писателями Орловщины. А край в смысле писателей очень плодородный. Куда ни плюнь — Лесков, Фет, Тургенев, Тютчев.

Больше всего меня удивили самоучители, которых в книжной массе оказалось огромное количество — набрался целый стеллаж. Были пособия по собиранию грибов, выращиванию цветов, разведению кроликов, художественной ковке, мастерству сантехника, основам укладки черепицы, работе с силовыми агрегатами и многое другое. По-моему, самые годные книги во всей библиотеке. Но, черт возьми, зачем в тюрьме руководство по разведению кроликов? Уже потом я узнал, что кроликов раньше разводили на хозяйственном дворе — видимо, какой-то работник и обзавелся.

С помощью Хохла я переставил стеллажи поудобнее, чтобы можно было подойти с обеих сторон. Но так как раньше стеллажи у стен выполняли роль своего рода отстойника, где все было свалено «чтобы забыть», разместить все книги на стеллажах, сделанных по принципу «чтобы читать», не получилось. От части нужно было избавиться.

Собрав два мешка дублирующихся экземпляров, я отправил Спайса и Хохла в кочегарку, чтобы их сжечь. Да, сжечь. Нельзя сжигать книги, если не согласен с ними, но можно сжигать книги, если они полный отстой. Впрочем, я все-таки попросил Капо перед аннигиляцией просматривать книги — на случай судебной ошибки. Капо вернул только одну книгу Цвейга. Стефан Цвейг попал в компанию книг, прославляющих достижения пятилеток, по ошибке. Если читатель вдруг не уснул во время полной приключений библиотечной части, то мог заметить алогизм: зачем я хотел сделать электронный каталог книг? Как бы его потом использовали зэки? Как говорится, doc-файл силенкой не запустишь. Все дело в «столбике».

Одной из задач уголовно-исполнительной системы является ресоциализация, которая в свою очередь включает помощь в трудоустройстве лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы. Эту работу делал «столбик». Такой же, как терминал по приему платежей — антивандальная железная фиговина с тачскрином и системным блоком внутри. Единственный смысл «столбика» (который почему-то стоял в библиотеке) был в том, что на нем стояла программа для поиска работы на воле. По идее, там можно было найти вакансии, разбитые по специальностям, возрасту, уровню образования и т. д. Но когда зэк, твердо вставший на путь исправления, хотел узнать чуть больше деталей (например, уровень зарплаты), на монитор неизменно выводилось сообщение, что всю интересующую информацию можно получить

в службе занятости по такому-то телефону. Очень, блин, полезная штука. Кроме того, я ни разу не видел, чтобы данные там обновлялись.

Библиотечный каталог я хотел загрузить именно на этот компьютер, прозябающий в недрах «столбика», — чтобы хоть как-то оправдать его существование. Впрочем, потом я придумал, как еще можно использовать «столбик». После быстрого ресерча выяснилось, что он в состоянии проигрывать музыку. Оставалось только вскрыть сейфовый замок на «столбике» и закачать через флешку музла. Я уже предвкушал, как атмосферу спокойствия библиотеки ИК-5 будут поддерживать Slipknot и «Гражданская оборона».

Как открыть замок? Очень просто. Я же в лагере, а здесь очень много людей, которые сидят именно за то, что открывали замки. И я отправился на поиски медвежатника. Первый кандидат оказался псевдомедвежатником: после исследования замка он предложил его просто выпилить. Это не соответствовало целям операции «тонкая музыкальная пенетрация», поэтому пришлось искать другого медвежатника.

Но музыкальной мечте не суждено было сбыться. В день взлома меня отправили в СУС, и больше я «столбика» уже не видел. Что с ним теперь сталось? Ничего. Все так же бесполезно стоит, воплощая суть воспитательного процесса уголовно-исправительной системы Российской Федерации.

Ущерб

Тем временем администрация зачем-то решила наложить на меня как можно больше взысканий. Как я понимаю, обо мне периодически появлялись какие-то материалы в интернете — иногда на основе моей переписки. Когда я прибыл в ИК-5, Бро запостил мой адрес с призывом писать узнику совести. Пошли письма. Администрация же, видимо, не хотела никакой публичности — и давала это понять путем наложения взысканий. Но это все гипотеза, которую я додумал сейчас, основываясь на последующем опыте. Тогда я ни хрена не понимал.

Как-то сижу в сушилке часов в десять вечера, отвечаю на письма. Приходит на просчет Николаич — ключник, низшее звено в вертухайской иерархии, инспектор, который весь день ходит по зоне и открывает зэкам локальные участки. Сейчас Николаич сделал головокружительную карьеру и протирает штаны в кадровой службе. А тогда он просто зашел в сушилку. Я, не отрываясь от писем:

— Николаич, чего тебе?

— Осужденный, была команда «отбой».

Я недоуменно смотрю на него: что за интонации? Ключник скашивает глаза на видеорегистратор.

— А-а-а-а-а. Отбой уже? Ну, что-то я засиделся. Пойду.

На следующий день начальник отряда приносит рапорт: находился не на спальном месте после отбоя. В возражениях пишу, что на самом деле я просто пошел в туалет ночью, но поскольку правила всегда обязывают быть в тюремной робе, я пошел в сушилку, чтобы одеться. Меж строк ставлю глубокий философский вопрос: что надо было делать — сходить в туалет непосредственно на спальном месте или расхаживать по общежитию (не приведи господь!) без робы? Через неделю выносят взыскание — второе.

Что происходит, я не очень понимаю. Но главное — время, отведенное на то, чтобы я «пока пожил в 8-м отряде», уже вышло, и я пытаюсь попасть на встречу к заместителю начальника колонии по безопасности Гревцеву Геннадию Александровичу, персонажу, которому будет посвящена отдельная глава. Он отгораживается и избегает меня.

Я стал рассуждать так: если Магомета не пускают к горе, то надо вынудить гору позвать к себе Магомета. Иду в телевизионку и рисую там картину во всю стену — голую телку верхом на быке (не спрашивайте, почему именно такую, я и сам не знаю).

Знаете, что происходит? Ничего не происходит. Наверное,

для многих тюрем та еще невидаль — голая бабища во всю стену. Но в Орловской области пунктик на эту тему: любой несанкционированный рисунок сразу же закрашивается, то есть настенной росписи тут не существует как явления. Например, сейчас, пока я пишу эти строки, развлекаюсь следующим образом: ночью делаю рисунок на одной из стен — в восемь утра приходят зэки из стройбанды и закрашивают. Вроде бы победа вертухаев над искусством. На самом деле — нет. Их краска всегда одного цвета, но разных оттенков. А я рисую так, чтобы в итоге получалось много красиво расположенных прямоугольников. Зэк, который закрашивает, по-моему, понял мой замысел и тоже как бы рисует вместе со мной на стенах.

Ну а тут после моего рисунка в телевизионке не происходит ничего. То есть совсем. В четверг — ничего. В пятницу — ничего. В выходные — тоже ничего. А в понедельник — глобальный шмон.

Приезжают сотрудники из других колоний, переворачивают вверх дном всю зону. Ничего, конечно же, не находят (кроме нелепых случайных вещей). Администрации ИК не выгодно, если чужие что-нибудь найдут, — это их подработка, поэтому о глобальном шмоне зэков заботливо предупреждают. Так не только в ИК-5 делают, а вообще во всех централах и зонах. В общем, мероприятие крайне тупое и неэффективное. Напомню вам, что за эту глупость платит не тетя Маня. Вернее, наоборот, как раз таки тетя Маня — вместе с прочими российскими налогоплательщиками.

В восьмом бараке шмона нет, зато телевизионку посещает все руководство (из других колоний, наверное, тоже). Человек сорок сходили на экскурсию посмотреть на укрощение быка. Со всех баландеров начали собирать объяснительные.

Прежде чем приступить к творчеству, я выгнал всех из телевизионки, чтобы зэки потом могли с чистой совестью написать, что не видели, кто рисовал. Конечно, это не помогло, — трое написали, что видели. Один даже зачем-то уточнил, что под быком я имел в виду Гревцева и вообще призывал резать актив.

Я, в свою очередь, причастность к картине отрицал. Однако осторожно намекал, что никакого ущерба собственности нет, а есть только радость для глаз, и телка на быке куда красивее, чем Микула Селянинович, вспахивающий лес на уродливой таксе, в нашем локальном участке.

Объявили выговор и подали иск на компенсацию ущерба: 66 рублей и 54 копейки.

Бродяги

Мне надо было решить вопрос с моим проживанием и работой на промке. Менты со мной говорить не хотели, блатные твердили мантру «надо подождать».

В начале апреля случилось невиданное событие — в ИК-5 приехали двое бродяг. Как гласят воровские прогоны, бродяга — это без пяти минут вор. Поэтому царила жуткая ажитация. Все было сильно похоже на оттепель. В лагере, который недавно был «красным», отменили «тряпку», а теперь приехали волхвы мира воровского. Все ожидали, что лагерь будет разморожен, и предвкушали, как говорится, черный ход — пароход.

Тут нужно слегка обрисовать криминальную обстановку в Орловской области. Точными знаниями на этот счет я не обладаю, но зэки утверждают, что с пятидесятых годов на территории области не было ноги ни одного вора в законе. Ну, то есть нога-то, наверное, была, но никто из воров тут не трудился, поскольку желающих сразу же закрывали. АУЕ-сообщество устроено так, что кто-то обязательно должен нести ответственность за территорию, поэтому в Орловской области есть положенец — некий Маратыч. Легендарная в узких кругах личность (много где посидел, включая Магаданскую область). За положением в Орловской области Маратыч смотрел из Республики Кипр. Там, видимо, безопаснее и климат поприятнее.

А тут целых два бродяги! На практике, конечно, далеко не все бродяги становятся ворами, а то их было бы слишком много. Не выдерживают стремящиеся в воровскую семью тягот тюремной жизни — ну или не хватает знакомств в авторитетной среде, чтобы короноваться. Кроме того, бродягой стать несложно. Нужно просто им назваться, чтобы потом несколько других бродяг или один вор подтвердили, что делают тебя бродягой.

Знаю, знаю, вы сейчас наверняка читаете это с выражением лица «да что за херню он несет». Тюремная жизнь в сухом остатке, записанная на листочек, очень похожа на сценарий детского утренника. Уж и не знаю, что с этим делать.

Ну так вот, приехавших бродяг звали Гело и Башир. Гело — грузин, Башир — вроде ингуш, хотя фамилия у него Боров. Интересно, знает ли он о вокалисте «Коррозии металла»? Я так не думаю!

Вечер. Поскольку карантин — по соседству с восьмым отрядом, общаюсь через забор с Баширом. Он обо мне знает, так как был смотрящим на Орловском централе, когда я находился там проездом. Кроме того, по моему поводу ему звонил какой-то

Петруха, о котором я, судя по всему, должен знать, но не знаю. Петруха отзывался обо мне как о достойном арестанте. Позже, когда я рисовал иллюстрации для книги Ольги Романовой про тюрьму, я узнал, что Петруха — чел из «Руси сидящей», который из з/к переквалифицировался в правозащитника. У него серьезный опыт пребывания в системе, ну и связи хорошие. Короче, чувак сделал годное дело — похлопотал за узника совести перед криминалитетом.

Я тогда как раз решил обеспечить в области законный порядок получения передач зэками. По закону арестанту раз в определенный период времени, в зависимости от режима содержания, положены продуктовые передачи. Передавать их может кто угодно. Администрация ИК-5 придумала очень простую штуку: чтобы получить передачу, зэк должен написать заявление с указанием, кто передает. Если зэк плохо себя ведет, или плохо работает, или просто рожей не вышел, ему это заявление не подписывают. Можно, конечно, пожаловаться в прокуратуру, но за это придется либо получить резиновой палкой, либо провести много пятнашек в карцере. Никто на такое ради харчей идти не хочет. Заявления — отличный способ манипулировать зэками. Даже если найдется один, готовый пожертвовать передачами ради справедливости, заявления не будут подписаны всем остальным, а зэки уже сами разберутся.

Короче, я решил, что нужно лишить ментов этого метода управления. Только-только озадачился, а тут двое бродяг, первый день в лагере, просят меня не кипишить по поводу посылок. Понятное дело, инфа от ментов, ни один з/к об этом пока не знает.

Встречаюсь на следующий день с Баширом и Гело. Они не пожимают мне руки. Объясняют, мол, не по жизни, потому что я — шерсть. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Я полностью деморализован. Пытаюсь объяснить всю сложившуюся конструкцию, но это непросто: Гело не очень хорошо говорит и понимает по-русски, Башир не очень хорошо слушает, так как в основном говорит сам. Но в итоге они мне сказали, чтобы я не волновался и что мой вопрос решат.

В жилзоне лагеря бродяги пробыли пару недель. В шестом бараке находились барыги, которые торговали спайсом. Если помните, отношения с этим наркотиком у криминального мира сложные: запретить запрет нельзя, но рекомендуется воздержание. На практике все желающие, конечно, покуривают, но делают это скрытно, под угрозой того, что в любой момент за такой поступок могут «получить как с понимающего». Башир, Гело и собранная ими бригада солдат зашли в шестой барак и

всех подряд там избили. Я не уверен, что все было сделано в идеальном соответствии с арестантскими нормами, поскольку били без разбору и ногами, а ногами можно бить только обиженных. После этого бродяг отправили в долгое путешествие между БУРом и СУСом — в жилой зоне они больше не появлялись.

Понятное дело, блатной экспедиционный корпус на самом деле был подготовлен ментами — как бы иначе группу качков пропустили в отряд, где живут зэки из хозобслуги? Для этого надо минимум несколько локальных участков открыть. А так получилось очень удачно: и барыги напуганы, и бродяги изолированы.

Я тем временем пошел к блатным лагеря выяснять, шерсть я все-таки или не шерсть. Блатные заверили, что нет, ибо шерсть — это имя, а имя может дать только вор, но не бродяга. Ну и начали разные бродяги со всей страны заходить в лагерь и разбираться в этом вопросе. Блатных хлебом не корми — дай порамсить. В результате Башир и Гело сказали, что я их не так понял и шерстью они меня не называли. Но и братом тоже не назвали. Короче, неопределенность бесит ужасно.

Со временем неопределенность становилась все более пугающей. Я так долго пробыл в отряде, что приобрел там статус представителя криминального мира. Баландеры обращались ко мне как к арбитру, а некоторые даже называли единственным мужиком в бараке, чем меня немало смущали. Все же я к криминальному миру имел такое же отношение, как Пол Пот — к благотворительности. Честно говоря, позиция смотрящего за баландерским отрядом меня совершенно не привлекала. Но, так или иначе, зэкам, которых пытались закинуть в восьмой отряд, советовали там обращаться ко мне. Я объяснял, что заходить в отряд не надо.

Это был какой-то маразматический ритуал. Пару зэков заводили в локальный участок. Они там резали себе вены. Их уводили в санчасть и перевязывали, а потом поднимали в людской отряд. Все происходило рутинно, как на конвейере. У меня даже были заготовлены станки, и тем, кто не хотел подниматься в отряд № 8, я их выдавал для членовредительства. Резались они при этом скорее символически (есть такие места на предплечьях, которые можно порезать без особого вреда). Такая проверка зэка. Но выглядит крайне тупо. Какой-то гребаный пионерский лагерь «Лопушок», а не вселяющая ужас русская тюрьма.

Распорядок

Хожу я себе, брожу по лагерю. Вернее, по паре сотен метров продола: из барака в библиотеку, из барака в столовую.

Кстати, вот прикол про столовую. Чего туда ходить. Все равно не ем, лица одни и те же. Разговоры после третьего раза ходят по одному и тому же кругу. Больше всего раздражало, что з/к, хоть я им миллион раз все объяснял, считали меня каким-то то ли олигархом, то ли депутатом (а я ведь скорее наоборот) и донимали вопросами типа: «А чо слышно за амнистию?» «А чо там про день-за-полтора?» (система пересчета срока заключенных, которую отменили при посадке МБХ, когда сутки в СИЗО приравнивались к полутора суткам на зоне). Надежда в зэке неистребима, поэтому одни и те же чуваки могли задавать одни и те же вопросы по много раз. Еще возникали волны недовольства, когда где-то рождался слух о том, что спайс больше не наркотик или можно каждые полгода писать надзорную жалобу в Верховный суд.

Так или иначе, через пару месяцев таких полезных консультаций я сократил количество праздных прогулок до необходимого минимума. Ходил в столовую, только если с кем-то надо было переговорить персонально.

Как-то днем звоню своему институтскому другу, известному в узких кругах как Зяба. Трещу с ним ни о чем.

— Ну и чего ты сейчас делаешь?

— Не поверишь, Андрюха, с тобой говорю.

— А вообще?

— А вообще сейчас обед. У кого есть нечего, в столовую ходят.

Такой вот разговор «про-носки-про-пряники». Днем позже встречаю Поросенка (он же начальник колонии Ю.Ю. Афанасьев).

— А вот вчера в 11:37 вы говорили с Андреем Зябликовым и хвастали, что не ходите в столовую.

Это он своей осведомленностью кичится, презренный полуфабрикат хамона.

— Ну, не то чтобы хвастал, просто по фактам прошелся.

— В столовую ходить надо.

Этот разговор тоже вышел не то чтобы сильно содержательным.

Но вот вскоре, во время какого-то очередного приема пищи, лежу я в бараке, и тут фишка орет:

— ДЕЖУРНЫЙ К НАМ!

Лирическое отступление. *Фишка — это стратегически важный зэк, который сообщает о приближении опасности в виде мусарского спецконтингента. Фишка должен быть бдительным и обладать функцией распознавания лиц. Всех ментов он должен делить на категории:*

— отрядник (начальник отряда);

— дежурный;

— режимник (сотрудник отдела безопасности);

— оперативник;

— управа (любой сторонний сотрудник);

— прокуратура;

— сотрудник (любой иной чин);

— персонифицированные менты (начальники и их замы).

Отдельно громко орут, если движется шмон-бригада или ОМОН в обмундировании: «МАСКИ К НАМ!»

Если приходит группа лиц, перечисляются все наблюдаемые виды. Более того, движение ментов путируется. В 8-м бараке это звучит не очень интересно. Он маленький, поэтому орут только «К НАМ» или «УШЕЛ». А вот в Китае два подъезда в здании, несколько этажей, и перемещение ментов фиксируется системой фишек, рассаженных по точкам наблюдения.

Например, решил Пушкин сходить в Китай. Крики будут такие:

— Быткин на продоле! (То есть увидели, что он просто идет по зоне.)

— Быткин у локалки!

— Быткин в локалке!

— Быткин ко второму подъезду!

— Быткин на третий этаж!

— Быткин в распалаге!

А потом в обратном порядке.

Теперь представьте, что каждый крик дублируется следующим фишкой по цепочке. Примерно такого же эффекта можно добиться, если бросить яблоко в ветви дуба, сплошь усаженного воронами.

Понятно, что при такой сигнализации никакого эффекта неожиданности у ментов не получается. Пока Быткин дохромает до барака, можно спрятать все, что нужно спрятать. Но вернемся к основному повествованию.

— ДЕЖУРНЫЙ К НАМ!

Входит дежурный. Идет ко мне.

— Осужденный, время приема пищи. Проследуйте в столовую.

В бараке есть еще несколько зэков, но к ним подобных требований не предъявляют. Ни хрена не понимаю, но не сильно удивляюсь — состояние «ни-хрена-не-понимаю» стало уже довольно обычным. Одеваюсь. Иду. Думаю: может, это какой-то зэк попросил мента, чтобы меня провели до столовой. Там все как обычно. Думаю: что за дебилизм тут вообще творится?!

В следующий вывод в столовую происходит то же самое. И в следующий. И в следующий. Оказывается, этот недоделанный бекон поставил перед дежурными смены задачу: выводить меня в столовую. Это же массовое мероприятие! А от массовых мероприятий з/к отказываться не может — нарушение режима. То есть даже если ты объявил голодовку или просто не голоден, то в столовую ходить обязан. Что тут скажешь — очень разумно.

Адвокат как раз попросил, чтобы я сильно не нарушал, где это возможно. И с той поры минимум три раза в день меня можно было видеть, прохаживающимся по прилегающей к столовой территории без всякой цели. Внутрь я пытался не ходить: после этого в течение пары часов все вещи были пропитаны омерзительным запахом комбижира, столь же неизбежного для пищеблока ИК-5, как череда жизненных разочарований — для выпускника филфака МГУ.

Так продолжалось достаточно долго. Уже и Поросенок перестал быть начальником колонии, а инерционная машина дежурной смены требовала моего присутствия на масс-мероприятии (почему-то только этом). А потом мне надоело, и я решил обратить всю мощь закона против дежурного Вени. Не то чтобы против него персонально — просто была его смена.

Приходит:

— Осужденный Навальный, время приема пищи, пойдемте в столовую.

— Нет.

— Отказываетесь?

— Просто не могу. Время ужина прошло. По распорядку — другое мероприятие.

Мы же говорим о тупейшей военной организации. Просто представьте: общий режим, почти 900 человек, десять отрядов, но распорядок у всех один.

На ужин отводится что-то вроде 40 минут. Пожрать выводят, понятное дело, частями, и длится все это часа два — два с половиной. Фактическое время вывода на ужин может

соответствовать заявленному только в сладком сне замполита.

Веду удивленного Веню к расписанию, показываю время ужина — с 19:00 до 19:40. Текущее время — 20:30. Но Веня продолжает в режиме Голема:

— Значит, отказываетесь идти на ужин?

Видимо, чтобы зафиксировать на видеорегистратор отказ от исполнения распорядка.

— Уважаемый, я вам уже объяснил: просто не могу пойти. Ужин по распорядку уже прошел. Надо ведь распорядок соблюдать, а то будет царствовать хаос.

Веня смотрит… смотрит…

— Почему без нагрудного знака?

Ну прям классика. Анекдот про прапорщика и шапку.

— А у меня его нет. Не выдали.

Веня — разочарованный, как лев на охоте в окрестностях мясокомбината, — уходит. После этого в столовую я отправлялся по желанию.

Зуб

Но вот, пока я ходил по своему циклическому аду, у меня начал шататься зуб. Эка невидаль! — скажет не знакомый с подробностями читатель. А зуб-то на самом деле мало того, что мертвый, так еще и имплант. То есть тупо шуруп из хирургической стали с набалдашником в виде коронки. Все (ну, может, не совсем все, но многие) знают, что если шуруп шатается в стене, то его надо выкрутить из стены, отверстие уплотнить, например древесиной, и вкрутить шуруп обратно. С челюстью все сложнее — древесиной не хотелось бы обходиться.

Иду на прием к врачу Федоровне (aka Черная Вдова). У нее из стоматологической техники только коловорот для зимней рыбалки, переделанный в бормашину, долото и жесткий характер тюремного стоматолога с многолетним опытом работы в уголовно-исправительной системе. Не будь я публичным политзэком, рука Федоровны не дрогнула бы — и имплант покинул бы мой рот, прихватив с собой часть челюсти и прилегающего к ней лица.

Но Федоровна, прикинув, какие заголовки будут в орловских газетах, лечить меня отказалась. Вместе с начальником медсанчасти фельдмаршалом Алексеем Юричем мы в течение пары месяцев организовали мой выезд в платную клинику города Орел. Эта процедура предусмотрена законом: з/к может получить медицинские услуги, а в обязанности колонии входит вывезти его на лечение и привезти обратно. Понятное дело, такой сладкий случай, дарованный богом и конституцией, упускать было нельзя. Помимо консультации по проблеме шурупа-непоседы, я заказал в клинике чистку зубов и легкий ремонт эмали.

В результате меня должны были отвезти из тюрьмы на, в общем-то, косметическую стоматологическую операцию на воле. Да я просто поимел этим всю их систему. Процедура-то законная. Но чтобы ее провернуть, надо быть близким к администрации зэком (я был далек, как любой фильм с Пореченковым от звания «хороший фильм»).

Поездка была шикардосной. Во-первых, было лето и стояла прекрасная погода. Во-вторых, это был мой первый выход в вольный свет. В-третьих, мне предстояло побывать сразу в двух местах. В одном должны были просветить мой череп, чтобы понять, что не так с шурупом; в другом — решить проблему.

По дороге ничего особо увидеть не удалось: везли опять одного в целом камазе (таким меня уже было не удивить). Но из пенала можно было смотреть наискосок в маленькое окошечко у

двери в отсек с осужденными. Сквозь решетки удавалось увидеть мелькающие верхушки деревьев. Должен признать, что зрелище это ужасно меня будоражило. А самое забавное — на двери красовалась почти такая же надпись, как в вагонах метро, только еще больше, нанесенная при помощи трафарета: НЕ ПРИСЛОНЯТСЯ. Без мягкого знака, то есть как бы и не просьба, а холодная констатация факта.

Всю дорогу я болтал с Юричем, который сидел вместе с тремя другими сотрудниками в кузове. Пятый сотрудник колонии сидел в кабине. Ну и был водитель, конечно. Это только кажется, что репрессивная машина может ехать сама по себе, — на самом деле в любой машине есть водитель.

Начальник санчасти вообще-то доброжелательный чувак. Он никому не отказывает, но никогда ничего ни для кого и не делает (ни для кого — кроме меня, видимо, потому что опасается, что я натравлю на него проверку). Вообще, хозяйство у него непростое. Нормальное медицинское обслуживание невозможно в условиях исправительной колонии: не только потому, что постоянно нет лекарств, но и потому, что неоказание медпомощи — это элемент системы угнетения. А то любой зэк мог бы отправиться на больничку вместо, например, ПКТ.

Юрич — подполковник и пламенный патриот. По дороге в Орел он убеждал меня, что в стране все хорошо. Все всё могут купить, народ счастлив, страна великая, а то ведь, того и гляди, авианосцы НАТО могут встать на рейде в Севастополе (тот же страх был у моего адвоката, но об этом мы еще поговорим). Я, конечно, с ним не соглашался, а авианосцы в Севастополе потом припоминал, до самого конца моего срока — все время спрашивал, не мучают ли Юрича кошмары на эту тему.

Впрочем, представлять фельдмаршала этаким добрым доктором в злой системе не следует: он, бывало, и лично закалывал зэков аминазином и делал всегда то, что говорил начальник колонии (хотя формально он ему даже не подчинялся), а не то, что диктует врачебный долг. И вообще, медицинского обслуживания всегда приходилось добиваться с боем. Легенда о тюремных медиках, которые помогают бедным зэкам, являя милосердие и преданность врачебной идее, была для меня разрушена. Работали там и сочувствующие люди, нельзя не признать, но они были в явном меньшинстве.

Приезжаем к точке выгрузки. Пристегивают мою руку наручником на длинной цепочке к руке дежурного. Потом ведут. Представьте: 11 утра, центр города, лето, а по улице шествует клин («свинья») из ментов, окружающий одного усатого зэка в черном, который улыбается во все свои 27 зубов (зубы мудрости я

уже удалил, еще один зуб потерял в неравной схватке с ложкой, но, к счастью, потери в зубных рядах не очень заметны). Свинья с зэком направляются в сторону клиники № 32. На самом деле охрененное ощущение: чувствуешь себя жутко опасным, встречные люди отводят глаза. В общем, для меня это были 200 метров пешеходного экстаза.

Заходим внутрь клиники. Преимущество регионов перед столицей для бизнеса в том, что ставки аренды на коммерческую недвижимость существенно ниже. Фойе в клинике просто огромное. Все новенькое и типа дизайнерское (хотя на самом деле — ИКЕА). День будний, время раннее, так что посетителей мало, а те, что есть, теряются в планировке. Явление силовиков и усатого зэка приводит их в состояние шока.

Когда приходишь в больницу, нужно надевать бахилы. И неважно — кто ты: обычный посетитель, зэк или вохра. Правило бахил так же непреклонно, как все законы термодинамики вместе взятые. Когда охранники в берцах и камуфлированной форме пытаются надеть бахилы — это очень смешно.

В регистратуре сидят девушки. Очень красивые. Очень улыбающиеся. Мои усы непроизвольно закручиваются (на самом деле — нет, потому что на тот момент усы у меня были в стиле «канадский лесоруб»).

Может, они и не были такими уж красивыми (ресепшен-герлс, а не усы — усы-то точно были в порядке, я ведь готовился к поездке). Но тогда я заметил, что, когда вокруг тебя долгое время находятся исключительно зэки и вертухаи, увидеть некрасивую женщину практически невозможно.

Дабы не смущать клиентуру, нас уводят дожидаться приема в кабинет директора по маркетингу (она потом туда зашла что-то напечатать на компьютере и очень удивилась). Кабинет тоже типа модный: окно в полстены, всякие дипломы и картины на стенах, вазы, диваны, застланные имитациями шкур белых медведей. Даже подушки есть! Я практически утонул, плюхнувшись на один из диванов.

Скоро пришли и повели на черепоосмотр. Потом опять в комнату с диванами — ждать, в этот раз надолго. Я даже успел там вздремнуть. Потом пришла Жанна Алексеевна, мой зубной. Она, правда, стала именно моим зубным — с этого момента и до конца отсидки каждое лето о здоровье моих зубов заботилась именно она. Я так понял, она уже успела каким-то образом дистанционно познакомиться с моей матерью и была в курсе моего дела. Во всех ее жестах и манерах читалось, что она — за узника совести и против кровавого режима. Ну и вообще, она классная и хороший врач — после визитов к ней зубы у меня

болеть перестали.

Но в первый раз она пришла с новостями так себе. Снимок показал, что в гайморовой пазухе у меня киста. Киста Григорий, как позже мы ее назвали с Вико («Как там Григорий?» — и всегда было понятно, о чем речь). Гипотеза была такая: когда мне за пару лет до этого вкручивали зуруп (это зуб-шуруп), то толщины верхней челюсти не хватило, и зуруп, пройдя преграду насквозь, оказался в пазухе.

Организм призвал Григория в пазуху для защиты.

Все это означало, что с зурупом ничего в условиях клиники сделать нельзя, а нужна полноценная операция в больнице, чтобы внедриться в мой череп и извлечь ошибочно рекрутированного Григория. Всем этим занимается отрасль медицины с неприятным названием челюстно-лицевая. Но раз уж мы все равно приехали, мне сделали чистку зубов и подлечили кариес.

Кстати, зэки очень часто мучаются зубной болью — видимо, из-за стресса. Редкий з/к не потерял хотя бы один зуб во время отсидки. Например, Руслан, с которым я сидел в Бутырке, за год, проведенный там, лишился четырех зубов. У Батьки за 23 года сидения зубов осталось меньше, чем пальцев на руках. Да и у меня самого на второй неделе в СИЗО сильно расшатался резец. Короче, если бы не Жанна Алексеевна и моя находчивая родня, к концу срока я наверняка обзавелся бы основательной шепелявостью.

Потом поехали назад, но когда вернулись в Нарышкино, меня не повели в мой барак. А повели меня в сооружение, где располагались БУР и ШИЗО.

Комиссия

Дело в том, что за неделю до зубоврачебного выезда на меня наложили очередное взыскание — за сон в дневное время. Виной всему был начальник отряда — мерзкий губошлеп Оленич-Андреич. Не удивляйтесь: Оленич — это фамилия, Андреич — отчество, а имени я просто не помню. Он обладал ужасно пухлыми губами и огромным чувственным крупом, за что зэки прозвали его Маша Малиновская. Сам я решил называть его Señor Sapo, поскольку вдобавок к губищам и огромной жопе у него еще были глаза навыкате, а Sapo по-испански — жаба.

Тип этот зашел в барак с видеорегистратором и зафиксировал мой тревожный дневной сон. При этом его ничуть не смутило, что прочие находившиеся в бараке з/к тоже пребывали в объятиях Морфея. Позже он вызвал их всех к себе и потребовал написать, что я спал, угрожая в противном случае наложить взыскания и на них — и тогда прощай, УДО. В таком поступке начальника отряда можно обнаружить целый ворох статей Уголовного кодекса, так что я пошел к губошлепу и заявил, что обязательно посажу его, как только мне представится такая возможность (и свое обещание я не забыл).

Понятное дело, такие мелкие провокаторы, как Señor Sapo, в ИК-5 не могут решать, накладывать на кого-то взыскание или нет. Это решают на более высоких уровнях. Судя по всему, дело было в том, что журналистка Наташа Зотова и ее муж фотограф Женя Фельдман, с которыми я к тому времени познакомился и активно переписывался, как раз сделали интервью для «Новой газеты» и написали про меня статью в англоязычном издании Mashable. Все это слегка растиражировалось в интернете. После чего приехал толстяк из управы Дорохин и говорит мне:

— Ну вот, интервью тут разные выходят.

— Оно же по переписке, — говорю. — Все через цензуру проходит. Там и крамолы вроде никакой нет.

— И все-таки, все-таки.

— Да я с кучей народу переписываюсь, кто угодно может письмо с ответом запостить.

— И все-таки, все-таки… Вот посадят вас тогда в ШИЗО — и не сможете с женой общаться. Подумайте.

— И чего, думаете, поможет?

— Ну, посмотрим.

— Ну, посмотрим.

Я уже успел забыть про этот разговор, но вот — приехал от зубного и сижу в боксе. Сижу на кортосах, потому что больше не на чем. Выводят на комиссию, в том же здании, что ШИЗО, напротив бокса, в тесной комнате. Там вся банда упырей в полном составе. За сон выносят мне 12 суток ШИЗО. Я говорю:

— Окей. По вашим правилам, мне можно взять с собой ряд предметов. Ведите — я их возьму.

Поросенок:

— Что за предметы?

— Ну, там, полотенце, зубная щетка, книги, туалетная бумага.

— Туалетную бумагу вам будут выдавать. Не более 90 сантиметров в сутки.

Поросенок смеется фальцетом.

— Мне не нужно ваших сантиметров, у меня своя есть.

— Уводите.

Дают расписаться в протоколе. Пишу: «Не согласен. Характер взыскания говорит о предвзятом отношении. Порядок водворения в ШИЗО нарушен. В знак протеста объявляю голодовку». И говорю, уже вслух:

— Ну, тогда я объявляю голодовку.

Поросенок смеется, хотя все сразу стали бледными.

— О! У нас как раз есть распоряжение тех, кто голодает, кормить через анальное отверстие.

«Да-ну-на-хуй!» — думаю. Вслух говорю:

— Ну, поглядим.

Уводят.

Поросенок кричит вслед:

— И сбрейте ему усы!

Я кричу в ответ:

— Я скорее сам вас тут всех побрею.

Противостояние усача

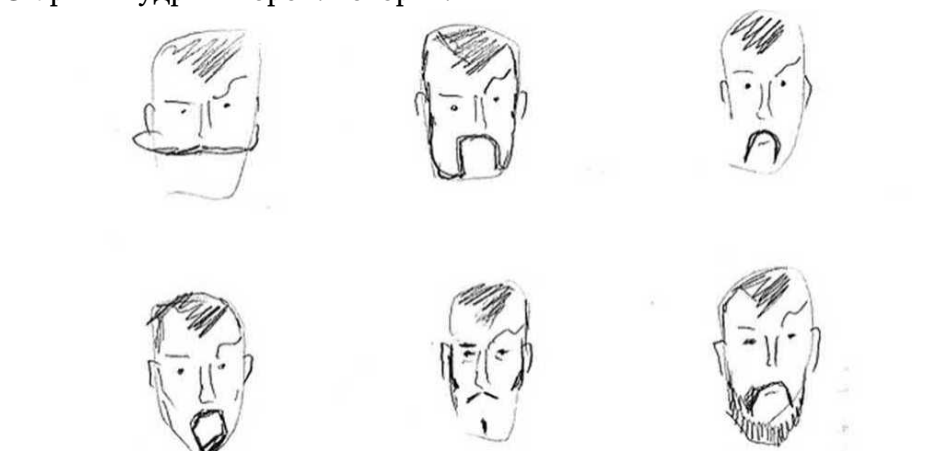
В какой-то момент я понял, что в отсутствие поддержки со стороны блатных мне нужно самому что-то противопоставить режиму. Чтобы понять, что это могло бы быть, я детально изучил правила внутреннего распорядка. Настолько детально, что, кажется, знал их лучше всех местных сотрудников. Документ этот настолько дырявый и противоречивый, что сотрудники даже сами со мной несколько раз консультировались.

В правилах есть такое место: осужденным разрешено носить короткую стрижку головы, бороды и усов. Но правила правилами, а менты все-таки руководствуются своими представлениями о том, как должен быть устроен мир. Они, например, все коротко стриженные и гладковыбритые. Это требование устава, образ жизни. Такого же убожества они требуют и от з/к. Встретить в колонии человека с бородой или усами если и можно, то крайне редко. Обычно это результат индивидуальных договоренностей. Ну, или же бородач сидит в БУРе, мурчит и отрицает.

Я решил заняться отращиванием усов и бороды разной формы, просто потому что знал, что это жутко бесит ментов. А в суде, как я думал, всегда получится доказать, что моя борода — короткая, пока есть бороды у чудаков из ZZ Top.

Разного калибра сотрудники администрации неоднократно подкатывали ко мне с требованиями типа: «Сбрить!» На это я им гордо отвечал: «Пффф. Нет».

Как-то в библиотеку заходит начальник управления ФСИН по Орловской области Доронин — для местных ментов, считай, бог. Старый Мудрый Ворон. Говорит:



— Что это у вас на лице?

— Эммм. Короткая стрижка бороды и усов?

— Нет. Вот у него — короткая стрижка.

Ворон показывает на стоящего рядом зэка. Тот брит по всей площади черепа, под ноль, до блеска.

— Нет, у него — отсутствие стрижки, а у меня — короткая. Все по правилам.

— Да?

— Точно.

— Хмммм.

И уходит. Орать не стал. Потому что Ворон — один из немногих ментов, которых я считаю умными. Ведь глупый начальник — он как всегда делает?

Приходит ко мне и начинает идиотничать, выдвигать какие-нибудь требования: представьтесь, сбрейте усы и т. д. Так он пытается самоутвердиться за мой счет на глазах своей свиты. Ну я-то за словом в карман не лезу. В результате начальник оказывается униженным при свидетелях. Такое случалось уже раз сто, но все равно всякие свеженазначенные дебилы прыгают на те же грабли.

Вечером кто-то заходит в гости и говорит: «Ходят слухи, что начальник управы наехал на Навального, но тот его „осек“, и начальник „зажевал“». Не вполне точное описание реальной ситуации, но такой взгляд на вещи укреплял в з/к веру в то, что менты меня боятся.

Усато-бородатое противостояние продолжалось довольно долго, пока внезапно не вышли новые правила. Произошло это на пике противостояния со ФСИНом Ильдара Дадина. Ну, у него-то все было очень серьезно — с пытками, избиениями. Не то что в моем детсаду. А новые правила были призваны заткнуть те дыры, которыми пользовались несогласные зэки по всей стране. Тот же Ильдар, например, отказывался выходить из ШИЗО и вставать в позу для обыска — в старых правилах такое действительно не было прописано.

В новых правилах появилось и уточнение по поводу бороды и усов — на 99,9 % уверен, что из-за меня. Но документ готовился в дикой спешке, и в одном ключевом месте слово «усы» было пропущено. Длина растительности устанавливалась такая:

— волосы на голове — 20 мм;

— борода — 9 мм;

— усы — без уточнений;

— бакенбарды — не упомянуты вовсе.

Правила вышли в Новый 2017 год. За пару недель до этого приезжал новый (глупый) начальник управы Матвеенко и совершил все описанные выше ошибки, в результате чего выслушал мою теорию относительно бороды и группы ZZ Top. И

тут — новые правила. В 5:30 утра меня ведут к начальнику колонии.

— Анатолич, сегодня по твою душу замначальника управы приедет.

— Зачем?

— Бороду мерять.

— Шутка?

— Да какое уж там. Надо побриться.

— Ну, меня длина волос и бороды устраивает, а про усы там не сказано.

Про бакенбарды, кстати, тоже…

К тому моменту у меня были прямо пушкинские баки.

— Анатолич, ну я тебя прошу.

— Ну хорошо, подравняю слегка.

Это, естественно, не может считаться за уступку.

Где-то к лету 2017 года усы я перестал брить окончательно. Но никогда — слышите, никогда! — не доверяйте человеку, который ходит с усами (если он не делает это в знак протеста, как, например, я или Сальвадор Дали). Это очень неудобная хреновня. Ну и потом, вспомните Гитлера, Сталина и Пескова… Хотелось бы подчеркнуть: мы тут не говорим о комплекте из бороды и усов!

Это другое. Но усы на выбритом лице вас обязаны насторожить.

Но никому из ментов, естественно, не удалось сбрить мои усы, как и побрить меня налысо. Хотя речь об этом заходила каждый раз, когда меня сажали на кичу. Вообще, обычно они тупо проводят полосу по голове или по подбородку — после такого любой захочет побриться сам. Но все это жутко противозаконно, хотя бы потому, что унижает человеческое достоинство.

По закону можно:

— наложить взыскание;

— применить физическую силу (в оговоренных ситуациях);

— применить спецсредства или оружие (строго оговоренный перечень и, опять же, только по определенным причинам).

Бритва не входит в перечень спецсредств, а повышенная лохматость не является формальной причиной для применения силы. Так что остается тупейший 20-минутный диалог: «Брейся!» — «Не буду!» Он повторялся каждый раз, когда меня водворяли в ШИЗО.

Осужденный Чубакка открывает глаза

***

Не жди меня, Йода, героя-джедая,
Кеноби не тот, кем был вчера.
Меня засосала имперская идея
И Силы другая сторона.
(Из переписки с Лизой)

«.Это сделало судопроизводство настолько фундаментально несправедливым, что лишило какого-либо смысла все.»
(Постановление ЕСПЧ № 101/15 от 17.10.17.
Дело «Навальные против России», пункт 84)

***

Чубакка открывает глаза, и первое, что он видит, это потолок над собой. После замечает, что цвет потолка и стен, его подпирающих, идентичен, и какое-то время размышляет, какая из плоскостей чем является.

Обстановка комнаты — это он сам и кровать, на которой он лежит. Даже дверь не угадывается сразу — замаскирована тем же мертвенно-желтым цветом, ручки на ней нет. Через какое-то время Чуи замечает окно, а за ним и Россию. Пытается припомнить, что с ним произошло, и одновременно ощущает непривычную прохладу в области головы. Он ощупывает ее и обнаруживает несколько ноющих шишек и неожиданный бобрик едва отросших волос.

И тут Чубакка слышит голоса. Чубакка закрывает глаза, и ничего не меняется, голоса продолжают звучать. Само их звучание не сильно настораживает Чубакку — волнует его то, что произносимую речь он понимает. Речь эта проста, состоит в основном из криков, междометий и забористой матерщины. Человек, произносящий ее откуда-то из-за стены, просит, а местами скорее умоляет не бить его. Чубакка снова открывает глаза.

— Держи его!

— Крепче!

— Коли!

Крики протеста медленно перерастают в затухающее «Ыыыыы».

Чубакка понимает, что он в медсанчасти.

Через некоторое время входят двое: один лыс, другой в фуражке. Все на всех смотрят выжидающе.

— И что, он действительно ничего не понимает?

— Ни бельмеса.

Тот, что без фуражки, обращается к Чубакке:

— Ни бельмеса?

Чуи в подтверждение отрицательно мотает частично косматой головой.

Бесфуражечник, приблизившись, светит фонарем в один глаз Чубакки и представляется:

— Меня зовут Мышь Якович. Это моя профессия. А мое хобби — бесчеловечные эксперименты над людьми в области стоматологии! Хммм. Однако мне кажется, что наш космач все прекрасно понимает: гляньте, как зрачки расширились. Да не беспокойтесь, осужденный, это просто фраза из детского мультфильма. Звать меня Фрол Юрич. Я начальник медсанчасти. Никто вас пытать не будет. Не пытают у нас в тюрьмах! Гуманизация и вообще! По голове его били? — это уже обращаясь к фуражке.

— Если и били, то только в рамках воспитательных мероприятий.

— Ну что ж… все может быть. Науке известны случаи, когда человеку кирпич на голову падал, а очнувшись, он знал в совершенстве французский, хотя до этого только молдавский, да и то частично. Чудеса медицинские, — важно подытожил лысый и тут же продолжил: — Можем провести глубокую терапию, если будут случаи рецидива лексического бессилия.

Фрол Юрич картинно покосился на шеврон, украшавший рукав его белоснежного кителя: перекрещенный голеностоп и шуруповерт на фоне надписи «Закон».

— После вашей терапии он еще полгода по санчастям числиться будет, а нам рабочие руки — ну, может, в этом конкретном случае лапы — нужны ой как! Сами понимаете — план.

— План есть план. Все же на профилактическом укольчике я настаиваю. Завтра сможете забрать своего овоща.

— В каком смысле «овоща»?

— В том смысле, что он будет как огурчик.

Фрол Юрич с улыбкой мурены достает из кармана шприц таких размеров, что более уместно он смотрелся бы в руках

кондитера, не спеша снимает колпак с иглы и молниеносным движением всаживает раствор в ногу Чубакки. У последнего начинаются судороги и идет пена изо рта.

— Во-о-о-от. Теперь он успокоился.

— Так он вроде и был спокоен.

— Это ж зэк. Никогда нельзя быть уверенным.

Чубакку крутит. Он хочет сесть, он хочет ходить, лезть на стены, глубоко и прерывисто дышать, утром бегать по залитым солнцем лесным полянам, надувать мыльные пузыри, надевать вещи не по моде, а потому, что в них удобно, разрушать звезды смерти, жизни, счастья или хотя бы просто почесать нос, но он не может — таков фармакологический эффект. Чубакка закрывает глаза.

С утра Чуи, предварительно разбудив, дали напиться из алюминиевой кружки, после повели на комиссию по распределению. Заседало вышеуказанное собрание в небольшом деревянном срубе. Перед домишкой толпился зэчий люд. В волнении, как это обычно происходит у толпящихся з/к.

Осужденные ждали распределения по баракам и рабочим местам, а на них то и дело шикал и зло вращал надбровными дугами зэк, отличавшийся от других крупным телосложением, ватником на бобрином меху и красной нагайкой с позолоченным тиснением «ДСП/СДП» («Для служебного пользования / Секция дисциплины и порядка»). То был завхоз карантинного отделения Иуда Гадович Козлов. Было бы чересчур смелым предполагать, что такие ФИО завхоз получил в результате ветвления своего родового древа. Свой исходный код Козлов поменял, чтобы дополнить образ. В его задачи входило поддержание чистоты и порядка в бараке карантинного отделения, а также унижение и физическое доминирование над вновь прибывшими арестантами с целью ломки воли, и вообще, чтобы понимали, что не на курорт попали.

Иуду Гадовича после освобождения гарантированно ждали раскаленные клещи или удар отвертки в исполнении зэка, чью криминальную карьеру он пустил под откос. Таких было тьма и сумрак. Помимо прочего, уже семь лет Иуду терзала трагедия личного характера: при вынесении приговора, прямо в зале суда жена Иуды с криком «Скатертью дорожка!» ввергла себя в объятия участкового, сидевшего по соседству (и аналогичным образом проживавшего). По странному стечению обстоятельств этот участковый играл не последнюю роль в посадке Козлова. Гадович хотел освободиться, чтобы утопить измену в крови, но боялся, что его самого утопят в ближайшем к колонии колодце. Пребывая в цикличном аду мыслей о возможностях/потребностях, Иуда

окончательно озлобился на мир. Той части мира, которая была представлена сотрудниками администрации, завхоз отомстить не мог, так как не переносил пыток, поэтому всю свою желчь выплескивал на БОТов (бесправных обитателей тюрьмы) — осужденных.

Временами Иуде хотелось повеситься, и он даже твердо решил сделать это, как только через его руки пройдет 30 сребреников. Пока не прошло ни одного.

Сейчас завхоз Козлов учил з/к, как вести себя перед комиссией:

— Как войдете в кабинет, надо встать в квадратик, нарисованный по центру, руки за спину, шапку снять и нервно ее теребить.

— Как?

— Нервно. Руками. За спиной. Вид иметь боязливый и смиренный. В ответ что-нибудь неразборчиво мямлить. Решение комиссии принимать безропотно, со всем возможным покорством.

Поучительная речь была прервана криком из внезапно распахнувшейся двери.

— Только не бригада 101! Делайте все что угодно! Заберите моего семейника, сдерите с него кожу и оботрите грубой губкой, пропитанной уксусом, — только не бригада 101!!!

Крамольная просьба звучит из уст з/к, бьющегося в руках здоровенного детины в серо-синем камуфляже. Несмотря на надрывность и некоторую трогательность криков, лицо детины выражает отсутствие смысла и тревоги. Детина пихает кляп в рот зэку. Потом он обматывает бечевой ноги з/к. Потом он протягивает бечеву к рукам. Потом он обматывает бечевой руки за спиной з/к. Потом он обматывает бечевой голову з/к, вернее, приматывает к ней кляп.

Потом он снова протягивает бечеву к ногам з/к. Потом он снова обвязывает ноги з/к. Потом он натягивает веревку — ноги, голова и руки зэка закидываются назад. Теперь з/к чем-то напоминает чемодан с ручкой. Потом детина берет чемодан за ручку.

Здоровяк вяжет искусно: 13-ю зарплату ему выдали книгой — 10-е издание самоучителя по вязке узлов, которое он быстро и успешно освоил за неимением личной жизни и воображения.

Детина, о чем-то грустно вздохнув, топает прочь от избы под взглядами:

— вновь прибывших — испуганных;

— Козлова — удовлетворенного.

На пороге избы стоит взмокший от природы начальник отряда Виктор Петрович Склизкий. Стоит с засученными

рукавами и глядел на Чуи насмешливо-свысока.

— Ты следующий, — и приставным шагом высвобождает для Чубакки проход.

Комиссия по распределению содержала в себе сливки Специализированной исправительной колонии № 1984. Это Чуи понял сразу, хотя из сидящих в комнате двух с лишним десятков лиц вспомнил лишь троих: начальника Берца, режимника Пыткина и Фрола Юрича, неприятно выделявшегося кровавокрасным медицинско-православным крестом на форменной белой фуражке.

Чуть позже Чубакка заметил главного КУМа — Кремня (тот по обыкновению занял самый таинственный угол в комнатке).

Столы со служащими располагались вокруг повстанца в виде буквы П, что само по себе вызывало дурные предчувствия.

По столам грузились папки, которые сотрудники наперебой и усердно листали, хмурясь и вдумчиво, с усмешкой и сомнением, слева направо и наоборот.

Берц, усердно рисуя каляку-маляку на листочке, молвил, не отрываясь:

— Начинайте, Виктор Петрович.

— Осужденный Шушаков Аттичиткукович приговорен решением заочного районного суда Столицы к лишению свободы за преступления, предусмотренные статьей 14, часть 88. Нацпредательство. Прибыл из СИЗО № 1488.

— Опять 1488!

— Просто глупое совпадение. Прибыл из СИЗО № 1488, где положительно себя не проявил, не заработав ни одного поощрения, медали или почетной грамоты. В период этапирования вел себя вяло. Рвения и усердия в качестве тягловой силы не проявил. От участия в кружке самодеятельности отказался. По прибытии в колонию № 1984 начал нарушать режим содержания грубо и вероломно. С персоналом общается хмуро, в чем-то грубо, без должного подобострастия. Общается с осужденными отрицательной направленности (потенциально). В карантинном отделении отказался исполнять танец выдворения на путь исправления, тем самым имел умысел на оказание сопротивления, поэтому к нему были применены физическая сила и спецсредства в строгом соответствии с законодательством и рекомендациями Синода. Кроме того, при полном обыске бесчувственного тела у него был обнаружен запрещенный предмет. щипчики для ногтей.

Сотрудники разразились вздохами различной степени ярости и суровыми лучами взглядов начали вспарывать Чубакку. Аллочка из бухгалтерии от возмущения даже прикрыла

ладошками пунцовое лицо — от этого в комнате стало светлее.

Берц разочарованно начал:

— Да уж. Осужденный Шушаков. Это не лучшие первые шаги на пути к исправлению. Ну ничего, мы тут видели случаи куда запущенней и овец, заблудших в куда более непролазные дебри.

Берц сделал паузу, и бессмысленность его взгляда красочно иллюстрировала непролазность тех дебрей.

— Мы тут все наслышаны о вашем, так сказать, геройском поведении на карантинном. Первый случай, когда зэк не танцевал, так сказать, под дудочку администрации. Но поймите, осужденный! Ваша стойкость — это не следствие несгибаемой вашей воли, а недостаток усердия и профессионализма у некоторых наших сотрудников, — испепеляющий взгляд в сторону Пыткина. — Вам следует хорошенько пораскинуть мозгами на этот счет — в переносном, конечно же, смысле.

Видимо, желая продемонстрировать, как именно, Григорий Константинович, полуобняв себя руками, со всей доступной ему задумчивостью откинулся в кресле.

В детстве Берц обожал мультсериал «Гриффины», поэтому продолжил после 7-минутной паузы:

— Фрол Юрьевич, а вы уверены, что он понимает, о чем я?

— Вполне.

— Положительный эффект от принудительного труда известен с древних времен. Взять тот же Египет или БАМ, например, — да мало ли! Поэтому вам, осужденный Шушаков, предавшему нашу — нашу-но-пока-еще-не-вашу,

Шушаков, — родину, просто необходимо искупить свою вину усердным общественно полезным трудом. Каждая выполненная норма увеличивает ВВП и двигает вверх нашу обожаемую державу в мировых рейтингах. Возможно, вы будете удивлены, но не по всем позициям Россия на первых местах. Ваша миссия, Аттичиткукович, стать гордой буквой в симметричном ответе заокеанским Блумбергам. Они нам — санкции, мы им — ликование в предвкушении трудового подвига. И вот именно вы, Шушаков, вчерашний меч в руках врагов, можете стать острием мощнейшей контратаки нашей родины.

Мы собираемся явить пример доброты и человеколюбия, предложив вам ответственную и почетную рабочую должность, но помните, что жестокость и формализм мы можем продемонстрировать вполне легко и непринужденно, как то и предписывает закон.

Чубакка слушает проповедь не мигая, боясь упустить ее глубинный смысл.

— Руководствуясь вышесказанным, совет воспитателей

постановил распределить вас для проживания в общежитие отряда № 7½ и трудоустроить в бригаду 101.

Комната задохнулась. Ход администрации был сделан. Администрация ждала ответки. К сожалению, Чуи не был знаком с правилами и не мог поинтересоваться, в чем конкретно состоит работа в бригаде № 101. Он подозревал, что сейчас происходит какой-то ритуал, и не знал, надо ли устроить истерику, как предыдущий распределенный, или стоит хранить спокойствие.

Как астронавт, не единожды вступавший в первый контакт с представителями иного социума, он решил избрать выжидательную тактику.

Неловкость нарастала, но неожиданно заурчавший желудок оголодавшего Чуи разрядил обстановку.

— И то правильно, время-то обеденное, — довольно заключил Берц. — Для нас, конечно. А для вас, Шушаков, самый разгар рабочего дня, так что не смеем вас задерживать, то есть смеем, конечно, но не будем.

Сотрудники, получив сигнал подготовки к приему пищи, зашуршали бумагами, спешно собираясь.

— Ну, сам пойдешь или как? — внезапно возникший и уже знакомый Чубакке детина выразительно смотрит на свою кисть, полную веревочек. Чуи вздрагивает.

— Ну вот, сразу видно, что не дурак, даром что лохматый. Ну пойдем, горемыка. А то весь обед с тобой пропущу.

***

— Кто это?

— Зэк.

— Понимаю, что не мироточащий бюст Николая II.

— А?

— Говорю, понял, что зэк, а чего волосатый такой и на алабая похож?

— Политический.

— Поня-я-я-я-ятно. А почему ко мне?

— Это ты у Берца спроси. Мое дело — доставить тело.

— А чего молчит?

— Вроде не русский.

— Иностранец? Даз Марсэло Уолэс лук лайк бич?

— Агрххххррр.

— Горец, что ли? Ну ладно, пойдем, Шушаков.

Завхоз Бром вразвалку вел Чуи по бараку, вдоль стен которого были расставлены двухъярусные нары, между нарами

стояли тумбочки для хранения личных вещей (хотя институт частной собственности на зэков не распространялся) и треногие табуреты. Одну из ножек у табуретов отрывали в рамках государственной программы сбалансированного бюджета (бюджет балансирует — все балансируют).

— Слушай сюда, администрация определила тебя в отряд с показательными бытовыми условиями проживания. Это большая честь. Весь инвентарь выполнен в реалистично-винтажном стиле, дизайнеры, его создавшие, вдохновлялись нормативной документацией поздних 30-х годов, и если доска на нарах кажется неструганой, она и есть неструганая, вода в умывальнике что ни на есть ржаво-ледяная, а вши по-настоящему бельевые. Это понятно?

— А, ну да, ты ж немой. Значит, смотри, вот там каптерка, заходить туда нельзя — это мой кабинет. Вот там — комната прослушивания звуков гармоники, или воспитательная комната, по-казенному. Туда тоже нельзя заходить — я там отдыхаю. А здесь налево — комната приема пищи, но заходить и туда нельзя, так как в соответствии с правилами внутреннего распорядка прием пищи разрешен только в столовой учреждения. А это твои нары, но ложиться на них до отбоя нельзя. Все очень просто, но я повторюсь, так как ты новичок: если тебе захочется что-то сделать, то, скорее всего, это НЕМОЖНО.

Чубакка смотрит на Брома. Чубакка закрывает глаза. Чубакка открывает глаза. Чубакка моргает.

— У тебя деньги есть, хиппи волосатый? Видимо, нет. Мой тебе совет: вступай в стадию первоначального накопления капитала. У нас же капитализм, а значит, часть правил мы сможем пересмотреть, ну или ввести мораторий на их исполнение. МО-РА-ТО-РИЙ, — повторил Бром громко и по слогам, чтобы быть уверенным, что Чуи воспринимает его информационный посыл.

Волосатый повстанец обвел ряды нар взглядом и понял, что зэки, спящие на них, видимо, как раз подпали под действие МО-РА-ТО-РИ-Я.

— Я смотрю, ты парень крупный, и у тебя может возникнуть соблазн начать игнорировать вышеописанные правила. Должен тебя от этого предостеречь, только если ты не любишь, когда пять-шесть человек избивают тебя ногами, а то и дрыном. Ты ведь не любишь?

Чубакка не любил, в чем сознался с помощью мимики и жестов.

— Ну вот, с правилами разобрались, теперь о распорядке: с утра подъем, зарядка, аэробика и ритмика. Я в отряде слежу за

тем, чтобы все были в отличной физической форме, — готовимся к конкурсу «Ива красная», тренируем гибкость и стамину, вот это все; затем завтрак, за ним работа, на которой без отрыва от нее обед, после работы расслабляющий воркаут, ужин, сон.

Бром закуривает и испытующе смотрит на Чуи.

— У меня в детстве был алабай, поэтому я для тебя сделаю исключение и аванс. Сейчас день, вывоз на работу будет с утра, поэтому можешь ложиться и отдыхать до завтра. Тебя же в 101-ю распределили? Силы тебе понадобятся. Ах да, чуть не забыл.

Бром с поразительной быстротой провел апперкот в бороду Чубакке. На секунду космическому пилоту показалось, что он входит в субпространственный тоннель: перегрузки и рисунок проносящихся мимо звезд были схожими. Реальность вернулась в тот момент, когда тело Чубакки мешком упало на пол.

— Сам понимаешь: тюрьма, надо поддерживать стереотип жестокости и беспричинного насилия. Ну, отдыхай, земляк.

Бром уходит к себе в каптерку, там он вспоминает алабая Шлему, которого так любил, а потом и ленту Мебиуса своей тюремной карьеры.

В 18 лет он был арестован за тройное убийство, но поскольку он умел делать глаза, как у кота из «Шрека», вместо пожизненного заключения ему дали 25 лет колонии строгого режима. Возможно, помогли связи отца-прокурора.

Пять первых лет заключения Бром провел в жесточайшей конфронтации с тюремной администрацией и почти безвылазно в карцере. Но возраст, бетонные, вечно мокрые полы изолятора и пытка током кинули его в противоположную крайность, и он, вступив в секцию дисциплины и порядка, начал оказывать содействие органам госвласти железной рукой. Теперь, отсидев 17 лет, Бром чувствовал себя в зоне постоянной стабильности. Начальник колонии Берц относился к нему как к сыну и во многом опирался на него. Зэки боялись по инерции, благодаря зверствам прежних лет. Сейчас насилие Бром использовал в целях чисто демонстрационных. Ощущая, что Свобода приближается с каждой секундой, Бром окунулся в процесс манимейкинга. Как персонаж, знакомый с администрацией колонии, и чемпион по лояльности к ней, он продавал зэкам гарантированные законом права и нарушающие закон привилегии: право на передачку/свидание, право посещать душевую кабинку, возможность спать днем, нары с более выгодным расположением, трудоустройство на место потеплее и так далее.

При большом воображении продавать можно было все что угодно, в том числе избавление от проблем, самим же Бромом и созданных. Все собранные таким образом деньги Бром

откладывал на мечту. Бром мечтал завести розарий. Такие дела.

Тем временем Чубакка, частично восстановив координацию после удара Брома, заползает на свои нары и тонет во сне, как только закрывает глаза. Ему снится принцесса Лея. Она играет «Полет шмеля» на бас-балалайке, а рядом с ней в овчинном тулупе исполняет танец с саблями Дарт Вейдер, который на самом деле Хан Соло, что становится очевидно, как только он снимает шлем.

Землетрясение, вырвавшее Чуи из лап Морфея, оказалось всего лишь негладко выбритым з/к, трясшим повстанца:

— Земеля, просыпайся, на ужин пора, а то вкусняшки остынут.

Чубакка рывком сел на нарах, не до конца избавившись от послевкусия сна.

— Братунец, сам понимаешь, за побудку и проявление людского с тебя причитается. Обычно я беру биткойнами, но так как ты только с этапа, можешь отдать мне только полпайки. Добренько? Ну и по рукам!

Помощник дежурного по колонии вел построенный в пять шеренг отряд № 7½ через чуть притихший лагерь. На улице было промозгло, и те немногие, кого не гнали сегодня на работы, не горели желанием дышать свежим воздухом. Тем более примыкающий к зоне завод по переработке отходов делал воздух крайне неаппетитным.

В столовой было три окна для выдачи еды, и к каждому тянулась очередь зэков. Первое окошечко — для первого, второе — для второго, третье — для хлеба и компота. Ранее все выдавалось из одного окна, но после бунта, когда зэки пытались использовать подносы в качестве щитов, закрываясь от резиновых пуль и зарядов каменной соли, средства доставки тарелок от окна до стола (то есть, собственно, подносы) отменили для усиления безопасности и в назидание. Теперь, чтобы яства не остывали, некоторые арестанты делали вид, что они находятся на фуршете, и ели, стоя в следующих очередях.

Промониторив обстановку минуту-другую и увидев, что на первое и второе, по сути, одна и та же черноватая жижица (хотя в меню дня значились харчо и макароны по-флотски), Чубакка встал в очередь за компотом и пайкой.

— Фамилия?

— Фамилия?! Оглох, что ли?!

Лопоухое лицо показалось в окошке выдачи.

— А-а-а, знаменитый лохматый молчун! Слыхал, слыхал.

Чубакка и ушастый смотрели друг на друга с изучающе.

— Э, баландер, ты что, замерз? Ща встряхну тебя там! —

поторопили зэка, трудоустроенного на выдаче пищи, из очереди.

— Компот. Хлеб. Приходите еще, приводите друзей, — заученной шуткой лопоухий завершил обслуживание клиента.

Сначала Чубакке показалось, что в компоте плавает глаз, но тот был просто нарисован на дне кружки. Надпись вокруг ока гласила: «Мы смотрим за вами гласно и не». И мелким шрифтом: «Это закон!»

Чубакка присел за пустующий стол на шесть персон, намереваясь поесть и подумать о разном, но план был нарушен Треповым — зэком, давеча будившим его к ужину.

— Ну так что, корефан-корефанчик, братуня-братунец, как наш уговор, а?

Чубакка, помедлив, протянул ему пайку для дележа.

— Ого! Целая пайка! Щедро, братуха! — алчно спрятав хлеб за пазуху, Трепов дал Копперфильда, то есть исчез.

Чуи допивает компот, возвращается в барак тем же строем, что и пришел в столовую, ложится на нары, закрывает глаза и засыпает.

Эх, туры, туры, туры!

Камаринский мужик!

Чубакка открывает глаза под гимн великой империи, чтобы обнаружить, что в бараке великая ажитация — зэки готовятся к дивному новому дню.

Как и анонсировал Бром, за подъемом следует зарядка, во время которой неумолимый завхоз нагайкой и криком контролирует степень и качество растяжки осужденных. Гибкость Чуи схожа с гибкостью гранитной мостовой, но Бром проявляет к нему снисхождение как к новичку.

В столовой на завтрак дают вчерашнюю чернь. Чубакка ограничивается соленым чаем и хлебом. Хлеб кажется Чубакке вкусным. Очень. Но по консистенции напоминает клейстер.

Вскоре после возвращения в барак работообязанную часть отряда вывозят на построение — время зарабатывать wealth для Маза-Раши.

Выкрикивая в толпу фамилии, сотрудники администрации формируют шеренги, те в ногу маршируют к шлюзу — дорога на промзону обрамлена шестиметровым глухим забором, коридор тянется на два километра, и, чтобы отвлечь з/к от однообразия пути, на дороге раскинуты капканы, а на стенах осужденные, трудоустроенные в клубе ИК-1984 («Гоголь-центре», как ласково называют его сами арестанты), нарисовали многократно повторяющихся уточек и танцующих медвежат. Из репродукторов разливается музыка. Сейчас играет имперский марш.

Чуи рассматривает окружающих с любопытством. Промзона с

ее дымящейся трубой и явно просматриваемой черной аурой надвигается на него, как амбразура на Матросова.

По дороге з/к не разговаривают. Слишком рано, холодно и не о чем.

Чубакка идет в рядах бригады 101, окружающие его зэки сутулы особенно. Их впалые щеки напоминают лузы русского бильярда — бессмысленного и беспощадного. Ему кажется, что арестанты из других бригад смотрят на них с глубоким сочувствием. Уже на территории промзоны бригаду 101 отсекают от прочей массы и, в отличие от остальных, не заводят в производственные цеха, а затравливают туда овчарками.

***

— Михалыч, а нельзя без этих собак? Это сильно демотивирует.

— Ты, Тупиков, потому и носишь такую погремуху, что недалек.

— Это фамилия, вообще-то.

— Значит, это у тебя в крови. Собак отменить нельзя: это часть легенды.

***

Краснодар Михайлович Утютюев некогда был обладателем министерского портфеля, не говоря уже о квартирах, дачах, машинах, в том числе одной машине с сиялкой, но самое главное — Права Подписи.

Когда началось Великое Противостояние Всем, он сформировал идею импортозамещения как основного драйвера экономического развития, за что впоследствии и сел. Ну то есть сел-то он только потому, что Ампиратор вытащил бумажку с его именем из Барабана Борьбы с Коррупцией (слепая случайность, на его месте мог быть любой). Просто из-за популярности нововведения Утютюев сам поверил в свои управленческие навыки и незаменимость и перешел тропу кое-кому из круга ближнего.

Конечно, отсутствие Утютюева в команде управления страной ничего не меняло — как минимум из-за того, что никакого управления страной и не требовалось: правильные академики давно доказали бесперспективность менеджмента Россиюшки из-за ее свободолюбия и то, что понимает ее один лишь Ампиратор,

и ей он муж, и она ему жена, и любовь у них, и совпадение характеров-менталитетов на 86 %.

Утютюев, хоть и взгрустнул после посадки, духом не пал. Сперва-наперво он изменил имя с Корзинавдар на Краснодар, чтобы заручиться поддержкой кубаноидов (их партия стала сильна в последние годы и присутствовала ну почти везде), по этим связям и посредством мзды наладил взаимопонимание с администрацией СИК и развил бурную деятельность, в результате которой свет и увидел бригаду 101.

В те дни, когда Утютюев ушивал себе тюремную робу по размеру, Министерство чрезвычайных ситуаций и внезапных оказий в режиме аврала работало без выходных и перерывов на обед над уничтожением продуктов питания и предметов первой необходимости, запрещенных в великомогучей, но завозимых нелегально через границу, неприступную, как нимфоманка, проникшая в расположение Кантемировской дивизии. Бульдозеры министерства увязали в горах камамбера, катки беспощадно буксовали в парме и дыньках. Горы деликатесов высились и росли, чем будоражили жителей окрестноголодающих деревень. Множились сплетни и вредоносные, не подтверждаемые официальными СМИ слухи.

И тут появился Утютюев со своей спасительной инициативой (не лично, естественно, а посредством Берца) — создать спецбригады из числа осужденных для утилизации санкционки. Кроме того, Утютюев разработал некий технологический изыск, позволявший в результате аннигиляции контрабанды производить удобрения, так необходимые агропрому (то есть кубаноидам тоже). Простая и свежая идея: уничтожаем пару венгерских гусей — и имеем в чем растить помидорки на Забайкальщине. В эшелонах власти всех уровней на предложение откликнулись с радостью: все знали, что проблема, передаваемая в Великодержавную службу покарания, перестает быть проблемой — о ней просто забывают. В результате в СИК № 1984 в кратчайшие сроки был открыт Экспериментальный цех по утилизации для отработки процесса и повсеместного его внедрения во всех колониях на территории Огромной.

Существовала лишь одна проблема. Зэк. Как элемент ненадежный и недосоциализированный, арестант, в случае получения доступа к уничтожаемым продуктам, наверняка начал бы ухищренно и злонамеренно их расхищать и, склоняя к соучастию малодушных сотрудников роты охраны, продавать на волю. Окрестности СИК-1984 могли в короткий срок стать лидирующей в стране площадкой по торговле австрийским мясцом и французскими сырами.

Чтобы избежать столь нежелательных последствий, Утютюев сформулировал кадровую политику 101-й бригады следующим образом: трудоустройству подвергались только на 100 % лояльные з/к (те, у кого в лагерях сидели родственники, которых можно было бы использовать в качестве заложников); кроме того, за каждым из них должна была числиться Тайна, раскрыть которую прочим арестантам значило бы подписать себе смертный приговор.

Для усмирения любопытства осужденных, трудоустроенных при прочих производственных участках (которые, безусловно, захотели бы засунуть жало куда не надо, пытаясь узнать, что за 101-я такая), Утютюев разработал легенду о нечеловеческих условиях труда и быта, унизительности профессии (должность — оператор сточных вод), изощренных пытках, применяемых к уклоняющимся от выполнения плана, и т. д.

Рабочие 101-й бригады проходили обучение и периодически участвовали в психологических тренингах для укрепления навыка по поддержанию легенды. Возвращаясь с промки в лагерь, они старательно гримировали лица следами побоев и изнеможения. В бараках старались не общаться с другими з/к, натренированным взглядом смотря в темноту и покачиваясь в такт одним им слышной мелодии.

Легенда поддерживалась превосходно, и за 101-й закрепилась дурная слава. Более того, администрация даже стала использовать угрозу перевода туда в качестве орудия запугивания.

План Утютюева сработал. Естественно, он был назначен бригадиром и стал пользоваться полным и безоговорочным доверием администрации. В его цех не допускались мелкие чины. Допуск имел только сам Берц и некоторые его замы.

***

— А-а-а, новенький. Знаю-знаю. Всецело проинформирован. Не тушуйся, Шушаков, все в порядке. Можешь считать, что ты родился под звездой счастья, — Краснодар Михайлович сверкнул застенчивой мутноватой улыбкой. — Мне сказали, что ты не говоришь по-русски?

— Агрххгррргрхха.

— Прелестно! Даже не знаю, можно ли найти более подходящего работника! Буду звать тебя Могила! В целом функционал твой, дорогой мой Могила, прост и изящен — работай 7 дней в неделю с 7 до 21. А в период праздников надо

вне пределов промки сохранять таинственность, то есть не болтать, а вид иметь несчастный и запуганный.

Краснодар сделал барский жест, призывая Чубакку оглядеть его вотчину.

Несколько конвейерных линий подавали конфискованные яства к станциям операторов, после чего те немедленно приступали к утилизации путем поглощения.

Зэки ели европейскую вкуснятину с лицами конченных патриотов, обильно запивая еду из алюминиевых кружек. Между рядами конвейеров ходил арестант с бидоном на лямках за плечами и наполнял кружки из шланга, следя за тем, чтобы работникам было чем промочить трудовое горло.

Цех был бел и сверкал металлом. Обилие транспортеров и нескончаемые змеи трубопроводов делали его самым технологичным сооружением, увиденным Чубаккой на Земле. Сами зэки выглядели крайне опрятно, были одеты в халаты и видом напоминали скорее скучающих сотрудников советских НИИ, нежели преступников.

— А вот и твое рабочее место, приступай. Если вдруг помощь нужна или попить, то жми сюда, — Краснодар указал на кнопку справа от стола-станции оператора. — Ну с богом, седай, — он показал Чубакке на унитаз перед станцией, и, дождавшись, когда Чуи приступил к обработке первого объекта (колено вепря из Чехии), Михалыч, удовлетворенно кивнув, удалился в свой кабинет, бормоча что-то про неизбежность экономического развития.

Чубакке работа показалась странной. Несомненным плюсом было то, что он наконец-то наелся, хотя запивать устрицы слабительным оказалось не особенно вкусным.

Жизнь Чубакки стала налаживаться (он даже прикормил бездомного порга, найденного на промке) — и наладилась бы окончательно, если бы не его вера в справедливость и сострадание.

Чубакка стал тайком выносить еду и подкармливать ею зэков. Единичные акты благотворительности могли бы остаться незамеченными, но после того, как кусочки хамона стали попадаться в однородной консистенции баланды, информация о повышенной калорийности питания осужденных мгновенно достигла Берца. В этот же день после работы Чуи вместо барака отбыл на комиссию совета воспитателей.

Смена трудоустройства повторилась за тем отличием, что настрой на лицах администрации был более решительным и менее благодушным.

— Ах мразь же ты этакая, — начал Берц в свойственной ему

визгливорычащей манере. — Тебе тут доверие оказывают — можно сказать, выписывают талон на проезд в жизнь, а ты чего? Да ты дезорганизацией занимаешься! Ты продукты, запрещенные фитоконтролем, в баланду подмешиваешь! Да ты своих товарищей травишь! Ты это хоть понимаешь, пучок волос ты нечесаный?

Чубакка смотрит на бесформенные тела трех зэков — работников столовой, при содействии которых он пытался повысить питательность рациона. Зэки испещрены кровавыми следами от ударов нагаек и стульев и подают лишь формальные признаки жизни.

Чубакка понимает, что повстанческий отряд раскрыт. Чубакка закрывает глаза и начинает готовиться к худшему.

— Мы могли отправить тебя на общие работы, на лесоповал, на кирпичеобжиг, на гранитотес, на сбор биологических материалов, в конце-то концов! Но нет! Мы проявили гуманизм — выдали теплое местечко. Понимали: интеллигент и политота. И что мы получили за нашу доброту? Ледоруб в спину!

Берц ослабил мокрый от пота воротничок.

— Ну что, товарищи, какие будут предложения?

***

Дверь камеры барака усиленного режима захлопнулась за Чубаккой, и он остался наедине с самим собой. Если верить постановлению комиссии воспитателей, то до конца срока.

Здание БУРа представляло собой бетонную прямую кишку с камерами-полипами по стенам. Все заключенные тут содержались отдельно друг от друга во избежание подготовки коллективных забастовок, мятежей и прочих актов неповиновения.

По правилам, покидать камеру заключенные должны были для получения и сдачи постельных принадлежностей, а также для прогулок на свежем воздухе и ежемесячного посещения душевой кабинки (не более 10 минут). Однако Берц и его команда упростили эту сложную в администрировании процедуру:

— постельные принадлежности з/к не выдавали (поспят на полу год-другой — сговорчивее будут);

— душевая кабина все равно не работала (а чего туда шлындать, без воды-то?);

— гулять не выводили (на улице, по сути, ничего нового со дня сотворения улицы).

Зэков в БУРе СИК-1984 из камер не выпускали, лишь три раза в день через окошко в двери подавали уже знакомую (и со

временем полюбившуюся) Чубакке баланду. Иногда приходил библиотекарь и выдавал чтиво под роспись.

Книги в колонии прошли через жесткую цензуру, на каждой обязательно присутствовал типографский штамп «Одобрено сурково-володино-кириенковской пропагандой — Митрополит Министерства культуры и СМИ Соловей-Киселевский».

Чтобы хоть как-то придать дням индивидуальность, Чубакка читал все доступные материалы. Сегодня он взял в библиотеке томик Ивана Колоссального «Как еще можно было бы возвеличить Россию (хотя и так неплохо)?» и прочитал:

Глава 1

Над Москвой кружила вьюга. Колонна из трех гелендвагенов летела по ночному городу, сверкая мигалками. Саша сидел на заднем сиденье центральной машины и глядел в окно. Сегодняшний вечер, возможно, станет кульминацией его карьеры. Получивший блестящее образование, самостоятельно выучивший с ноля пять языков, прошедший стажировки в Китае и США, Саша всегда оставался патриотом и государственником. Когда его однокурсники веселились в клубах, Саша читал старых русских философов и современных американских экономистов, закалял свой интеллект в горниле дискуссий и потихоньку, по кирпичику, строил свое понимание мира. В его воображении сталь государства — единственное, что скрепляет огромную территорию России, — сплавлялась со сталью предпринимателей, которые шли вперед, дерзко отвергая привычный порядок вещей, и из этой смеси ковалось величие страны. Закончив университет, Саша оказался на перепутье. Тут-то его и нашел Второй.

Саша с благодарностью посмотрел налево: Второй внимательно читал ленту твиттера. Поразительный человек. Внешне такой мягкий, Второй сочетал в себе фантастическую работоспособность (казалось, он никогда не спал), нечеловеческую непреклонность и блестящий интеллект. Он обнаружил талантливого выпускника, приблизил к себе, сделав своим личным помощником. Саша мечтал оправдать доверие и показать, что он действительно способен сотворить чудо.

Колонна проехала по Кутузовскому проспекту, свернула на Рублевку и вылетела из Москвы. Вокруг замелькали замки местных обитателей, а вскоре свет фар выхватил из метели ворота резиденции Первого.

Первый очень любил эту усадьбу и старался бывать здесь чаще. Ему нравились вековые сосны вокруг, нравилась изящная архитектура дома, нравилась тишина. Именно здесь он проводил самые важные совещания, и на одно из них Второй вез сегодня Сашу.

Молчаливые охранники проверили гелендвагены, гости прошли внутрь. «Подожди здесь», — бросил Второй Саше, а сам вошел в дверь. Саша сел рядом. Из-за двери слышались голоса.

— Уважаемые коллеги, спасибо, что пришли, — это был голос Первого, и Саша вдруг осознал реальность происходящего. Во рту у него пересохло. — Сегодня мы будем говорить без протокола. Я прошу всех сотрудников выйти из зала.

Мимо Саши пробежали три машинистки, за ними не спеша вышли охранники.

— Друзья, наша страна столкнулась с серьезной проблемой. Темпы экономического развития неудовлетворительные. Мы сбили дыхание. Надо делать рывок — но на что?

Капитал и так бежит из страны, а тут наши западные друзья перекрыли нам свои каналы финансирования. Но дело, конечно, не в санкциях, они лишь подчеркивают остроту ситуации. Нам нужны деньги, нужны инвестиции. Мои аналитики все громче говорят, что цена на нефть упадет через несколько лет; я уверен, что скоро Запад найдет способ влиять не нее, и, уж поверьте, он не упустит своего шанса. Надо диверсифицировать экономику и привлекать инвестиции. Как мы будем это делать?

— Я недавно разговаривал с китайскими партнерами — они готовы увеличить свои закупки на 100–120 процентов за десять лет. Труба позволяет. Плюс их заинтересовал ванадий и уран.

— Игорь, ты узко мыслишь. На этом власть не сохранить. Упадет цена — и мы останемся с носом. Нужно что-то прорывное.

— Транспортный кластер! Вокруг всего Транссиба — особая зона, с технопарками и опережающим развитием. Первоначально вкладывать сможет государство, а потом и частный инвестор подтянется, я уверен.

— Иваныч, ну что ты несешь? Если тебе деньги нужны — ты скажи, я дам. На тебя хватит. Давай о деле подумаем. У нас этих зон особых — завались, а в них пустота. Второй, а ты чего молчишь? У тебя вечно какие-то идеи есть прорывные. Давай, скажи про инновации.

— Нет, Первый, сейчас про инновации не буду, ты сам знаешь, что момент мы упустили. Но есть очень интересная идея. Я позову своего человека?

Второй открыл дверь и жестом пригласил Сашу в комнату. У Саши на мгновение закружилась голова. Вокруг него сидели десять человек — вся Россия. И сейчас Россия смотрела на него с любопытством.

— Давай только покороче, Саша, ближе к делу.

Первый назвал его по имени! Пульс забился в висках: «Все, Саша, теперь не облажайся только!» Сразу к делу: наша проблема

заключается в том, что мы почти перестали получать деньги от европейских, американских и наших собственных инвесторов. Наши конкуренты держат их за шею и не позволяют вкладывать в нас. Но есть рынок капитала, который им неподвластен!

Саша заметил, как Первый заинтересованно подался вперед.

Глава 2

Пабло Рамирес Эскобар сидит в кресле. Это крепкий, достаточно молодой человек с орлиным взглядом. От него веет силой — той безудержной силой, которая сделала его самым разыскиваемым наркобароном Латинской Америки. Он одет в белоснежный костюм, его черные волосы аккуратно уложены. Перед ним на коленях стоит избитый человек. Человеку остается жить две минуты.

— Крыса, — говорит Пабло. — Ты рассказал федералам о трех плантациях коки. Сегодня утром был налет. Из-за тебя я потерял кучу денег и людей. Проклятые силовики и так сидят у меня на хвосте — хоть сворачивай бизнес. Уведите его.

Человек с трудом улыбается: он сдал федералам четыре плантации.

Пабло наливает себе стопку рома и выпивает залпом. Постепенно он успокаивается.

В комнату заходит его помощник.

— Синьор, этот сумасшедший русский здесь.

— Пусть зайдет, — говорит Пабло. — Какого черта ему нужно, зачем ехал через полмира, что он попросит? Но с такими рекомендациями… Ладно, послушаю его.

Заходит Саша. На нем строгий черный костюм, в руках кожаный дипломат. Его немного мутит от джетлага и жары, дорогая рубашка пропиталась потом.

Из дипломата появляется буклет, на буклете написано «Россия». Саша уже полгода не был дома — он проводит роуд-шоу.

— Зачем ты здесь? — спрашивает Пабло. — Ты хочешь купить кокаин?

— Нет, я хочу предложить тебе перенести бизнес.

— Зачем это мне?

— Подумай сам: федералы у тебя на хвосте, их подстегивает ЦРУ. Ты живешь на своей фазенде, как пес в клетке, Пабло, ты не можешь выйти. Ты тратишь на взятки половину дохода, но все равно не можешь быть уверен в завтрашнем дне. В России тебя будет защищать ядерное оружие, у тебя будут свои танки. Танки, Пабло. У тебя будет своя территория, и закон на ней будешь устанавливать ты. Только один человек сможет тебе приказывать — президент. Абсолютный иммунитет к любому преследованию,

никакого раскрытия информации. В рейтинге Doing Crime мы уже поднялись на пятое место. И налог — всего 13 %.

— Я подумаю, — говорит Пабло.

Глава 3

Яркое солнце светит высоко в небе. Идеально ровная дорога убегает вдаль.

Пабло, генерал армии, Герой России, глава собственной федеральной службы, едет на своем Geländewagen Special Russian Edition.

— И какой же русский не любит быстрой езды? — думает Пабло. Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Черт побери всё!» — его ли душе не любить ее? Он уже давно чувствует себя русским, ведь русский — значит, свободный — так объяснил ему Саша. Разве мог он вот так спокойно кататься в Колумбии, где дороги кишели федералами? Нет, новая родина определенно лучше.

Машиной управляет Оксана. Она одета в национальный наряд. Ее волосы светло-русые и заплетены в тугую, толстую косу. Голова увенчана кокошником, вышитым жемчугом и малахитом. В блюдцах ее огромных темно-синих глаз отражается встречная Россия. Ее алые уста с хрипотцой и костромским акцентом поют для Пабло.

Ayer los dos soñábamos con un mundo perfecto
Ayer a nuestros labios les sobraban las palabras
Porque en los ojos nos espiábamos el alma
Y la verdad no vacilaba en tu mirada

На дороге стоит огромный рекламный щит с лицом Пабло. Он въезжает на территорию своей опричнины. Солдат, курящий у танка, отдает ему честь. Пабло доволен. Он едет с инвестиционного форума. Он договорился о продаже своего кокаина в трех других опричнинах, плюс смог зафрахтовать атомную субмарину, чтобы перевезти очередной груз в Штаты. Теперь надо наладить дилерскую сеть в опричнине работорговца Джима, торговца оружием Виктора и у северных корейцев, которые выкупили Воронеж для ядерных испытаний.

Ayer nos prometimos conquistar el mundo entero
Ayer tú me juraste que este amor seria eterno
Por que una vez equivocarse suficiente
Para aprender lo que es amar sinceramente

Пабло едет по деревне. Ее основали совсем недавно: когда в городах начались протесты, вызванные прикреплением людей к земле, активисты провластных молодежных движений в знак поддержки государственной политики переехали в опричнину. Пабло не до конца понимал их мотивы: что заставило их бросить жизнь в городе, где они учились, и переехать в деревню, чтобы работать на плантациях коки за еду? Впрочем, он довольно быстро выбрасывает это из головы, когда на его пути оказывается какая-то развалюха.

— С дороги, ублюдок! — Оксана давит на сигнал и включает мигалку. Развалюха пытается уйти, но слишком медленно. Оксана в бешенстве нажимает на кнопку и начинает мигать фарами — как осветительными, так и спаренными с ними рентгеновскими. — Наслаждайся своим раком, hijo de puta!

Qué Hiciste?

> Hoy destruiste con tu orgullo la esperanza
> Hoy empañaste con tu furia mi mirada
> Borraste toda nuestra historia con tu rabia
> Y confundiste tanto amor que te entregaba
> Como permiso para así romperme el alma

Вскоре Пабло видит вдалеке крышу своей фазенды, и его сердце бьется радостнее. Жизнь прекрасна.

Глава 4

Деревья пожелтели, накрапывает легкий осенний дождик, дорогу обволакивает нежный туман. По трассе из Ново-Огарево летит кавалькада гелендвагенов. На заднем сиденье одного из них сидит Саша. Он устал и очень доволен.

Закончился очередной этап большой и нужной для страны работы. Его наградили, и не зря. Ему есть чем гордиться: в Россию приехало огромное количество бизнесменов, бюджет страны наполнился, темпы роста выше, чем в Китае. Очень скоро страна преодолеет отставание от мировых лидеров, а то и сама вырвется вперед. Саша закрыл глаза и выдохнул. Со страной все в порядке. Теперь можно подумать и о личном. Его высокий пост позволяет достаточно быстро решать мелкие бытовые проблемы.

Через месяц закончится вся бумажная волокита, и его семья переедет в земщину.

В земщине, конечно же, лучше жить, чем в опричнине: гораздо меньше насилия на улицах, действуют понятные законы, есть какая-никакая медицина. Через месяц можно будет ни о чем не беспокоиться. А там уж можно подумать, как перебраться в Эстонию.

Чубакка закрывает глаза и представляет картину прочитанного. Его обострившийся слух улавливает звук чего-то скребущегося о бетон. Звук монотонен, но нарастает. Через какое-то время Чубакка замечает, что в одном из мест на стене его светлой хаты начинает отваливаться штукатурка. Он подходит и начинает ковырять это место ложкой. Уже скоро получается отверстие диаметром в пару сантиметров. По дуновению ветра из отверстия Чуи понимает, что оно сквозное, и заглядывает в него. Он видит с другой стороны глаз, полный мудрости и меланхолии.

— Сумерки надо мной, и скоро ночь наступит. Порядок таков.

— Мастер Йода?

— Вещь чудесная — детская голова. Ответы ищет она, а не вопросы.

— Мастер Йода! Ну наконец хоть кто-то понимает мой язык, я уже упоролся тут молчать! Откуда вы тут? Где повстанцы? Где Люк? Когда, блэд, это все закончится?!

— Очисти мозг от вопросов. Спокоен будь в мире. Вопросов всегда больше, чем ответов.

— Мастер, кончайте свою философскую херь! Надо отсюда

выбираться. СРОЧНО!

— Многого не знаем мы. Туманна великая Сила. В беспокойстве она. Повсюду тьма. Ничего не видно. Спрятано будущее, в Возмущении Великой Силы оно. Терпение должны иметь мы, пока осядет муть и вода станет чистой.

Чубакка закатывает глаза.

— Мастер, давайте лучше обезоружим и перебьем охрану, вырежем администрацию и поднимем восстание!

— У тебя табака нет иль махорки?

— Я думал, вы не курите, мастер.

— В темные времена ничего не таково, каким кажется.

— Нет, ни закурить, ни заварить нетути.

— Эх. В жилку подняться велико желание меня у. Чертиков надоело тут до.

В коридоре слышны быстро приближающиеся шаги, и дверь в камеру мастера Йоды открывается; лязгают многочисленные засовы.

Чубакка прислушивается к диалогу:

— Осужденный Йодов! Выйти на середину камеры, ручки за спину, представиться!

— Йодой зовут, мастер я. На Догода-планете арестован безвинно за мятеж поднятия мысли.

— Та-а-а-ак… Продолжаешь выкобениваться? Порядок слов не тот. Осужденный, вы отказываетесь представиться?

— Серчай, начальник не. Ногтей младых с дислексией хвор. Не замысла ради, причине недуга по.

— П’нятно. Осужденный Йодов, за нарушение межкамерной изоляции и отказ представиться, то есть невыполнение законных требований администрации, вы водворяетесь в камеру ШИЗО вплоть до устранения нарушений.

— Вэй-ой!

Чубакке показалось, что он слышит звук активации меча джедая, но это работает электрошокер. Он возвращается к отверстию в стене, чтобы взглянуть на камеру Йоды, и обнаруживает в нем свернутый в трубочку крохотный кусочек бумаги. Чубакка неуклюже разворачивает его и читает: «Чувак, держись! Люк».

Чубакка ложится на пол и, улыбаясь, закрывает глаза.

ШИЗО

Еще в Бутырке Батька говорил, что, заезжая на кичу, надо всех поприветствовать и представиться. Ну я и ору:

— Арестанты, день добрый! Навальный Олег на кичу заехал!

Со всех хат начинают кричать:

— Привет!

— Салам!

— С подъемом.

— В какую хату?

Вижу, меня ведут в камеру № 3. Ору:

— В третью! В третью хату!

Открывают дверь: четырехместная камера, внутри трое, двоих я хорошо знаю. Первый — Артюха, православный. Не в том смысле, что РПЦ, а в том, что «славит правь». Их, кстати, почему-то очень много в ИК-5. Например, на момент, когда я пишу эти строки, смотрящий за Питером тоже из тех, кто придерживается «веры предков». Я этих православных довольно неплохо знаю, потому что заказывал им всякие книжки по их тематике: Велесову книгу, легенды о Евпатии Коловрате и пр. Стоит ли говорить, что эта религия идет рука об руку с ультраправыми взглядами? Наверное, и так понятно.

Второй знакомый — Умид-я-двадцать-лет-этой-жизнью-живу, узбек из 7-го барака. С ним я очень часто общался — он из соседнего отряда, а там я всех хорошо знаю.

Третий сосед — какой-то азербайджанец. Кричит охраннику: «Где, блиать, мои таблэтки?!» Желудком мучается, бедняга.

Когда я вхожу — улыбаюсь. Думаю: как кайфово, что знакомые зэки сидят. Но при виде меня Артюха и Умид встречного энтузиазма не выказывают. Наоборот, приходят в волнение. Умид шумит в дверь, орет:

— Э, начальник, что за промацовка? Забирай его отсюда!

Я не отдупляю:

— В смысле?

— Ты в непорядочном отряде.

— Умид, ты же знаешь все, я там отдельно живу, жду, когда в людской отряд поднимут.

— Долго живешь. Даже того хватит, что ты с ними непорядочным воздухом дышишь.

НЕПОРЯДОЧНЫМ воздухом. Прямо так и говорит. Артюха менее категоричен, но скороговоркой произносит:

— Олег, надо уйти, мы не можем вместе сидеть, не мы эти правила придумывали…

Ну и все в таком духе. Сказать, что я шокирован, — это вообще ничего не сказать. Соображаю. Быстро прихожу к мысли, что если сейчас сам буду уходить, то потом вообще со всей этой судьбоносной хренью не разберешься. Говорю:

— Не, не пойду никуда. Из людской хаты люди не уходят. Че, давайте, бейте, если можете.

Умид в это время шумит в дверь и непрерывно орет, чтобы меня забрали. Дверь открывается, там Свирин Василич, на тот момент — зам по безопасности и оперативной работе. Говорит мне:

— Что — хотите перевестись из камеры? Опасаетесь за свою безопасность?

— Неа, не хочу.

Умид — мне:

— Э, давай, давай, уходи.

— Хочешь — сам уходи. Это такой же мой дом, как и твой. Я не пойду.

Умида в этот момент прямо клинит.

— Что-что?

Ну и идет на меня. А я чего? Я стою незыблемо. Мозг обрабатывает варианты. Например, если я ударю Умида, то, во-первых, он ударит меня в ответ, а он явно сильнее физически. А во-вторых (и это главное), я знаю, что это прямо готовый состав преступления. Думаю, что буду только обороняться — если не вырублюсь после первого же удара, конечно.

В камеру залетают менты. Всех растаскивают. Меня уводят в камеру № 10 — одиночку. Я подавлен и деморализован. Через 15 минут открывают камеру, говорят: «Выходи». Ведут в прогулочный дворик, там уже Башир, Гело и Нико — бродяги. Все трое сидят в БУРе, то есть в том же здании (камеры тут почти идентичные, разница лишь в том, что в БУРе можно курить и владеть большим количеством предметов). Думаю: «Ну, что же теперь, а?» Говорю Баширу:

— Ну чего, опять руку жать не будешь?

Смеется:

— Не, нормально все.

Жмет руку. И они начинают все втроем говорить. Башир говорит быстро, Гело и Нико просто с катастрофическим акцентом — я ни хера не понимаю, но в целом суть в том, чтобы я не переживал, парни не могут сидеть со мной, но мой вопрос они решат, дают слово. Ну ок, че. Я им говорю:

— Я на якоре (то бишь объявил голодовку).

— Ого! А вывезешь?

— Ну, постараюсь. Ни разу не пробовал, но полон решимости.

— Окей.

Зовут обратно. Приходит Афанасьев.

— Ну что, больше не на голодовке?

— Да нет, почему же, на голодовке.

Уходит. Меня опять ведут в прогулочный дворик. Там уже все, кто сидит в БУРе, человек восемь. Все в возбуждении. Все говорят. О чем речь, хрен разберешь. Понимаю нормально только Чапу — грузина, врача-онколога, севшего за оборот наркотиков. Он мне хоть что-то объясняет. Общий смысл: мы порешали, голодовку сворачивай, в лагерь поднимешься в людской отряд. Потом Гело мне говорит:

— Дай телефон брата.

— У меня нету. — А у меня и правда его нет, потому что телефон Бро жестко DDoSили, и на нем отключена функция приема входящих звонков. — А тебе зачем?

— Я хочу связать его с Вором, чтобы они пообщались по твоему вопросу.

В переводе на нормальный язык это значит: чтобы Бро кому-то заплатил, а Вор отзвонил бы на зону и сказал, что я порядочный. Думаю: «Как этим дебилам объяснить, что мой брат не депутат, не олигарх, а борец с коррупцией из Марьино?» Говорю:

— Плохая идея. Так можно добиться только того, что посадят и брата, и Вора.

Гело смотрит на меня непонимающе.

— Ну, колпак ФСБ, все дела: слежка, прослушка.

Башир, который не в пример сообразительнее Гело, говорит:

— Да, идея очень плохая.

Башир-то понимает, что я политзэк, а в сложные политические схемы вмешивать мир криминала может быть чревато. Объясняет это Гело. Тот соглашается. Чапа дает мне жалобу в генеральную прокуратуру, которую нужно выгнать на волю. Еще мне дают кучу сигарет и спички в пакетике. Набиваю всем этим трусы.

Ведут обратно, но не в камеру, а в кабинет. Там Поросенок:

— Ну что, голодаем?

— В жилку поднимете?

— Если будешь голодать — нет.

— А если не буду?

— Подниму.

— Окей, договорились.

— Вот тебе.

И передает мне маляву, запаянную в слюду. Начальник исправительной колонии передает мне маляву от другого зэка!

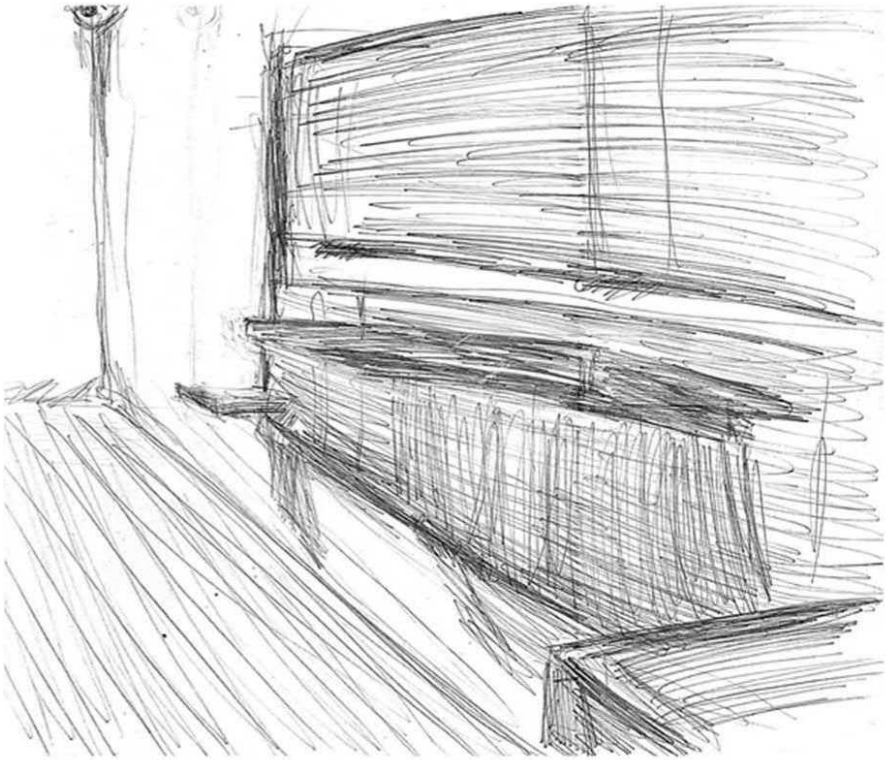
Там сообщение от Хачика: мол, он со всеми договорился, как выйду из ШИЗО — поднимусь к ним в отряд, так что можно сильно не кипишевать и т. д. Пишу ответ: мол, пусть отзвонит домой, скажет, что я в ШИЗО и без голодовки. «Без голодовки» подчеркиваю — знаю, что Поросенок прочтет и подумает, что у меня уже есть разработанный план Б. Так что знайте: можно передавать малявы по дороге, через канализацию, при помощи котов, приманенных валерьянкой, а можно для этого использовать подполковника УФСИН Афанасьева Юрия Юрьевича.

Первая пятнашка

Когда первый раз получаешь 15 суток ШИЗО, это всегда и для всех очень-очень печально. А мне с первой пятнашкой еще не повезло с моральной точки зрения — меня терзал этот дебильный вопрос с моей «мужицкой» судьбой. Короче, было о чем подумать.

Первые три дня я сидел в одноместной камере. Через стену был уже БУР, и там, тоже в одиночке, сидел Чапа. Хата выглядела примерно вот так:

В туалете была «кабура» под трубой — связь с хатой Чапы. По ней он отправлял мне сигареты и спички. Входное отверстие я закрывал аккуратно вынутым из стены камнем и замазывал края хозяйственным мылом. Ввиду того, что стены были не самые чистые и ровные, выглядело это весьма неприметно.



Самое главное, что мне удалось пообщаться с Чапой. По сравнению с другими з/к он был уже в возрасте, к тому же доктор — чуть ли не мировое светило в своей области онкологии. В БУР попал, поскольку выразил сомнения в том, что какой-то повесившийся зэк действительно совершил суицид. Еще он был недоволен тем, что на промзоне мало платят. Ну и, помимо того, что Чапа — грузин, а значит, у него есть хорошие связи с ворами в законе, он еще и умный. В отличие от 99 % зэков, он мог легко разобраться в нескольких страницах правил внутреннего распорядка. Короче, чувак крайне нежелательный в любых неизолированных условиях.

Чапа мне сказал очень простую штуку относительно моей главной проблемы: конечно, мои заслуги перед лагерем известны, и очевидно непорядочным считаться не могу, но дело это ритуальное, а многие местные блатные в сговоре с администрацией. Как поднимусь в жилую зону, нужно выйти на связь с Ворами, и они разберутся — вопрос мой несложный и для любого криминального авторитета очевидный. Ко мне наверняка будут обращаться с предложениями решить мой вопрос за деньги — так делать нельзя, лучше уже после освобождения как-то

отблагодарить Воров: накрыть стол в ресторане, например.

В таком ключе мы прообщались несколько дней. Я кое-что советовал ему по законам, чтобы он мог качать свои права. Договорились, что мой адвокат несколько раз к нему зайдет. Но потом меня перевели в соседнюю камеру (двухместную, но одного), и больше мы с Чапой о философии уголовного мира не говорили.

В ШИЗО тоже есть свои местные ритуалы. Например, вечером, когда зэки выходят за матрасами, все кричат на продол, желая доброй ночи. Через пару дней начинаешь узнавать по звукам, какую камеру открывают, кто идет за матрасом. Как правило, все кричат чуть-чуть по-разному, с разной интонацией. Я говорил: «Доброй ночи, арестанты». Такая у меня была фишка.

Здание в основном не на связи, а в редкие моменты, когда у зэков появляются телефоны, с остальным лагерем общаются тайком, чтобы никто не узнал. Но в результате менты все равно узнают, приходят и связь выбивают. Спрятать в БУРе и ШИЗО что-либо довольно трудно — везде стоят камеры. Если их отвернуть, придет шмон, а из камеры переведут.

Днем по большей части тишина, а после отбоя начинается общение сидельцев друг с другом и с лагерем. Во втором случае обычно используется следующая простейшая схема: зэк с очень громким голосом орет другому зэку с очень громким голосом, в жилой зоне, а тот орет в ответ. То есть в принципе орут на весь лагерь. Существует множество вопросов, которые решает крыша, — влияет на судьбы людей и участвует во всяческих рамсах. Могут попросить передать что-то родным на волю.

На самом деле не очень интересно, хотя бывали и очень забавные случаи. Иногда общаются не «голос БУРа» и «голос зоны», а конкретные зэки, между собой. Один раз Гело общался с каким-то русским челом со строгого режима. Как я уже говорил, у Гело ужасный акцент. Русский он знает довольно погано, голос у него низкий и хриплый, да и дыхания не особо хватало для отчетливой речи. Он орет какую-то тираду в решку, но из-за нехватки воздуха разбивает ее даже не на слова, а на отдельные слоги. Все это превращает русский язык в его исполнении в какую-то агитационную речь Гитлера. И вот он что-то проорал.

Со стороны зоны — пауза. Потом:

— Братан, повтори.

Гело снова лает.

— Братан, не обессудь, повтори!

Снова грузинско-австрийский.

— Братан, я ни хера не понял вообще.

Сам я, кстати, тоже ничего разобрал, хотя находился в паре

десятков метров от источника шума.

Менты, конечно, пытаются бороться с этим оральным общением. Например, зэков с самыми громкими голосами переселяют на дальнюю от зоны сторону здания. Казалось бы, можно установить звукоотражающие щиты и решить проблему. Но суть ведь не в самой проблеме, а в том, что это является предметом переговоров. А щиты поставишь — и уже никаких вариантов для уступок.

Внутри самого здания коммуницируют, залезая на дверную решетку и крича в отдушину под потолком. Иногда эти отдушины закрывают со стороны коридора, и это глушит звуки — приходится громче кричать. Даже когда нужно обсудить какие-то важные вопросы, сначала общаются по всякой вате — как дела, как здоровье, как дома. Знали бы вы, как мне надоела эта обязательная преамбула. На самом деле зэкам насрать, что там с твоим здоровьем и семьей. Отвечают всегда, что всё на должном, — даже если есть проблемы, с ними никто ничем не поможет.

Общение идет на самых разных языках: что на киче, что в БУРе сидят люди самых разных национальностей. О трусах — о пряниках, да и о важных вещах земляки между собой предпочитают общаться так, чтобы менты не поняли. Но когда нужно было провести интернациональный секретный разговор, пользовались простой кодировкой. Буровские делали словарик, в котором каждой букве соответствовало число (и время от времени меняли его). На продол кричали эти числа, а получатель — записывал и дешифровывал.

Некоторые используют для секретного общения специальные языки:

Соленый. Нужно просто к каждому слогу добавлять еще один слог, состоящий из буквы «с» и «родительской» гласной. То есть слово «заточка» превращается в «засатосочкаса».

Кирпичный. Более сложный, но суть та же — вместо «с» используется «к». Оригинал: «Ментов на финки, все на мойки». Перевод: «Менкетовко нака финкикики, всеке нака мойкокики».

Причем произносится все с нереальной скоростью. Со стороны звучит, как какая-то адская тарабарщина. Но на самом деле использовать эти языки не очень практично. До попадания в колонию я о таком никогда не слышал, но на самом деле это известный способ детей шифроваться от взрослых. Очень распространен в детских домах. Некоторые менты тоже с ним знакомы.

А вот как выглядит типичный день в ШИЗО.

В 4:30 начинают открывать камеры. Надо свернуть свой

матрас и отнести в матрасохранилище. Это как шубохранилище у Якунина, только маленькое — четыре квадратных метра. И хранятся там не шубы, а матрасы. Нары в камере пристегиваются к стене.

Потом сидишь и ничего не делаешь.

Потом в 6:00 приносят завтрак. В камере есть только кружка — миску и ложку выдает баландер вместе с едой. В холодное время года в последние по ходу движения баландера камеры еда попадает уже остывшей. Это очень и очень печально. Горячий чай с пайкой хлеба с утра реально рулит. Тут, кстати, очень помогла назначенная мне в тюрьме диета — с утра давали масло и яблочный сок. Гуманизм.

Потом ничего не делаешь.

Потом в 9:00 выводят на прогулку до 10:00. Можно переговариваться с з/к, которые прогуливаются по соседству. Одновременно проводится утренняя проверка.

Потом ничего не делаешь.

Потом в 13:00 приносят обед.

Потом ничего не делаешь.

Потом в 17:00 происходит вечерняя проверка: заходит мент и стучит деревянным молоточком по стенам и решеткам, проверяет — нет ли подпилов и подкопов.

Потом в 18:00 кормят ужином.

Потом ничего не делаешь.

Потом в 20:30 наступает отбой: идешь, забираешь свой матрас из матрасохранилища, в камере раскладываешь кровать на отстегнутых нарах.

Потом спишь до подъема.

В целом — так. Но я-то, конечно, был не намерен жить такой скучной жизнью все 12 дней (почему-то мне дали именно 12 вместо обычных 15). Когда сажают в ШИЗО, дают: полотенце, зубную щетку, пасту, хозяйственное мыло (уверен, оно хорошо в борьбе со вшами, да и людей может неплохо отпугивать запахом). Когда приходит библиотекарь, разрешают взять одну книгу в мягком переплете. Но это все практика, а закон, естественно, более гуманен: можно средства гигиены, свою туалетную бумагу, до десяти книг (в любом переплете), газеты (если их выписываешь — без ограничений), письменные принадлежности.

Но если бы обычный з/к что-то подобное затребовал, ему бы, наверное, рассмеялись в лицо. Я же заставил администрацию принести мне все положенное в течение пары дней. Куча бумаг и книг в моей хате очень деморализовала сотрудников отдела безопасности.

Кстати, в ШИЗО очень забавно обстоят дела с перепиской

(которая тоже разрешена). В правилах указано, что письменные принадлежности выдаются для написания писем. Нужно что-то написать — попроси ручку у охранника. Но мы же говорим про ИК-5: они, естественно, сделали распоряжение для ШИЗО, в котором указано строгое время для переписки — с 6 до 7 утра. Очень удобно, конечно. Каждый день во время проверок приходит санчасть. Ты им говоришь: «У меня острая зубная боль». Они тебе: «Пиши заявление, чтобы вывели к стоматологу» (тоже, конечно, бред, никакого заявления не нужно). Но написать его ты можешь только на следующее утро, потом отдаешь им в 10:00, и лишь через день есть шанс, что тебя выведут. Хотя на самом деле, конечно, не выведут. Даже если поверят, что зубы действительно болят, выведут не раньше, чем через неделю. Будешь биться в агонии от боли, а весь БУР начнет бузить, чтобы тебе оказали-таки медпомощь. Как я уже говорил, медицина — это тоже средство давления на з/к.

На четвертый день пребывания в ШИЗО меня снова везут в город — на этот раз в Орловскую областную больницу. Вид у меня менее молодцеватый, зато более опасный. К тому же я довольно грязный — в бараке-то я мылся каждый день, а на киче душ раз в неделю. Одет в робу, на спине которой написано крупными буквами ШИЗО, что тоже не добавляет мне адекватности в глазах стороннего наблюдателя.

Почему же меня так поспешно везут в Орел? Тут нужно вернуться к Григорию. Оказывается, в каких-то нормативных документах сказано, что нельзя водворять в ШИЗО людей с Григорием — то есть с болезнью вроде кисты в гайморовой пазухе. Конечно, решение о моем помещении в изолятор было принято раньше, чем вскрылось существование Григория. И это, безусловно, создавало определенные юридические риски для колонии. Врачи в областной больнице должны были сказать, что стадия болезни не острая и неотложная помощь не требуется, чтобы начальник медсанчасти Алексей Юрич мог прикрыть этим заключением свой патриотичный авианосцеподобный зад (забегая вперед, именно так все и получилось, конечно).

Ну мне-то что — я прокатился в город. Выяснилось, что в образовании кисты зуб-шуруп не виноват. Чтобы добраться до пазухи, ему не хватило пары миллиметров. Лор воткнула мне в нос какого-то адского вида штопор. Приговаривая: «Какие кости у тебя хорошие, крепкие», — проникла в обитель Григория, определила по каким-то признакам, что срочная операция не требуется, и постановила привезти меня через полгода, а пока понаблюдать в тюрьме. При этом причина образования Григория окутана такой же тайной, как Бермудский треугольник,

невосприимчивость Распутина к цианиду и тому подобные явления.

Короче, проблема администрации колонии была решена. Хотя один из моих зубов шатался, и я старательно изображал мучения и требовал у санчасти обезболивания.

Система

Вся эта хрень с зэками и вопросом о моей «мужицкой» судьбе была, понятное дело, подготовлена заранее ментами и блатными. Позже, уже сидя в жилке, Артюха рассказал, что за день до моего дебюта в ШИЗО блатные предупредили, что я заеду и меня нужно будет выгнать. Потом они с Умидом передо мной извинялись, говорили, что выбора у них не было — иначе блатные бы сожрали.

Понятное дело, Поросенок слово свое не сдержал — через 12 суток ШИЗО меня опять подняли в 8-й отряд, а блатные опять попросили ожидать. Что делать — непонятно. Полный отстой.

Но тут нужно отойти от микромасштаба колонии и посмотреть на более широкую картину политических дрязг уровня Орловского управления ФСИН. Я могу сильно ошибаться, могу быть неточным в деталях, а могу оказаться совершенно прав — это не очень важно на самом деле. Моя реконструкция событий основана на обрывочных наблюдениях, беседах с зэками и ментами.

Гайки в ИК-5 периодически то затягивают, то отпускают — по синусоиде. Бывали времена тотальных пыток, а бывала зона и «пьяной»: Воровской ход процветал, з/к бухали и кололись. В один из таких периодов начальником колонии стал некий Абрамчук. Тюремная легенда гласит, что он пошел с обходом зоны, решил начать с БУРа, но тамошние зэки его просто не пустили в камеры. Тогда там было все: телефоны, мебель, кайфы. Абрамчук крепко заобиделся, ввел спецназ, БУР поломал, а зону перекрасил. С тех пор зэков стали жутко бить при любом случае: на приемке, за проступки, за невыполнение нормы и т. п.

Непосредственную роль в ломке режима играл Гревцев Геннадий Александрович (aka Гена, aka Саныч, aka еще целый ряд менее популярных прозвищ типа Садист, Крокодил, Людоед и т. п. — называй, как хочешь, но общий смысл, думаю, понятен). Живет он неподалеку от зоны, а по сути, просто-таки в ней. Все тут его жуть как боятся: и менты, и зэки. Свою карьеру он начал с самого дна — был ключником, который отпирает и запирает двери при перемещениях заключенных. Говорят, что в «черные» времена исправно таскал зэкам гердос. А в момент перекраски зоны играл ключевую роль и, как поговаривают, мог даже выйти с каким-нибудь зэком в бой один на один. Выгода тут понятная: коллектив мужской, менты прессуют зэков, потому что обладают властью, — это нечестно. А если мент выигрывает в драке, то он, во-первых, получает авторитет среди зэков (не зассал), а во-

вторых, уменьшает авторитет того, с кем дерется. Было такое или нет — хз. Но поскольку Генсек, в отличие от основной массы, умный, я уверен на 100 %, что драться без уверенности в своей победе он бы не стал. Нормативы по физподготовке у фсиновцев как у спецназа. Гена и сейчас персонаж немаленький, думаю, что в более молодые годы он был силен.

В общем, он держал (и пока держит) ИК-5 в ежовых рукавицах, единолично принимая все решения и т. п. В таком стиле управления есть очевидный минус: остальные служащие настолько неавторитетны (в том числе благодаря стараниям самого Генсека), что, когда он уходит в отпуск, вся его система начинает трещать по швам. Поэтому все свои отпуска Гена тоже проводит в зоне.

Есть такая легенда: как Кирюша приехал ИК-5 размораживать. Я ее слышал от нескольких человек, с разными противоречивыми подробностями. Тут постараюсь привести версию, максимально сильную по художественной выразительности, но достаточно достоверную и отражающую суть.

Четыре Вора в законе отправляют Кирюшу в ИК-5, чтобы он сломал в ней красный режим и наладил Воровской ход. У Кирюши есть авторитет слова, поскольку его благословили на бой Братья Наши Старшие, к тому же сам он — амбалище и спортсмен, помесь Терминатора, Чака Норриса и монстра Франкенштейна. Приезжает он в зону, и его, естественно, сразу пытаются сломать. Бьют страшно. Просто убивают. Но Кирюша не ломается. Ведь он не просто так от четырех Воров двигается. Лежит в санчасти. В какой-то момент чуть ли не ползком или на костылях прорывается в локальный участок — прямо напротив жилых бараков, видно и общий, и строгий режим. Там как раз зэков выводят на работу. Кирюша кричит:

— Братва! Несу вам слово четырех Воров! Не выходить никому на работу, пока своего не добьемся!

Зэки картинно замирают, все затаили дыхание. На продоле — Генсек, контролирует вывод на работу. Не очень громко, но внятно произносит:

— А ну быстро на работу, пидарасы!

Зэки все идут на промку. Кирюша расстраивается, потом, пообщавшись с Геной, идет в завхозы. Сколачивает банду завхозов и помощников, которые налаживают козлячий ход на зоне и держат всех в еще большем ужасе, чем раньше.

Закончилась история Кирюши так. После очередного беспредела положенец лагеря, которого услали в тюрьму, поставил ультиматум: или блатные до определенного часа бьют

Кирюшу, или все уезжают в шерсть. Ехать в шерсть никому не хотелось, поэтому собрались все блатные, подтянули всех спортсменов — и Кирюшу таки уебали. Говорят, потребовалось для этого чуть ли не 50 человек, а в бараке сломали об Кирюшу все табуретки. При этом после поражения его не увезли в морг и даже не отправили на интенсивную терапию: он сам встал и пружинистой походкой спортсмена ушел к себе в барак.

Понятное дело, правил Гена не силой единой. С зэками это просто не сработало бы — не будешь же, натурально, ликвидировать всех бунтарей. Засаживать их в БУРы-СУСы — тоже палка о двух концах: так у страдальцев нехило растет авторитет. Гена — виртуоз интриг и мастер создания конфликтов в зоне, где слухи всегда находят благодатную почву. Интриги, конфликты и слухи только подпитывают образ жестокого и бесстрашного Генсека.

Рассказывают про него массу всего. Есть еще вот такая история (уверен, что неправда). Однажды к Гене, сидящему в кафе, подходят люди в масках, приставляют пистолет к голове и требуют, чтобы он перестал крепить братву на СУСе. Он им отвечает, что, если они сейчас же не уберут оружие, завтра он всех, кто сидит на СУСе, обоссыт. Также рассказывают, что однажды была чуть ли не стрелка с рукопашной битвой между братвой на воле с одной стороны и Геной и его силовиками — с другой. Гена с силовиками в рукопашной победил.

Все это я пишу, чтобы было понятно, какой образ Гены сформировался среди з/к. Но после ухода Абрамчука хозяйкой ИК-5 стал не он, а Афанасьев (aka Поросенок), в котором нет ни одной сильной черты. Он дико похож на совестливого воришку Альхена — завхоза богадельни из «12 стульев». Но у него, судя по всему, нашлись необходимые связи в Москве. К тому же Гена за годы своего жестокого правления успел оставить нехилый медийный след на форумах родственников з/к. Так что с точки зрения пиара назначать его начальником было не очень хорошо. Ну, а может, какие-то еще резоны были.

Афанасьев пришел в колонию из управы. Зачем же спускаться из головной организации «на землю»? Это же, по сути, дауншифтинг. Все дело в деньгах, mi amigos. Дела в ИК-5 шли неплохо. Неплохо. Как я понимаю, это чуть ли не лучшее по качеству и объемам швейное производство в ЦФО (среди зон, естественно). Ну а там — контрафакт, откаты и все такое прочее. Поросенок, естественно, хотел на этом нагреться (только не подумайте, что Гена не хотел бы!).

Поросенок становится хозяйкой ИК-5, а Гену, который с ним в противофазе, отсылают начальником колонии-поселения под

Мценском. Для него это, конечно, удар: промка меньше, зэков толком не побьешь, да и вообще, какие это зэки, если половина — бабы, робы не носят, а еду себе покупают за наличные в магазине. «Полный отстой», — наверняка думает про себя Гена. И начинает строить планы камбэка.

Митинг

В ИК-5 тем временем идут перемены, милые сердцу арестантскому. Сильно (в смысле, массово) не бьют, запретов проносят все больше, блатные налаживают диалог с администрацией: одно дело шантажировать железного Гену, а другое — пудинга-Афанасьева. И тут возникает две ситуации, которые сильно расшатывают трон из колючей проволоки под Поросенком.

Ситуация № 1. Вместо Гены приходит новый заместитель по безопасности и режиму, некто Зотов. Бывший опер из управления, у него не очень большой опыт непосредственной работы в колонии. Зэков он не страшит, скорее бесит, и отзываются о нем не иначе как о дебиле.

Однажды этот идиот делает обход по промке. Видит спящего под столом з/к. Зэк со строгого режима, и он, между прочим, не отлынивает от работы — сами же менты попросили его остаться на вторую смену, потому что он хороший мастер. А тут Зотов, в сопровождении свиты, видит такое безобразие. Он берет со стола чайник и поливает зэка, чтобы разбудить. З/к, конечно, просыпается. Дело даже не в том, что трудно спать, когда на тебя льют воду, а в том, что сон не идет, если льют на тебя кипяток. Придурок Зотов тупо обварил з/к. Вроде говорили, что случайно, но я в этом сильно сомневаюсь. Думаю, если взять в руки чайник с кипятком, довольно легко сообразить, что воду такой температуры лить на кожу человека не следует.

Скандал и ад. Поначалу вроде дело получается замять. Сам з/к отказывается писать заявление, какие-то свидетели из осужденных показывают, что он сам себе за шиворот налил кипятка — видимо, в самовар играл. Но тут вдруг подтягиваются фсбшники, начинают расследование, зэки дают правдивые показания, Зотова отстраняют, а тень самовара ложится на розовое тело Поросенка.

Естественно, зэки привести фсбшников не могли — даже если бы их дюжинами варили в котлах на пищеблоке. Уверен на 146 %, что у Гены просто есть друзья в ФСБ, а информацией о происходящем в колонии, где он правил 15 лет, он владеет всецело.

Ситуация № 2. Я выступаю на митинге в Марьино. Было это в сентябре 2015 года. Митинг получился не особо массовым и как бы венчал собой череду протестов, которые начались после выборов в Думу 2011 года. Хоть меня никто и не просил, я хотел написать какой-нибудь коротенький текст и передать, чтобы его

там зачитали, — такой голос из узилища. Где-то за неделю до события беседую с Бро, и он говорит:

— Не хочешь записать послание на митинг?

— Ну да, а как?

— Просто наговори мне в трубку, а я тут запишу на диктофон.

— Ооооокей, ща тебе перезвоню через час где-то.

Говорили мы по колониальному таксофону, то есть все суперзаконно и, по идее, под контролем. Я пошел, написал речь с двух сторон листочка. Звоню Бро.

— Готов?

— Да.

— Записываю.

— Погоди! Солженицын ведь умер?

— Блин, чувак, да.

— Не-не, я знал, просто проверить. А то неудобно получилось бы.

— Читай!

Ну и я читаю.

— Чувак, все нормально, но ты постарайся не просто читать, а как будто выступаешь.

— Ну окей, давай еще раз.

Толкаю в трубку речь. Не то чтобы сильно пламенно, но, понятное дело, читаю с выражением и достаточно громко для барака, полного зэков. Пока читаю, вижу, как из каптерки выходит завхоз со свитой. Думаю: «Ну, скоро к ментам меня позовут». Договорил речь.

— Всё, Бро.

— Отлично, я записал.

Речь получилась вот такая:

Всем привет из ИК-5 Нарышкино! Меня зовут Олег Навальный, и я — зэк. Еще недавно я думал, что самая странная вещь, которую я делал в жизни, — это лепить фигурки динозавров из хлебного мякиша для того, чтобы тайно передать через адвоката моему сыну на день рождения. Теперь по телефону из колонии общего режима я зачитываю послание для самых смелых людей страны, чтобы подбодрить их в борьбе за свободу.

Хотя не мне говорить вам о странностях. Те скупые новости, которые я получаю, больше похожи на сводки из Зазеркалья. Где-то жгут сыры, где-то давят гусей. Васильеву отпускают, толком не посадив, а Сенцова сажают на 20 лет. Путин снова принялся целовать детей, а его усатый голос носит часы за 600 тысяч долларов. Бюджет страны составляет, как в той песне, «я рисую на асфальте белым мелом слово “хватит“». Импортозамещение

сделано поголовным, а контроль — тотальным. Что уж говорить мне — при таких новостях я себя чувствую в относительной безопасности, с учетом того, где я сейчас нахожусь. Тут маразм происходящего сдерживается ограниченностью администрации, у вас же он ограничен фантазией правящих патриотов-террористов.

Уж не знаю, сколько народу меня слышит сейчас, уверен, что немало. Вы там давайте, держитесь. Я понимаю: 2 % по стране, 146 % рейтинг Путина — есть от чего приуныть. Будьте сильными. Телевизионный ретранслятор пока помогает жабе на трубе сдерживать процессы, зато кормить армию опричников становится все труднее и труднее с каждым днем. Толстые маститые рожи чиновников и их объяснения в телевизор, как надо затянуть пояса в борьбе против проклятого Запада и нацпредателей, становятся все меньше и меньше понятны населению, чуть ли не пятая часть которого находится за чертой бедности. Но дело в том, что если у вас опустятся руки, то с жабой ничего не сделать. Она прирастет к трубе, она окаменеет, а ее будут бережно протирать тряпочкой и показывать по телевидению еще много-много лет. Так что если сейчас вы стоите здесь, то стоите на пути воина. Воина света. Если хотите, вы стоите на пути джедая. Вы сделаете мне, всем политзаключенным, всему народу России, себе лично большое одолжение, если с этого пути не сойдете.

Старик Солженицын, будь он живой, наверное, сказал бы: «Ну что это за политзэк такой?» Ни тебе строительства Беломорканала, ни лесоповала — одни пафосные речи на диктофон. Но он был бы сильнее разочарован, если бы реальность, в которой он сидел, стала реальностью сегодняшнего дня. Вы даже не представляете, насколько до этого недалеко. Давайте же, не подкачайте, ради старика Солженицына. Давайте не подведем ребят с Болотной, не позволим, чтобы они бесцельно потеряли годы своей жизни.

Я, наверное, неправильно начал свою речь и говорю огромное спасибо всем тем, кто поддерживает, всем, кто пишет письма, — даже не представляете, как это важно. Пишите, пожалуйста, еще. Пишите всем политзэкам. Это очень важно.

Мне осталось сидеть всего 33 месяца, после чего я буду свободен. Очень хочется, чтобы к тому моменту меня встретила Россия, которая тоже будет свободной. И конечно, она будет свободной. Ведь мы ей это обещали.

Всё, Бро.

Как ни странно, менты меня не позвали. Видать, отрядные стукачи посчитали, что, раз говорил я по таксофону, все, кому нужно, мой разговор слушали (я, кстати, тоже так думал). Ан нет.

Судя по всему, силовикам надоело слушать мои разговоры с нежной Вико, мамой и прочей родней. Никакой крамолы в них не было.

Но на следующий день после митинга Поросенка, видимо, знатно отодрали. Оперативники забегали. Зовут меня.

— Пиши объяснительную.

— О чем?

— Как адвокат дал тебе телефон, а ты с него позвонил на митинг.

— Вы наркоманы, что ли? Я с таксофона звонил. Вы же пишете все.

— Нет, не звонил. Мы проверяли.

— Ну проверьте еще раз. Вроде в субботу было, часов в 11.

Вызывают позже.

— Да, звонил. Мы проверили.

— Сюрприз-сюрприз!

— Пиши объяснительную.

— О чем?

— О том, что звонил и все было по закону.

Да что не так с этими людьми вообще?

В общем, после этой истории телефон поставили в комнату начальника отряда, чтобы звонили только при нем. Прокуратура что-то там проверяла и вроде бы даже постановила, что разговор должны были прервать, так как общался я не с тем, кого указал в заявлении, а с «неопределенным кругом лиц», и бла-бла-бла. Плевать. Митинг-то уже прошел.

Даже блатных к этому всему подключили. Иду как-то в библиотеку. В локалке общего режима стоит смотрящий за зоной Гурыч. Зовет меня, дает телефон, говорит:

— Вот, запомни последний номер, с тобой хотят поговорить.

Я выпал в осадок. Телефон-то у меня, конечно, был, но в строгой тайне от блатных. А то отлетел бы на обыске сразу.

Иду в библиотеку, закрываюсь там, звоню. Отвечает какой-то гавкающий голос. Говорю:

— Это Олег Навальный. Гурыч просил набрать.

— А! Слушай, что ты там начинаешь митинг-шмитинг? — и все в таком духе. Я ему:

— Уважаемый, погоди. На митинге не было ни слова про зону и вообще про тюрьму. Я звонил с разрешенного таксофона. Не может на положении сказаться.

— Да?

— Точно.

— Ладно. Я Гурычу скажу, чтобы поднял тебя в жилку, на этой неделе.

Я думаю — круто вообще! Иду обратно к Гурычу.

— Ну что, поговорил?

— Да.

— Что сказали?

— Сказали, чтобы ты меня в жилку поднял.

— А ты им сказал, что это невозможно?

— А почему это невозможно?

— Ну ты же знаешь. Управа, менты.

— Не, не знаю. Ну мы коротко поговорили, сам объясни тогда. А кто это вообще был?

— Старший брат.

Вообще, «старший брат» значит Вор. Но я думаю, что мой собеседник Вором не был. Во-первых, он не представился, а во-вторых, говорят, жулики в разговоре спокойные и рассудительные.

Так или иначе, я сделал крутую штуку. Дело не в том, что я позвонил на митинг с зоны. Возможностей для этого куча. Главное, что я сделал это легально. И, возможно, это первое дистанционное участие п/з/к в протестном митинге в истории России.

Понятное дело, Хрюнделя за такое нахлобучили. Кейс «свари з/к» и митинг-кейс поставили точку в карьере начальника ИК-5. Скоро Афанасьев ушел в отпуск.

И пришел Гена.

Понятное дело, Гену я ненавидел заранее, даже ни разу не видев, хватило зэчьих рассказов. При личном знакомстве неприязнь только усилилась.

Когда его отправили в Мценск, все радовались. Хотя были сплетники с теорией заговора, которые утверждали, что Гена специально ушел из зоны, чтобы посмотреть, кто будет поддерживать хозяйку, а потом вернуться и покарать предателей. По-моему, з/к просто чересчур мнительные. Хотя Гена и правда пробыл в Мценске совсем недолго. После его возвращения Поросенок еще какое-то время числился во главе колонии, но реальная власть была у Гревцева, а потом он стал и формальным начальником «Нарышкино». Афанасьева же сначала отправили начальником охраны в знаменитую орловскую дурку, где еще при советской власти сидели политзэки. А потом он вернулся в управу, стал начальником оперотдела и регулярно посещал «Нарышкино».

Надо сказать, что власть режима в ИК-5 держится на стукачах. Как я понял, обычно в зонах лишь немногие з/к общаются с администрацией один на один. Обязательно должно быть хотя бы двое порядочных, чтобы была уверенность, что не

стучат. Тут же зэки с утра до вечера тянутся в здание администрации нескончаемой вереницей. Типа, у всех ДИАЛОГ. Кроме того, здесь введена практика «заявление на каждый чих» — и подавать такие заявления всегда надо лично.

Когда вернулся Гена, весь блаткомитет, расправивший было плечи при Поросенке, стал иметь вид крайне бледный. Чуть ли не в первый же день Гена собрал комиссию воспитателей — на ней раздают поощрения и взыскания. Иду я после обеда из барака в библиотеку — и что я вижу? Все блатные в полном составе стоят в локальном участке около здания воспитательного отдела. Некоторых аж подтряхивает. Ко мне подходит смотрящий за лагерем и остальная элита и говорят:

— Братан, беспредел готовится. Будут всех убивать, закрывать и т. п.

Я их успокаиваю, говорю, что общественность не останется равнодушной к беспределу. Выходит из здания Гена, командует всем блатным строиться в колонну по двое и отправляет чуть ли не маршем в дежурную часть. Вокруг все испарились — я чуть ли не единственный, кто остался. Стою в трех метрах, курю, типа наблюдаю за соблюдением законности. Гена, отправив строем блатных, подходит ко мне:

— Дошли слухи, что есть какие-то суды с колонией.

— Ну я же говорил: будете взыскания накладывать, буду судиться. Не будете накладывать — судиться не буду.

— Это надо прекратить. В противном случае буду вынужден принять жесткие меры.

— Ну окей, принимайте.

На этом и расходимся.

А где-то через пару недель при обыске моего барака нашли телефон.

Шмон

В отряде № 8 были специально обученные зэки, которые стучали на меня оперативникам, а те по их наводкам пытались изъять запрещенные предметы. Как-то я прикупил на строгом режиме флеш-карту. Я отдавал ее Диме Коскину — зэку-айтишнику, который работал в воспитательном отделе и качал мне музыку и фильмы по заказу. При этом, конечно, дичайше мандражировал. Ведь если бы его поймали за скачиванием из интернета «Прирожденных убийц», то, может, слегка пожурили бы. Но если бы поймали за скачиванием чего-нибудь для меня — прощай, УДО. Несмотря на то что у нас были хорошие отношения и даже общие интересы, жертвовать ради меня УДО ему, понятное дело, не хотелось.

Димарик был русским Гейзенбергом. Именно так его назвали в криминальных новостях НТВ, когда показывали репортаж о его приемке. Он из неблагополучной семьи. Отец отсидел десятку за гердос. Сам Дима упарывался по более молодежной наркоте и варил мет, с большим количеством которого его и взяли.

Помимо закачки фильмов Дима фоткал меня с разной длиной усов (об этом расскажу отдельно) и делал новые бейджи з/к — глупые менты очень удивлялись, откуда они у меня берутся. Да боже мой, откуда они могут браться, если бейджи всей зоне делает Коскин?!

Ну так вот: флешку я смотрел в телевизионке. Естественно, не один, поскольку поддерживал установившиеся демократические порядки. И скоро ментам стало об этом известно. Флешку я всегда носил с собой, в самом тупом для запрета месте — в носке. Носки проверяют в первую очередь.

Как-то раз иду из библиотеки в барак, меня на продоле забирает оперативник и ведет в оперотдел. У меня с собой флешка в носке, две сим-карты в ботинке, четки (хулиганки), под костюмом — футболка ПТН ПНХ (ее я сделал еще в «Бутырке» и каким-то чудом провез с собой в колонию).

В оперотделе (кабинет на шесть квадратных метров, четыре человека и три видеорегистратора) проводят полный обыск. Я покрываюсь испариной и начинаю раздеваться. И тут — лайфхак с носками и обыском.

Вообще, правила предписывают ментам быть одетыми в специальные халаты и перчатки — видимо, чтобы не пачкать вещи, не пачкаться самим и не оставлять следов (ведь можно случайно обнаружить герыч или мертвую проститутку!). Но так не шмонают. В ИК-5 халатно-перчаточников можно увидеть

только на обысках приезжающей на свидание родни, когда нужно продемонстрировать соблюдение закона для чужих. В самой колонии никто с этим не морочится. Поэтому! Носки в руки обыскивающие не берут, а просто говорят их вывернуть.

Я снимаю носок, зажимаю в нем флешку и с силой выворачиваю. Флешка, соответственно, остается где была. Носки кладу на пол, при этом флешка выпадает, а так как она в металлическом корпусе, раздается характерный звук. Мне показалось, что он был очень громким. Смотрю вниз: она лежит, поблескивая, около моей ноги. Никто кроме меня ее не видит. Напоминаю, что в кабинете, с учетом меня, пять человек, то есть по 1,2 квадратного метра на каждого. Наступаю на флешку.

Тем временем начальник оперотдела проверяет ботинки. Заглядывает внутрь. Слегка морщится. Еще бы! Июль месяц, ботинки черные, зэковские, демисезонные, весь день были на ногах — фиалками не пахнут. Начальник аккуратно приподнимает стельки двумя пальчиками, щурится, всматриваясь, что там под ними. Под стельками в ботинках пусто. Я же не дебил. Сим-карты приклеены к низу стелек двусторонним скотчем. Будь опер менее брезгливым, он вытащил бы стельки.

Я стою, не дыша, одной ногой на флешке. Обыск закончен. Надо как-то одеться. Ну, думаю, на них, наверное, наложили заклинание временной слепоты. Пока надеваю носок, аккуратно, движением фокусника, кладу флешку обратно.

Когда понимаю, что запреты проглядели, начинаю возмущаться и принимаю оскорбленный вид. Говорю высокопарно и убедительно. Ментам стыдно.

Запреты, которые скрыть не удалось, — это футболка и четки (собственно, четки ни разу не запрет, но я решаю их отдать на откуп).

В кабинет входит Поросенок.

— Ну что, закончили?

— Да.

— И что?

— Вот.

Поросенок смотрит на футболку и четки. Разочарованно говорит:

— Изъять по акту.

Опер говорит мне:

— Надо написать объяснительную про футболку.

— Что именно?

— Ну, что значит надпись.

Пишу: «Надпись ПТН ПНХ значит „Путин, пошел на хуй“».

Опер:

— Олег, ты совсем?

— Честность — лучшая политика.

Взыскание по этому инциденту не накладывалось.

Впрочем, позже флешку все-таки отжали. Сижу вечером, играю в нарды с Корешулей. Флешку смотрят в телевизионке — я давал, если просили. Тут в локальный участок, где мы состязаемся, из барака выходит дневальный и отдает мне флешку. Я еще думаю: как-то странно — зачем отдал, да еще и под окнами администрации?

Не успел я додумать эту мысль, как распахивается дверь и вбегают дежурный с опером. На дворе уже темно. Дежурный стремительно забегает в барак, а опер, увидев меня, остается снаружи. Чувствуя неладное, направляюсь к бараку. Думаю о том, что надо бы скинуть флешку в ботинок. Опер кричит: «Он здесь!» Дежурный возвращается. Я оказываюсь зажат в тамбуре. Дежурный начинает шмонать. Я выкидываю флешку в ночь, но она не перелетает забор и дзинькает где-то в локальном участке. Опер с фонарем находит ее — на то он и опер. Взыскание — административный штраф 200 рублей.

Через пару недель сижу опять же вечером на улице. Трое режимников с внезапным шмоном заходят в барак. Уходят минут через десять. Иду в барак. Там все шконки, которые стоят у окон и в углах, перевернуты. Заправляю кровать, спрашиваю у дневального:

— Что-нибудь отшмонали?

— Да. У тебя — телефон.

— ???

Проверяю свой тайник. Телефон на месте.

Оказывается, стукач в отряде слил одного из з/к — мол, у него есть телефон. Вечером, перед отбоем, когда все уже достают свои запреты, пришла шмон-бригада. Начинают обыскивать кровати. Телефон чувака, которого слили, не находят чудом — он лежал в подушке, и инспектор его просто прохлопал. Идут дальше. Происходит второе чудо: у другого з/к тоже не находят телефон, хотя он тупо лежит в тумбочке. У одного из зэков телефон при себе, и он, видя, что шмон движется к нему, кладет аппарат ко мне под одеяло.

Вообще, довольно тупой поступок, если не брать в расчет, что мои вещи шмонали редко, поскольку я каждый раз при этом сильно скандалил и взывал к праву. Телефон, естественно, находят. Но я не сильно переживал. Телефон все же не мой, меня в помещении не было. Однако взыскание — ШИЗО с водворением в СУС.

Но погодите-ка! Я забегаю вперед. Очень трудно выстраивать

правильную хронологию, когда дни подобны президентским срокам Путина — непонятно, где один заканчивается, а другой начинается.

СУС

Вообще, как я понимаю, на СУС меня решили поместить после истории с митингом. Телефон был отличным поводом, но не было бы его, нашли бы другой — это совершенно не сложно.

Как-то в библиотеку приходит дневальный ШИЗО и говорит: «На киче для кого-то вторую хату готовят. Конкретно так готовят». Думаю: «Вот блэд».

Точно, через час вызывают на комиссию: водворить в ШИЗО с дальнейшим помещением в строгие условия содержания.

Говорю:

— Телефон не мой, за что?

Поросенок:

— Вы с него брату звонили.

Дальше все, как раньше. Ведут в ШИЗО.

— Бриться!

— Не буду!

Сажают во вторую хату. Одного. Она четырехместная и самая холодная из тех, что там есть. От холода начинаю заниматься (так начинается мой путь в спорте). На киче всё как раньше. Мои узнают, что я в ШИЗО, и отправляют ко мне адвоката.

Две недели ко мне каждый день ходит мой орловский адвокат Алевтина. Свидание дают на четыре часа, в том же здании, что и кича, в отдельной комнате. Из бесед с Алевтиной узнаю, что на воле по моему поводу поднялась нехилая буча — десять тысяч человек поставили подписи в мою поддержку, включая свежего нобелевского лауреата Светлану Алексиевич. Но еще больше меня поражает наличие среди подписантов Паштета — бывшего лидера IFK, от которого я дико фанател в юности. Дело даже доходит до президентского совета по правам человека — вроде бы в колонию должна приехать комиссия.

Бро предложил годную идею — вести через адвокатов страницу в фейсбуке. Она потом становится моим главным способом защиты от ФСИНовских уебков и главной головной болью — если нет репрессий, совершенно непонятно, о чем писать.

Сообщаю буровским о приезде комиссии — решаем, что все будем жаловаться на условия содержания, плюс мне дают список людей в жилой зоне, которые должны поддержать жалобы.

Каждый день ко мне приходят и требуют произнести доклад дежурного по камере. В присутствии сотрудника администрации нужно встать, скомандовать: «Внимание, администрация!» — назвать ФИО, статью, срок, дату заключения под стражу, дату

освобождения и число человек, сидящих в камере. Это чистой воды идиотизм (я сижу в камере один), совершенно незаконно, по понятиям такие доклады делать не принято, и вообще — какого хуя?

В результате каждый день мне выдают рапорт об отказе от доклада и о том, что в камере не убрано:

— в углах паутина;

— на столе хлебные крошки;

— в санузле антисанитария.

В один из дней залетают Гена со Свириным, новым замом по безопасности и оперативной работе, и решают произвести мой личный обыск — то есть раздевают догола. Это уже мой пятый обыск за день (два — до и после встречи с адвокатом, два — до и после вывода к зубному в санчасть). В общем, к тому времени я уже не испытывал вообще никакого чувства стеснения при оголении перед посторонними. Не то чтобы я сильно стеснялся раньше, но тут уже главное — не стать эксгибиционистом.

Шмонают, пишут какой-то очередной рапорт. На следующий день приезжает комиссия из местной ОНК. Ну, эти-то в одной упряжке с режимом.

За них мент даже ведет протокол посещения колонии. При них на меня пишут очередной рапорт — за отказ от доклада и хлебные крошки. Я знаю, что все без толку, но начинаю возмущаться и перечисляю свои жалобы.

В то время в ИК-5 рядом со зданием ШИЗО располагался железный сарай, в который сажали зэков, отказавшихся от работы. Там они сидели с 8 до 20, без еды и воды, даже в туалет не выводили. В этом сарае не было буквально ничего — только пол, потолок и стены, вместо двери — решетка. Летом жара, как в христианском аду. В остальные времена года холод, как в аду японском. О существовании этой штуки я узнал, только когда во второй раз попал в ШИЗО. Из комнаты, где проходили свидания с адвокатом, мы наблюдали, как зэки в этом сарае неистово шумели, требуя выпустить их в туалет. В общем, это реальная пыточная, за такое легко можно усадить всю администрацию ИК-5 в тюрьму.

Говорю об этом ОНК. Они вздыхают, говорят, что знают о проблеме. ЗНАЮТ О ПРОБЛЕМЕ! Идут в другие камеры, там тоже все жалуются. Слышу их диалог с моим соседом.

Зэк. Меня избили. Вот, посмотрите, я весь черный от побоев.

Представитель ОНК. А как вас кормят?

Короче, группа во главе с председателем Орловской ОНК бабушкой Тамарой (Жаворонковой) нарушений в ИК-5 не нашла. Но хотя бы в ШИЗО и БУРе сделали ремонт. Ну, то есть как —

ремонт? Стены побелили. Но там и нет ничего больше.

Вечером в ШИЗО приходят Гена и замначальника управы Дорохин (кстати, в моем первом посте в фейсбуке он был не Дорохин, а малыш с монобровью, — так я намекал, что он мой враг по умолчанию, как упомянутый малыш был врагом Мэгги Симпсон). Была суббота, то есть банный день. У меня по батареям развешаны нехитрые пожитки: майки, трусы, носки. Голос у Гены уже елейный:

— Анатолич, ну как ты? А что это у тебя такое?

— Вещи после стирки.

— Что ж ты, Анатолич! Отдал бы их в баню, постирали бы там.

Ага, конечно. Представляю, какой фурор я бы произвел в зоне, если бы отправил в стирку трусы. К тому же лишился бы их.

Гена ведет меня на беседу к монобровому малышу.

— Что это ты нарушаешь, доклад не делаешь?

— Ничего я делать не должен.

— Ну нам-то виднее.

— Как сказать.

Такой вот разговор. Меня они достали уже до тошноты. И главное — каждый раз Дорохин говорит, что это последний наш разговор и больше встреч не будет. По-моему, он думал, что я огорчусь от такой перспективы. О боже, нет! Как же я лишусь компании этого жирдяя? Заканчивается все тем, что он говорит: мол, если я не одумаюсь и продолжу (до сих пор непонятно — что именно), то он отправит меня в тюрьму. Я ржу:

— В тюрьму? За хлебные крошки? Ну, можно попробовать, да.

Если помните, тюрьма — это самые суровые условия содержания в России. Сидят тут следующие категории:

— межгалактические убийцы;

— воры в законе и близкие к этому состоянию чуваки;

— террористы;

— организаторы преступных сообществ;

— особо злостные нарушители с зон;

— сильно провинившиеся представители козлобанд;

— перемещенные ради удовлетворения жажды мести администрации.

Тюрем в РФ всего семь, и в четырех из них все очень и очень плохо с точки зрения хода Воровского. Печальнее всего во Владимирской тюрьме. Про нее рассказывают ужасные истории — говорят, даже адвокаты туда не могут попасть. И беспредел никто не может остановить, потому что это прямое указание Путина. А про нижегородскую тюрьму рассказывают, что там есть специальное помещение для Путина. Он иногда приезжает туда,

поскольку дружит с начальником управы, и в этой комнате «кайфует». Обожаю зэчьи байки. Если бы эту историю никто не придумал, мир был бы более грустным местом, это точно.

В общем, не договорились мы с малышом про тюрьму.

Просыпаюсь с утра от дикой жары — батареи просто горят. Думаю: «Ага, комиссия будет сегодня». И точно — днем приезжает несколько человек из Совета по правам человека при президенте РФ. Повсюду прошли, вопросы задали. Верховодит ими некий молодой человек (позже я узнал, что он раньше в какой-то колонии работал медиком). Я ему про проблемы, про холодную пыточную. Он мне: «Мы о проблеме знаем, но сейчас там склад для лестниц».

Предложил написать расширенную жалобу и пошел дальше с обходом. А я написал жалобу на 10 листах.

Потом мне мать рассказывала, как она была на приеме в СПЧ и этот чертов докторишка рассказывал ей, что у меня нервный срыв. Мою жалобу переслали в орловскую прокуратуру, там провели проверку и — сюрприз! — не обнаружили ни одного нарушения. Тех, кто активно поддержал жалобы на БУРе, отправили потом в тюрьму. Чапу — на два года в Челябинскую область (там вроде нормально). Султана — на три года во Владимир (там не нормально). А часть буровских, из числа особо блатных, как я понял, не жаловались — выторговали у Гены, наверное, дополнительную порцию масла или что-то в этом духе (скорее всего, в результате ничего не получили). А менты продолжали писать на меня рапорты из-за хлебных крошек.

Пятнашка проходит, еду в СУС. Приводят в общий барак. Вхожу — там народец какой-то. Часть знаю по зоне, часть впервые вижу. Садимся общаться.

— Меня зовут Бек. Я за СУСом смотрю.

— Здоровенько.

Ко мне проявляют интерес — главным образом, по поводу митинга. Говорю, что митинг к тюрьме отношения не имел, он про земли вольные.

— Воля — это воля. А мы-то в тюрьме.

Ну да, тут, конечно, не поспоришь.

Потом речь заходит про мой образ жизни. Объясняю, как все происходило: про блатных, про договоренность подождать и так далее. Мне, в свою очередь, объясняют, что я слишком долго был в 8-м отряде, что мужики, если там оказываются, здоровье теряют, а я, мол, кайфовал. Пытаюсь вспомнить, как именно мужики теряли здоровье, чтобы их забрали из 8-го отряда. Получается не очень. Но в целом, я не очень удивился.

Очевидно, что весь этот разговор был подготовлен

администрацией. Зэки говорят, что мой вопрос надо перед старшими братьями поставить, а пока я не могу находиться с ними в бараке. Я, конечно, уточняю, будет ли это означать, что я сломался. Все чуть ли не хором отвечают, что нет, конечно, не будет. Просто тут такой форс-мажор — на связь только ночью можно выйти.

На самом деле все это полная туфта. Во-первых, даже если бы по заключению Вора я оказался непорядочным, то никакой проблемы в моем нахождении в бараке с остальными не было бы — уклад не нарушится. Но это я теперь знаю, а тогда чувствовал себя, как марсианин в Монголии.

За мной приходят менты, ведут к адвокату, а потом возвращают уже не в барак, а в камеру № 1, одиночку. Произошло это 31 октября 2015 года. Сейчас 16 марта 2017 года, а я до сих пор все в той же камере.

Вещи

При помещении в ШИЗО личные вещи осужденного отправляются на склад учреждения и возвращаются после отбытия им взыскания. По-моему, в ИК-5 это правило применяется только ко мне. Когда меня первый раз поместили в карцер, то в лагерь поднимать уже не должны были, я должен был остаться на специальных условиях содержания. Потом что-то изменилось — может, шумихи испугались, — и я вернулся, но в 8-м отряде уже начали делить мои вещи, и в возвращенном со склада много чего не хватало. Например, сигар.

Я всегда просил, чтобы в передачах мне отправляли несколько штук CohiBa. Мне кажется, если курить кубинские сигары в исправительной колонии, легче почувствовать внутреннюю свободу. И если вам показалось, что в этой фразе многовато пафоса, то так и задумывалось.

В общем, сигару у меня увели. Но для колонии штука это редкая. Кроме того, несколько лет назад кто-то тянул в зону спайс, пропитывая им сигары, и с тех пор они были запрещены в передачах. Вообще, так делать нельзя, но во всех зонах существуют свои странные запреты. Например, в ИК-5 не пускают мюсли, потому что через это изделие кто-то тянул метадон. То есть передавать мюсли можно, но только если на упаковке написано, что это не мюсли, а например, «Питательная смесь злаков и фруктов». И бороться с такими запретами довольно легко. Когда я узнал, что нельзя передавать сигары, я просто сказал: «А почему нельзя?» На что мне ответили: «А, ну да, сигары можно».

Надо сказать, я довольно часто ставил сотрудников ИК-5 в тупик. Мои передачи помимо продовольственной функции несли функцию эпатирующую: в колонии мне разрешали только 20 килограммов — три раза в год, и я пытался использовать такую возможность по максимуму. Душа требовала редкостей и шика, душа требовала вечеринки. Каждый раз, принимая передачу, вахта впадала в мини-ступор — там было что-то уникальное, например:

— курительные трубки, фильтры и (в особенности удивительные) ершики для чистки трубок;

— еда для космонавтов;

— брусочки твердых чернил;

— ящик сигарилл Брянской табачной компании;

— тренажер для кисти Powerball;

— два кило мармеладных мишек;

— какие-то чудовищно чуждые человеческому сознанию гелевопластиковые массы для рисования (различных цветов);

— высушенная морошка;

— спички для розжига каминов;

— протеиновые каши (я уже не говорю о протеиновых батончиках);

— полная коллекция Дэвида Боуи на виниле (шучу, хотя надо было, конечно, заказать ее);

— и так далее.

И все это (за исключением Боуи, разумеется) мне удалось в итоге получить.

А пропавшую сигару я довольно быстро обнаружил: парикмахер Пупс из 8-го отряда подарил ее завхозу столовой Дубовому Лене. Пупс сказал, что сигару ему дал ночной дневальный. Ночной дневальный сказал, что сигару взял Пупс.

В общем, шныри валили все друг на друга (у них в козлятне шла междоусобица). Как-то иду по продолу, стоят рядом Пупс и этот ночной дневальный.

— Ну, — говорю, — шерсть, признавайтесь, кто увел мою сигару?

— Он! — хором говорят оба и показывают друг на друга. А потом последовательно бьют друг друга по роже. Черт, это доставило мне даже большее удовольствие, чем само курение сигар.

При повторном водворении в ШИЗО у меня опять все забрали на склад, но потом, когда поднимали на СУС, выдали обратно. Раздражающая, должен сказать, процедура. Во-первых, пропадает все съестное — на склад его тупо не берут, потому что там нет условий для хранения. Во-вторых, пропадают тетради и книги, которые лежали не в тумбочке, а все остальное свалено в кучу и перемешано. Когда я все получил, то раскладывал по хате до полуночи.

На следующий день, в 6:00 утра, приходит сотрудник и знакомит меня с приказом об увольнении из библиотеки и трудоустройстве уборщиком помещений. А в 10:00 меня снова водворяют в ШИЗО. Едем из СУСа вместе с Петрухой и Илюхой-наркоманом. В хату со мной они садиться отказываются.

Вечером общаемся через вытяжку — говорят, что до старших братьев по моему вопросу не тянулись, но, собравшись между собой, решили, что надо оставить все, как есть. Буровские не очень этим довольны. Шумят, что если я с Ворами на связь выйти не могу, надо мой вопрос решать под крышей, и БУР готов за меня хорошие слова говорить. Если вы это читаете и ни хрена не понимаете, то чувствуете себя примерно как я в тот момент.

Донести слово БУРа до СУСа поручают Шамси — чуваку со строгого режима, который сидит четвертую пятнашку подряд и должен скоро на сутки подняться в СУС. Вообще, несколько ШИЗО подряд по закону в то время давать было нельзя (сейчас — можно), и администрация почему-то этому правилу иногда следует: тогда пятнашки идут друг за другом «через матрас», то есть сидельца на один день поднимают в отряд, а потом за какое-нибудь нарушение отправляют обратно в ШИЗО.

Позже, на прогулке, Илюха и Петруха извинились за то, что не хотели идти со мной в хату: мол, не обессудь, сам понимаешь, как тут все устроено. То есть говорили ровно теми же словами, что и люди, которые судили нас с Бро. Какая ирония, да?

Уже позже я узнал, что на упомянутом общем собрании сусовских сначала масса проголосовала за то, чтобы принять меня, потом смотрящий что-то еще сказал, опять проголосовали, но уже не в мою пользу. Прямо лобное место «Дома-2» какое-то. И все всё понимают, и все смотрят в стол.

Но тут случилось вот что. Еще летом, когда я сидел в карцере, Чапа попросил, чтобы я посодействовал визиту в ИК-5 Андрея Бабушкина. У него в колонии была репутация правозащитника, который реально может помочь. Я связался с Бро, и тот сказал, что Бабушкин очень постарается приехать, когда станет чуть посвободнее. Так совпало, что посвободнее Бабушкин стал как раз в момент моего третьего ШИЗО. Благую весть мне принес адвокат, и я тут же передал ее буровским.

Все начинают готовиться к Противостоянию 2.0. И тут меня вызывают к начальству и зачитывают постановление суда: от моего адвоката поступило ходатайство о применении обеспечительных мер. В общем, если коротко, мы обжаловали взыскание и просили суд приостановить ШИЗО. Ведь если решения суда еще нет, а я уже отсидел 15 суток в ШИЗО, восстановить справедливость уже не получится. Дерзкий ход, который весьма озадачил администрацию.

Получается, что гнобить меня в карцере не получится. Суд после иска продлится пару месяцев, апелляция займет еще месяца два-три. Даже если я проиграю на всех этапах, в ШИЗО я окажусь не раньше чем через пять месяцев после того, как у администрации появится желание меня туда отправить. Мой адвокат Кирилл — молодчина.

Меня опять поднимают на СУС. Опять разбираю вещи.

Тем временем в колонию приезжает Бабушкин. Он устраивает администрации и управе полный ад. Ходит по территории с 9 утра до 9 вечера, с собой таскает не только все начальство колонии, но и начальство управы, а заодно и председателя

местной ОНК. Бабушка Тамара к вечеру выглядит великомученицей.

Заканчивается чёс на СУСе. Я перечисляю все те же жалобы. От остальных з/к жалоб нет (как я понимаю, с ними поработал Генсек). Но Бабушкин не зря обладает такой хорошей репутацией. Ему не нужны жалобы зэков — достаточно иметь глаза и знать нормативную базу. Уж не знаю, почему так вышло, но, наверное, ни одна колония в стране не соответствует нормативам Минюста.

В речи Бабушкин использует выражения типа «колония с худшими условиями по соблюдению прав человека», «вынужден буду доложить на совете при президенте» и тому подобное. Чувак знает свое дело — а значит, знает, чего боятся начальники ИК в глубинке. Все менты имеют крайне бледный вид.

Выясняем, за что я на СУСе.

Поросенок. У него найден телефон.

Я. Это не мой телефон.

Поросенок. Он звонил с него жене.

Бабушкин. Можно посмотреть список звонков?

Поросенок. Его может предоставить только компания-оператор по запросу суда.

Тут бы всем удивиться — откуда же этот хряк знает, куда я звонил? Но никто не удивляется. Все знают о тесном сотрудничестве ФСИН со спецслужбами и о том, что вертухаи оперативно ведут прослушку номеров, которые засвечиваются при использовании в колонии. То ли получают номера у стукачей, то ли просто чохом слушают всех, кто использует местную мобильную связь. В последнем случае приватность переговоров местных жителей тоже в опасности.

Общий смысл всего этого разговора подытоживает Бабушкин:

— Отстаньте вы от него, а то я удушу вас проверками.

Тут он, конечно, блефовал. Все же его сфера влияния ограничена Москвой, не говоря уж о том, что полномочия ОНК и СПЧ в принципе не такие уж широкие. Но впечатление он на всех произвел грандиозное. И меня на какое-то время действительно оставили в покое.

Потом я начал судиться с колонией. Да так, что заседания суда были чуть ли не каждый день. Это совершенно парализовало юридическую службу ИК-5, состоявшую из одного — и, кстати, крайне непрофессионального — правоведа. А кроме того, в аду пребывали дежурные, опера и прочие служащие, которых мы вызывали в качестве свидетелей.

Хуже всего, конечно, пришлось моему адвокату Кириллу, который некоторое время был вынужден попросту жить в Орле. Не хочу сказать про этот город ничего плохого, но, по-моему,

Кириллу было бы приятнее пожить дома.

В результате примерно половину взысканий мы отсудили: хлебные крошки, доклады и еще пару мелочей. С остальными не получилось. Наверное, мы отбили бы почти все, но в совсем критические моменты менты приводили свидетелей (причем всегда одних и тех же), которые говорили, что я портил имущество, владел запрещенными предметами и вот этот вот все. Причем говорили под присягой, то есть формально у суда не было оснований не доверять их показаниям. Самое мерзкое — что чуваки эти ничего не видели. Хорошо еще, что не пришили мне хранение мертвой проститутки в бауле с личными вещами.

Но, конечно, такое стукачество плохо для кармы.

Сутормин — ему я еще в жилке прописал пару лещей. Потом, как рассказывают, он стал завхозом, и только что поднятый с карантина малолетка разбил ему табло.

Завхоз отряда Виталий — родственник какого-то местного уфсиновца. Пока сидел, от него ушла жена.

Герин — у чувака диагностировали рак. Он, наверное, помер уже. Его должны были помиловать: зэков с терминальной стадией заболеваний обычно выпускают, но так, чтобы на воле они пробыли не больше недели.

Первых двух стукачей занесли в точковки как сук, и когда они заедут в следующий раз, все у них будет весьма печально. Третий сейчас, наверное, держит ответ за свой предательский поступок перед Летающим макаронным монстром. Вообще, показания на меня давали и другие — например, несколько баландеров (хотя кое-кто и отказался — молодцы). Но вот эти трое, конечно, совсем омерзительные были.

Адвокаты

Можно с уверенностью сказать, что благодаря адвокатам я держал ИК-5 в постоянном напряжении. Более того, не уверен, что я так легко перенес бы почти два года в одиночке, не имей я возможность раз в неделю прогуляться от СУСа до здания администрации, где проходили свидания с защитниками — Кириллом и Алевтиной.

Кирилл из Москвы, с ним вы уже знакомы, Алевтина из Нарышкино — живет за забором колонии. Собственно, Кирилл занимался основным судом и последующим разбирательством в ЕСПЧ, а также тяжбами с колонией. Алевтина помогала с тяжбами, но в основном занималась мелкими жалобами, ну и просто была своим человеком с возможностью быстрой мобилизации. Каждый раз, когда я попадал в ШИЗО, соседи-арестанты отправляли об этом сообщение жене, та выводила Алевтину из режима ожидания, и на следующий день она уже была у меня в гостях.

За эти три с лишним года мы стали более чем близки. Известно, что подзащитный и адвокат говорят про себя как про единое целое — будто мать про своего маленького ребенка: «мы покушали», «мы подали апелляционную жалобу», «у нас животик болит», «мы сформулируем свою позицию в дополнительных письменных возражениях». Ну, вы понимаете.

Во время наших четырехчасовых встреч Алевтина и Кирилл видели меня во всех эмоциональных состояниях, я переговорил с ними буквально обо всем на свете. Алевтину я в основном пытался убедить, что у Украины нечестно отжали Крым. Не то, чтобы она со мной согласилась, но кошмары про американские авианосцы на рейде у Севастополя ей сниться перестали.

Не пустить адвоката не могут. А он обеспечивает связь с внешним миром. Через адвокатов я передавал тексты для своего блога, вел переписку с семьей и некоторыми друзьями, отдавал рисунки и материалы для журналов и электронных изданий. В конце концов, всю эту книгу в рукописях вынесли из зоны именно мои законные представители.

Вообще, можно ли что-то передавать через адвоката — вопрос спорный, только недавно был жуткий скандал, когда адвокат вынес тетрадку с записями после встречи с террористом, подорвавшим в Питере метро. Тогда у адвоката отобрали лицензию, сформировав, таким образом, судебную практику. В Нарышкино после этого контроль строже не стал, но адвокаты стали больше опасаться. Получается, не важно, что ты передал —

героин или фотографию детей. Статус адвоката можно потерять.

Но проблемы возникли только один раз, уже под конец моего (или нашего?) срока. Мне дали бланк заявления, в котором нужно было указать, где я буду жить и работать на свободе. Я его заполнил в юмористическом ключе и передал через адвокатов, чтобы повесили в блоге. У ментов жуткий скандал — управление увидело в интернете казенный бланк: получается, что я передал его через адвоката, то есть ухищренно и незаконно. Всех, кого могли наказать, — наказали, а в комнате свиданий повесили видеокамеру (я уверен, что негласные средства аудио- и видеоконтроля там и так есть, но, видимо, такое было указание какого-то тупыша).

Документы я все равно передавал. Это просто: приходим в комнату, у адвоката и у меня куча бумаг, мы их раскладываем по стопочкам и складываем, раскладываем и складываем, и в результате его документы оказываются у меня, а мои — у него. Но чаще всего передавали, не таясь. Было очевидно, что никто не следит. Нет смысла.

Я делал самые разные запросы, которые сводили моих несчастных адвокатов с ума: M&M`s с арахисом, 20 белых пуговиц (решили нашить белые пуговицы на черную робу), щипчики для ногтей, различные ручки, канцелярский клей, батарейки для часов, гамбургер из бургерной «Цоколь», подписки на странные газеты (иногда — на других людей), распечатки всех решений Урицкого районного суда за последние 5 лет по спорам с администрацией ИК, написать жалобу в местную прокуратуру насчет того, что фабрика по переработке мусора по соседству дико воняет, написать ту же жалобу губернатору, распечатать мне бирку на робу, но только с какой-нибудь прикольной фоткой, забрать письма на складе и передать их Вико, купить продуктов по списку и передать их на воле Нуриману, чтобы тот передал через вахту в зону сверх положенной нормы, — и все в таком духе. Кроме того, со своими адвокатами я консультировался, когда писал запросы для других з/к, и через них, собственно, вел всю переписку с судами.

Самому мне вынесли за время отсидки около 40 взысканий — часть из них удалось отменить через суд, но судились мы абсолютно по каждому случаю. Конечно, в основном я был виноват. То есть виноват с точки зрения нормативов, но не с точки зрения здравого смысла. К чести Кирилла, он всегда находил какие-то возможности зацепиться, и многие судебные заседания у нас были прямо как в настоящих судебных шоу. Мы заказывали какие-то экспертизы, допрашивали свидетелей и дополнительных свидетелей, делали запросы в Минюст и

«Яндекс.Карты» и прочее. Было бы весело тут приложить все материалы наших тяжб, но они занимают несколько томов, и редактор умоляет меня не публиковать их ранее 18-го переиздания книги. Так что вот самые сочные случаи.

Каждый раз, когда администрация фиксирует нарушение, пишется рапорт на имя начальника колонии, а я на его же имя пишу объяснительную — это фундамент, на котором потом строится противостояние. На самом деле моей задачей при даче объяснительной было просто уйти от ответа, чтобы мои показания потом не помешали адвокату меня защитить (это, кстати, хороший лайфхак на все случаи и времена). Поэтому иногда я чересчур отвлеченно изъяснялся в своих письменных показаниях.

Рапорт № 365. Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения, не выполнил команду «отбой». Во время обхода отряда № 8 данный осужденный находился в вещевой комнате.

Объяснительная. Понятие команды «отбой» не предусмотрено ПВРИУ и распорядком для осужденных. На мой взгляд, команды выполняют животные, а люди выполняют законы.

Рапорт № 485. Во время осуществления надзора за осужденными, содержащимися в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, по системе видеонаблюдения (в/к № 1) было выявлено, что осужденный, содержащийся в камере № 1 ШИЗО, находился с нарушением формы одежды (без куртки х/б, без нагрудного знака)… Было установлено, что это осужденный Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения.

Объяснительная. Рапорт № 485 смехотворен. В камере № 1 ШИЗО ИК-5 холодно, как в гробу, поэтому без куртки х/б я мог быть только в случае, если умывался, чтобы не зарасти грязью (или пришел из бани, например), или занимался спортом, чтобы не умереть от холода.

Рапорт № 361. 05.03.2018 года в 23 часа 55 минут во время осуществления надзора за осужденными по системе видеонаблюдения (в/к № 11) было выявлено, что осужденный отряда № 9 Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения, содержащийся в комнате № 1 СУОН, не соблюдает распорядок дня осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания без вывода на работу, установленный в ИУ, согласно которого с 21 часа 00 минут до 05 часов 00 минут — непрерывный сон. А именно — находится за столом и рисует. На сделанные мной замечания осужденный Навальный О.А. не отреагировал.

Объяснительная. Довожу до вашего сведения, что ПВР не закрепляет обязанность непременно находиться на спальном

месте после отбоя, так как требование это — бредовое, Законы не основываются на бреде, законы, в конечном итоге, основываются на Конституции РФ. Кстати говоря, в ней написано, что единственным источником власти в России является народ (то есть в том числе и я), а не всякие упыри из управы, которые приезжают к нам с бессмысленными проверками по ночам и требуют выносить взыскания, основанные на бреде.

Рапорт № 909. Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения, 21.05.2018 года, в 08 часов 37 минут, содержащийся в отряде № 9 (СУОН), находился в помещении дневного пребывания с нарушением формы одежды, а именно: без нагрудного отличительного знака.

Объяснительная. Вы тут с вашими подготовками к приезду всяких ваших начальников всех издергали. Трое суток перед 21.05 все готовились к приезду первого зама управы (все были в нагрудных знаках, зуб даю). Когда он приехал, мой лепень (более известный как куртка х/б) потерялся в результате хаоса и неразберихи, устроенной сотрудниками. В целом вся сцена напоминала, как показывали Кота Котофеича лесным зверям. Был такой мультик. Только там Кот Котофеич — милый, а ваш — на редкость неприятный.

Рапорт № 994. Во время осуществления надзора за осужденными, содержащимися в ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, по системе видеонаблюдения (в/к № 2) было выявлено, что осужденный, содержащийся в камере № 2 ШИЗО, находился с нарушением формы одежды (без куртки х/б установленного образца с нагрудным отличительным знаком)… Было установлено, что это осужденный Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения.

Объяснительная. Довожу до вашего сведения, что все эти ваши камеры видеонаблюдения, глазки для того, чтобы подсматривать, и вот это вот все мне сильно не по душе. Видимо, у всех подсматривающих серьезные девиации сознания, раз они считают, что ходить в майке как-то неправильно. Могу дать телефон доктора Кеворкяна.

Рапорт № 938. Навальный Олег Анатольевич, 1983 года рождения, из прогулочного дворика № 1 переговаривался с осужденными из прогулочных двориков №№ 4, 5, при этом высказывал: «В субботу приезжал "Колобок" и вые…л (нецензурное слово) всю администрацию этой зоны». На сделанное замечание по факту прекращения переговоров и не употребления нецензурных слов осужденный Навальный О.А. обращался ко мне на «ты».

К этому рапорту парной объяснительной нет, потому что администрация мне его не показывала. Но тут особо не

придерешься, все точно изложено — Колобок, как зэки называли правозащитника Бабушкина, действительно приехал и действительно выебал.

Был период, когда мы постоянно выигрывали суды, но потом, видимо, кто-то обратил на это внимание, и выигрывать мы перестали. За нами закрепили судью, который меня и Кирилла просто ненавидел, так как считал себя умником. Но умниками были, конечно, мы с Кириллом. И Алевтина. Алевтина тоже умница.

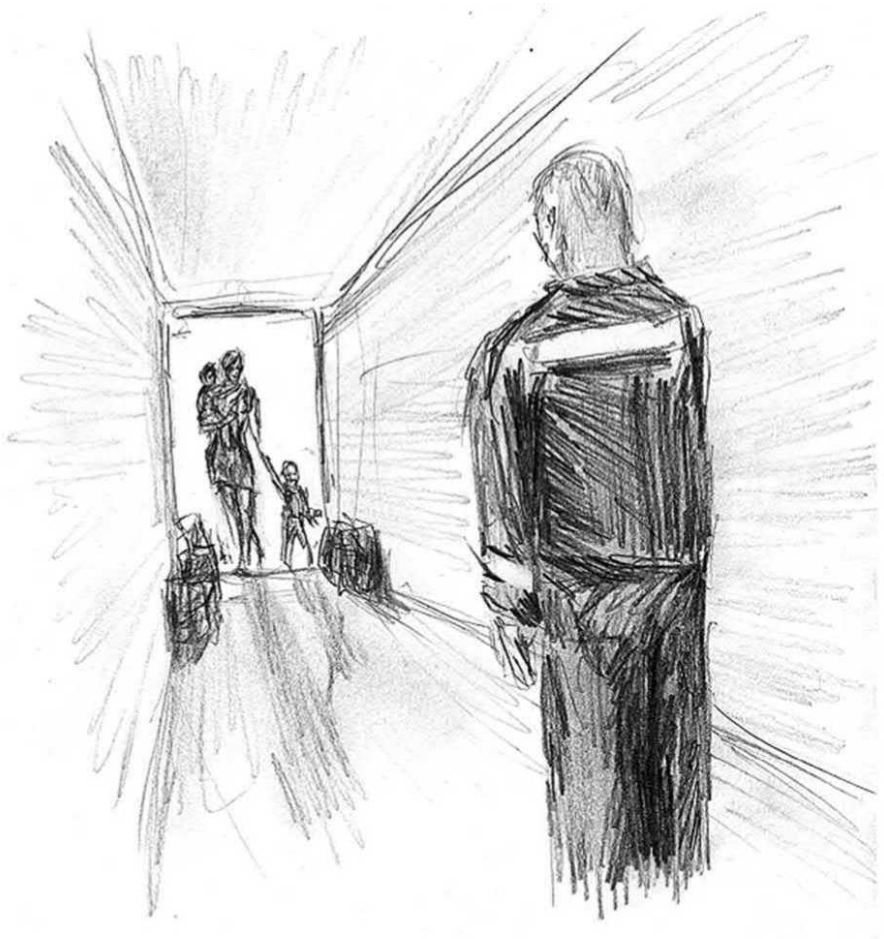
Свидания

Длительное свидание — это тяжело. Ты их ждешь, готовишься, мастеришь поделки для детей, делаешь рисунки для жены и для всех остальных. Понимаешь, что они никому на фиг не нужны, но все равно пытаешься сделать хоть что-то. В день перед свиданием просыпаешься, и время будто замедляется. Ты долго ходишь туда-сюда. А потом видишь родных — и это так прекрасно! Но они какие-то грустные. Потому что сама обстановка крайне печальная, к тому же им только что пришлось пройти через бесконечные обыски. Если к вам когда-нибудь залезали в квартиру, вы легко поймете, каково это: чувствуешь омерзение, хочешь все убрать и перестирать. Но зэк к этому привыкает, его шмонают иногда по несколько раз на дню. А родные — нет.

Описать чувства, которые испытываешь, приходя на длительные свидания, достаточно сложно. В первый день ты вообще забываешь о том, что сидишь в тюрьме. Но потом, к концу третьего дня, когда ты понимаешь, что через несколько часов тебя заберут, собираешь вещи и сидишь, как на вокзале перед отправлением поезда, — сердце разрывается, у всех слезы на глазах и все такое.

Сначала длительные свидания у меня были раз в три месяца, но потом, когда меня перевели на СУС, — раз в полгода, и это, конечно, катастрофически мало. К тому же часть отменили из-за того, что я сидел в ШИЗО.

Через два с половиной года после того, как я заехал в Нарышкино, на длительном свидании состоялось мое полноценное знакомство с младшим сыном Остапом. Когда меня посадили, ему было всего 11 месяцев, он еще ходить толком не умел. Я, конечно, очень волновался, но Остап оказался каким-то совершенно удивительным ребенком, суперобщительным и супердоброжелательным. Клянусь Летающим макаронным монстром, этот чувак сможет посылать легионы на смерть, просто демонстрируя ямочки на своем улыбающемся лице. А пока выдавал примерно четыре тысячи слов в минуту: «Привет! А ты мой папа? Папа Олег. А как у тебя дела? Ой, я так тебя люблю!»



К этому свиданию я готовился очень основательно. Дети дико любят динозавров, и Лена Марус из ФБК прислала мне инструкции для изготовления оригами-ящеров — всех, каких только можно сделать при помощи древнего японского искусства, — а также специальные листочки для складывания. В итоге я стал мастером по бумажным динозаврам 80-го уровня, могу некоторых даже вслепую собирать. Когда пришли дети, я победоносно вывалил перед ними целый мешок с различными игуанодонтами и стегозаврами. Они впечатлились, но не особо:

— Ой, классно, а что еще ты нам принес?

Отдали им Lego, которое родные тайком от детей пронесли на свидание, как бы от меня. Зато потом я серьезно прокачал шею и трапецию, транспортируя Степана (aka Торнадо) и Остапа (aka

Гора) по комнате длительных свиданий. Не бесцельно, как могло показаться: дети в бреющем полете аннигилировали плодовых мух, представленных в количестве, намекающем на то, что предыдущие свидание в комнате было у трупа.

Удивительно, как дети запоминают некоторые вещи. Когда на первое свидание приехал старший сын Степан, он сразу стал спрашивать:

— Папа, когда ты приедешь с работы?

Детям, конечно, говорили, что я просто в очень долгой командировке.

— Приеду, когда ты научишься плавать, чтобы мы пошли поплавать с дельфином.

— Ага, хорошо.

И с тех пор он каждый раз говорил:

— Папа, я еще не научился плавать, но обязательно научусь. Ты это в расчет не бери, если хочешь вернуться с работы прямо сейчас, возвращайся.

Очень тяжело все это. От детей такая нежность исходит, когда они говорят:

— Папа, а может, ты приедешь, я так по тебе скучаю! Мы так тебя любим!

А ты говоришь:

— Я не могу, работа очень важная.

— Ну ладно…

И это, пожалуй, единственное, чего нельзя вернуть.

А когда, например, ты знаешь, что дети болеют, у них температура, им скорую вызывают, чувствуешь себя дико виноватым перед ними. Понимаешь, что сидишь в этой тюрьме ни за что, — а все равно чувствуешь вину.

В общем, свидания полны не только огромной радости, но и печали. Есть куча зэков, которые не ходят на длительные, потому что после них начинается жуткая, катастрофическая депрессия. Неделю от нее не можешь отойти.

Когда возвращаешься в барак или хату, все зэки тебя ждут, начинается бесконечное: «Братан, как прошло? Как здоровье у родных, близких? Ну дай бог, дай бог!» Естественно, ты говоришь, что хорошо. Если сказать, что все плохо, — чем они тебе помогут? Но ждут и расспрашивают тебя зэки не потому, что они твои друзья, а потому, что ты должен принести еду (ее всегда остается куча) и поделиться с ними. Омерзительно все это понимать.

Одиночка

Сижу я, значит, в одиночке. Не просто в одиночке, а в ее VIP-версии, конечно. В принципе, одиночная камера — это мера взыскания в тюрьме. Сажают туда каких-то совсем уж злодеев, и не дольше, чем на полгода. В колониях одиночек вообще быть не должно. Поэтому по факту мне дали шестиместную, в которой была только одна кровать. То есть тонна места.

В камере стол, табурет, одноярусные нары, раковина, тубзик. Туалет огорожен в отдельную комнату с огромным непрозрачно-пластиковым окном. Зачем же окно в туалете? Все просто — чтобы туда попадал свет из камеры. А почему же не сделать лампочку в туалете? Все просто — это закон, написанный кровью. Еще вопросы есть? Ватерклозет шикарный и просторный. Когда вы сидите на кортасах на унитазе, ваши колени не касаются двери (обычно по-другому, и при росте 190 приходится изображать чудеса балансовой устойчивости).

Батарея обрамляет комнату наполовину, то есть идет по западной и северной стене. Части света знаю точно, так как закат происходит строго напротив окна — солнце уходит в верхушки сосен нарышкинского лесопарка, расположенного за забором ИК-5.

Вообще, мне было не очень понятно, почему все так боятся попасть на СУС. Понятное дело, сидишь в закрытом помещении, на воздух выходишь редко, зато:

— не надо по два часа в день стоять на морозе или солнцепеке во время проверок;

— не надо работать (просто негде);

— можно хоть весь день спать.

Ну, то есть натурально — санаторий, а не тюрьма.

Как почти всё, СУС в ИК-5 сделан совершенно неправильно. По идее, это должен быть обычный барак с двумя дверями: одна входная, вторая — в спальное помещение. Днем зэков должны выгонять из спальни, чтобы они тусовались в другой части барака. Но в ИК-5 два режима — общий и строгий, и они не должны перемешиваться. Поэтому сделать «как должно быть» в одном здании нельзя, а значит, сделали хрен знает как. Раньше тут вообще были только камеры, то есть по сути — ПКТ, только кровати не пристегиваются к стенам и можно иметь больше вещей. Потом часть камер объединили, и получилось одно большое помещение с 15 двухъярусными нарами, столовая, кабинет инспектора, кабинет оперов, комната, в которой стоят лавки и телевизор, вещевка, баня и три небольших камеры, на

шесть человек каждая. В большой камере (бараке) должен был сидеть только общий режим (но сидел, и часто, строгий), в одной из маленьких камер — непорядочные козлы, во второй — строгий режим, в третьей — я.

Мы со строгим режимом сидели по соседству и настойчиво пытались сделать кабуру между хатами, но ее сначала залили цементом, потом заварили стальными листами, а потом и вовсе разменяли строгачей и козлов местами. Когда зэков выводят из одной локации в другую, они могут свободно подходить к дверям и общаться с остальными сидельцами. От моей хаты их гоняли (кто-то дал такое странное указание), хотя они все равно подходили и общались — просто с регулярными скандалами.

Пока я не заехал, на прогулку до обеда выводили строгий режим и козлов, а после обеда — общий. Потом меня стали выводить с 10 до 11:30, общий и строгий — с 13 до 16, а козлов — с 16 до 17. В столовую меня тоже выводили одного, да и телик я бы наверняка смотрел в одиночестве (если бы выразил такое желание — но я не выражал, потому что там было всего два канала, и оба государственные). Даже в баню один, самым первым, в 6 утра. Черт. Совсем-совсем один.

Бывали даже недели, когда, может, только раз какой-нибудь зэк подходил к двери моей хаты поздороваться.

Сначала это одиночное сидение даже было по кайфу, первые недели две, а потом, честно сказать, стало скучновато. Полный отстой.

Ну и что же делать? Естественно, заниматься саморазвитием.

Саморазвитие

Для начала я, конечно, отоспался. Вообще, формально днем спать нельзя, но что со мной можно сделать? Посадить в более одинокую одиночку? Пффффф.

Потом я обчитался. Когда за неделю осилил всю печатную версию «Игр престолов» и мне еще неделю снились штурмы замков и красные свадьбы, решил, что чтение и сон надо чем-то разбавлять.

Примерно четыре миллиарда раз я рассказал эту историю везде, где только можно, но если вы не слышали, то вот мой рецепт убийства времени:

Шаг 1. Составьте себе расписание на день.

Шаг 2. Заполните его всякими активностями: спорт, чтение, обучение, творчество и т. д. Желательно, чтобы один и тот же набор активностей не повторялся каждый день.

Шаг 3. Сделайте расписание нереализуемым.

Получается, что весь день ты что-то делаешь по намеченному плану, но как ни стараешься — успеть не можешь. Значит, времени не хватает катастрофически. То есть оно максимально эффективно убито. Ха! Шах и мат, время.

Вот чем я успел позаниматься:

Спорт. С утра забираешь завтрак в камеру, делаешь всякую легкую комплексную гимнастику. Во время прогулки выполняешь упражнения на одну группу мышц (примерно полтора часа), после вечерней проверки на другую.

Каждую группу тренируешь дважды в неделю (руки, грудь, спина, ноги, плечи, пресс).

Отдельное внимание хочу обратить на то, что я всю жизнь ненавидел спорт и презирал спортсменов. И сейчас, по прошествии 35 лет жизни и 3,5 лет заключения, ничего в этом плане не изменилось. Ну чуваки, согласитесь, занятия спортом выглядят охрененно противоестественно. Ученые, давайте быстрее изобретайте безвредную таблетку против жира и за мышцы.

Первым моим спортивным испытанием стала игра в лесенку со Спайсом (хочу напомнить, что Спайс — это прозвище зэка, а не то, о чем вы подумали; и да — посадили Спайса именно за то, о чем вы подумали). Лесенка — это когда ты делаешь приседание, потом твой соперник делает приседание, потом ты два, потом он два, ну и так далее. Мы дошли до 16-го круга (а это по 136 приседаний каждый) и договорились на ничью. Нормальной моя походка стала только через неделю, в течение которой я ходил в

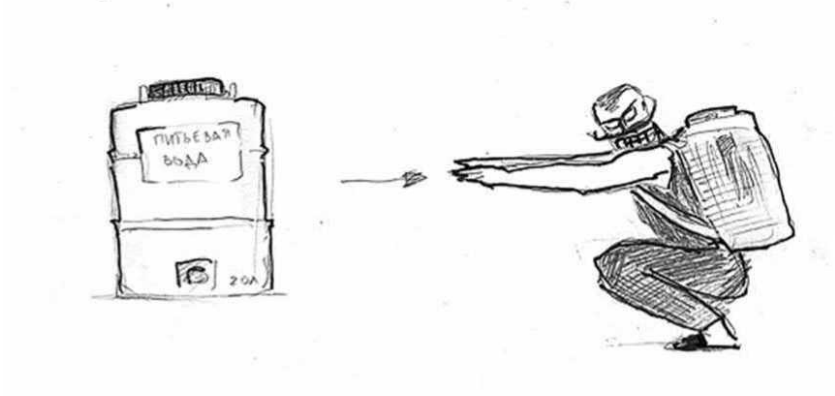
диком стиле Форреста Гампа.

Я заподозрил, что мое физическое состояние точнее всего характеризуется формулой «так себе» и запросил из дома экстренную помощь в виде самоучителя, что-то вроде «как тренироваться в тюрьме». Оказывается, есть и такие! Самоучитель американского з/к Пола Уэйда «Тренировочная зона» стал одной из самых читаемых книг в ИК-5 (я неоднократно дозаказывал новые экземпляры). В основе тренировок — упражнения с собственным весом. Подтягиваться я не умел, приседания — возненавидел и, естественно, обратил взор на отжимания, но не смог сделать ни одного. Ни одного гребаного отжимания! Тогда я и решил подзаняться гимнастикой. Не скажу, что в результате я стал межгалактическим убийцей, но должен сказать, что процесс появления мышц — штука удивительная. Наблюдать за ним — это примерно как наблюдать за рождением вселенной.

За три года я сменил дикое количество тренировочных программ, научился подтягиваться, могу достойно участвовать в играх на спортивный интерес — сделать семьдесят отжиманий за подход теперь для меня не очень большая проблема. Я не стал суператлетом — я стал среднеспортивным. Мой трицепс невозможно назвать ни стальным, ни желеобразным.

В СУСе, в отличие от жилой зоны, нет спортгородков и спортинвентаря, так что изготавливать различные приспособления для спорта приходится кустарно (и незаконно). Собственно, у меня их было два.

Во-первых, хитросплетенные канатики для подтягивания на решетке тюремного дворика. Каждый канат плелся из восьми полосок предварительно разрезанной простыни — этот навык я получил, изучив голландское пособие по вязанию узлов и веревок, которым снабдил меня питерский друг.



Во-вторых, бачок для питьевой воды (для которого был сшит специальный рюкзачок из банного полотенца).

Позже начали появляться промышленно произведенные тренажеры:

Powerball, эспандеры, жгуты для занятия спортом.

Абсолютно легально их можно получить в передаче, но зэк, обладающий спортивным инвентарем на СУСе, настолько подрывал каноны и мировосприятие администрации, что приходилось проводить многие раунды переговоров, чтобы пропустили, например, скакалки. В случаях проверок или обысков, которые проводила управа, спортмешок, содержащий разные веревочки, тряпочки, пластиковые бутылки с песком или водой и прочее, приходилось прятать. А чтобы совсем уж хорошо спрятать, для хранения использовались служебные помещения младшего инспектора по СУСу. Налицо был парадокс: с одной стороны, мне не могли запретить владеть веревочками, так как это по закону, с другой стороны — надо, чтобы управа этого не знала, так как это не по канонам.

Кроме того, у нас была гантелька — ее неоднократно изготавливал Толя Могила (о нем позже). Делалась она так: в тюремном дворике (или в камере, если поднять пол) извлекался плодородный слой земли. Слой этот содержал кирпичи, камни и прочие ненужные артефакты, так что его нужно было просеять через сетчатую мочалку. Просеянной землей забивалась форма из предварительно перешитой в мешок простыни, потом она затягивалась канатиками, еще раз оборачивалась тканью из простыни и прошивалась — для тугости и чтобы плодородный слой не высыпался. К получившейся спортколбаске добавлялись ручки, и вуаля — гантелька-утяжелитель была готова служить целям ЗОЖ.

Гантели массой от 20 до 35 кг нам приходилось делать неоднократно, потому что их постоянно изымали на обысках. Происходило это по недосмотру — охранники разрезали гантель, улучив момент, когда Могила с ней расставался (большая редкость — Толя любил свои гантели и давал им имена).

Растяжка. 8 минут с утра и 20 минут вечером я занимался увеличением своей гибкости. Как вы могли догадаться, для этих целей я заказал самоучитель. В начале занятий гибкостью я превосходил только граненый стакан, но существенно уступал опоре моста. При наклоне вперед из положения стоя пальцами я мог достать уровня колен. Когда освобождался, то уже с легкостью мог «дать пять» напольному покрытию.

Кроме того, освоив методику скручивания Пола «Тренера» Уэйда, я достиг гибкости, цитирую, «недоступной для большинства атлетов». Если вы подумали, что я хвалю себя, то вы правы.

Сокс. Какое-то время я полчаса с утра и полчаса вечером пытался выучиться трюкам с соксом — знаете, такой небольшой матерчатый мячик (сначала это был черный носок с рисом, потом — уже прикупленный на воле вязаный мячик, набитый

пластиковыми гранулами). И кстати, некоторым трюкам я-таки выучился, но освоить особо сложные мне не хватило терпения.

Через год занятий я охладел к соксу.

Академические дисциплины. Испанским я начал заниматься в «Бутырке», а при водворении в СУС продолжил — примерно по часу в день, пять дней в неделю. В результате я мог читать мексиканский Maxim, только вот сказать не мог ни слова — испанскую речь я слышал, кажется, только в песнях Шакиры, а этого, согласитесь, маловато. Разумеется, в изучении испанского мне помогало сразу несколько самоучителей.

Португальский я начал учить, пытаясь развить успех с испанским, но быстро забросил — оказалось, что написание в этих двух языках ужасно близкое, а произношение ужасно далекое. Обнаружив, что начинаю путать, к какому именно языку принадлежит то или иное слово, я решил, что не буду больше пытаться постигнуть жужжаще-шипящий португеш.

В качестве факультативных занятий я читал книги, журналы, газеты (такое иногда приходило в письмах от незнакомцев/ок) на английском и испанском.

Английский в принципе я и так знал, но довольно средненько, так что решил его подтянуть. Тут в помощь мне был не только самоучитель продвинутого уровня, но и чудесная Филиппа — носитель языка, которая была найдена для меня группой сочувствующих, объединенных в «Университет для политзэков», — активисты предлагали обучать скучающих п/з/к интересным дисциплинам по переписке, я выбрал английский язык и математику.

Математике меня пытался обучать профессор из Казани Дмитрий. Наверное, я показался ему самым тупым учеником ever, но я добросовестно приобрел рекомендованные учебники и старался разобраться в исследовании операций (математическое моделирование — страшная штука).

Как-то мне написал чувак и предложил изучить какой-нибудь язык программирования по переписке. Это был его способ мести преподу, который заставлял студентов писать код на бумаге ручкой. Почему бы и нет? Я стал изучать VBA (язык, который японцы считали продвинутым в бронзовом веке). Не очень добросовестно и не очень результативно. Учеба окончилась, когда менты во время очередного обыска зачем-то украли мои учебники по программированию, а потом, в процессе пересылок между ШИЗО, СУСом и ПКТ, у меня потерялись конспекты и допматериалы.

Еще были вялые попытки выучить японский (преподаватель пропал после первого урока) и немецкий (я выучил только 20 слов, но потом наступила пора освобождаться, и немецкий пришлось бросить). Чтобы запоминать слова, я делал себе карточки из плотной бумаги, которые постоянно становились предметом пристального изучения на обысках (карточки скапливались у меня в огромных объемах). Сначала я не понимал, в чем причина такого любопытства, но позже увидел, что в похожем формате изготавливаются игральные карты. Видимо, менты никак не могли понять, что за странные карты такие и во

что я тут играю.

Как вы, наверное, поняли, прогресс с языками был так себе. Зато я и сам немного выступил в роли преподавателя: подучивал мою подругу по переписке Амрай, немку из Норвегии, — она изучала русский в школе до того, как стала заниматься теоретической юриспруденцией и читать лекции то тут, то там в Европе. Русский язык я, конечно, тоже знаю средненько, но знаний хватало на то, чтобы полностью разобрать ошибки в ее письме и написать ей отчет.

Чтение. Хоть читать я стал меньше, но все же старался прочитывать страниц по триста в день. Теперь моя голова — это литературная помойка. К счастью, я быстро забываю прочитанное. Хорошо знакомые, просто знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди присылали мне книги (я просил отправлять на свой выбор), и в результате спектр моего чтения простирался от комиксов Adventure Time до «Элегантной Вселенной» Брайана Грина.

Учеба на юриста. Летом 2015 года я поступил на второе высшее. Вуз — страшная липа, московская контора, у которой есть договор с УФСИНом, поэтому они владеют чуть ли не эксклюзивом на высшее образование для з/к.

По сути, чуваки берут с тебя бабло и взамен дают диплом. Наверное, сдать госэкзамены я мог бы через 15 минут после того, как подписал с ними договор. У меня ведь была неплохая юридическая база благодаря первому высшему образованию в Финансовой академии. Но продолжалось это два года.

Я, конечно, сначала выбрал уголовную специализацию, но потом понял, что все уголовное право — это три кодекса и больше ничего, поэтому довольно быстро перешел на гражданское право. Все обучение — это просто череда тестов, которые университет постоянно забывал высылать, так что мне приходилось посылать за ними моего адвоката, Кирилла. Зато учеба давала мне возможность иметь неограниченное количество учебников, а главное — электронную книгу. Сначала мне прислали книгу из института, но она была ужасная, читать на ней было решительно невозможно. И тогда я попросил купить мне нормальную электронную книгу, чтобы все тот же Кирилл записал на нее все нужные книги, отвез в институт, а оттуда ее бы переправили ментам.

Приходит мне Kindle, и я обнаруживаю, что в нем есть вайфай. Бро вообще хотел купить модель со встроенной симкой, и тогда я был бы на постоянном амазоновском интернете, но перепутал. В итоге интернет у меня все-таки появился, но довольно ограниченный. Попросить блатных поделиться

сигналом я не мог — они сдали бы меня ментам, потому что от администрации было четкое указание: в моей камере не должно быть ничего. Пришлось тайком договариваться с надежным чуваком, чтобы он раздавал мне интернет в строго определенное время. Ловился он очень плохо и только в одной точке на стене: приходилось держать Kindle правой рукой под определенным углом, а левой печатать, не больше двух-трех предложений в одном сообщении, иначе все сбивалось. В общем, морока страшная, но все-таки интернет. Мне могли написать, если что-то срочное случилось, и я сам тоже мог написать.

Книжку нужно было отдавать на подзарядку ментам, и в какой-то момент они просекли, что там есть вайфай. Отдали старую книжку, я ее тут же сломал и потребовал вернуть новую. Опера говорят: «Оказывается, там есть интернет — мы ее отдать не можем!» Я говорю: «Окей, тогда я сейчас пишу пост о том, как прекрасно вы мне заряжали книжку, и я год здесь пользовался интернетом».

Они посидели, подумали и говорят: «Нет, так будет не классно». Я говорю: «Тогда отдавайте! А я не буду пользоваться интернетом». Они говорят: «Ну хорошо». Они, конечно, все поняли, но если я столько времени сидел в интернете и ничего не произошло, то, наверное, и не произойдет. Получается win — win.

Ну и диплом юриста, кстати, я получил — уже под самый конец срока.

Попытки оправдать преступников. Я писал разного рода кассационные жалобы сидящим в СУСе зэкам. Поначалу из-за моей полной изоляции они оставляли записки и материалы своих дел у меня в мешке с вещами. Я все это изучал и, если видел какие-то основания для жалоб, писал в суды высших инстанций или прокуратуру. Отдельно хочу отметить: за все время я не увидел ни одного идеального приговора. В основной массе они все подлежат отмене, так как к требованиям процесса и права суды относятся наплевательски.

Вообще говоря, подача жалоб в высшие судебные инстанции очень похожа на лотерею — уж не знаю, как они там решают, какой приговор изменить, а какой — нет. Очень похоже, что крутят барабан с номерочками. Но мне в любом случае было интересно просто попробовать и попрактиковаться. В итоге удалось изменить несколько приговоров: зэкам снижали сроки на дни и даже месяцы. Мелочь, а приятно. Не волнуйтесь, я не способствовал тому, чтобы орда террористов-педофилов оказалась у вашего порога. Речь идет о социально адаптированных наркоманах и мелких преступниках в сфере экономики.

Рисование. Боже-боже, как же много я рисовал. Рисование — лучший способ убить время. Оказалось, что рисовать может любой чувак с кучей времени и карандашами. И то и то было в наличии. Я заказал себе… Правильно! Самоучители. И начал оттачивать изо. Конечно, вам может многое передаться в виде генетического наследства. Быть может, какие-то вещи с так называемым талантом будут сразу получаться лучше, но все это можно развить самому, главное — тратить человеко-часы.

Все цвета, кроме оттенков черного, синего и фиолетового, были официально запрещены. Так что сначала я рисовал только простым карандашом. Потом обнаружилось, что в мире изобразительного искусства давно произошла революция, и есть всякие новшества и ухищрения типа графитовой акварели, водорастворимого угля и проч. А Лена из ФБК открыла мне новую вселенную, передав (естественно, крайне хитрым способом) белые гелевые ручки и цветной уголь, покрытый черной оболочкой. В какой-то момент глупый кровавый закон отменили в части запрета цветового спектра, и тут я развернулся: продвинутостей и ухищрений в цветном мире художников куда больше.

Мне нравится рисовать людей — видимо, это делает меня портретистом. Я рисовал свою родню, родню зэков и просто понравившихся мне людей с иллюстраций периодических печатных изданий.

Я уже рассказывал про Пашу, который вытатуировал у себя на коленях солженицынскую фразу про жизнь и ложь. Мы с ним активно переписывались, и в какой-то момент он предложил нарисовать стикеры для Telegram (их в итоге скачали больше ста тысяч человек). Следующим шагом стали эскизы татуировок для всех желающих — я стал мастером миниатюрного рисунка и получил полторы сотни заказов в рамках проекта Tattoos from Russian Prison (TRAP). Вот некоторые из заявок, с эскизами (не уверен, что все решились их, скажем так, воплотить):

Достоевский в спортивном костюме сидит на корточках. — Елисей Андреевич

Слово «Боль», написанное в стиле колючей проволоки, и небольшой рисунок на эту тему. — Артемий

Я мотоциклист. — Игорь

Здравствуй. Поздравляем с будущей свободой! Мне бы понравилась татуировка, которая символизирует «Жизнь в цепях». Это напоминание о том, что, хотя мы можем быть физически свободными из тюрем, охранников и камер, мы все еще находимся в заключении из-за злых людей, отвечающих за нашу жизнь, — марионеточных правительств и богатых, которые диктуют все с одной целью — становятся более богатыми и более мощными. Мы продаем мечту о том, чтобы быть свободными от них — кто не является ложным.

Заключенный или скелет в кандалах и цепях в камере, или

что-то подобное, чтобы символизировать это, было бы здорово. Я использовал перевод Google, надеюсь, это имеет смысл. Спасибо, и поздравления снова. — Джейми (Jamie)

Здравствуйте. Мне бы эскиз от Олега. Я работаю электриком, хочу что-нибудь на эту тему. — Саня

Хочу что-нибудь с надписью «Бог есть! Пацаны, в атаку». И чтобы на эскизе обязательно фигурировал православный крест. — Без подписи

Привет! Очень хочется набить красивый кухонный нож (больше похожий на тот, которым устраивают поножовщины, устрашающий такой); его либо держат в руке и собираются дарить как букет, либо им уже воспользовались. Кстати о букете, цветочки тоже можно приложить, контраст ножа и цветов был бы очень классным. Заранее большое спасибо, и приятнейшего выхода на волю! — Кристина

Олег, мне очень хочется тату со светлым будущим, которое близко (или свет в конце тоннеля). — Инночка

Здравствуйте, Олег. Я бы хотел, чтобы вы нарисовали прямоугольную коробку молока, которая ни на чем не стоит, а висит абстрактно в воздухе. Она повернута на 135 градусов от стоячего положения, из нее течет вода. У самой коробки видна раскрытая сторона, откуда и вытекает вода, и видны две торцовые стороны, одна сторона черная, с белой надписью WATER, другая — белая с черной надписью. И вокруг этой коробки, как вокруг Сатурна, — кольцо, только кольцо колючей проволоки. Заранее благодарю. — Роман

Привет, Олег! Нарисуй сопротивление. Ну, я думаю, ты понял, о чем я. — Никита Февраль

ЕСЛИ ТЫ НОСИШЬ

Очень хотелось бы котика, желательно милого, в наручниках, или что-то типа такого. В общем, чтобы была сразу понятна идея, что его ни за что посадили. В принципе, мне зайдет любой эскиз с котиком, пожалуй. — Александр

Благодаря рисованию я убил много-много времени, а кроме того, моя светлая хата стала похожа на студию свободного художника, что немало бесило ментов и радовало меня.

Периодически я рисовал на стенах — но это было грустно. В основном потому, что наутро рисунки закрашивали. Зато так я мог делать локальнокосметический ремонт стен. Однажды у нас даже случилось состязание с Боцманом. На входе в камеру висел листик с наглядной картинкой формы установленного образца в зимний и летний периоды. Под листиком я нарисовал карандашом милого поросенка в маске ОМОНа. Однажды Боцман обнаружил рисунок под листиком и велел инспекторам стереть его. Я нарисовал нового, но уже графитовой акварелью — ластиком такого не сотрешь. А если попытаешься водой (а они, естественно, попытались), получается только хуже. Решили закрасить. Пару дней я смотрел на маленький бежевый квадратик на бежевой стене. Цвет тот же, оттенок другой. Как такое можно терпеть? Я нарисовал в квадратике сжатый кулак — символ сопротивления. Опять закрасили, квадратик стал больше, и мой ответный рисунок тоже вырос в размерах. И так далее.

Очень скоро рисунки занимали по полстены, а зэк, работающий в стройбригаде и приходящий каждое утро закрашивать у меня стены, интересовался, что я буду рисовать завтра. Как оказалось, он проникся художественным смыслом нашей дуэли. Дуэль продолжалась вплоть до моего перевода в общий барак и дальше в БУР.

Там рисовать уже было нельзя, так как за мои действия могли репрессировать других зэков. Полный отстой — я так хотел в

последнюю ночь сделать тотальное тату моей светлой хате.

Переписка. Мне приходило в среднем по два бумажных и два электронных письма в день. Ну, то есть электронными они были только до прихода в ИК через систему ФСИН-письмо. В колонии их распечатывали, приносили мне, а мой рукописный ответ сканировали и направляли корреспонденту. Какая-то победа технологий в Золотой Орде. На обычное письмо я отвечал в среднем 30 минут, на электронное минут 10–15 (для ответа выделялась только одна страница). Иногда по праздникам или когда что-то происходило и люди начинали писать больше, приходилось устраивать почтовые субботники и писать ответы часов по 10. Это было клево, всем спасибо, кто писал, я забрал домой из колонии шесть огроменных сумищ с корреспонденцией.

Периодически входящая корреспонденция предлагала квесты, которые также существенно взбадривали мой быт, — типа сделать бумеранг по инструкции, собрать пазл, отправить открытки незнакомым людям в рамках посткроссинга, нарисовать рисунок собеседнику, собрать бумажную фигурку по инструкции и т. д.

Всё подряд. В разное время я пытался жонглировать, балансировать, стоя на системе пластиковых бутылок, заниматься оригами, медитировать, чеканить сделанный из бумаги и мусорных мешков футбольный мяч и т. д.

Как вы, наверное, поняли, мне было очень скучно.

Решение моего вопроса

В других камерах на СУСе, конечно, менее вольготно и более тягостно, чем у меня. Содержание в закрытом пространстве всегда порождает конфликты. Зато есть запреты — телефоны, иногда даже наркота. Можно постоянно гнать брагу, играть в карты и нарды. То есть весело, и время, надо думать, бежит довольно бодро. Но есть все-таки причины, по которым попадать на СУС зэки не хотят.

Первая причина — законодательная. Осужденный за определенные статьи и признанный злостным нарушителем зэк после освобождения попадает под административный надзор. Ему могут, например, на три года запретить ходить на массовые мероприятия, посещать определенные места, выходить из дома после 10 вечера, покидать определенный регион. А ведь «определенные статьи» — это те, в которых предельный срок наказания превышает пять лет. Из всех, кто был на СУСе, под надзор не попадал только я. Можно, конечно, считать это удачей — ведь моя статья относится к категории мелкой и средней тяжести. Хотя удача — понятие относительное: вообще-то по таким статьям тех, кто привлекается впервые, сажают очень-очень редко.

Вторая причина — политическая. Всех, кого отправляют на СУС, сразу пытаются «сожрать». Смотрящий там — суперлояльный к администрации. Они ему позволяют иметь всякие запреты, разрешает передачи хоть по сто кило. Зато когда отправляют на СУС какого-нибудь лихого з/к, смотрящий и его приближенные находят за ним что-то, чтобы подорвать его авторитет и сделать его слово менее весомым. Короче, чтобы сидел он тихо и не выступал, делал, что смотрящий скажет. Поэтому администрация очень тщательно составляет подборку зэков для СУСа. А тех, кого не удается уличить в непорядочности, кто крепок духом и, что важнее, обладает связями в криминальном мире, кто идет против генеральной линии, — отправляют в более мрачное место. ПКТ. Помещение камерного типа.

Там уже совсем все печально с точки зрения быта. Нары пристегиваются на день к стене, запретов нет, а если и появляются, то весьма ненадолго. Зато идет постоянная конфронтация с администрацией из-за качества баланды. Ну, на самом деле то же самое, что и на СУСе, просто цель диалога с ментами на строгих условиях — чтобы были телефоны, а в БУРе — чтобы было масло, чиф и сигареты.

Через несколько месяцев моей одинокой жизни, где-то в январе, к моей камере подходит Бек, смотрящий за СУСом, и говорит, что вопрос мой решен — я теперь живу мужиком. Говорит имя Вора, который принял это решение.

«Еееее, — думаю, — наконец-то!»

Ну, внешне-то ничего не изменилось. Сижу я один, вместе ни с кем меня не выводят. Вокруг сидят какие-то зэки, с какой-то совсем другой жизнью.

Через пару дней на СУСе меняется смотрящий — приезжает Башир. Мне-то что Бек, что Башир — один хрен. Пусть будет хоть Жириновский. Я их все равно не вижу никого.

А через несколько месяцев мне со строгого режима пишут мулю, спрашивают, мол, делаю ли я что-нибудь для решения своего вопроса. Я спрашиваю: «Какого такого вопроса?» — «Да того самого вопроса». — «Так вроде бы решили». — «Нет, там все отыграли».

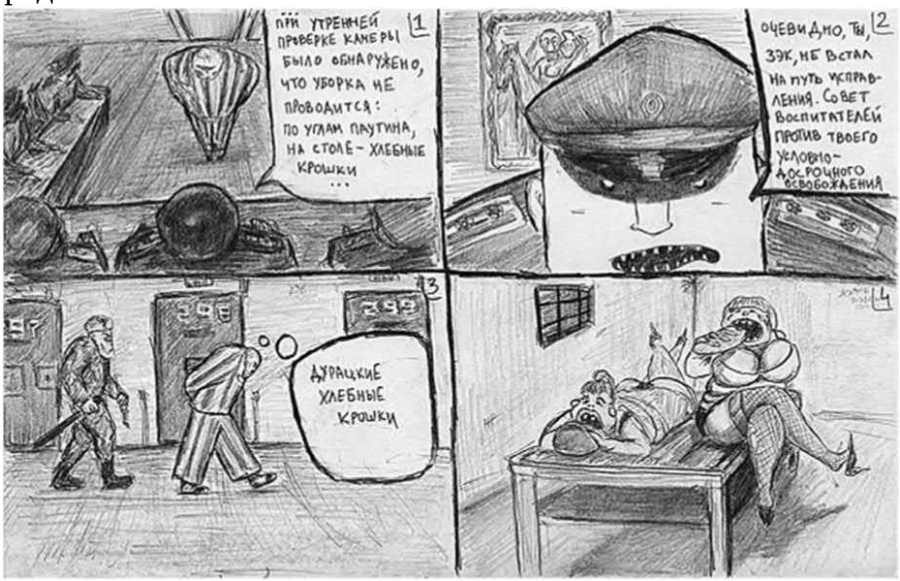
Да что вообще происходит-то?!

Позже я узнал, что Башир позвонил тому жулику, который решил мой вопрос, и прогнал ему какую-то телегу про то, что я борюсь с коррупцией. А где коррупция — там Воровской ход, то есть я вроде как против криминального мира. Очень бредовая логика, но она сработала, и жулик сказал, что решение свое отменяет. Строго говоря, это как Бог, который не смог пройти девятый уровень Марио — что-то из области невозможного. На СУСе даже пошла какая-то внутренняя ругань на этот счет, но мне в сердцах ничего не сказали. Вот отстой.

Ситуация с моим статусом решилась только летом, то есть прошло уже больше года с тех пор, как я заехал в «Нарышкино». Правда, решалось все без меня — я был на длительном свидании. Возвращаюсь, а мне говорят: «Ну все, имена Воров сказали — от них живешь мужиком». Оказалось, что мой старый знакомый Чапа через какие-то пятнадцатые руки узнал, что вопрос мой по-прежнему открыт. Он собрал целый консилиум из легендарных Воров, которые вообще таким составом могли меня хоть короновать. Воры решили, что я должен жить мужиком, потому что много сделал для колонии и вообще не сотрудничаю с режимом. Администрация перенервничала, подвергла репрессиям чуть ли не всех, кто на СУСе отвечал за блатные вопросы, — кого-то попередержали в ШИЗО, кого-то в санчасти, но в результате все успокоились. Стало понятно, что с решением этим уже ничего не сделаешь.

Порядок

По закону у меня были все основания для УДО. Статья средней тяжести, двое маленьких детей, штраф погашен, я — первоход. Много нарушений, но они не социально опасные: ходил в майке, спал днем, в камере по углам паутина, на столе хлебные крошки. Конечно, всем было понятно, что досрочно меня никто выпускать не собирается. И тем не менее на УДО мы подавали дважды: в первую очередь, чтобы поддержать интерес к моему делу, получить трибуну и сказать все, что мы думаем о различных уродах во власти.


1
ПРИ УТРЕННЕЙ ПРОВЕРКЕ КАМЕРЫ БЫЛО ОБНАРУЖЕНО, ЧТО УБОРКА НЕ ПРОВОДИТСЯ: ПО УГЛАМ ПАУТИНА, НА СТОЛЕ - ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ ...
2
ОЧЕВИДНО, ТЫ, ЗЭК, НЕ ВСТАЛ НА ПУТЬ ИСПРАВЛЕНИЯ. СОВЕТ ВОСПИТАТЕЛЕЙ ПРОТИВ ТВОЕГО УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
3
ДУРАЦКИЕ ХЛЕБНЫЕ КРОШКИ
4

Первый раз подали в феврале 2016 года, когда прошла треть срока. Слушания в местном Урицком суде были назначены на июнь. Больше всего меня поразила комната для видеоконференции, из которой я выходил на связь с судом. Ты в тюрьме, вокруг куча решеток, но когда тебя заводят в эту комнату, то сажают в клетку. Там даже замок висит, но его не закрывают, потому что это глупо — куда ты убежишь? И тем не менее с судом ты говоришь через решетку.

Обычно слушания по УДО занимают минут пять: судья смотрит бумаги заключенного, если у зэка есть поощрения — отпускает, если есть взыскания — не отпускает. У меня процесс занял часа четыре, не меньше. В Урицкий суд приехали Вико, Бро, пара друзей, какие-то журналисты. Сначала два часа зачитывали дело. У меня, естественно, никаких поощрений быть не могло.

Начальнику колонии было бы очень трудно объяснить руководству, откуда у заключенного Навального взялись поощрения. Потом Бро встал и сказал:

«Можно мне высказаться?» Никакого права на это он не имел, но председатель суда аж застыл от неожиданности. А потом сказал: «Ну давайте, высказывайтесь». Брательник, конечно, тут же прогнал телегу про несправедливость суда. Судья на полтора часа удалился для вынесения решения (вполне предсказуемого — УДО не дали), а я получил возможность пообщаться с родственниками. Хоть что-то.

На втором слушании по УДО, которое было в марте 2017 года, председательствовала новая, очень веселая и хорошо выглядящая федеральный судья Шемахова. Должен сказать, что, когда речь шла не о политике, а просто о разборках с администрацией, судила она достаточно непредвзято, чем заслужила мое уважение. Еще большим респектом я проникся к ней, когда услышал одну историю.

Рассказывает Фикса, дежурный начальник смены, — Анатоличу, режимнику, ну и мне, меня как раз возвращают на СУС после отказа в УДО. Рассказ для местных, ведь Нарышкино — большая деревня, все всех знают. Приблизительно он звучит так:

— Ну, а вот Федю помнишь?

— Это какого?

— Ну, здоровенного такого, с комбината.

— А-а-а! Ну?

— Ну, он одно время поебывал…

— Кого?

— Ну, Наташку Шемахову.

— А-а-а! И?

— А у нее, значит, попугай этот здоровенный.

— Ара?

— Да хуй его знает. Здоровенный попугай. Орал постоянно. Надоел он Феде — тот его и притравил. Только попугай-то дорогой. Наташка его обратно в магазин снесла, типа гарантия — не гарантия.

— И?

— Че — и? Они попугая в лабораторию, там вскрыли и увидели, что притравленный он.

— А она что?

— Ну, как-то Федя лежит под машиной, ковыряется там в чем-то. Машина на домкрате, под защитой картера колесо лежит. Наташка подходит и домкрат — хуяк! — выбивает. Федя в ахуе — его мальца придавило.

— Да ну нахуй!?

— Да… Ну, она нагибается и говорит: «Тяжело дышать? Вот попугаю тоже тяжело было».

И вот, второе слушание по моему УДО. Бро попросит дать ему слово, но судья Шемахова, защитница попугаев, говорит: «Нет, не дадим, Алексей Анатольевич. Вы не имеете права». Зато речь толкнул я. Напомнил, что одиночное заключение — это самое жесткое наказание, которое возможно только в тюрьмах и колониях строгого режима. А к этому времени я уже почти полтора года сидел один. Контраргумент УФСИН был довольно незамысловатый: мол, камера просто не заполнена, придет время — заполнится. И тут они, видимо, крепко озадачились на тему того, что надо все-таки кого-то ко мне подселить.

Этому способствовало еще одно событие. В середине 2017 года с проверкой в «Нарышкино» приехал очередной начальник управы — Владимир Волосевич, который только что перевелся в Орловскую область из Ямало-Ненецкого автономного округа. Был четверг, и в моей камере царил максимально возможный уровень хаоса, потому что генеральную уборку я проводил по пятницам. Натуральная художественная мастерская. Я вообще не могу, когда вещи лежат ровненько, у меня всегда так было — и дома, и на работе. Даже менты в ИК-5 успели привыкнуть, а тут — проверка. Вся зона, разумеется, готовилась к визиту начальства, но меня каким-то непостижимым образом предупредить забыли.

День. Я сплю. Просыпаюсь от того, что раскоцываются тормоза (то есть открывается дверь) и заходит какой-то чувак с усиками. Мой первый посыл был сразу крикнуть ему: «Чудные усишки!» Но я промолчал, потому что увидел, что за ним стоит начальник колонии — бледный, как полотно. Волосевич говорит: «Да, порядком это назвать трудно». А в хате у меня, прямо скажем, пиздец. Как будто снаряд попал в книжный магазин. Кровать скомканная, видно, что я только что из нее вылез, повсюду книжки, краски, бумаги, к книжной полке привязаны за ниточки бумажные кубики с фотографиями моей семьи, и из-за того, что сквозняк, они все время раскачиваются и перекручиваются.

Волосевич — умный мент и ругаться со мной не стал. Но после этого ко мне подселили Руслана.

Руслан был из блатных. Когда он только заехал в «Нарышкино», собирался сделать из ИК-5 черный лагерь. Но его сразу отправили в ПКТ, оттуда — в СУС, и довольно быстро Руслан понял, что ему нужно быть более лояльным администрации. В итоге, обладая большим авторитетом на СУСе, он делал то, что просили менты. А те взамен делали поблажки

ему и другим заключенным. Это называется «диалог». В моем случае менты попросили, чтобы в хате не было телефона и был порядок. Как же он меня доставал с этим своим порядком.

Тогда произошло мое знакомство с еще одним представителем управы — новым заместителем начальника УФСИН по Орловской области Михайленко Василием Евстахьевичем. Когда он впервые зашел в нашу камеру, у нас был не просто серый вид — хата представляла собой настоящее выжженное поле. Кровати заправлены «по-белому», ничего запрещенного, мы чуть ли не доклад ему делаем. Но Евстахьевич — максимально глупый мент, и он решил к чему-нибудь придраться. Говорит: «Почему без носок?» Я говорю: «Мне не хочется надевать носки». Потом ему не понравилось, как я стою (а я просто облокотился на нары), и он чуть ли не кинулся на меня с кулаками. А потом он увидел у меня ведерко из-под майонеза, до отказа заполненное карандашами. Ничего противозаконного, но они его страшно возмутили. В итоге он распорядился забрать у меня все карандаши, а оставить только простой и два красных, «в виде исключения». Это исключение, конечно, было типичной ментовской издевкой. Ведь красный — мусарской цвет, в тюрьме неприемлемый (хотя на самом деле все противодействие красному ограничивается закрашиванием полей на тетрадных листках в малявах). Так Евстахьевич получил от меня прозвище Король Карандашиков.

Война с Королем Карандашиков продолжалась около года. Он гадил мне при любой возможности. В частности:

— отбирал у меня стол;

— прибивал к полу мою табуретку и тумбочку, причем в разных углах камеры — видимо, чтобы было удобней писать письма;

— замуровывал бетоном электрическую розетку — очевидно, чтобы удобно было бриться и кипятить воду;

— отбирал все книги;

— угрожал отправить меня вместо свиданий с родственниками в ШИЗО;

— и даже грозился установить в моей камере швейную машинку.

Оправдания всех этих действий были крайне дебильными. Например, розетку забетонировали за ее ненадобностью, ведь использовать электробритву меня должны были выводить в волшебную «умывательную комнату», а кипяток должен был приносить охранник, наливая его из мифического кулера.

Табуретки прикрутили, так как, оказывается, недавно этим предметом было совершено нападение на сотрудника

администрации. При этом табуретки обездвижили только в моей камере, очевидно, на месте прошлого нападения. И оставалось не вполне ясным, зачем вдобавок прикручивать к полу и тумбочки? Почему бы тогда не быть последовательными и не прикрутить к полу самих зэков? Зэки ведь могут напасть и без табуретки. На то они и зэки.

У меня есть гипотеза, что все это Король Карандашиков делал, чтобы по поводу репрессий поднялась шумиха, его бы заметили и отправили на повышение. В итоге он и правда уехал на более высокую должность в Ярославль, но, насколько это было связано с карандашной войной, — не знаю.

При этом Руслан в целом справился со своими обязанностями, и через два месяца после того, как заехал ко мне, отправился в жилую зону. Его место занял Потап.

Так получилось, что Потап в какой-то момент оказался смотрящим за лагерем: его предшественник Гурыч уезжал, и ему нужно было кому-то передать точковки. Причем, по настоянию ментов, это должен был быть кто-то русский, так что большинство блатных «Нарышкино» на эту роль не подходили. Выбор пал на Потапа, который до этого держал баул с сигаретами для мужиков. Как мне кажется, он был довольно далек от тонких криминальных понятий. Больше всего Потап хотел выйти по УДО, он тосковал по дому. Но передать документы было некому. В итоге он сначала попал в ШИЗО, а потом — на СУС, в мою камеру, чтобы у него не было связи со внешним миром. Это автоматически означало три года надзора после выхода на свободу, и он очень переживал.

Потап — классный мужик. Местный, сел за траву — в Орловской области тепло, тут все что-то выращивают. Все время рассказывал какие-то адские истории: как в начале 90-х срезал в деревнях трансформаторы и сдавал на цветной металл, как воровал коров вместе с дагестанцами, а когда их накрыли, полгода скрывался в Дагестане. Вот такого уровня у него криминальное прошлое. Но больше всего меня поразила история, которую он рассказал мне как-то вечером: «Вот раз я пошел поохотиться. Залезаю на елку, у меня там площадка. Сижу, жду дичь. А ждать всю ночь нужно, ну и я, чтобы было не скучно, съел экстази». Если бы он сказал, что укололся винтом или понюхал фена, это было бы нормально. Но чувак съел экстази. Я просто плакал от смеха. Спрашиваю: «Ну и как, подстрелил кого-нибудь?» Говорит: «Нет. Просто классно тусанулся. Мне очень понравилось: сидишь, смотришь, дичь караулишь…»

Мы просидели с Потапом с августа по январь. С ним я первый раз принял участие в производстве бухла.

Бухло

Да, в тюрьме есть бухло. В московских централах разжиться им можно без особых проблем — собственно, как и всем остальным. В «Бутырке» дороговато, в «Матроске» совсем демократично: в 2015 году бутылка водки стоила около тысячи рублей. Дороже, чем в магазине, но ничего не поделаешь — монополия.

В ИК-5 «Нарышкино» при мне промышленно произведенного спиртного не было — по крайней мере, я про такое не слышал. Это просто экономически нецелесообразно. До меня был период, когда ИК-5 была пьяной зоной, то есть наркота и бухло были в избытке, народ чуть ли не повсеместно валялся в отдыхающих позах.

В период моего пребывания в «Нарышкино» трендом был старый добрый сэм. Гнали его с упоением. Режим с не меньшим упоением с ним боролся. Но это, конечно, бесперспективно. У зэков масса свободного времени, они обладают недюжинным терпением и твердой решимостью нажраться.

В жилой зоне был электрик Саша. Сидел долго, потому что кого-то убил. У него во рту был всего один зуб. Пьян он был ежедневно. По-моему, тайники с самогоном и брагой у него были по всей зоне. Но поскольку он был электриком, относились к нему снисходительно. Была история, когда он полез под котел в столовой что-то чинить и там же, под котлами, нажрался из своего тайника и уснул.

Сам я самогон пивал всего несколько раз, уже сидя в СУСе. Подогревали бутлегеры из общей камеры. Одному пить все равно неинтересно: ни по душам поговорить, ни поножовщину устроить. Но первый раз был после полутора лет полностью сухой жизни, и я, конечно, был рад, как ребенок в кондитерском отделе. У одного чувака был день рождения, и он мне отправил лаваш, зелень, мясо, хачапури — и граммов сто семьдесят сэма. Я разложился и полночи пировал. Прямо под камерой. Фотоэлемент тогда еще запахи не передавал.

Для просветительских целей снял с з/к доскональный рецепт приготовления. Воспроизвожу его здесь почти дословно.

Сначала нужно сделать грибы — дрожжи.

Берешь хлеб. Примерно одну буханку.

Мякушку ломаешь на небольшие кусочки: каждый кусочек, без корки, размером примерно в половину спичечного коробка.

Поломанный хлеб обрызгиваешь сладким сиропом, небольшим количеством (50 граммов воды на три куска сахара).

Обрызганный хлеб заворачиваешь в наволочку и потом — в целлофановый пакет. Спускаешь весь воздух.

Убираешь на сутки — желательно в теплое место, обматываешь пакет нательным бельем и свитерами.

Через сутки достаешь, открываешь, шевелишь хлеб, чтобы насытился кислородом, и снова в теплое место.

Потом открываешь по три-четыре раза в день, на 10–15 минут. Надо, чтобы грибы дышали. Они должны нагреваться. Если теплые — значит, процесс идет. В итоге они должны побелеть и начать пахнуть дрожжами.

Эта процедура обычно занимает пять-семь дней, в зависимости от хлеба.

Как только грибы побелеют, можно ставить брагу.

Чтобы брага быстро завелась, делается «старт», или «завод».

Берешь полуторалитровую бутылку, в нее наливаешь один литр теплой воды. Лучше не кипяченой, но можно кипяток, разбавленный сырой водой (крутой кипяток убивает дрожжи).

Кидаешь в бутылку семь-восемь грибочков (побелевших кусков хлеба) и примерно один спичечный коробок (или пять-шесть кусочков) сахара.

Слегка сжимаешь бутылку и закручиваешь пробку.

Хорошо трясешь бутылку и кладешь ее на батарею.

Время от времени прикладывай ухо и слушай: как начнет шипеть и сжатая тобой бутылка распрямится и надуется, потихоньку приоткрой и спусти газ. Только аккуратно, а то бывает эффект шампанского, если резко открыть.

Периодически спускаешь из бутылки газ, трясешь и кладешь обратно на батарею.

Пару раз такое проделываешь, и «старт» готов.

Берешь целлофановый пакет. А лучше даже два (один в один).

Наливаешь туда четыре литра теплой воды, такой же, как для старта (кипяток разбавить сырой).

Разводишь в воде один килограмм сахара.

Когда сахар растворился, выливаешь туда литр «старта» и засыпаешь грибы — примерно полторы кружки-зэчки (1 кружка-зэчка = 500 граммов). Только надо, чтобы «старт» «играл»: когда смотришь на бутылку, внутри должны бежать пузырьки, а когда открываешь — она должна шипеть.

Вылил содержимое бутылки, все перемешал — и завязываешь пакет сверху веревочкой, предварительно вставив в середину пустой корпус от ручки. Завязать нужно крепко, чтобы воздух не попадал, но таким образом, чтобы внутри пакета оставалось место для газов. Ручка будет использоваться как газоотвод.

Получившуюся «сиську» поставь в теплое место — можно даже в таз с горячей водой. Спускаешь воздух из «сиськи» — и затыкаешь ручку колпачком. Потом опять греешь. Когда «сиська» надувается от газов — спускаешь их.

«Играть» брага должна где-то сутки. Для усиления брожения можно закинуть курагу или изюм (пять-шесть штучек) или даже несколько долек зеленого яблока, смотря что имеется под рукой.

Брагу надо пробовать. Когда ее только ставишь, на вкус она сладкая, а когда готова — вкус должен быть кисло-горький, без сладости.

После этого брагу нужно процедить через носок (чистый носок, это важно!).

Затем берешь ведро, наливаешь в него половину процеженной браги, в ней топишь на дне алюминиевую кружку-зэчку. В кружку кладешь кипятильник (это чтобы кипятильник не прожег ведро). В ведре посередине с помощью трех канатиков подвешиваешь миску — в нее будет собираться самогон.

Сверху на ведро, в котором уже есть брага, кипятильник и подвешенная миска, натягиваешь плотный мусорный пакет или прозрачный кусок пленки. Натягиваешь его, как барабан, сильно-сильно затягиваешь вокруг ведра под ободком мокрой веревкой, чтобы не попадал воздух. Называется этот пакет «экран». Вокруг ведра надо накрутить по кругу тряпку — сделать бортик, чтобы холодная вода не вытекала с экрана и чтобы экран не прогорел.

Ставишь ведро в раковину, включаешь кипятильник в розетку, открываешь потихоньку холодную воду: она должна постоянно течь, чтобы образовывался конденсат.

Брага закипает, испаряется на экран и капает в миску.

Капать начинает где-то минут через двадцать, и продолжается это минут сорок. Когда капли начнут капать быстро и хаотично, выключаешь кипятильник и сливаешь готовый сэм в бутылку.

Заливаешь в ведро оставшуюся брагу и делаешь все то же самое, как говорится, по бразильской системе (это, если кто не помнит бородатый анекдот, значит «как раньше»).

Пишу это, и дико хочется портвейну.

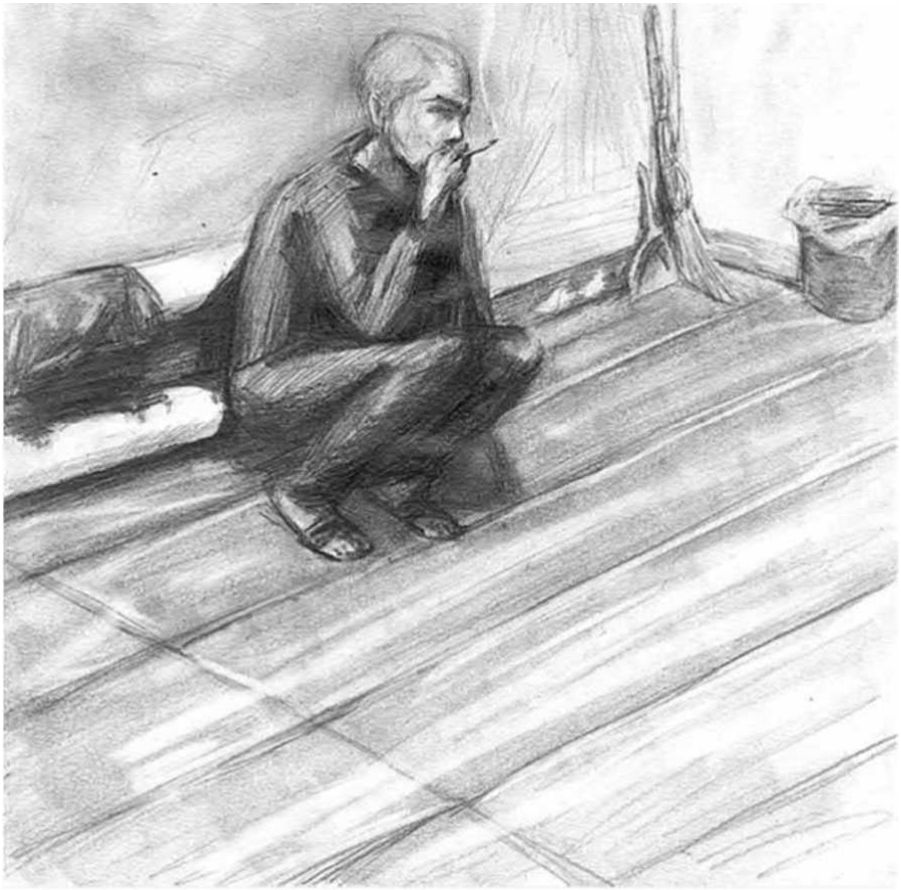
Соседи

Впрочем, мои познания в области самогоноварения скорее теоретические — сэм я не варил, только пил пару раз. С Потапом мы делали брагу.

К этому времени у нас появился еще один сосед — Артем (на рисунке справа). История у него довольно адская. Детдомовский парнишка всю жизнь, начиная с детского сада, боролся с режимом. В интернате его раз пятнадцать отправляли в дурку за плохое поведение. Пока сидел на централе, раз тридцать вскрывался. Но когда приехал в «Нарышкино», его спросили: «Хочешь уйти побыстрее?» Так Артем попал в хозобслугу и стал непорядочным.

К этому моменту в каждой камере СУСа по договоренности с администрацией было по одному шнырю, который делал все по хозяйству. В нашем случае это был Артем. Когда я был один в камере, я сам себе готовил, мыл посуду, пол, туалет. Но теперь все это должен был делать он — и если бы я ему помогал, то стал бы таким же непорядочным. Такое вот рабовладение.

Очень неприятный опыт, но с этим ничего не поделаешь.



К Новому году вместе с Артемом и Потапом мы наладили высокотехнологичный процесс производства и сокрытия браги. Она стояла на самом виду, прямо под камерой, но обнаружить ее ментам не удалось. Брага бродила в пакетах, спрятанных в коробке с двойным дном, которую было очень удобно приставлять к батарее. Чтобы отбить запах, мы каждый раз перед приходом охранников поливали коврик в хате отбеливателем «Белизна» — как будто только что сделали уборку. А еще сделали «запал»: если в камере есть тайник, обязательно нужно иметь какой-нибудь не очень хорошо спрятанный запрещенный предмет, который менты могли бы найти во время обыска и успокоиться. Для этих целей у нас была бутылка со стартом, который готовился на основе давленых помидоров, — воняла эта смесь, как самый настоящий самогон.

Как-то мы пропустили момент и не проснулись во время подъема — поздно легли, полночи разговаривали «за жизнь». Понятное дело, когда готовишь брагу, надо быть в постоянном ожидании шмонов. Ну и вот, заходит смена, мы все дрыхнем, в хате стоит адский запах браги. Пушкин втягивает в свои ноздри

спертый воздух камеры и говорит: «У вас здесь бродит что-то!» Менты начинают вялый шмон: смотрят под кроватями, в тумбочках, но коробку, которая стоит на самом видном месте, игнорируют. Тут Жопа находит бутылку со стартом, которая стоит тупо под раковиной и дико чадит. Открывает: «Фу! Вот оно!» Довольные менты забирают старт и уходят. Так запал и сработал.

Кстати, пара слов о Жопе, или Николаиче, — дежурном одной из смен. Как и все — адов садюга, который в прежние года активно бивал зэков и пугал их своим писюном на карантине. Но в вегетарианские времена — достаточно адекватный и с юморком. Постоянно говорил мне, что разочаровался в режиме и вступает в «эту вашу партию». Примерно каждую смену, когда он меня будил, у нас был такой диалог (я лежу на нарах с закрытыми глазами, он стоит над нарами):

— Ну чего, Николаич, в партию-то вступаешь?

— Дык, конечно, заебало все!

— Тогда тебе задание будет.

— За-да-ни-е?! Какое задание?

— Надо от Василича избавиться.

— От какого? От Свирина?

— Не, от Свирина пока рано. От того Василича, который Бабка. Это будет твоим входным партийным билетом.

— Что будет?

— Ну, голова Бабки.

И все в таком вот духе.

Однажды я слышал историю, как Жопа проиграл свою жопу зэку. Сыграл с ним до десяти побед в нарды — проигравший должен был уехать в обиженку. Думал, что кличка у него из-за этого. Но на самом деле нет. У него просто грушевидная фигура.

Возвращаясь к браге. Мы выполнили сверхзадачу — снабдили общий режим СУСа брагой на новогодние праздники. Правда, похмелье от нее жесточайшее. 9 января мы страшно перепились, а потом на меня кто-то стукнул. К счастью, проверка пришла только через день. Менты с камерами и алкотестерами, говорят: «Дышите!» Я подышал — все нормально. Делаю возмущенное лицо: «Вы чего там? За кого вы меня принимаете? Какое пить?» Но после этого мы решили больше не делать брагу, чтобы ни у кого не было проблем. И вообще, должен сказать, что бухать в тюрьме — занятие крайне унылое. Брага дает седативный эффект. Когда ее выпьешь, накатывает какая-то русская хандра: ты сидишь, везде решетки, полный отстой.

А Потапу так и не удалось попить нашей браги. Незадолго до Нового года его отправили в ШИЗО, и больше я его не видел

(когда он вернулся с кичи, всего на два дня, перед тем, как выйти на свободу, я был на длительном свидании). Сразу возникла проблема, потому что сидеть один на один с Артемом я не мог — он ведь был непорядочный. Но Артем это знал, сам вышел из хаты и отправился ненадолго в санчасть.

А мне привели нового соседа — Толю Могилу. История его проста и печальна. Здоровенный парень из Орехово-Зуево, семеро братьев и сестер, мать-героиня. Толя с 14 лет работал на кладбище, рыл могилы. Отсюда и кличка. Вторая кличка — Рыжий, потому что он рыжий. После последнего звонка в школе Толя пьяным поехал с одноклассниками в бар. Увидел, как два чувака бьют какую-то девушку. Толя вступается за нее, его начинают бить, и он явно проигрывает. Пытается убежать, прыгает в такси, весь окровавленный, орет водителю: «Гони! Гони!» Но чуваки вытаскивают его из машины и продолжают бить. Он случайно наносит один успешный удар, потом второй… В результате один из чуваков через несколько дней умирает в больнице. У второго — перелом руки, тяжкие телесные. Толю сажают на пять лет — дают мало, потому что несовершеннолетний.

По молодости Толя набил себе отрицаловские звезды, но потом, когда подразобрался в том, как все устроено, очень переживал. Понимал, что ничего особенно прикольного в них нет, а свести просто так нельзя — нужно соответствовать. Когда он заехал в Нарышкино, то сразу отказался работать и за это очень сильно пострадал от режима. В итоге попал сначала на СУС, а потом ко мне.

С Толей мы протусовались почти до самого моего освобождения — с перерывами на его и мои ШИЗО. Я учил его рисованию, заставлял учить английский — и он даже обещал, что продолжит это дело. В целом, представление о наших буднях можно составить по дневнику, который я вел весной 2018 года, за три месяца до того, как вышел на свободу.

Дневник

4 марта. Главное событие дня — приезд на короткое свидание Тани Фельгенгауэр, с которой мы очень подружились по переписке, Леши Докучаева, который придумал, что мне нужно написать эту книжку, и Мики Голубовского, который стал ее редактором. Очень волновался накануне, потому что ни разу их не видел живьем (мертвыми, к счастью, тоже).

Все прошло хорошо, хоть и не обошлось без ажитации со стороны мусаров. Судя по всему, из-за того, что люди приехали публичные, всем остальным короткие свидания не предоставили, и мы были в комнате вчетвером, не считая опера Паши, который хоть и снимал на регистратор четыре часа разговора, но иногда засыпал, а временами даже храпел.

Ребята оказались классными и веселыми. Таня симпатичнее, чем на рекламе «Эха Москвы». Мика — я думал, что это такой старый умный толстяк, а оказалось, что примерно мой ровесник (но все равно умный), с грустным взглядом. Алексея заранее никак не представлял, но тоже оказался отличный чел. Ребята в передаче подогнали праздник желудка. Несмотря на то, что вроде бы договорились с мусарами, что примут 50 кг (как и положено по закону!), приняли только 20, остаток пришлось передавать на воле чуваку, который сдает передачи сусовским. Так что отложенная часть передачи также дошла до меня, но попозже.

Я послал вкусняшек на общий и строгий режим, оттуда поблагодарили, но на ужин никто не вышел — все хомячили по хатам. Минут пять я одиноко потусил в столовой, а потом отправился по-отшельнически уплетать передачу в камеру. После второй части свидания обнаружил, что в хате побывали и рылись в вещах. Продольный сказал, что это был Пушкин.

Вико прислала материалы для каллиграфии — написал ей на рисовой бумаге благодарственное письмо.

Следующая цель — длительное свидание. Осталось 2,5 месяца.

5 марта. Как обычно по понедельникам, решимость переполняет меня. Многое удалось: три тренировки, несколько картин, два часа добросовестно писал книгу, даже нашел силы для испанского и еще почитал.

Вечером через ебук играл с отцом в шахматы. За три часа удалось сделать четыре хода. Отчасти из-за плохой связи, отчасти из-за того, что никак не могли разобраться с позициями фигур. У отца были правильно записаны все ходы, но на его доске ладья стояла не там, где надо. Под конец я аж плакал от смеха. Мать,

которая вела переписку на том конце, — тоже. Но такое словами не объяснить, нужно участвовать.

Дома болеют дети, Гора и Торнадо. Это печаль. Нежная Вико вроде бы бодрячком.

Днем был очередной маразм от мусаров. Я на них недавно в очередной раз подал в суд из-за незаконных взысканий, типа «лежал-днем-на-нарах». Кирилл нашел отличное основание, чтобы эти взыскания оспорить. В правилах написано, что осужденные на СУОН от подъема до отбоя должны находиться вне спальных помещений. А здесь же СУОН совершенно неправильный — я вообще в камере сижу. Пришли они меня выводить с утра на телевизор. Я, понятное дело, не пошел — заявил, что их помещение непригодно и не соответствует нормативам. Пусть все сделают сначала, а потом я подумаю. Они, конечно, будут теперь в суде говорить, что они-то меня выводят, только я отказываюсь.

6 марта. Как часто бывает по вторникам, порыв сделать миллион дел слегка остывает. Поэтому академическую часть и книгу я сегодня забросил: только тренировки, рисование и пост в фейсбук. Сосредоточился на этом — плюс еще письмо организаторам Немцовского форума по поводу моей выставки у них.

Вечером делал влажную уборку моей светлой хаты. Когда сидишь один — сам себе и Вор, и смотрящий, и блатной, и мужик, и шнырь, и обиженный. Ох уж эта сложная АУЕ-философия.

7 марта. Сегодня баня «по средам». На улице холодно, в хате холодно. После часового стояния под горячей водой весь день дико мерз. На самом деле так можно описать любую баню в осенне-зимне-весенний период.

Сегодня короткий предпраздничный день, и мой адвокат Алевтина не смогла прорваться ко мне на свидание. Поэтому операция «злоупотребление доверием» провалилась.

> **Пояснение.** *Операция «злоупотребление доверием» — весьма удачная схема по передаче запретов на СУС ИК-5, которую мне удалось реализовать. Вместе с одним из соседей мы нашли чувака в общей зоне, который довольно часто посещал здание администрации колоний, куда я регулярно ходил на встречи с адвокатом. В администрации был туалет, а в туалете — вентиляционное отверстие, попросту говоря — дыра в стене. Чувак заходил в туалет, оставлял в этой дыре телефоны, наушники или зарядки, обернутые в*

специальную резину, чтобы их не обнаружили при помощи металлодетекторов. Когда я встречался с адвокатами, меня почти не проверяли: я ведь ходил к ним три года, несколько раз в месяц, все уже привыкли. Во время свидания с адвокатом я просился в туалет, забирал из дыры запреты и клал их в специально смастеренную сумочку, которая крепилась к брючному ремню с внутренней стороны. В результате мне удавалось спокойно выносить запреты прямо из ментовского логова. При этом обычно любая «дорога» умирает через месяц-другой. Наша же схема успешно функционировала с декабря 2017 года по апрель 2018-го, пока я снова не уехал в ШИЗО. Стратегия «злоупотребления доверием» работала так долго, потому что о ее деталях знали только два человека. При этом с моей стороны это был чистый альтруизм. Принесенными девайсами я не пользовался — так как в СУСе были стукачи, которые информировали администрацию о всех случаях, когда ко мне в камеру попадали телефоны. Но мне все равно было по фану. Схема была дерзкой — это примерно как на Ил-2 проникнуть на Звезду Смерти.

Я весь день рисовал родным — хотел отправить рисунки домой. Все время мерз и ждал. Вечером вернулся из ШИЗО Толя Могила и развеял мое гордое одиночество. Последний месяц сидел один, успел отвыкнуть от людей. Но в компании, конечно, веселее.

Первую пятнашку Могила получил, затащив в хату телефон (судя по всему, стуканул другой зэк). Вторую за то, что на киче отказался сбривать бороду. Были даже подозрения, что его уже не поднимут в СУС, а закроют в БУР. Это была бы печаль — в апреле он хочет сходить на свидание.

8 марта. Сегодня МЖДень. Удивительная вещь: единственные женщины, которых здесь видят зэки, — то есть сотрудницы медсанчасти, — всегда в смене на 8 марта (хотя там у них и мужчин хватает). Конечно, поздравил, когда они делали обход СУСа.

Отрядник принес глупый рапорт на меня: мол, я не спал в 23:55. Пару дней назад ночью с проверкой приезжала управа, и один их хрен, увидев в системе видеонаблюдения, что я сижу и рисую за столом, потребовал ВОЗДАЯНИЯ. Дебилы. Я уже пару лет назад выигрывал суд по этой теме: нигде не написано, что после отбоя надо находиться на спальном месте, — в тот раз судья попался вменяемый.

Вечером по ебуку написал Вико и матери — поздравил, канеш. Леша (который приезжал на свидание, придумал эту книгу и напечатает ее вскорости) все сделал четко — отправили жене цветы и бусы. В нашей семье это день бус.

В моей большой семье всё традиционнее: все съехались на обед к родителям, пообщались, поздравили и т. д. Мама долго рассказывала про Дашу, Захара, Степана и Остапа. Малышки очень сильно выросли.

9 марта. Месяц до 35 лет, шестнадцать недель до освобождения. Полет стабильный. Ничего не происходит. День стандартен до тошноты: физ-ра на банку и пресс. Так как Артема не перевели к нам обратно, убираем хату с

Рыжим вдвоем. Решили делать влажную уборку перед банными днями, по вторникам и пятницам. Чтобы не было скучно, чередуем уборку пола и уборку остальных поверхностей.

Думал, встану с утра и побегу сразу в баню, но болтали с Рыжим до двух утра. Он рассказывал абсолютно адскую историю своего пребывания в ИК-5. Первые полгода его били каждый день, с 6 до 20 он тусовался по территории — инспекторам была дана команда не пускать его в барак. Так чувака пытались сломать и заставить работать.

В принципе, удивительнее того, что он не сломался, только то, что ничего не сломали ему. Когда он перечислил всех тех, кто его бил, получились, кажется, все сотрудники ИК-5, кроме нескольких начальников отрядов, психолога и работников санчасти. И еще начальника колонии. Говорит ли это о человечности начальника? Нет, конечно. Это лишь подтверждает, что он конченый ублюдок.

Из тех, кто бил, меня больше всего поразил теперешний замполит Оленич (aka Señor Sapo, aka Маша Малиновская). Я уверен, что он бьет, как девчонка, но Рыжий это не подтверждает: говорит, что сложно понять, кто как бьет, когда лежишь ничком на земле, а тебя топчут ногами пять-шесть человек. Не понимаю, как теперь Рыжий может с ними спокойно общаться.

10 марта. Ровно три года назад в централе города Орел зэки сказали мне: «Десятое число — считай, месяца уже нет». С тех пор я так и считаю. В принципе, годный подход, чтобы подогнать время. Сегодня суббота, день бани. Кроме нее, не успел ничего. Ну, только книгу писал.

11 марта. Сегодня последний день длинных мартовских праздников. Понятное дело, что сами праздники здесь никак особо не празднуются (ну, может, кроме Нового года). Зато очень спокойно. Ментов меньше, никаких шмонов, никакой нервотрепки. Сиди себе — занимайся, чем вздумается.

12 марта. Сегодня день фсиновца — или как он там называется. Точно знаю эту дату, так как ровно три года назад приехал в ИК-5 «Нарышкино». Гребаных 1096 дней здесь провел, а ощущение, будто родился и вырос.

Видимо, чтобы отпраздновать знаменательную дату, мне принесли аж восемь рапортов — и по всем явно собираются накладывать взыскания. Ну что за дебилы? Абсолютно непонятное действие. Наверное, им нравится, когда я с ними сужусь. Но даже если мне влепят восемь строгих выговоров — что тогда? По УДО я уже явно не выйду, взысканий у меня уже штук 20 есть. Непонятно, одним словом.

13 марта. Сегодня приходила Frau Аля. И знаете что? Операция «злоупотребление доверием» снова сорвалась! Все-таки ужасная неисполнительность царит во всем этом АУЕ-движении. Рационализатор и оптимизатор во мне жутко негодует. Будь я менее законопослушным, преуспел бы в этой сектантской среде, вне всяких сомнений.

Передал Алевтине письма и посты, забрал письма и задания. Пришел в хату, тут Рыжий — на нервах. Два дня бросает курить и снова закуривает (отговорка, конечно). Из-за бороды зам по БОР сказал не пускать его в третью хату — соответственно, на связь он выйти не может. Только он заснул, в СУС пришел Боцман, залетел в камеру и срезал веревочку, на которой у Рыжего висела шторка. Тот взбеленился и со всей дури зачем-то пнул табурет. Боцман сказал, что забирает Рыжего на кичу. Потом я полчаса его отговаривал. Потом Бек полчаса его отговаривал. Потом я снова полчаса его отговаривал. Рыжего забрали, но скоро вернули. Прочел ему нотацию по поводу того, что, если он когда-нибудь хочет перейти из ранга «здоровенный дуболом» на какой-то другой уровень, ему надо контролировать нервишки.

Боцман приходил, чтобы сказать мне, что завтра приезжает Лабейкин — уполномоченный по правам человека в Орловской области. Это по моей табуреточно-розеточной жалобе.

14 марта. Приезжал Лабейкин. По этому случаю во всей зоне было радикальное наведение Потемкин-style, как обычно. Жалобу подробно не обсуждали, но он сказал, что они «детально разберутся». Поговорили о живописи и о влиянии прикладного искусства на исправительные учреждения. Пожал нам с Рыжим руки со словами: «Скорейшего освобождения, мужики». Через 20 минут после его ухода Рыжего забрали в ШИЗО (чувак только что отсидел там 30 суток ни за что). Из камеры забрали стол, две иконки, табуретки. Соседнюю камеру переоборудовали под комнату воспитательной работы / дневного пребывания. Предполагается, что я буду с отбоя до подъема находиться в

своей камере, где только кровать, а с подъема до отбоя — в соседней, где прибиты к полу стол и табуреты. Позже вызвали к себе Санычи (начальник колонии Геннадий Александрович Гревцев и начальник оперчасти Роман Александрович Чирков) и объяснили, что это приказ Короля Карандашиков. Очевидно, у него есть цель — спровоцировать меня. Через четыре дня президентские выборы. Хотел прогреметь на всю страну как угнетатель пятой колонны и заработать должность. Другого объяснения этому дебилизму у меня нет.

В камере так пусто, что даже эхо появилось. Ночью нарисовал во всю стену Че Гевару с сигарой и подписью «¡Hasta la victoria siempre!». А хули еще делать?

15 марта. Че с утра закрасили. Жалко, конечно. Очень недурственный де ла Серна у меня получился. В соседней камере доделали, наконец, комнату дневного пребывания. Но телик туда покамест не поставили, поэтому я даже смотреть на нее не пошел.

У смотрящего за СУСом сегодня был день рождения. Нарисовал ему в подарок открытку. Вечером смотрящий накрыл стол: куры жареные, куры вареные, плов, овощи, фрукты — пир, одним словом.

В ночи решал шахматную задачу, которую прислал отец. Не решил. Все три партии, сыгранные с ним дистанционно, проиграл вчистую. Разрядник есть разрядник.

16 марта. Пятница, а это значит, что делаю пометку в своем настенном календаре: «15». То есть 15 недель еще осталось. Веду этот календарь со 102-й недели. Цифры пишу так, чтобы на нулевой неделе получился знак бесконечности. И действительно, по ощущениям, веду календарь очень долго.

Приходил Боцман, сказал, что теперь, если буду рисовать на стенах, ко мне будет прибегать наряд и отбирать карандаши.

Надо обязательно проверить. Стены покрыты водоэмульсионной краской, поэтому при желании можно рисовать совсем без красок — водой.

Вечером по ебуку списался с Кря — другом с воли. Кроме четырех часов на краткосрочном свидании, ни разу не говорил с ним с момента посадки. Он сейчас в Румынии, и у него все плохо. В какой-то степени одно вытекает из другого.

17 марта. Я же ведь типа на диете. Готовлюсь к выходу. Ем один раз в день (по крайней мере, стараюсь). Занимаюсь шесть дней в неделю (кроме субботы). Ничего религиозного, просто по субботам баня, хочется хотя бы один день в неделю походить чистым.

Сегодня был срыв. На завтрак — хлеб с маслом, чай и вареное яйцо. На обед — роллтон, куриная грудка (пацантрэ

подогнали), салат из банки горошка и банки кукурузы. На ужин — роллтон, банка бобов, банка тушенки, пайка хлеба и компот. Мучился изжогой.

Хотел посвятить день книге, но успел написать только страниц десять.

Впрочем, весь день был доволен, так как был сыт.

Ночью нарисовал на стене кусок неба.

18 марта…

19 марта. Привычное повествование прервалось, теперь восстанавливаю события по памяти. Вечером пришел начальник оперчасти Чирков и сообщил, что забирает меня в ШИЗО. Дал время собраться, но вещи я сложил абы как — усилия в основном прикладывал к тому, чтобы спрятать дневник и часть рукописи.

На киче все так же. Ну, почти. Все тепло меня приветствовали. Особенно Толя Могила. По «телефону» Толя просил пообщаться с Генсеком, чтобы его перевели ко мне. Меня поселили опять в одиночку.

Здесь теплее, чем на СУСе, но ощущаешь это буквально несколько часов. На СУСе можно сделать горячий кофе или одеться как следует и укутаться одеялом. Тут печальнее. На полу лежать пока холодно. Надо дождаться, когда принесут книги и газеты — тогда лежать можно на них. Из вещей у меня только роба, майка, трусы, свитер и носки, плюс запасные майка, трусы и носки, на баню. А первые карцеры я вообще провел в робе, майке и трусах — даже не понимаю, как не замерз до смерти.

20 марта. Был суд по взысканиям. Всё, как обычно, только новый судья в Урицком районе, но он уже настроен против нас: сперва он отклонил жалобу Кирилла по формальным основаниям, а Кирилл за это наказал его через вышестоящий суд, теперь судья строит из себя умника.

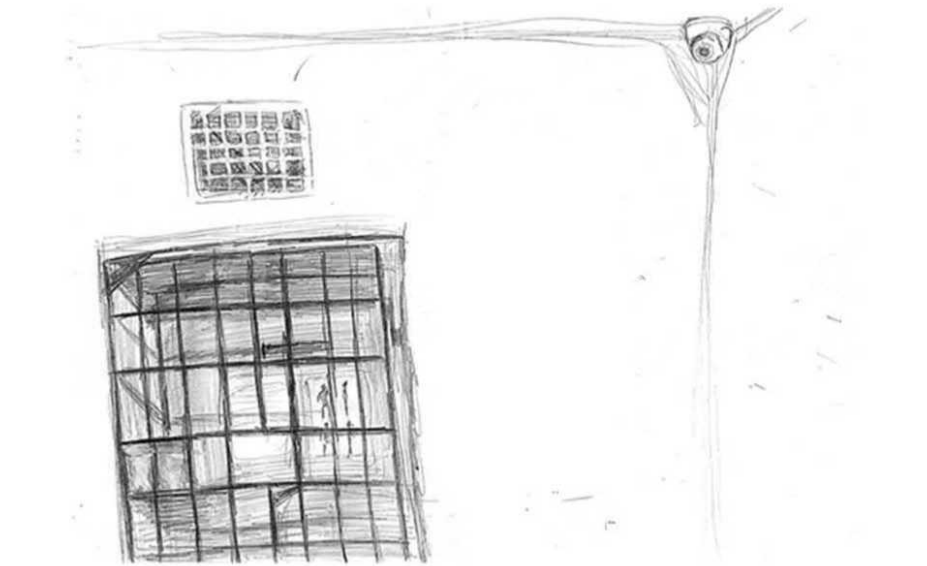
О том, что я в ШИЗО, Кирилл не знал. Попросил, чтобы он написал запрос об обеспечительных мерах — приостановить исполнение решения до судебного разбирательства. Также пытался сподвигнуть Кирилла и Алевтину на другие жалобы, но что-то они это все восприняли без особого энтузиазма. Пиздец, конечно. Я уже всем надоел, даже своим адвокатам.

21 марта. Баня. На киче ее отремонтировали. Новые хорошие лейки. Напор более или менее. Зачет, короче.

Сегодня — 100 дней. Планировал запустить на фейсбуке цикл заметок от з/к на каждый день, но эти дебилы со своим ШИЗО все похерили — записи остались на СУСе, передать Кириллу я их не смог. Момент упущен.

Приезжал замполит из управы. Требовал представиться. Я потребовал представиться его, а когда он это сделал, то попросил

еще и документы. Он отказался — и я тогда отказался представляться. Один в один повторилась ситуация осени 2015 года. Приезжал этот же идиот с такими же требованиями, когда я сидел в ШИЗО. Боже, забери меня из этого циклического ада. Заныкал карандаш, сделал несколько набросков хаты.



Холодно — жуть. Каждую ночь просыпаюсь около двух (точно не знаю, потому что часов у меня нет) и от холода не могу уснуть. Одеяло короткое и по длине и по ширине, матрас — комками, сползает, через час уже лежишь тупо на дереве. Ну ладно, привыкну через пару дней. Надо опять заниматься спортом, чтобы не мерзнуть.

22 марта. Отрядник принес нательное белье (aka нателка). С утренними пробуждениями оно не помогло. Просыпаюсь я от двух вещей: от того, что мерзнет лицо, и от того, что болит спина. Спина болит, потому что я сплю в позе эмбриона, по-другому тупо не хватает одеяла, чтобы укрыться. Лицо мерзнет от холода. По утрам изо рта валит пар. Газеты не отдали, и это сильно затрудняет быт. Придется лежать на переписке.

Вообще, самая сложная задача днем — это, сидя на стуле, вытянуть ноги на батарее так, чтобы их не обжечь и ничто не впивалось в плоть. Задача абсолютно невыполнимая. Кичу, конечно, проектировали архитекторы-палачи. Случайно бы так не вышло.

Агат тут сидит седьмую пятнашку — 105 дней подряд, почти треть года. Оскорбил Боцмана. Этого ублюдка не оскорблять, а

оскопить надо за такое. Правда, последнее время Агат сидит в девятой или десятой хате. Там Ташкент. Очень тепло, можно весь день дрыхнуть.

23 марта. Ну все, норм, я привык. Не так уж и холодно. В том числе и лежать на полу. Хотя можно и бодряком проводить весь день. Ночью все равно все спят.

Раньше было по-другому. Сначала до 22:00 перекрикивались с зоной, потом полночи общались по продолу, то есть между хатами. Начинали с каких-то общих разговоров, а потом уже было личное общение. Поскольку 90 % сидящих в ШИЗО — выходцы с Кавказа и из Средней Азии, шпарили то по-грузински, то по-азербайджански, то по-таджикски.

А теперь все иначе. Теперь тут Тихон. В жесткие времена он был положенцем лагеря, а потом его услали на крытую в Ульяновск. По выражению Генсека, «вернулся совсем другим». Ну и лагерь тоже другой стал. Теперь с зоной говорят через Рыхлого, без криков. БУР греется, кича подогревается. Все тихо-мирно.

Вечером загадывали загадки. Я все отгадал, но не стал умничать — давать ответы. Тихон попросил меня загадать что-нибудь. Я врубил старца Фура и загадал три штуки. Конечно, никто не отгадал. Было неудобно.

Перед отбоем сделал влажную уборку.

24 марта. Суббота. Банный день. На киче его ждешь особенно сильно: в отсутствие дезодоранта и даже с учетом того, что по мере сил моешься в раковине ледяной водой, все равно пахнешь, как стадо бизонов, спасающихся от истребления. Отдал нательное белье и свитер в стирку. Толстовка, которую вернули из бани, размером могла подойти разве что недоедающему шестикласснику. Но нательное белье шьют сами зэки. Эту толстовку, например, сделали в ИК-3 Владимирской области. Материал, прямо скажем, так себе. Удалось растянуть более или менее под мой размер.

Днем в баланде — рыбном супе — кому-то из з/к попалось что-то ужасное. Поднялся крик (что именно там было, я, к счастью, не слышал, из-за играющего в хате на полную мощность радио «Ваня»). Может, поэтому, а может, потому что сейчас так принято, но на ужин разлили по кругалю чифира. Чифир что надо — может, раз четвертый за весь срок такой пью. Вштыривает. После него во всех проснулась сентиментальность, и вечерние разговоры были задушевнее обычного.

Буровские молодцы. О киче забота куда лучше прежнего. На день отправили мне свитер, пока мой на стирке в БПК был. Если бы не он, я бы замерз насмерть. С ним замерз только до полусмерти. Изо рта валит пар.

Батареи чуть теплые. По всем признакам, скоро весна.

25 марта. Воскресенье. Выходные кайфовые даже в тюрьме, даже в карцере. Сидишь весь день, читаешь, никто тебя не дергает, никто не приходит.

Ну, то есть в целом в любой день ни черта не делаешь. Но в будни то шмон, то Боцман, то начальник отряда, то управа. В выходные — никого. Спрашивается, зачем нужны эти боцманы и управа, если все равно ничего не меняется?

26 марта. На улице стало теплеть. В хате это пока заметили только пауки, которые проснулись и поползли из всех щелей. Недаром паук — священное тюремное животное. Их тут много.

Вообще, хуже всего в тюрьме, наверное, арахнофобам. У меня есть теория, что пауков много из-за пыли. Пыли много из-за сквозняков (реально, каждое утро в пустой комнате 3 х 3 наметаю полный совок пыли). Сквозняков много, так как з/к должен страдать.

Усиленно читал сегодня. Хочу добить «Чистый лист» Пинкера и «Девушку, которая играла с огнем» Ларссона (на английском), пока сижу тут. Не знаю, получится ли у Кирилла приостановить это ШИЗО.

Отрядник принес несколько писем:

— из императорского монетного двора (да-да!);

— от Чубакки;

— от нежной Вико. She makes me laugh.

27 марта. Весь день читал «Чистый лист». Книга кайфовая, но читается с боем. Проблема в том, что я в ШИЗО, то есть постоянно неудобно сидеть, хочется спать и т. д. Впрочем, если не прочитаю ее здесь, то на СУСе точно не буду читать. У меня уже отторжение всякого рода научной (хотя бы и популярной) литературы.

В преддверии завтрашней бани произвел в своей светлой хате влажную уборку.

28 марта. Среда и баня. Отвратительно холодная баня. Пять минут вода теплая, десять минут — холодная.

Эльшан из соседней хаты сегодня полдня бился в истерике. Как раз у Пинкера прочел, что 3–4% мужчин — психопаты. Склонен согласиться.

Днем приперлись из воспитательного отдела. Полтора часа пытались заставить меня пришить нагрудный знак к свитеру. После бани постирал нательное белье, а так как свитер на голое тело носить крайне неприятно, надел сначала куртку х/б (она с нагрудным знаком), а поверх уже свитер. И в результате беседовал с этими дуболомами, ведь порядок надевания одежды установленного образца нигде не прописан. Вероятно, будут

давать еще 15 суток. Обычно они просто выносят взыскание без лишних телодвижений, но сегодня целый диспут был.

Еще сегодня пришло определение из суда об отказе в применении обеспечительных мер. Если опротестовываешь в суде водворение в ШИЗО, можно просить, чтобы до вынесения решения его приостановили. Но судья не любит Кирилла и отказал по формальным основаниям: типа, не поименованы права, которые у меня ограничиваются. Вот ведь осел. Водворение в ШИЗО — оно, по своей сути, и есть поражение в правах. Что с моим правом пить кофе, например?

29 марта. С утра Гена вызвал смотрящего за БУРом. Я сразу подумал, что по моему поводу, — и точно, следом за ним ведут меня. Говорят: еще ШИЗО, потом БУР. Ну ладно, думаю, хоть дочитаю все, что скопилось. Вечером вызывают, говорят — передумали. Вернули в СУС.

Упился кофе, укурился сигаретами.

30 марта. Узнал, что из-за меня теперь в ШИЗО у всех отобрали свитера.

Не потому, что я жаловался или что-то такое, — просто управа увидела записи с видеокамер, на которых я в свитере, и теперь предписано в ШИЗО свитера не выдавать. Видать, пытаются так зэков на меня натравить. Ужасная глупость, конечно. Я уж не говорю о том, что это противозаконно. Ладно, буровские за свитера о чем-нибудь еще договорятся. Ну и нательного белья будут выдавать несколько комплектов. Но все равно это жутко неприятно.

Толю Могилу со мной не поселили. Снова живу один.

31 марта. Блин. Я так мечтал о сусовской бане — в ШИЗО все-таки вода была прохладная. А тут новая фишка — баня с 8 до 10, нормально работает только один душ, и всего два тазика для стирки. Не очень много времени.

Причем абсолютно непонятная мера. Неужто воды жалко? В чем смысл тогда жить в стране с таким количеством рек?

1 апреля. Ужасное 1 апреля. На завтра запланирован переезд в большой барак (я, наверное, не поеду, а отправлюсь обратно на кичу — даже поспорил про это сейчас с Тутукой, моим соседом по СУСу, на 200 отжиманий). Тут все готовятся, пацаны убрали связь, и я не смог пообщаться с домом. А то каждый год я им сообщаю, что у меня рука сломана, что я подрался с сотрудником и теперь меня раскручивают на новый срок, ну вот это вот все.

С утра решил обмануть Толю Могилу. На завтраке были только мы вдвоем. Говорю ему:

— Слышал вчера?

— Нет. А что?

— Часов в 10 вечера. Прямо напротив окон СУСа, на запретке, менты какого-то зэка убивали.

— Угу.

— Прямо сильно били, он орал.

— Угу.

— Удивительно, да?

— Ну, бывает. Может, брос был, а он за ним полез.

Короче, полный отстой. Никого нормально разыграть не удалось.

Несколько дней — собственно, с тех пор, как вернулся на СУС, — с 12:00 до 17:00 сижу во второй хате, где поставили стол, табуретки, телик. Но вместе со мной почему-то других не выводят. Ну и сижу тут один — разные дела делаю.

Пытаюсь собрать запас цветных рисовальных девайсов. Just in case. В БУРе положено только простые карандаши и шариковые ручки в неметаллическом корпусе, синих и фиолетовых оттенков.

2 апреля. Понедельник все провели в ожидании переезда, но его почему-то не случилось. Я весь день тащился под «Рок-волну» и рисовал. Попутно ответил на остатки писем. Подчистил концы на случай переезда в яму.

3 апреля. Как будто 1 апреля. Замначальника по БОР Василич, видимо, перепутал даты и знатно меня подобманул. Вызывает с утра:

— Ну что, переезжаешь со всеми в барак.

— А чего, в БУР не еду?

— А чего тебе там делать?

— Ну, это уж точно не ко мне.

— Собирайся, по проверке все в общий барак съезжаемся.

Буря, а не новость! Я собрал все свои пожитки, сижу на чемоданах — жду. По проверке третья хата переезжает в барак, а я нет. Говорят: чего-то перепутали. Я даже разозлился нехило. Натура з/к чутка к переездам. Разложился опять. Днем отвели к Санычам. Говорят:

— Переезжаешь в барак, только со связью поаккуратнее.

— А чего с утра не переехал?

— Ну так, до этого разговора.

Вот же пиздец. Пришел, собрал пожитки и вписался в барак. Всего этот процесс занял два с половиной года — с 15 октября 2015-го по 3 апреля 2018-го.

Весь день разбирали вещи и оборудовали спальные места под «танки» — занавешивали их со всех сторон. Для этого нужно:

1. Прошить простыню, чтобы пропустить через нее коня.

2. Сплести коня.

3. Примотать тросики к шконке и обвесить ее со всех сторон

простынями.

Нары двухэтажные, стоят по двое рядом, между ними тумбочки. На соседней шконке спит Давид. Наполовину грузин. Приехал недавно с СУСа Брянской колонии для несовершеннолетних. Как нетрудно догадаться, ему 18.

Завтра у Тутуки день рождения. По этому поводу получили передачу. Был пир. Нарисовал ему открытку. На связь выходили с трудом. Связисты подкрутили глушилки, сеть ловит только в туалете, если забраться повыше и приложить телефон к стене. После 00:00 поздравили Тутуку с днем рождения, поели торт.

4 апреля. Судя по всему, время тут полетит быстро, хоть и совершенно бесцельно. Весь день не делал вообще ничего, но прошел он мгновенно. Днем позвонил домой, поздравил с днем рождения мать. (Мама! Спасибо, что родилась!) У нее был Бро. Пообщался и с ним. Хотел обсудить, что за суд будет 24 апреля, но о нем, судя по всему, еще никто не знает, кроме самого суда, меня и спецчасти ИК-5.

В целом должен заметить:

1. Месяц выдался достаточно насыщенный.

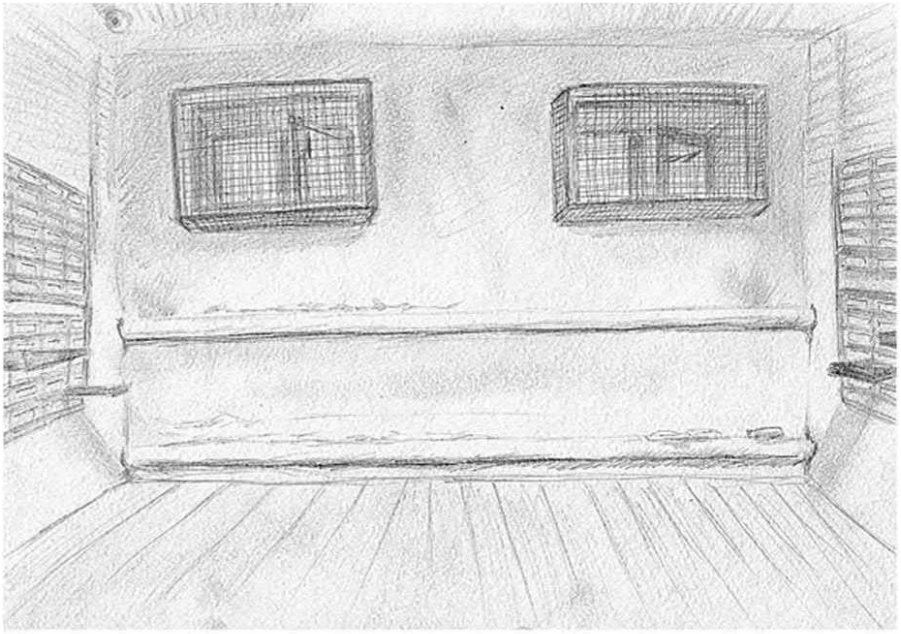
2. Вести дневник — ужасно уныло, если ты, конечно, не Зеленый Фонарь или Агент 007.

Конец.

БУР

После того, как я закончил вести дневник и завершилась моя очередная пятнашка в ШИЗО, меня вернули на СУС — но в общий барак! Я удивился и насторожился, а потом, кажется, понял, в чем дело. Примерно за полгода до этого, в октябре 2017-го, Европейский суд по правам человека постановил, что приговор по делу «Ив Роше» — произвольный и необоснованный. И вот, Бро, вооружившись этим постановлением, подал ходатайство в Верховный суд о пересмотре дела. Когда я узнал об этом ходатайстве, все встало на свои места. Думаю, просто Король Карандашиков со своей бандой не знал, чем окончится заседание ВС: если меня признали бы невиновным или освободили до нового рассмотрения, а я бы числился по разряду межгалактических убийц — получилось бы неудобненько. Впрочем, в конце апреля Верховный суд, как и следовало ожидать, постановил оставить приговор по моему делу в силе. Поесть шашлыков в кругу семьи на майских и воспользоваться уже купленными билетами на групповой этап чемпионата мира по футболу не получилось. Что, в общем, было довольно предсказуемо.

А потом случились очередные 15 суток ШИЗО. Вышло довольно глупо: в колонию должен был приехать Король Карандашиков, все это знали, готовились к его визиту, убирали барак. Но чуваки, которые занимались уборкой, где-то потеряли мою куртку с биркой. Когда Король Карандашиков приехал, все стояли и встречали его в куртках, а я — в свитере, без опознавательных знаков. Он, как только увидел это, сразу говорит: «Руки за спину!» Вообще-то, он не может сам иметь никаких взаимоотношений с заключенными — только через администрацию. Я, конечно, начинаю протестовать: «А вы кто такой? Вы мне не можете ничего такого приказывать». Ну и он: «Оформите его!»



Дальше — все как обычно. Но после выхода из ШИЗО вызывает меня Гена, начальник колонии: «Куда хотите — на СУС или в БУР?» Я говорю: «Ну, поехали в БУР». Он говорит: «Ну и правильно, тебе на СУСе покоя не дадут». Так что последние 24 дня своего срока я провел в помещении камерного типа, также известном как БУР.

Я оказался в камере с двумя бродягами-грузинами. Один из них был на третьем сроке. В России сел на шесть с половиной лет за попытку разбойного нападения на машину, которая везла 300 миллионов рублей черным налом. До этого один раз сидел в Грузии, один раз — в Турции. Настоящий крадун, ведет бродяжий образ жизни. Весь изрезанный вдоль и поперек.

Чувак рассказывал очень мощные истории про грузинскую тюрьму времен Саакашвили. У них там был бунт, расстреляли чуть ли не 20 человек. Говорит, как в мультике — пули свистели прямо над головой. В результате все порезались. Голодали по 40 дней. Зашивали себе рты, совершенно как Павленский. Самое сложное было, когда просыпаешься с утра, забываешь, что у тебя зашит рот, и хочешь зевнуть. А один человек даже зашил себе глаза. Я не стал спрашивать, зачем он это сделал, — видимо, и так должно быть понятно.

После такого турецкая тюрьма была для бродяги почти что курортом. Там даже намек на нанесение себе увечий решал любые проблемы. Российская тюрьма получалась чем-то средним между грузинской и турецкой. Рот себе он тут, конечно, не зашивал, но из-за любой мелочи сразу хватался за лезвие и угрожал всем, что вскроется: если не придет библиотекарь, если прямо сейчас не придет начальник службы безопасности, если его не вызовут поговорить с Геной, если не принесут передачку и так далее.

Второй бродяга был менее вспыльчив, но тоже порезан изрядно и с большим багажом тюремного и жизненного опыта: приехал этапом из питерской зоны, а питерские зоны, скажу я вам, не сахар. Ему в последний день я наколол ангелочка на плече. Если кто-то думает, что это недостаточно угрюмый партак, то сообщаю, что ангелочек держал на цепи воровскую звезду.

Колол я его абсолютно брутальным образом — слегка заточенной об кафель швейной иглой. Билось все это жженкой — копотью от сгорания одноразового бритвенного станка, перемешанной с мыльной пеной.

В целом сидение в БУРе было не очень примечательным и интересным. Бродяги объясняли мне тонкости АУЕ-теории (попутно споря между собой), я спорил с ними на религиозно-мифологические темы. Но вообще — ничего особенного. Пожалуй, самым ярким событием за месяц моего БУРа стало изготовление шашлыка.

Как подогреть или поджарить мясо в хате? Допустим, в передачке вам зашла баранина. Она наверняка будет вареная, а если даже и жареная, то уже давно. В общем, совсем не шашлык. Как быть?

Для начала нужно подготовить посуду. Берете какую-нибудь миску. На огне она закоптится, поэтому нужно покрыть ее зубной пастой, чтобы потом было легко отмыть. Но не будете же вы держать миску в руках — ее нужно вставить в щели, которые образуются, когда пристегиваешь к стене нары.

Теперь топливо. Берете обычное вафельное полотенце (только его в тюрьме ни в коем случае нельзя называть «вафельным» — только «в клеточку», как и «вафли» нужно называть «печеньем в клеточку»). Разрезаете полотенце на полоски и складываете их фальцами, чтобы получилась трубка с притоком кислорода. Оказывается, полотенца отлично горят, причем без всякой дополнительной пропитки, и, в отличие от бумаги, не дымят и не воняют.

Кладете рядом с собой какую-нибудь емкость с водой. Берете полотенце, как факел, — и поджигаете. Оно ведь свернуто в трубку, тяга там хорошая и горит отлично. Просто нужно время от времени сбрасывать в воду сгоревшие части полотенца. От этого пальцы становятся все желтые.

В общем, одного небольшого полотенца для рук вполне хватает, чтобы пожарить огромную миску мяса. Получается настоящий шашлык, запах — потрясающий. Точно так же можно, к примеру, вскипятить кружку с чифиром.

Вообще, последние дни перед освобождением пролетели очень быстро. Я думал, что они будут тянуться вечно, но у меня как раз был очередной раунд ожесточенных судов с колонией. Я почти каждый день выходил на видеосвязь с судом, который разбирал наши протесты по поводу различных взысканий. К тому же я и мои доблестные адвокаты судились с прокуратурой, которая не реагировала на наши обращения. Должен вам сказать, что, когда допрашиваешь в суде прокурора, — это совершенно

незабываемое чувство.

Выход

И вот — последний день. Прошел он офигенно быстро, совсем не по канонам. Должен был тянуться до невозможности. Об этом много написано, для з/к это легендарное событие, и все легенды — про длину последнего дня. Ничего подобного. У меня он был мгновенным, как удар забойщика скота (знаю, знаю, скот уже не забивают вручную, но точная метафора — только эта).

Накануне вызывали к начальнику колонии и главному оперу. Говорили, что примерно половина руководства силовиков будет следить. Просили не устраивать митинг. Предупреждали, что меня с момента вывода из камеры и до вывода за пределы ИК будут без устали снимать на регистраторы. На прощание я честно признался, что знакомство с ними не было приятным.

Приезжали какие-то фсбшники, ходили по зоне и зашли всюду, кроме камеры, где я сижу, — «очканули», как сказали представители администрации. Приходила Алевтина — последние вести с воли, последние письма домой, рисунки, эскизы для последних партаков. На прощанье обнялись — сказала, что будет скучать. Неудивительно: с апреля 2015-го по июнь 2018-го виделись стабильно раз в две недели.

Сходил на суд с прокуратурой. Вернулся в камеру — вот уже и вечерняя проверка. Собрал вещи: пачка непереданных писем. Написал последние ответы. Самый последний для Лены — на раскроенной наволочке. Пообщался со всеми через отдушину, как обычно в таких случаях: они мне фарта и здоровья, я им — скорейшей золотой воли и здоровья. Здоровье — самое главное. Забрал матрас, расстелился, лег спать.

Проснулся, когда в кичабуре начался подъем и стали хлопать пристегиваемыми нарами. Скрутил матрас и наконец-то не стал нести его в комнатку для матрасов, а положил на пол рядом с хатой. Взяли топчаны, расстелились, позавтракали, чифирнули. Пошел в душ — каждый, кто освобождается, получает экстрабонус в виде бани. Последняя баня — анбиливабл. После бани оделся в чистое — отдельную робу, к которой накануне, истратив последний гель в белых ручках, дописал к казенному трафарету ПКТ еще две аббревиатуры — ПТН и ПНХ. Очень символично — приезжал ведь в такой же футболке. Так сказать, пронес себя через года.

Часов в 8 приходит режимник, выводит из камеры, говорит — по правилам надо проводить обыск перед освобождением. Ржу над ним в ответ: «Можете рапорт составить: перед освобождением отказался от обыска».

В 8:20 забрали из камеры. Взял рюкзак — там письма, алюминиевая кружка с рисунком Гейзенберга и надписью «Let's cook!», книжка на голландском о вязке узлов — друг просил вернуть. Надел темные очки: освобождаться надо на стиле, а хорошие парни носят черное.

Повели. Покричал всем в камеры. Сцена освобождения из ПКТ — один-в-один как у Подрабинека в «Диссиденте». Долбанное колесо сансары.

На прощание говорю: «Менты и джентльмены! Элвис покинул здание!» Ну просто не пришло ничего в голову.

Повели отдавать документы. Стас Пенкин (начальник спецчасти) сверяет личность:

— Фамилия.

— Меня зовут Себастьян Перейра, торговец черным деревом.

— Можно посерьезней?

— Да ладно, чуваки, вы чего — «ДМБ» не смотрели?

Никто не признается — перекрестная видеосъемка для руководства. Хотя все наверняка смотрели.

Дальше на вопросы идентификации отвечаю в таком же духе. Стасик говорит, что на проходной вахты надо быть посерьезнее — а то будут полдня выпускать.

— Ну окей, — говорю, — я не тороплюсь.

Бухгалтер выдает одну тысячу девятьсот семьдесят рублей пятьдесят три копейки — компенсацию за неотгулянный отпуск. Возмущаюсь: мог, оказывается, рвануть на недельку в Кимры. И еще сорок восемь рублей тридцать девять копеек — на проезд до Орла, а также восемьсот пятьдесят рублей — единовременного пособия. Подъемные. Теперь не пропаду!

Ведут на вахту. Наконец-то я понимаю, что за вахта такая и какой ее видят прибывающие родственники. Чересчур много решеток, на мой вкус.

Сцена идентификации.

— Фамилия.

— Меня зовут Себастьян Перейра, торговец черным деревом.

Пауза.

— Неправильно.

— Что же мы будем делать?

Начальник караула в смятении. Замполит подсказывает ему продолжать сверку. Отдают флеш-карту и телефон — формальное основание, определившее строгость условий моего срока. Мило. Телефон, правда, не мой, но все равно приятно.

Открывают решетку, потом дверь, и вот я иду по локальному участку воли и вижу в отдалении Вико, и Бро, и друзей, и людей с фото- и видеоаппаратурой.

Обнимашки. Сцена, как в мультфильме про льва Бонифация: я хожу по парковке, а за мной ходят люди, и, как только я останавливаюсь, они меня окружают и начинают фотографировать. Отрываемся от фотографов, едем в «Макдак» поесть мороженко, а потом в чисто поле — облить самбукой робу и сжечь ее в эмалированном ведре. Всё по канону.

Ну вот это и есть моя тюремная история. Не знаю, какие чувства у вас возникли при ее прочтении. Кому-то могло показаться, что это было довольно-таки неопасное, но интересное приключение. Кому-то могло показаться обратное. Кто-то мог подумать, что я совершил бросок судьбы через бедро, не сломался и провел время с пользой.

Не могу сказать, что колония меня изменила, — в том плане, что ценного жизненного опыта в таких условиях приобрести невозможно. Это миф. Любой опыт, полученный там, может только там и пригодиться. Как и армия, тюрьма не делает из мальчика мужчину, не делает из преступника добропорядочного гражданина, и вообще вся эта хрень про выковывание характера — городская легенда, не более того.

Возможно, за эти 3½ на воле я бы не выучил испанский, не стал бы юристом, не начал бы заниматься спортом и не прочел бы горищу книг, но я знаю сотни способов, как провести время интереснее, веселее и полезнее.

Дальше серия стоп-кадров.

Стоп-кадр № 1. Я играю с Торнадо и Горой в зомби-апокалипсис. Я — первая инфицированная особь. Они — последние выжившие. Саундтрек — 45-й выпуск Neuropunk. Мы с детьми любим drum'n'bass.

Стоп-кадр № 2. Принимаю ванну с нежной Вико в Питере. Ванна маленькая. В тесноте да не в обиде. Впечатление, что все будет хорошо.

Стоп-кадр № 3. Постановочно жарю шашлык для Андрея Козенко из «Медузы» — он приехал на дачу к родителям взять у меня интервью про ужасы русской тюрьмы. Ну, почти — просто интервью про то, как я сидел. Шашлык, конечно же, съем не постановочно, а с неподдельным удовольствием.

Стоп-кадр № 4. Гуляю по Москве — ничего не узнаю. Всюду плитка и благоустройство. Узнаю только пробки.

Стоп-кадр № 5. Чиню комод. В прошлой жизни не стал бы этого делать, а сейчас даже как-то приятно. Починил. А потом думаю: зачем мне комод? Поломал его, выкинул на помойку, а вместе с ним еще примерно тонну вещей.

К вещам привязываться не надо.

Стоп-кадр № 6. Я у входа в пивбар сбриваю усы. Бритву

захватил с собой. Хозяин бара, мой друг, принес миску с теплой водой. Вокруг друзья — снимают на телефоны — и незнакомцы, грустные от того, что Россия проиграла Хорватии. Поэтому усы и не сбривал — какой-то общенациональный флешмоб «Усы надежды».

Стоп-кадр № 7. Купил в карнавальном магазине рыжий парик и клоунский нос. Упаковал в бандероль и отправляю ее в колонию на имя Быткина Александра Сергеевича — одного из сотрудников отдела безопасности ИК-5.

Он постоянно говорил мне, что, были бы другие времена, меня бы быстро урезонили берцами и резиновыми палками. Я смеялся в ответ и обещал отправить с воли клоунский парик и нос. Обещания надо выполнять.

Стоп-кадр № 8. Разобрал балкон, сделал из него подобие кабинета.

Отыскались удивительные, давно потерянные вещи. Насыпал в хайбол льда,

залил колой, потом ромом — именно в такой последовательности делается «Куба либре»: ром никогда не будет под колой, как Куба не будет под Америкой. Всё готово для написания последней части Чубакки.

По-моему, ужасно несправедливо, если у истории открытый финал. Думай потом за автора за свои-то деньги. Но еще хуже, когда финал пресный — «они жили долго и счастливо и умерли в один день», ну или когда самый клевый персонаж нелепо и случайно гибнет. Иногда зло должно торжествовать, иногда герой должен быть Чаком Норрисом. Вот поэтому я решил написать три альтернативные концовки для истории с Чубаккой — наслаждайтесь той, которая понравится больше. Надо было и Толстому с его Анной поступить так же.

Осужденный Чубакка идет в рай путями ада

Ад

«На основании вышеизложенного, руководствуясь волей и понятиями Темного Лорда, суд признает подсудимого Чубакку виновным в совершении преступных деяний, выразившихся в:

1. Сомнении относительно справедливости происходящего вокруг;

2. Пассивных попытках дезорганизации, дестабилизации и неповиновения;

3. Циничном проставлении лайков путем оттопыривания большого пальца правой лапки.

и… постановляет приговорить к дальнейшему заключению и ресоциализации до момента полного исправления. Исключительной компетенцией определения степени исправления наделяется администрация СИК-1984 в лице единоличного начальника, — судья томно оглядывает Берца, сидящего в президиуме суда по правую руку. — Кроме того, учитывая степень общественной опасности содеянного и циничное отношение подсудимого к своим поступкам, непризнание вины и отсутствие мимических признаков раскаяния, суд назначает дополнительное наказание в виде пыток, унижения гуманоидного достоинства подсудимого, причинения ему физических и нравственных страданий самого широкого спектра».

Чубакка присутствовал на суде посредством видеоконференцсвязи. Помещение, в котором оно проводилось, еще называлось в среде зэков дном гласности. Чуи стоял в узкой яме, наполовину наполненную нечистотами, которая больше напоминала вертикальную могилу. Сверху яма была прикрыта решеткой с толстыми, пятигранными прутьями. Над ямой стоял Пыткин и стримил видео с грустно смотрящим из-под решетки Чубаккой в суд.

Новый приговор Чуи не услышал, но Пыткин любезно озвучил ему лаконичную версию: «Пиздец тебе, волосатый».

Позже пришел Берц. Он привлек внимание Чубакки, плюнув ему на голову: «Ну и кто теперь рыжая собака? Молчишь? Молчи, скоро заговоришь, не заткнешь потом. Александр Сергеевич, забирайте, начните с пяток, что ли».

Когда штопор, произведенный в 1960 году на советском заводе «Труд», который Пыткин носил на цепочке на манер карманных часов, ввинчивался в ахиллово сухожилие Чубакки, тот думал, как бы умереть побыстрее, но до этого выглядеть подостойнее.

Он пытался понять, как так получилось, что извечная борьба добра и зла окончена, и тьма победила. А как же хваленный баланс сил? Ведь Йода учил, что должен быть баланс. А сейчас Йода догорал в печи банно-прачечного комплекса среднерусской исправительной колонии.

Кто сдал повстанцев? Как смогли тупые казаки в течение пары лет накрыть всю межгалактическую сеть сопротивления, пленить и ослепить зеленкой лидеров, казнить или отправить на каторжные работы всех до последнего. В чем заключалась ошибка и можно ли ее исправить?

На самом деле нет. Об этом Чубакка не думал. Чубакка просто выл от боли.

Тоска

Чубакка щерился на солнышко. Хорошо все-таки на свободе. Припекало. Хотя, конечно, не так, как в былые годы. Теперь Чубакка носил короткую стрижку на голове и теле. Ресоциализировался то есть. Понял ошибки. Совершил работу над собой. Исправился.

Чуи оглянулся на алюминиевый забор. Десять гребанных лет.

Империя поменялась. Мимикрировала под требования гуманизма. Города красиво и величаво оделись в гранитную плитку и лампочки. Открылось много новых бутербродных, где бородатые горожане и бритые по бокам горожанки тратили свои деньги. Ничего другого позволить себе они, конечно же, не могли. Но многие рассудили, что хорошо хоть бутербродные, а не газовые камеры. Тем более что бутерброды удивительные: по вкусу будто бы с белым хлебом, но черного цвета!

Горожане были счастливы и даже не сильно противились бесчинствам новой казаче-следственной аристократии. Смирились с новым в законодательстве: право первой ночи, право спонтанного насилия, право на забвение. Иногда еще выступали матери, когда в тюрьму отправляли грудничков, но после первых разгонов с помощью огнеметов протестная активность поутихла. Поутихла.

Зато мировой чемпионат по лапте прошел отлично! Приехали и северокорейцы, и центральноафриканцы, и сирийцы. Огнеметы

во время чемпионата не применялись. Даже когда в финале какие-то дезорганизаторы хотели сорвать матч и переодевшись в форменные шаровары, бегали по полю с криками «Держи краба». «А то еще дикими посчитают нас в своих этих пхеньянах и могадишах», — рассудили отцы и охранители нации.

Казаков одели в парадно-кровавое, бомжей похлипше — утопили в Волге, а те, что поздоровее, тащили первый в мире стадион-баржу вдоль великой русской реки. Момент национального триумфа, не иначе.

Все ко всему привыкли. В определенный момент привык и Чубакка. Сбрил шерсть и подшерсток, наколол себе партаки, завел ждулю на воле, устроился бригадиром на промку. В пищевой цех его уже не пустили — поставили на профучет. «Особо опасен в районе пищеблока». Зато в Чуи обнаружились таланты краснодеревщика, и он славился на всю округу своим зодчеством. Даже победил во всероссийском тюремном конкурсе, вырезав из тысячелетнего дуба князя Владимира верхом на уточке — символ чемпионата. Обзавелся спортивным костюмом на освобождение, пристрастился к чифиру и махорке.

И вот. На свободу с чистой совестью. «В принципе, ничего страшного, — думал Чубакка. — Только, конечно, долго».

Возле проходной его ждал Хан Соло — за последние годы отошедший от борьбы и ставший таксистом.

— Чуи?

— Угу, привет, Соло.

— А где твои волосы?

— Волосы — не зубы, отрастут. А где твои зубы?

— А, решил поставить золотые. Красивее так.

— И что, действительно золотые?

— Нет, конечно. Так, цирконий… Ну ладно — цикорий. Но телочки западают.

Помолчали. Хан Соло достал бутылку, по виду — шампанского.

— Сам понимаешь, шампанское по нынешним временам не достать, но я вот бражку сделал, как минимум должно стрельнуть.

— А где Люк?

— Приехать не смог — у него билеты на концерт Хаски, ну а тебя, сам понимаешь, могли и не отпустить сегодня.

— Понимаю.

Распили бражку. Решили пойти за поллитрой, потом еще. Дальше все в тумане. Мир крутился вокруг сознания Чубакки, хриплый голос Хана Соло как бы бесконечно сипел:

Я не хочу быть красивым, не хочу быть богатым,
Я хочу быть автоматом, стреляющим в лица,
Не хочу быть красивым, не хочу быть богатым,
Я хочу быть автоматом, стреляющим в лица,
Не хочу быть красивым, не хочу быть богатым,
Я хочу быть автоматом, стреляющим в лица.

С утра Чубакка проснулся от так хорошо знакомого звука открывающейся кормушки и голоса: «Кипяток нужен?»

Рай

— Отойти к стене, повернуться, руки за спину!

— Ну-ну, зачем так, Сергеич? Это лишнее! Как ты, Аттичиткукович? Чего нового?

Чубакка с крайним недоверием смотрел на расплывающегося в улыбке Берца и бледно-зеленого Пыткина, стоявшего поодаль.

Он думал что о нем забыли. Больше трех лет дверь его камеры не открывалась, и только миска с баландой проникала через кормовое окошко, поддерживая в лохматом повстанце жизнедеятельность. Было время, когда он хотел объявить голодовку, но по правилам голодовка была возможна только после письменного заявления, согласованного начальником колонии. А вот ручки-то как раз у Чубакки не было.

И теперь этот неожиданный визит. Да еще и такой ласковый тон администрации. Есть от чего насторожиться.

— Да ты не робей, Чуи. Вижу — ожидаешь подвоха. Нет никакого подвоха. Пойми, у нас-то самих к тебе нет никаких претензий. Это все там.

Дрожащий палец Берца указывал в потолок, и туда же он направил осторожный кивок.

— Мы тут хоть люди и региональные, маленькие, но все понимаем. Так что ты не думай, что зло от нас. Зло от них.

Снова осторожный косой взгляд вверх.

— Мы же люди служивые, пойми, у нас приказы. Приказано держать, мы и держим. А решать, виноват или нет, — пусть там решают. Но всему, конечно, есть границы. Вот, например, если бы приказали расстрелять, то я бы не стал. Не стали бы, Сергеич, правда?

— Кто — мы? Нет, конечно. Тут, это самое, ну, нет. На этом наши полномочия — все.

— Вот видишь! Сергеич не стал бы врать, прапорщик все-

таки. Так что ты, это, зла не держи. Зло — оно, знаешь ли, зло поражает. Я тут прочел в одной книжке конфискованной.

На улице как будто происходил салют и парад техники. «День победы, наверное», — подумал Чубакка. Пыткин, опасливо озираясь, прошептал что-то на ухо Берцу. Начальник колонии, нахмурясь, всмотрелся в циферблат наручных часов и кивнул.

— Ну, Аттичиткукович, не жлоби на меня, как говорится. Тем более что по взглядам мы сходимся в чем-то. Я даже за Собчак голосовал.

Берц протянул руку Чубакке, тот оторопело на нее уставился. «Наверное, смазана ядом кураре, — подумал Чубакка. — Или похуже что? Может, хочет отобрать мою ДНК и состряпать новое дело?»

— Понимаю тебя, — Берц сконфуженно убрал руку в карман брюк полевой формы. — Ну, будь, не вини ни в чем.

Мутная, словно лунный свет, слеза покатилась по округлому лицу начальника исправительного учреждения.

Развернувшись, Берц и Пыткин спешно двинулись к выходу из помещения Барака Усиленного Режима.

Чубакка оторопело смотрел на дверь. В ее виде ничто не могло удивить. Он изучал ее сотни дней. В камере попросту больше нечего было изучать. Но теперь дверь была открыта. Чубакка встал, прошелся из угла в угол, сделал комплекс приседаний, освежил волосяной покров лица под умывальником. Дверь оставалась открытой. Он осторожно вышел в коридор. Двери всех камер по обеим сторонам продола были распахнуты. Комната младшего инспектора была пуста, в ней царил художественный беспорядок и дух поспешного исхода. В пластиковом ведре горела документация — акты водворения в ШИЗО и применения физической силы.

Неподалеку из дверного проема с опаской высунулась морщинисто-ушастая голова Йоды: «Кипиш что за, братка?»

Чубакка пожал плечами и двинулся в сторону яркого света входной двери. Было так ярко, что ему пришлось прикрыть дланью пуговки глаз. Ощущения свежего воздуха, отсутствия давления стен, миллионы оттенков запахов ложились слоями на сознание Чуи.

Когда глаза привыкли, он увидел пожар. Горело здание администрации. Арестанты тут и там вязали надзирателей колючей проволокой.

«По всему, праздник в колонии», — решил Чубакка.

Мимо, танцуя, веселясь и обливая друг друга брагой, проследовала толпа арестантов вперемешку с какими-то гражданскими. На тележке они везли слегка потрепанных и

связанных в позе ложек Берца и Пыткина. Берц встретился глазами с Чубаккой и одними губами прошептал: «Не вини».

От толпы отделился человек и решительно направился к Чуи. Люк!

— Люк, я твой отец! — от волнения прокричал Чубакка. — Ой, то есть,

Люк, братан, наконец-то ты пришел!

— Я бы не смог отказать себе в посещении такой вечеринки! Как ты?

— Нормально все, только долго. А что происходит?

— Все закончилось.

— Мы победили?

— Пока нет, но мы обязательно победим.